

Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь
Установа адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А.С. Пушкіна»

Вучоныя запіскі

Брэсцкага ўніверсітэта

Зборнік навуковых прац

Выпуск 12

Частка 1

Гуманітарныя і грамадскія навукі

Брэст • 2016

Заснаваны ў 2005 годзе

Галоўны рэдактар

А.М. Сендзер

Намеснікі галоўнага рэдактара:

С.А. Марзан (*Частка 1. Гуманітарныя і грамадскія навукі*)

А.Я. Будзько (*Частка 2. Прыродазнаўчыя навукі*)

Рэдакцыйны савет:

В.Е. Гайдук, К.К. Красноўскі, Л.Г. Лысюк, Б.М. Ляпешка, З.П. Мельнікава, А.Ф. Равінскі, М.П. Ярчак

Міжнародны савет:

А.А. Афонін (Расія), В.Р. Бязрогаў (Расія), Ф.Я. Васілюк (Расія), В.А. Главан (Малдова),
Марцін Грабэ (Германія), М.М. Громаў (Расія), В.В. Дзікусар (Расія), Андраш Золтан (Венгрыя),
Антон Мірановіч (Польшча), В.А. Несцяроўскі (Украіна), Ежы Нікітаровіч (Польшча),
Станіслаў Рудальф (Польшча), Б.В. Саліхаў (Расія), В.Р. Самойленка (Украіна),
Фелікс Чыжэўскі (Польшча), Антоні Юўка (Польшча), Эдвард Ярмах (Польшча)

Рэдакцыйная калегія:

Г.І. Займіст (*адказны рэдактар; Частка 1. Гуманітарныя і грамадскія навукі*),

Н.С. Ступень (*адказны рэдактар; Частка 2. Прыродазнаўчыя навукі*),

У.В. Амелькін, С.В. Арцёменка, М.А. Багдасараў, В.Ф. Байнёў, В.У. Будкевіч, А.М. Вабішчэвіч,
П.А. Вадап'янаў, І.Я. Валітава, В.М. Ватыль, А.М. Вігчанка, А.А. Волчак, Т.А. Гарупа,
А.М. Грыгаровіч, А.А. Гужалоўскі, А.Л. Гулевіч, Т.І. Доўнар, М.П. Жыгар,
Г.А. Зорын, В.І. Іўчанкаў, М.С. Кавалевіч, Т.А. Кавальчук, Ч.С. Кірвель, У.Л. Ключня, П.П. Крусь,
У.У. Лосеў, А.А. Лукашанец, М.І. Ляўчук, В.С. Манахаў, І.П. Мартынаў, А.А. Махнач,
А.В. Мацвееў, У.А. Плецохоў, Я.В. Радына, С.В. Рашэтнікаў, Д.Г. Ротман, В.Ф. Русецкі, А.А. Савіч,
У.С. Секяржыцкі, М.М. Сендзер, У.А. Сенькавец, Я.У. Скакун, А.С. Сляповіч,
В.А. Сцепановіч, В.І. Сянкевіч, М.М. Труш, Л.Р. Цітарэнка, А.В. Чычурын, І.А. Швед,
Я.К. Яловічава, Я.С. Яскевіч

Адрас рэдакцыі:

224665, г. Брэст, бульвар Касманаўтаў, 21

тэл.: 21-72-07

e-mail: vesnik@brsu.brest.by

ISBN 978-985-555-572-9 (ч. 1)

ISBN 978-985-555-571-2

© УА «БрДУ імя А.С. Пушкіна», 2016

Ministry of Education of Republic of Belarus
Educational establishment «Brest State University
named after A.S. Pushkin»

*Scientific
Proceeding
of Brest University*

Collection of Scientific Works

Issue 12

Part 1

The Humanities and Social Sciences

Brest • 2016

Founded 2005

Editor-in-chief

A.M. Sender

Editor-in-chief Deputies

S.A. Marzan (*Part 1. The Humanities and Social Sciences*)

A.Ya. Budzko (*Part 2. The Natural Sciences*)

Editorial council:

V.E. Gaiduk, K.K. Krasouski, L.G. Lysyuk, B.M. Lyapeshka, Z.P. Melnikava, A.F. Ravinski, M.P. Yarchak

International council:

A.A. Afonin (Russia), V.G. Biazrohau (Russia), F.Ya. Vasilyuk (Russia), V.A. Glavan (Moldova),
Martin Grabe (Germany), M.M. Gromau (Russia), V.V. Dzikussar (Russia), Andrash Zoltan (Hungary),
Anton Miranovich (Poland), V.A. Nestsyaruski (Ukraine), Ezhy Nikitarovich (Poland),
Stanislau Rudalf (Poland), B.V. Salikhau (Russia), V.G. Samoilenka (Ukraine),
Felix Chyzheuski (Poland), Antoni Yuvka (Poland), Edvard Yarmakh (Poland)

Editorial board:

G.I. Zaimist (*Part 1. The Humanities and Social Sciences; managerial editor*),

N.S. Stupen (*Part 2. The Natural Sciences; managerial editor*),

V.V. Amelkin, S.V. Artsyomenka, M.A. Bagdasarau, V.F. Bainyou, V.U. Budkevich, A.M. Vabishchevich,
I.Ya. Valitava, V.N. Vatyl, P.A. Vadapyanau, A.N. Vitchanka, A.A. Volchak, T.A. Garupa,
A.M. Grygarovich, A.A. Guzhalouski, A.L. Gulevich, T.I. Dounar, M.P. Zhygar,
G.A. Zoryn, V.I. Iuchankau, M.S. Kavalevich, T.A. Kavalchuk, Ch.S. Kirvel, U.L. Klyunya, P.P. Krus,
V.V. Loseu, A.A. Lukashanets, M.I. Lyauchuk, V.S. Manakhau, Y.F. Martynau, A.A. Makhnach,
A.V. Matsveeu, U.A. Pletsukhou, Ya.V. Radyna, S.V. Rashetnikau, D.G. Rotman, V.F. Rusetski, A.A. Savich,
U.S. Sekyazhytski, M.M. Sender, U.A. Senkavets, Ya.U. Skakun, E.S. Slyapovich,
V.A. Stsepanovich, V.I. Syankevich, L.R. Tsitarenka, M.M. Trush, A.V. Chychurn, I.A. Shved,
Ya.K. Yalovichava, Ya.S. Yaskevich

Publishing house address:

224665, Brest, Boulevard Kasmanautau, 21

tel.: 21-72-07

e-mail: vesnik@brsu.brest.by

ISBN 978-985-555-572-9 (p. 1)

ISBN 978-985-555-571-2

© EE «BrSU named after A.S. Pushkin», 2016

Вучоныя запіскі

Брэсцкага ўніверсітэта
ЗБОРНИК НАВУКОВЫХ ПРАЦ

2016 • Вып. 12 • Ч. 1

Змест

СТАРОНКІ ГАЛОЎНАГА РЭДАКТАРА

Сендер А.Н. Единство науки и образования – стратегия развития университета 9

ФІЛАСОФІЯ

Люкевіч У.П. Спорт у XX стагоддзі: змена сацыяльна-філасофскай парадыгмы 12

ПАЛІТАЛОГІЯ

Лысюк А.И. Три круга политического лидерства 23

САЦЫЯЛОГІЯ

Красовский К.К., Даугирдас В. Половозрастная и этноконфессиональная структура населения Беларуси и Литвы 32

Жук Г.В. Политическая социализация в образовательном процессе: социологический аспект 40

ПРАВА

Лепешко Б.М. Методы в праве: теоретические альтернативы 48

Трахимёнок С. Хорошо забытое старое (правовые идеи о возвращении в оборот «пассивного капитала») 56

Забейворота А.И. Законодательство СНГ: разница в подходах и оценках 61

Самбор Н.А. Подходы к нормативно-правовому определению административных правонарушений 71

Громов В.Г., Шебалов В.А. Разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ): возможна ли декриминализация? 80

Храмов С.М. Ошибки при задержании лица, совершившего преступление. Вопросы квалификации 85

ПЕДАГОГІКА

- Ковалевич М.С., Ковалевич В.А.** Становление субъектной позиции будущего педагога как условие его профессионального самоопределения и самореализации: методологические основания исследования..... 90
- Bylina S.** Wychowanie młodzieży do sprawiedliwości i pokoju w nauczaniu Papieża Benedykta XVI 101
- Федак Е.И., Кармаев А.Ю.** Назначение метода убеждения в воспитании военнослужащих войск Национальной гвардии России 110
- Александрович Т.В., Мерзликина Н.Е.** Теория решения изобретательских задач как средство развития вербальной креативности у детей дошкольного возраста..... 115
- Займист Г.И., Григорович Е.Н.** Академическая грамотность будущих специалистов: проблема формирования соответствующих компетенций..... 123

ЭКАНОМІКА

- Ciekanowski Z.** Miejsce i rola menedżera w organizacji 131
- Клюня В.Л., Варакулина М.В.** Финансовые результаты организаций Республики Беларусь и перспективы их улучшения 140

ФІЛАЛОГІЯ

- Мельнікава З.П.** Пошукі будучыні: беларуская гісторыя ў мастацка-філасофскім асэнсаванні Максіма Гарэцкага..... 150
- Швед І.А.** Вобраз бусла як чынік арніталагічнага кода беларускай традыцыйнай духоўнай культуры 160
- Józefów-Czerwińska B.** Rytualne wykluczenie – dawne wzorce banicji i praktyki magicznej znane w folklorze 180
- Сенкевич В.И.** Попрание чести и оскорбление достоинства в языке и речевой деятельности..... 187
- Королевич С.А.** Эволюция русского антропонимикона в зеркале летописного дискурса 199
- Садко Л.М.** Проблематизация языка в творчестве Алеся Рязанова..... 212
- Бут-Гусаім С.Ф.** Гаваркія прозвішчы ў кантэксце гістарычнай прозы сучасных берасцейскіх пісьменнікаў 219

ПАДЗЕІ

- Куиш А.Л.** В служении долгу, науке, образованию (к 75-летию профессора И.И. Котляра)..... 232
-

Scientific Proceeding

of Brest University

COLLECTION OF SCIENTIFIC WORKS

2016 • Issue 12 • Part 1

Contents

EDITOR-IN-CHIEF COLUMN

Sender A.N. The Unity of Science and Education – the University’s Development Strategy... 9

PHILOSOPHY

Lukievic U.P. Sport in the XXth Century: Change of the Social and Philosophical Paradigm....12

POLITOLOGY

Lysiuk A.I. Three Circles of Political Leadership..... 23

SOCIOLOGY

Krasovski K.K., Daugirdas V. Age-sex and Ethnic-Religious Structures
of the Population in Belarus and Lithuania..... 32

Zhuck G.V. Political Socialization in Educational Process:
Sociological Aspect..... 40

LAW

Lepeshko B.M. Methods in Law: Theoretical Alternatives 48

Trakhimenok S. Well Forgotten Old
(Legal Ideas on the Return into Circulation of «Passive Capital»)..... 56

Zabeivorota A.I. Legislation of CIS: the Difference in Approaches and Assessments.....61

Sambor N.A. Approaches to the Legal Definitions
of Administrative Offenses71

Gromov V.G., Shebalov V.A. Disclosure of Preliminary Investigation
(Article 310 of the Criminal Code RF): is Decriminalization Possible? 80

Chramov S.M. The Detention of Persons Who Committed
a Crime Combined With Mistakes: Issues of Qualification..... 85

PEDAGOGICS

- Kovalevich M.S., Kovalevich V.A.** Formation of Future Teacher's Subject Position as a Condition of His Professional Self-determination and Self-realization: Methodological Bases of Research 90
- Bylina Slawomir.** Education of Youth in the Spirit of Justice and Peace (in the Teachings of Pope Benedict XVI) 101
- Fedak E.I., Karmaev A.Yu.** The Purpose of Method of Persuasion in the Education of Military Personnel of National Guard Troops of Russia 110
- Alexandrovich T.V., Merzlikina N.E.** Theory of Inventive Problem Solving as a Means of Verbal Creativity Development in Preschool Children 115
- Zaimist G.I., Grigorovich E.N.** Academic Literacy of Future Specialists: the Problem of Formation of Corresponding Competences 123

ECONOMICS

- Tsekanovski Z.** The Place and Role of the Manager in the Organization 131
- Clunya V.L., Varakulina M.V.** The Financial Results of the Organizations of the Republic of Belarus and Prospects of their Improvement 140

PHILOLOGY

- Melnikova Z.P.** The Search of the Future: Belarusian History in the Artistic and Philosophical Interpretation of Maxim Haretski 150
- Shved I.A.** The Image of the Stork as an Element of the Ornithological Code of the Belarusian Traditional Spiritual Culture 160
- Józefów-Czerwińska B.** Culture Patterns of Sinner Exclusion – and Magical Practices in Folklore 180
- Senkevich V.I.** Violation of Honor and Dignity in the Language and Oral Activity 187
- Korolevich S.A.** The Evolution of Russian Anthroponymy in the Mirror of Chronicle Discourse 199
- Sadko L.M.** The Problematization of the Language in the Works of Ales Ryazanov 212
- But-Gusaim S.F.** Talking Surnames in the Context of Historical Prose by Contemporary Brest Writers 219

EVENTS

- Kuish A.L.** In Service to Duty, Science and Education: to the 75-th Anniversary of Professor I.I. Kotlyar 232
-

ЕДИНСТВО НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ – СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ УНИВЕРСИТЕТА

Важным условием, обеспечивающим интенсивное развитие страны, является наличие образованных, подготовленных к инновационной деятельности специалистов. В основном эта функция возложена на университеты. Ее реализация обусловлена решением многих задач, среди которых следует выделить те, которые связаны с развитием научно-инновационного потенциала университета, усилением взаимосвязи науки и образования.

Во-первых, это организация и создание условий для проведения фундаментальных, поисковых и прикладных исследований, участия в научно-исследовательской работе всех субъектов образовательного процесса (студентов, магистрантов, аспирантов, докторантов, профессорско-преподавательского состава).

Во-вторых, это совершенствование послевузовского профессионального образования, расширение образовательных функций аспирантуры, увеличение числа преподавателей с учеными степенями и званиями.

В-третьих, это создание условий для повышения эффективности сотрудничества в научных и образовательных сферах и обеспечения участия преподавателей и обучающихся университета в международных научных и образовательных программах.

Покажем на отдельных примерах, как поставленные задачи решаются в Брестском государственном университете имени А.С. Пушкина.

1. Преподаватели и студенты участвуют в 27 финансируемых фундаментальных и прикладных научных темах и в 32 инициативных. Значительное место в исследованиях ученых университета в 2016 году занимает региональный аспект (8 научно-исследовательских работ, или 36% от их общего числа).

2. Особо следует отметить результативность научной работы студентов. В настоящее время в университете созданы и действуют: 12 студенческих научно-исследовательских лабораторий (СНИЛ); 107 студенческих научно-исследовательских групп (СНИГ); 30 студенческих научных кружков (СНК). В университете созданы и успешно работают 13 научных школ.

Ежегодно проводится более 20 выставок научных работ студентов, более 100 научно-практических конференций, среди которых Республиканская научно-практическая конференция молодых ученых. Студенты и аспиранты каждый год выступают с более чем 5 000 докладов на научно-практических конференциях разного уровня.

По количеству студентов, задействованных в СНИЛ, по отношению к общему числу студентов, занятых научно-исследовательской работой, БрГУ имени А.С. Пушкина занимает второе место среди вузов Республики Беларусь.

В университете уже стали традиционными Дни студенческой науки, одной из целей которых является привлечение студентов младших курсов к научным исследованиям. Научные работы студентов старших и выпускных курсов направляются на Республиканский конкурс научных работ (около 80% таких студенческих работ получают ка-

тегорию). В Банк данных одаренной молодежи, как правило, попадают студенты, получившие за научную работу I категорию. В республиканский Банк данных одаренной молодежи включены 9 обучающихся и 10 человек из числа профессорско-преподавательского состава нашего университета.

3. Мы живем в обществе, где важной экономической ценностью является «экономика знаний». В современном мире тезис «обучение через всю жизнь» воспринимается и студентами, и преподавателями как естественное условие подготовки и функционирования конкурентоспособного специалиста. Поэтому вторая задача, направленная на совершенствование послевузовского образования, – это подготовка специалистов с учеными степенями и званиями. В нашем университете она решается успешно: за последние 5 лет защищены 33 кандидатские диссертации, 51% преподавателей университета имеют ученые степени. По этому показателю нас опережают только такие университеты, как Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники и Белорусский государственный технический университет.

Молодые талантливые ученые занимают должности заведующих кафедрами, проректоров университета, многие из них включены в перспективный кадровый резерв. Так, на сегодняшний день в перспективном кадровом резерве университета 5 человек в возрасте до 31 года, а в кадровом резерве Брестского облисполкома – 3 человека.

4. Одним из приоритетных направлений международного сотрудничества БрГУ имени А.С. Пушкина является интеграция в европейское образовательное и научно-исследовательское пространство посредством участия в реализации международных проектов. Университет активно участвует в различных международных академических и научных программах и проектах ЮНЕСКО и ПРООН, а также в программах «Erasmus Mundus», «Tempus», германской службы академических обменов DAAD, проектов «Трансграничное сотрудничество Польша – Беларусь – Украина», «Образование на протяжении всей жизни – Жан Моне» и др. В рамках этих программ реализуются совместные научные исследования, создаются учебные модули и программы, учебно-методические комплексы, которые позволяют обеспечить профессиональную подготовку специалистов высокого качества в соответствии с требованиями национальных и международных стандартов и с учетом запросов потребителей образовательных услуг. Только в рамках проектов программы «Erasmus Mundus», в которой наш университет принимает участие с 2007 г., ежегодно более 20 представителей университета (студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей) стажировались и проводят научные исследования в высших учебных заведениях европейских стран. В то же время в БрГУ проходят обучение и участвуют в проведении научных исследований студенты и преподаватели из стран Евросоюза: Польши, Португалии, Испании, Италии, Германии, Бельгии и др.

В 2015 г. университет принимал участие в реализации 7 международных проектов в рамках программ «Erasmus Mundus», «Tempus», «Трансграничное сотрудничество Польша – Беларусь – Украина». С 2012 г. университет участвует в международном проекте Tempus «INURE: Интегрированная система управления университетом: применение опыта Европейского союза в странах СНГ». С 2013 г. совместно с университетами-партнерами из Германии, Италии, Нидерландов, Швеции, Великобритании реализуется проект Tempus VI «Консорциум для обучения современным методикам преподавания иностранных языков».

Ежегодно по приглашению университета для чтения лекций, проведения практических и семинарских занятий к нам приезжают зарубежные специалисты в разных отраслях науки: географии, биологии, истории, юриспруденции – из Польши, России,

Германии, Франции, США. На факультете иностранных языков функционирует Компетентностный центр образовательного менеджмента и международных образовательных программ, оснащенный системой PolyCom для проведения онлайн-семинаров, конференций, интерактивных лекций.

По состоянию на 01.01.2016 Брестский государственный университет участвует в реализации 57 договоров и соглашений о международном сотрудничестве: 47 с учреждениями образования, 5 с коммерческими организациями, 2 с научно-исследовательскими организациями и 3 с международными фондами – «Поможем им жить» (Терни, Италия), «Русский мир» (Москва, Россия), Фонд общественного развития (Бельск Подляский, Польша).

Таким образом, университет переходит на новый уровень выполнения своих функций (образование, научная деятельность, социальная ответственность), формирования динамической системы генерирования идей и реализации инноваций, благо возможности для этого у нас имеются.

*Главный редактор
ректор университета
профессор А.Н. Сендер*

УДК 351.855.3 “20”:101

У.П. Люкевіч*канд. філас. навук, дац., дац. каф. спартыўных дысцыплін
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна***СПОРТ У XX СТАГОДДЗІ:
ЗМЕНА САЦЫЯЛЬНА-ФІЛАСОФСКОЙ ПАРАДЫГМЫ**

Сацыяльна-эканамічныя змены ў грамадстве XX стагоддзя з непазбежнасцю прывялі да новых формаўтварэнняў у шмат якіх сферах чалавечага жыцця. Мадэрнізацыя вытворчасці, імклівае ўкараненне сучасных тэхналогіяў, агульнае паляпшэнне варункаў у сістэме функцыянавання дзейнасці людзей адбіліся на фармаванні іерархіі каштоўнасцяў і прыярытэтаў у цэлым. Станаўленне новых грамадскіх феноменаў, якія неўзабаве сталі дамінаваць у чалавечай супольнасці, не маглі не адбіцца на разнастайных падыходах у інтэрпрэтацыі асобных структурных элементаў і традыцыйных уяўленняў. Адною з найбольш папулярных з’яў на працягу апошніх амаль ста пяцідзесяці гадоў становіцца спорт. Ягонае вылучэнне звязваецца з цэлым шэрагам самых разнастайных аспектаў, якія вельмі хутка стварылі новую адметную сацыяльную рэчаіснасць.

Уводзіны

На пачатку XX ст. становішча спорту ўсё яшчэ характарызавалася як першапачатковы этап ягонага развіцця. Гэта прасочвалася па шмат якіх параметрах. Напрыклад, у гэты час праходзілі арганізацыйныя працэсы па стварэнні рознага роду таварыстваў і аб’яднанняў, якія потым сталі базай фармавання федэрацыяў па відах спорту. Нягледзячы на тое, што ўжо рэальна існаваў і праводзіў сваю дзейнасць Міжнародны Алімпійскі камітэт, філасофскае асэнсаванне спорту не было зробленае ў поўнай меры. Так, былі вядомыя прыгожыя старажытнагрэцкія міфы пра Алімпію; так, можна было падыскупаваць пра «спорт джэнтльменаў», але канцэптuallyнае абгрунтаванне такога роду дзейнасці па большасці зводзілася да прымітыўнага ўспрымання спорту як марнага баўлення часу. Але ўжо ў 1912 г. у праграме конкурсу мастацтваў, які быў прысвечаны правядзенню чарговых Алімпійскіх гульняў, у раздзеле літаратуры з’яўляецца знакамітая «Ода спорту» П’ера дэ Кубертэна (за што, дарэчы, аўтару, які падпісаўся тады падвойным псеўданімам, быў прысуджаны залаты медаль), робіцца спроба філасофскага абгрунтавання сутнасці спорту, яго гуманістычнага складніка, яго дэмакратызму, яго ролі ў духоўным і фізічным аздаравленні чалавека. Яшчэ адным з найважнейшых кампанентаў спорту, на думку аўтара, з’яўлялася сцвярджанне спорту ў якасці правадніка ў барацьбе за мір на ўсім свеце: «О спорт! Ты – мир! // Ты устанавліваеш хорошиє, добрыє, дружественныє отношения между народами. // Ты – согласие. // Ты сближаєшь людей, жаждущих единства. // Ты учишь разноязыкую, разноплеменную молодёжь уважать друг друга. // Ты источник благородного, мирного, дружеского соревнования. // Ты собираєшь молодость – наше будущее, нашу надежду – под свои мирныє знамёна. // О спорт! // Ты – мир!» [1, с. 182].

Пройдзе не так ужо і шмат часу, як спорт пачне набываць новыя рысы і фармаваць сваё новае аблічча. Найперш гэта ўвасабленне яшчэ аднаго старажытнагрэцкага міфа пра неабмежаваны патэнцыял чалавечага духу і сілы. Сусветныя рэкорды згодна з алімпійскім дэвізам «*Altius. Fortius. Citius*» («Хутчэй. Вышэй. Мацней») уражвалі тагачаснае грамадства і прымушалі задумвацца, ці сапраўды існуюць якія межы для чалавечых магчымасцяў.

Мінулае стагоддзе ў адносінах да спорту вызначыла таксама шэраг даследніцкіх палёў, якія трапілі пад пільную ўвагу навукоўцаў, прычым вывучэнне ўздзеяння гэтага грамадскага феномена зацікавіла прадстаўнікоў самых разнастайных дысцыплінаў. Зразумела, што ў невялікім артыкуле немагчыма ахапіць кожны такі накірунак, таму галоўная палеміка будзе весціся ў межах суадносін спорту і здароўя, спорту ў дачыненні да адмысловых сацыяльных групаў, спорту і сродкаў масавай інфармацыі, агрэсіі і гвалту ў спорце.

Спорт і здароўе

Спорт заўсёды меў пэўныя адносіны да здароўя. З аднаго боку, можна сцвярджаць, што спорт і фізічная дзейнасць паляпшаюць здароўе ў розных памерах. З другога боку, трэба таксама прызнаць, што пэўныя формы заняткаў спортам з'яўляюцца небяспечнымі для чалавечага здароўя, г.зн. што шкода для здароўя і хвароба могуць быць справакаваны вынікамі заняткаў спортам. Такім чынам, сувязь паміж спортам і здароўем мае быць разгледжана на амбівалентным узроўні. Але тым не менш пазітыўныя перспектывы адольваюць негатыўныя аспекты спорту.

Функцыянаванне і развіццё чалавека ў навакольным асяроддзі ажыццяўляецца ў сістэме адносін да прыроды, да іншых людзей і да самога сябе. Такое становішча прадугледжвае рэалізацыю яго біялагічнага і разумовага патэнцыялу праз разнастайныя формы жыццёвай дзейнасці, у прыватнасці, творчую, рэпрадукцыйную, фізічную, маральную і г.д. Самай важнай умовай магчымасці здзейсніць падобнага роду актыўнасць з'яўляецца здароўе ў двух яго галоўных складніках: здароўя фізічнага і здароўя інтэлектуальна-псіхічнага.

Ад стану і якасці фізічнага здароўя індывіда шмат у чым залежыць узровень уключанасці ў сістэму сацыяльных адносін. Здароўе ўплывае на выбар прафесійнай занятасці, інтэнсіўнасць працоўнай дзейнасці, выніковую значнасць асабістых намаганняў. Фізічнае здароўе рэалізуецца як у форме індывідуальных зносін, напрыклад, у сямейна-шлюбных узаемасувязях, так і ў форме сацыяльных кантактаў супольнасці. Сучаснае грамадства прад'яўляе высокія патрабаванні да асабістага здароўя чалавека і ў той жа час прадстаўляе яму шматлікія правы свабоднай інтэрпрэтацыі ўзораў і спосабаў ажыццяўлення ўласнай жыццёвай дзейнасці. На практыцы гэта выглядае як плюснае размежаванне ад паняццяў здаровага ладу жыцця да ўспрымання асацыяльных норм і паводзін.

Інтэлектуальна-псіхічнае здароўе чалавека паўстае як больш складаная і далікатная сфера. Разумовыя здольнасці не маюць дакладна вызначанай шкалы вымярэння, і пра іх адпаведнасць фізічным кандыцыям можна толькі здагадацца, асабліва калі браць пад увагу паказальнікі, што характарызуюць тыпы тэмпераменту. Узаемасувязь інтэлектуальнага і псіхічнага настолькі крохкая і тонкая, што яе парушэнні адразу адбіваюцца як на функцыянаванні самога індывіда ў асабістым жыцці, так і на ўспрыманні яго ў сацыяльным асяроддзі. Вар'ятаў і геніяў размяжоўвае нябачная грань, і часам вельмі цяжка вызначыць, наколькі здаровым з'яўляецца той ці іншы чалавек.

Увогуле здароўе паўстае як інтэгральны паказальнік функцыянальнай крэатыўна-рухавай і інтэлектуальна-творчай дзейнасці асобы. Яно характарызуе патэнцыяльныя магчымасці індывіда адэкватна ўспрымаць інфармацыю, якая надыходзіць звонку, перапрацоўваць і трансліраваць яе далей. Адсутнасць падобнага механізму прымушае грамадства ствараць адмысловую сістэму рэабілітацыі і рэкрэацыі чалавечага здароўя, выпраўляць тых хібы, што з'явіліся ў працэсе біялагічнай і сацыяльнай эвалюцыі.

Здаровы спорт – гэта кожны від спартыўнай дзейнасці, у якім галоўнае – зноў набыць, захаваць альбо палепшыць свой пазітыўны жыццёвы статус. З пункту гледжання медыцыны здаровы спорт з’яўляецца важным прэвентыўным, тэрапеўтычным і рэабілітацыйным інструментам. У дадзеным кантэксце можна вызначыць наступныя асноўныя прыклады, якія тлумачаць некаторыя негатыўныя аспекты чалавечых паводзін:

- 1) фізічныя аспекты: недахоп руху; няправільнае харчаванне; стрэс; цыгарэты;
- 2) ментальныя аспекты: недахоп увагі; скарачэнне здольнасці на рэагаванне; нізкая пазнавальная пільнасць; недахоп гнуткасці;
- 3) псіхалагічныя аспекты: дэпрэсія; стомленасць; няўпэўненасць; агрэсія;
- 4) сацыяльныя аспекты: недахоп грамадскай дасведчанасці; праблемы сацыяльнай узаемадзеянасці; эгацэнтрызм; несумленнасць у адносінах да іншых.

Для таго, каб захаваць альбо палепшыць здароўе, у халістычным варыянце выкарыстоўваюцца пэўныя формы аздараўленчай адукацыі. Такой формай, напрыклад, з’яўляюцца трэніроўкі здароўя. Яны прадстаўляюць адукацыйныя дзеянні для таго, каб перадаць веды, адносіны і накірункі актыўнасці да правядзення ў жыццё здаровага ладу ва ўсіх сітуацыях.

Рух, гульня і спорт з’яўляюцца вельмі важнымі для рэалізацыі гэтай мэты. Таму, калі звярнуцца да пытання пра тое, якія кампаненты прадстаўляюць падставы ведаў у галоўным прадметным полі, што акрэсліваецца як «спорт і здароўе», то гэта можа быць зафіксавана праз такія асацыяцыі, як індывідуальны пункт гледжання на праблему; супольны пункт гледжання на праблему; спорт вышэйшых дасягненняў; дзяржаўныя адукацыйныя інстытуты; спартыўныя клубы; камерцыйныя асяродкі для заняткаў спортам.

Для таго, каб зразумець паняцце «здаровы» спорт у якасці галоўнага прадмета поля спартыўнай навукі, уяўляецца разумным даць азначэнне тэрміну «аздараўленчая адукацыя, альбо адукацыя дзеля здароўя» [5] і «аздараўленчы трэнінг, альбо трэнінг дзеля здароўя» [10], з таго часу, як яны адносяцца да фізічнай дзейнасці і спорту. Аздараўленчая адукацыя паўстае як задача для ўсіх выхавацеляў у нейтралізацыі псіхафізічных стрэсаў у школах. Яна заклікае да таго, каб зразумець ідэю здароўя, узвышэнне здаровага ладу жыцця і перадачу ведаў, якія адносяцца да гэтай справы.

Фізічная адукацыя з’яўляецца неабходнай, дзякуючы патрабаванням здаровага распарадку на працягу школьнага дня. Парады школьных лекараў па праблемах здароўя для дзяцей з’яўляюцца часткай адказнасці школы ў імкненні да яго паляпшэння. Фізічная адукацыя азначае прыняцце здаровай жыццёвай пазіцыі, барацьбу з ужываннем псіхатропных рэчываў і наркотыкаў, упарадкаванне працэсу харчавання, падтрымку гігіены цела. У шырокім сэнсе фізічная адукацыя ўключае ў сябе ўсё тое, што адносіцца да пабудовы школы здароўя.

Узнікненне выразу «трэнінг дзеля здароўя» патрабуе, каб здароўе падавалася як такая пабудова, што можа быць вымеранай і палепшанай адносна функцыянальных кандыцыяў сістэмы чалавечага арганізму. Гэта неабходна, каб ў дадзеным кантэксце вызначыць здароўе ў якасці параметра, які можа быць зафіксаваны ў адпаведным маштабе і як фізічны, разумовы і сацыяльны дабрабыт, і як свабода ад хваробы ў класічным сэнсе. Галоўныя пункты «трэнінгу дзеля здароўя» складаюць папэраджальныя меры супраць фактару рызыкі, што звязаны з недахопам рухавой актыўнасці, і замаруджвання працэсаў старэння.

Спорт у дачыненні да адмысловых сацыяльных груп

Спорт дае магчымасць забяспечваць працэсы актыўнага ўдзелу спецыфічных груп у сваёй дзейнасці. У той час, як папярэдзальныя меры праз спорт ствараюць натуральныя варункі для людзей, якія не маюць ніякіх адхіленняў у фізічным і псіхічным развіцці, тэрапія і рэабілітацыя ў спорце даюць магчымасці для ўдзелу ў ім разнастайных сацыяльных згрупаванняў. Такім чынам, напрыклад, спорт для інвалідаў паўстае як важная частка спартыўнай сістэмы.

Рух, гульня і спорт вызначаюцца як формы дзейнасці, якія могуць быць рэалізаваны ўсімі людзьмі. Але, акрамя большасці насельніцтва, якое мае нармальнае развіццё і вядзе нармальны лад жыцця, існуе шмат адмысловых сацыяльных груп, што часта знаходзяцца на ўскрайку чалавечага функцыянавання. Грамадская сіла спорту, альбо сацыяльна-палітычныя магчымасці руху, гульні і спорту могуць і павінны ўключаць у сваю актыўнасць такіх людзей. Грамадства адказвае за высокаталенавітых людзей, напрыклад, у спорце вышэйшых дасягненняў, але яно нясе такую ж самую адказнасць і ў дачыненні да гэтых спецыфічных сацыяльных груп.

Сярод чатырох пытанняў «хто, дзе, калі і чаму», якія існуюць у спорце, у перспектыве да «спорту ў адмысловых сацыяльных групах» на пытанне «хто» можна адказана наступным шляхам: спорт для сеньёраў (ветэранаў, old boys), спорт для інвалідаў, спорт для дашкольнікаў у дзіцячых садках, спорт для беспрацоўных, спорт для імігрантаў, спорт для груп з пэўнымі відамі захворванняў і спорт для сацыяльна абмежаваных груп (напрыклад, тых, хто ўжывае наркатыкі, алкаголь, спорт у сістэме зняволення).

Дзеля прыкладу можна скарыстацца тымі характарыстыкамі, што даюць уяўленне пра веды галоўнага прадметнага поля «спорт для адмысловых сацыяльных груп». Гэта спартыўныя праграмы ў адпаведнасці з узроставай дыферэнцыяцыяй; спартыўныя праграмы ў адпаведнасці з дыферэнцыяцыяй у адносінах да фізічнай падрыхтаванасці; спартыўныя праграмы ў дачыненні да дыферэнцыяцыі па здольнасцях; спартыўныя праграмы ў адпаведнасці са спартыўнай дыферэнцыяцыяй.

У межах гэтай працы проста немагчыма вызначыць усе адмысловыя групы, што існуюць у грамадстве, і таму даводзіцца абмежавацца чатырма наступнымі супольнасцамі ў дадзенай галіне: спорт для тых, каму за 40 [16, с. 22–23]; спорт для дзяцей з парушанай каардынацыяй [15, с. 136]; спорт для інвалідаў [7, с. 72–73]; спорт у сістэме зняволення [11, с. 145].

Выраз «спорт для тых, каму за 40» (узроставая дыферэнцыяцыя) паўстае як спорт для людзей, старэйшых за 40 гадоў, але сюды таксама ўключаюцца групы па выхадзе на пенсію (60–65 гадоў). Гэта «спорт сеньёраў», што пачынаецца каля 50 гадоў. Найважнейшыя тут аспекты здароўя. Іншыя значныя мэты застаюцца на другім плане, напрыклад: грамадска-камунікатыўная дзейнасць з мэтай інтэграцыі людзей, задавальненне і асалода ад такой дзейнасці.

Спорт для дзяцей з праблемамі каардынацыі (дыферэнцыяцыя ў залежнасці ад фізічнай падрыхтаванасці) з'яўляецца дадатковай праграмай, што прапануецца школьнай фізічнай адукацыяй. Мэтамі ў дачыненні да дзяцей і маладых людзей з'яўляецца тут тое, што яны маюць недастатковыя маторныя магчымасці для ўдзелу ў спаборніцтвах з-за псіхафізічнай слабасці. З дапамогай індыўідуальных праграм навучання недахопы, напрыклад: хвароба, няшчасны выпадак і г.д. – могуць быць кампенсаваны.

Спорт для інвалідаў уключае ў сябе ўсе формы фізічнай дзейнасці, што практыкуюцца гэтымі людзьмі з мэтай рухавай тэрапіі, рэкрэацыйнага спорту альбо спаборніцтваў (напрыклад, Паралімпійскія гульні). Фізічныя практыкаванні і спартыўныя дыс-

цыпліны прыстасаваны для разнастайных груп інвалідаў, што ўключаны ў фізічную дзейнасць. На ўзроўні спаборніцтваў розныя класы вызначаюцца для таго, каб забяспечыць роўныя шанцы для ўдзельнікаў, што маюць неаднолькавыя ступені інваліднасці. Гэта таксама можа ўжывацца ў адносінах да спорту высокага ўзроўню на спаборніцтвах, падобных Паралімпіядам. На школьным узроўні тут таксама існуюць разнаіты тыпы школ для людзей з фізічнымі недахопамі. Фізічнае выхаванне асабліва важна для інвалідаў у адукацыйным працэсе.

Спорт у зняволенні (сацыяльная дыферэнцыяцыя) – гэта спорт, які рэалізуецца ў турэмных установах. З-за таго, што арганізацыйная структура тут па большасці характарызуецца мерамі бяспекі і парадкам, існуе праблема адносна вольнага памяшкання, якое патрэбна для заняткаў спортам. Таму спорт у астрозе павінен быць накіраваны найперш на рэалізацыю кампенсатарнай функцыі (праца супраць недахопу руху і кампенсацыя манатоннасці ў астрозе). З халістычнага пункту гледжання праца з вязнямі, згодна з даследаваннямі спорту ў турме, павінна, аднак, улічваць і агульнапедагагічныя, і спартыўна-педагагічныя, і сацыялагічныя, і шырока арыентаваныя псіхалагічныя аспекты. Гэта неабходна, каб мець больш цесны кантакт з асуджанымі ў адносінах турэмнай рэальнасці.

Спорт і сродкі масавай інфармацыі

Спорт паўстае ў якасці адной з галоўных крыніц для разнастайных сродкаў масавай інфармацыі. Спорт як відовішча для гледачоў, як пасіўнае спасціжэнне мае высокі статус у межах магчымага вольнага часу, акрамя таго, спорт вельмі папулярны і як фізічная дзейнасць у форме спаборніцтваў. Такім чынам, тут бачыцца прамая і вельмі інтэнсіўная сувязь з mass-media, якія нясуць вялікую (іншым разам не да канца ўсвядомленую) адказнасць за развіццё спорту як сацыяльнага феномена.

Спартыўная журналістыка мае адносіны да ўсіх сродкаў масавай інфармацыі, якія працуюць у сферы публічнай інфармацыі адносна спорту. Mass-media – гэта:

1. Спартыўныя газеты (спартыўныя аддзелы ў газетах). Яны публікуюць перыядычна, звычайна штотдзённа, справаздачы па ўсіх праблемах спорту і даюць каментарыі па асобных пытаннях альбо падзеях.

2. Спартыўныя часопісы. Яны выходзяць не так часта, і сярод іх могуць быць вызначаны дзве асноўныя формы: часопісы спартыўна-тэарэтычныя, альбо часопісы па спартыўных дысцыплінах, і спартыўныя часопісы, якія маюць больш папулярны характар. Гэтыя часопісы выпускаюць альбо выдавецкія кампаніі, альбо спартыўныя асацыяцыі.

3. Спартыўнае тэлебачанне: вербальная альбо візуальная інфармацыя пра спорт у рэпартажах і справаздачах, каментарых і інтэрв'ю (а таксама эксклюзіўныя спартыўныя каналы, напрыклад, EuroSport, DSF, НТВ-Спорт).

4. Спартыўныя фільмы: а) тэлефільмы са спартыўнымі элементамі; б) спартыўныя фільмы з тэлевізійнымі элементамі; в) дакументальныя фільмы; г) навучальныя фільмы; д) навуковыя спартыўныя фільмы.

5. Спартыўная радыёінфармацыя: вербальная інфармацыя пра спорт у рэпартажах, каментарых і інтэрв'ю.

6. Спартыўная фатаграфія: здымкі спартыўных эпізодаў, а таксама іншыя візуальныя сродкі на білбордах, плакатах, афішах, у календарых, кнігах і г.д.

7. Спартыўная інфармацыя ў інтэрнэце: трансляцыі спартыўных падзеяў у прамым эфіры, рэпартажы, інтэрв'ю, вынікі спаборніцтваў.

Найбольш важнай задачай спартыўнай журналістыкі з'яўляецца справаздача пра бягучыя спартыўныя падзеі. Аднак тут таксама маецца адказнасць за адлюстраванне сувязі спорту і палітыкі, адукацыі, культуры і эканомікі. Тэрмін «спартыўная журналістыка» паўстае як пэўнае пытанне для даследаванняў і вывучэння адносна камунікацыі праз сродкі масавай інфармацыі ў спорце. Важнымі задачамі ў гэтым аспекце з'яўляюцца такія даследаванні, як сувязь паміж тымі, хто адбірае інфармацыю, і тымі, хто яе падае; структура аўдыторыі; сацыяльна-псіхалагічныя эфекты спартыўна-арыентаваных mass-media як для камунікацыі, спартыўнай тэрміналогіі і мовы, так і для практыкі спартыўных журналістаў.

Каб даць магчымасць вызначыць асновы ведаў галоўнага прадметнага поля «спорт і mass-media», неабходна звярнуцца да такіх паказальнікаў, што ўлічваюць формы перадачы спартыўна-арыентаваных сродкаў масавай інфармацыі; адносіны паміж тымі, хто падае інфармацыю, і тымі, хто яе адбірае; спартыўна-арыентаваныя mass-media і спартыўны лексікон; спартыўна-арыентаваныя mass-media ў інфармацыйным грамадстве. Напрыклад, спартыўная журналістыка у разуменні Д. Крэбса [13, с. 355–356] ёсць праява ведаў і метадаў журналістыкі як навукі пра масавую камунікацыю ў спецыфічным камунікацыйным працэсе, дзе гаворыцца пра тыя падзеі, якія адбываюцца ў свеце спорту.

Калі гаварыць увогуле, то спартыўная журналістыка – гэта справаздача пра спартыўныя падзеі ў mass-media (прэса, радыё, тэлебачанне, кіно, Інтэрнэт). Спартыўная журналістыка – частка камунікацыйнай навукі, якая ўзаемадзеінічае з камунікацыйнай увогуле ў адпаведнасці з такімі тэмамі, дзе выкарыстоўваюцца галоўным чынам метады грамадскай навукі: погляды (меркаванні) носьбіта камунікацыі (спартыўны журналіст, спартыўны рэдактар, а таксама група, якая робіць кіно, відэа, фотаздымкі); кантэнт-аналіз матэрыялаў носьбітаў камунікацыі, прынцыпаў працы mass-media, галоўных меркаванняў, іх варункі. Спартыўная журналістыка аналізуе гістарычныя і сацыялагічныя велічыні ў дадзенай галіне, спрабуе стварыць крытычнае разуменне практыкі журналісцкай працы. Нарэшце, журналістыка атрымлівае эмпірычныя даследніцкія вынікі і ідэі адносна як свайго ўласнага функцыянавання, так і адносна фактаў таго, што задавальненне mass-media мае сацыяльна-псіхалагічны эфект.

Агрэсія і гвалт у спорце

Спорт з'яўляецца адным з галоўных публічных феноменаў, ён можа быць звязаным як з пазітыўнымі (забава, шчасце), так і з негатыўнымі (агрэсія, гвалт) аспектамі. Негатыўнае развіццё мае ў якасці наступстваў тое, што тэндэнцыі да сапсавання ў спорце, якія таксама маюцца на ўзроўні судачынення спорту як культурнага фактару, могуць быць ўважліва прасочаны. Гэта асабліва важна з таго часу, як у іншых адносінах (у супрацьлеглым выпадку) існуе небяспека, што пазітыўныя магчымасці і каштоўнасці, якія ўласцівы руху, гульні і спорту, з'яўляюцца скажонымі. Спорт судакранаецца з падобнай тэндэнцыяй скажэння праз агрэсію, гвалт, допінг і на ўзроўні спорту вышэйшых дасягненняў, і на ўзроўні дзяцей. Спорт звязаны з развіццём грамадства ў цэлым.

У асноўным тут выкарыстоўваюцца такія тэрміны, як «агрэсія» і «гвалт», што выглядае як пэўная супярэчлівасць, таму што звычайна ўжываліся іншыя тэрміны: сумленнасць, справядлівасць, супрацоўніцтва і г.д. Аднак, спорт, як, урэшце, і іншыя культуралагічныя галіны, адкрыты для тэндэнцый падобнай ідэалогіі праз камерцыялізацыю, прафесіяналізацыю, бюракратызацыю і ўсялякія іншыя ненармальнасці. Гэта неадрыўныя бакі разнастайнага грамадскага працэсу.

Этычна-нарматыўная адказнасць спорту можа ўспрымацца ў трох аспектах: 1) у адносінах да самога сябе; 2) у адносінах да іншых; 3) у адносінах да навакольнага асяроддзя. Дзеянні агрэсіі і гвалту з'яўляюцца магчымымі ва ўсіх трох накірунках. Допінг – гэта від гвалту ў адносінах да самога сябе, супраць натуры чалавека. Несумленныя паводзіны могуць быць звязаны з фізічным задавальненнем: як наступства – гэта агрэсія і гвалт супраць іншых. Неўсвядомленыя і неадпаведныя дзеянні ў адносінах да прыроды у такіх відах спорту, як лыжныя спаборніцтвы на тых абшарах, дзе няма дазволу, чымсьці падобны на агрэсію і гвалт супраць прыроды і навакольнага асяроддзя.

Такія траістыя адносіны агрэсіі і гвалту ў спорце паказваюць, што гэта важны момант бягучага часу і што тут ёсць над чым паразважаць. Гэта адносіцца як да аналізу паходжання агрэсіі і гвалту, так і да пошукаў тых сродкаў, якія маглі б дапамагчы справіцца з імі. Агрэсію і гвалт можна перапыніць на кароткі тэрмін (паліцыя на спартыўных арэнах), сярэдні тэрмін (падтрымка праектаў заўзятараў) і больш працяглы тэрмін (адукацыя ў спорце і праз спорт на этыка-нарматыўных падставах) у перспектыве.

Зараз смела можна сцвярджаць, што XX ст. праходзіла пад «зоркай» спорту. Спорт як сацыякультурны феномен сучаснасці захапіў, здаецца, усе сферы чалавечай жыццёвай дзейнасці і надалей працягвае пашырацца па ўсіх магчымых накірунках. Спартыўнае жыццё, як падкрэслівае І. Фіўт [6, с. 42], падпала пад дамінанту дзвюх гаюўных ідэй – ідэі алімпійскага спорту і ідэі спорту чэмпіёнскага. Першае акрэсліваецца такімі варункамі і вартасцямі, якія сведчаць пра сумленнае спаборніцтва паміж людзьмі. Істотным момантам тут з'яўляецца шлях мірнага змагання пры захаванні роўных шанцаў для ўдзельнікаў. Больш складанасцяў з характарыстыкай чэмпіёнскага спорту.

Чэмпіёнскі спорт як ідэя – стварэнне нашай цывілізацыі. Яна мае мала агульнага з алімпійскім спортам і скіравана перш за ўсё на рэкордныя вынікі. Сучаснага спартсмена можна параўнаць са старажытным гладыятарам, які павінен быў прафесійна забяўляць і супакойваць першасныя інстынкты чалавека. І натоўп дамагаўся: – «Panem et circensi!» («Хлеба і відовішч!»). У аснове ўсяго гэтага ляжыць капіталістычна-ліберальны падыход, які звязаны са свабоднай канкурэнцыяй і максімальнымі прыбыткамі, што, у сваю чаргу, мае апірышча на ідэі сацыял-дарвінізму, які бесперапынна абвясчае пра вартасць «барацьбы за побыт» і «выжыванне найбольш прыстасаваных». Пры ўсім гэтым дадаецца, што ў такім падыходзе да спорту рэалізуюцца натуральныя прынцыпы жыцця. Неабходна таксама падкрэсліць, што за падобнага кшталту спаборніцтвамі стаяць велізарныя грошы і адначасова надзеі на каласальныя прыбыткі. Сучасны спорт усё бліжэй падыходзіць да такой сітуацыі, калі перамога паўстае не толькі як пажаданая мэта, але як адзіная мэта. Каб дасягнуць яе, можна выкарыстоўваць усе сродкі.

Аднак гэта толькі адзін бок спартыўнай дзейнасці. Яна не можа існаваць без аўдыторыі глядачоў, таму што спорт перш за ўсё – гэта відовішча. Падчас рэалізацыі дадзенага віду актыўнасці спорт выконвае такія свае функцыі, як сацыяльна-эмацыйная, сацыялізацыйная, грамадска-інтэгратыўная, палітычная, сацыяльнай мабільнасці, біялагічная і інш. [8, с. 242–255]. Праявы агрэсіўнасці ў спорце знаходзяць свой водгук у паводзінах заўзятараў. Яны імгненна рэагуюць на тыя ці іншыя акалічнасці спаборніцтваў, прычым гэтая рэакцыя часам мае яскрава выказаны дэструктыўны характар. Тут можна спаслацца на думку знакамітага аўстрыйскага філосафа К. Лоранца, які параўноўваў механізм падобных працэсаў у людзей і вышэйшых жывёлаў, што абапіраецца на суаднясенне дзвюх сіл: агрэсіі і рытуалізацыі, – дзе другая запавольвае першую, у выніку чаго паўстае шэраг падстаў да сацыяльнай інтэграцыі, якія звязаны са складаным механізмам звычак у жывёл і ў людзей. Для крыніц тут знаходзіцца «парламент ін-

стынктаў» дадзенага гагунку жывых істот, што складае адпаведную пастаянную сістэму абароны і развіцця феномену жыцця. Такім чынам, агрэсіўныя паводзіны чалавека не ёсць дэвіянтныя. Іншая справа, што яны дэтэрмінаваны культурай грамадства [4, с. 46–47].

Тое, што агрэсіўныя паводзіны маюць старажытныя карані, якія ўзыходзяць з глыбінь чалавечай гісторыі, даводзіць Х. Артэга-і-Гасэт. У сваёй прамове на сходзе прадстаўнікоў Нямецкага спартыўнага саюзу ў Дзюсельдорфе 6 лютага 1954 г. ён прапанаваў канцэпцыю «значэння спорта ў нашым жыцці» і разглядзеў гэты феномен у трох паслядоўных набліжэннях: біялагічным, гістарычным і ўнутранай прыроды спорту. Цікавымі і адначасова грунтоўнымі падаюцца разважанні Х. Артэга-і-Гасэта ў адносінах да ўзнікнення чалавечага грамадства. Ён выказвае наступную думку: «Мы бачым, што ўзнікненне чалавечага грамадства з'яўляецца нечым прама супрацьлеглым прыстасаванню да неабходнасці і патрэбы. Першае грамадства – гэта саюз юнакоў, што арганізаваны з мэтай выкрадання жанчын і ажыццяўлення іншых варварскіх вылазак. І значна больш, чым на парламент альбо на суровы бюракратычны ўрад, ён падобны на спартыўны клуб! Менавіта гэта я меў на ўвазе, калі абвясціў, што ля вытокаў дзяржаўнасці знаходзіцца спорт» [4, с. 145].

Іспанскі філосаф прыводзіць прыклад, згодна з якім ў пэўныя святы юнакі выходзілі са свайго «спартыўнага клуба» (пры гэтым пазначаецца, што пераступаць парог гэтага сваеасаблівага «юнацкага інтэрната» пад страхам смерці забаранялася не толькі жанчынам і дзецям, але нават і дарослым мужчынам) і пачыналі раскручваць у паветры прывязаны да канца жылы кавалак дрэва, што прыводзіла да з'яўлення магічнага гуку. Гэты гук прымушаў разбягацца жанчын і дзяцей. Ім было забаронена бачыць дзіўных танцораў, што ў хмяльным святочным узбуджэнні рыхтаваліся ў паход за чужымі дзяўчынамі. Невыпадкова воінскія строі супадалі ў іх са святочнымі строямі. У абодвух выпадках гэта маскі. Калі ж да гэтага дадаць меркаванне Х. Артэга-і-Гасэта пра тое, што чалавек (асабліва ў юнацкім узросце) мае патрэбу для свабоднага выкіду той энэргіі, якая перапаўняе яго арганізм, то атрымаем зусім закончаны партрэт сучаснага заўзятара спорту.

Пры правядзенні параўнальнага аналізу колішніх юнацкіх групавак з сённяшнімі, напрыклад, англійскімі «фэнамі» (ад глагола to fan – літаральна «распальваць вайну, страсці»), футбольныя арганізацыі якіх лічацца амаль што самымі небяспечнымі ў Еўропе [3, с. 177–185], можна зафіксаваць наступныя паралелі. Аматы футболу аб'ядноўваюцца ў адпаведнасці з клубнай схільнасцю. Матч для іх – гэта свята, да якога яны спецыяльна рыхтуюцца, каб выкінуць залішнюю энэргію. Яны «накачваюцца» півам ці іншымі алкагольнымі напоямі, апранаюцца ў адмысловае адзенне (альбо колераў клуба, альбо накіраваны рокераў), трымаюць у руках сцягі і іншую клубную атрыбутыку, выкрыкваюць лозунгі, якія часта гучаць нецэнзурна. Твары іх расфарбаваныя. Яны таксама збіраюцца «на вайну». Толькі гэта ўжо не паляванне на жанчын, як у часы першабытнага ладу, а рэалізацыя ўстаноўкі на дэструкцыю ў сучасным яе варыянце. Як падкрэслівае Б. Карольчак-Бярнацка [9, с. 117], паводзіны заўзятараў могуць быць параўнаны з псіхапаталагічнымі. Прыхільнік спорту перажывае тую ж самую сітуацыю спаборніцтва, што і ўдзельнікі змаганняў, з такой самай эмацыйнасцю, дзякуючы псіхадынамічным механізмам ідэнтыфікацыі. Напрыклад, італьянскіх футбольных заўзятараў называюць «tifoso» – «хворыя на тыфус».

Дарэчы, філосафы спорту вызначаюць і размяжоўваюць такія тэрміны, як «агрэсія» і «гвалт». Навукоўцы сёння аналізуюць папярэдні стан агрэсіі і гвалту, а таксама

агрэсію і гвалт сярод атлетаў, агрэсію і гвалт сярод глядачоў і, акрамя таго, перадумовы ў абмежаванні агрэсіі і гвалту.

Агрэсія на спаборніцтвах мае роднасныя сувязі з адносінамі ў спорце, што з'яўляецца галоўным у яе вывучэнні, праўда, з супярэчлівымі вынікамі ў дачыненні да агрэсіўнасці атлетаў розных спартыўных дысцыплін з тымі індывідамі, якія не займаюцца спортам. Удзел у змаганнях дае магчымасць прадэманстраваць агрэсіўныя паводзіны падчас гульні, а таксама праз фізічнае знясіленне атлетаў зафіксаваць катарсічны эфект. Нешта падобнае адбываецца і сярод глядачоў. Там ізноў прысутнічаюць формы катарсіса ў выглядзе эмацыйнага ўключэння заўзятараў у падзею.

Гвалт характарызуецца шэрагам разнастайных меркаванняў. Сярод атлетаў вышэйшага ўзроўню ўзрастанне гвалту сёння крытыкуецца ўсебакова. Усталывалася, што фізічны гвалт з мэтай уздзеяння на суперніка без прамога ўздзеяння памяншаецца на ўзроўні атлетаў высокага класу. Тым не менш у той самы час агрэсія з мэтай зрабіць уздзеянне з карысцю ўзрастае. Такое развіццё адбываецца дзякуючы шмат у чым прафесіяналізацыі і камерцыялізацыі. Гвалт як фізічнае спаборніцтва можа быць прадстаўлены ў структуры спецыфічна-спартыўнай дысцыпліны як знак і таму адпавядае правілам. Тым не менш спорт губляе ў маральнасці, калі не супадае са спецыфічнымі правіламі спартыўнай дысцыпліны і набывае нормы агрэсіўнасці, брутальнасці разам з працэсам распаўсюджвання падману. Цэнтральнай праблемай на спартыўных спаборніцтвах з'яўляецца павялічаная агрэсіўнасць з мэтай перамогі за ўсялякі кошт. Гэта можа быць вынікам змянення норм у накірунку да Foul play (брутальная, несумленая гульня), фізічнага і вербальнага спаборніцтва. Агрэсіўнасць глядачоў можа таксама ўплываць на спартыўныя падзеі. Гэта перш за ўсё сацыяльная праблема, якая асабліва датычыцца маладых людзей. Атлеты і афіцыйныя асобы ствараюць належныя варункі ў спорце, што мае непасрэднае дачыненне да яго прыхільнікаў. Дзеля таго, каб павесці спорт у патрэбным накірунку, неабходна ранняя і ўсебаковая адукацыя згодна з прынцыпамі Fair play (чыстая, сумленая гульня) [1–2].

У цывілізацыйным і культурным вымярэнні спорт павінен быць прыкладам, узорам для свету, павінен быць кіравацца ідэяй Fair play, супрацьстаяць агрэсіі. На жаль, рэчаіснасць сведчыць пра нешта іншае. Як падкрэсліў Е. Касевіч, у грамадстве, пранізанай паталогіяй, спорт як важны яго культурны элемент не можа быць вольным ад дэвіяцыі, таму што яна (дэвіяцыя) з'яўляецца вынікам хваробы ўсяго сацыяльнага арганізму [12, с. 39–41].

Павышэнне грамадскага інтарэсу да спартыўнай дзейнасці на працягу XX ст. можна разглядаць з некалькіх бакоў. Напрыклад, калі спасылацца на ўжо цытаванага Х. Артэга-і-Гасэта, то адным з важных момантаў тут з'яўляецца рэалізацыя вымушанага, непазбежнага высілку, што заўсёды дыктуецца пэўнымі абставінамі, і лепш за ўсё гэта праяўляецца ў дзейнасці, якую прынята называць працай, але лепшы прыклад марных намаганняў (без мэты) дае спорт. Праўда, крыху далей іспанец такім жа чынам характарызуе і філасофію: «Філасофія таксама ёсць не нішто іншае, як спорт. Яна ніколі не была неабходнасцю. Філасофія параўноўваецца са свабодным высілкам» [4, с. 139]. Згодна з гэтым, спорт, хоць і марная, але праца з усімі атрыбутамі прафесійнай дзейнасці.

З другога боку, спартыўная дзейнасць атрымлівае сацыяльныя імпульсы для свайго развіцця і пашырэння менавіта за кошт магчымасці свабоднага выхаду энэргіі (у другіх варыянтах – агрэсіі), якая ўласціва чалавеку і чалавечаму грамадству. Так было заўсёды. Толькі з развіццём цывілізацыі мяняліся формы, у якіх адбывалася рэалізацыя гэтай агрэсіўнасці. Усё пачыналася з палявання і выкрадання жанчын, сёння ж мы ба-

чым амаль аналагічнае, адрозненне толькі ў тым, што зараз знішчаецца навокал ўсё: людзі, крамы, аўтамабілі. Грамадства спрабуе ў рамках сваёй культуры і свайго разумення супрацьстаяць гэтаму. На спартыўныя спаборніцтвы сталі патрабавацца паліцэйскія сілы для аховы парадку ад магчымай хвалі вандалізму. Але і тут не абыходзіцца без трагедыі. Напрыклад, у студзені 1998 г. усю Польшчу ўскалыхнула забойства паліцыяй у горадзе Слупску 13-гадовага хлапчука, які разам з групаю мясцовых заўзятараў вяртаўся дадому пасля баскетбольнага матчу.

Увогуле, гвалт, агрэсія і хуліганства – атрыбуты чалавечага грамадства. Спорт у гэтым выпадку не выключэнне. Вытокі падобных эксцэсаў пачынаюцца з далёкіх часоў мінуўшчыны.

Заклучэнне

Генэзіс спорту на працягу ўсяго XX ст. суправаджаўся ўздымамі і заняпадамі, што з'яўлялася адбіткам сацыяльна-эканамічнага развіцця грамадства ў цэлым. Сапраўды, імклівая экспансія гэтага феномена пачалася з моманту адраджэння Алімпійскіх гульняў, калі некаторы час дамінавала ідэя, якая ўвасобілася ў падыходзе, што трактаваўся наступным чынам: «Галоўнае не перамога, а ўдзел». Такое становішча ў прынцыпе было дастаткова зразумела, бо сам спорт толькі набіраў неабходны патэнцыял, тады папросту не існавала неабходнай матэрыяльна-тэхнічнай базы, і сам ён пераважна ва ўспрыманні шырокіх колаў публічнасці трактаваўся не інакш, як марная трата часу. Змяненні надыйшлі толькі тады, калі спартыўная дзейнасць набыла пэўныя арганізацыйныя формы і структуры, стала адной з альтэрнатываў правядзення вольнага часу, і, больш за тое, стала дэманстраваць рэалізацыю магчымасцяў чалавечага арганізма ў самых разнастайных яго інварыянтах. З дапамогай сродкаў масавай інфармацыі мільёны людзей даведваліся пра рэкорды ў розных дысцыплінах, і часам такія дасягненні папросту ўражвалі.

«Хутчэй. Вышэй. Мацней» – вось тыя новыя мэты, якія паўсталі на чарговым этапе развіцця спорту. Гэта быў ужо пэўны крок да прафесіяналізацыі, бо непадрыхтаванаму спецыяльна чалавеку было немагчыма выконваць тыя патрабаванні, якія вымагала тая ці іншая спартыўная дысцыпліна. Але сапраўдная рэвалюцыя ў функцыянаванні спорту адбылася тады, калі на 83-й сесіі Міжнароднага алімпійскага камітэта, якая праходзіла ў чэрвені 1980 г. у Маскве, на пасадку прэзідэнта гэтай арганізацыі быў выбраны іспанскі маркіз Хуан Антонія Самаранч. Новай стратэгіяй дзейнасці МАК стала камерцыялізацыя і прафесіяналізацыя спорту. Пад кіраўніцтвам Самаранча МАК ператварыўся ў найбуйнейшую і самую багатую сусветную няўрадавую імперыю, параўнаць якую па сферы ўплываў можна было б, бадай, толькі з FIFA (Міжнародная асацыяцыя футбольных федэрацый).

Зразумела, што такое становішча змяніла самую сутнасць спорту. Велізарныя грошы, якія трапілі ў гэтую сістэму, прыўнеслі з сабой новыя каштоўнасці. Дамінаванне прынцыпу «Перамога за ўсялякі кошт» прывяло да таго, што менавіта перамога паўстала не толькі ў якасці канчатковай мэты спартыўнага спаборніцтва, але яго адзінай мэты. Канец 90-х гг. мінулага стагоддзя выявіў крызісныя тэндэнцыі ў спорце глабалізаванага грамадства. І хутчэй за ўсё гэта з'явілася пунктам адліку ў пошуках альтэрнатывыўных шляхоў, што звязвалася з захаваннем ідэі спорту як такога. Такое становішча прымусіла вызначыцца ў больш дэталёвым аналізе даследніцкіх палёў, што характарызуюць суадносіны спорту і здароўя, спорту ў дачыненні адмысловых сацыяльных груп, спорту і сродкаў масавай інфармацыі, агрэсіі і гвалту ў спорце.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Кубертен, де П. Ода спорту / П. де Кубертен // Олимпийский огонь. Спорт в творчестве поэтов мира : сборник / сост. В. П. Бурич. – М. : Физкультура и спорт, 1980. – С. 179–182.
2. Люкевіч, У. Fair Play: тэорыя і практыка / У. Люкевіч. – Брэст : Выд-ва С. Лаўрова, 1998. – 188 с.
3. Мяло, К. Уроки Эйзеля / К. Мяло // Иностран. лит.. – 1987. – № 1. – С. 177–185.
4. Ортега-и-Гассет, Х. О спортивно-праздничном чувстве жизни / Х. Ортега-и-Гассет // Филос. науки. – 1991. – № 12. – С. 137–142.
5. Bernett, H. Gesundheitserziehung / H. Bernett // Sportwissenschaftliches Lexikon / red. P. Röthig. – Schorndorf, 1983. – S. 150–151.
6. Fiut, I. S. Sport – czyli poszukiwanie lepszego świata / I. S. Fiut // Logos i etos Polskiego Olimpizmu. – Kraków, 1994. – S. 41–48.
7. Haag, H. Schülerduden «Der Sport» / H. Haag. – Mannheim, 1987. – S. 72–73.
8. Heinemann, K. Wprowadzenie do socjologii sportu / K. Heinemann. – Warszawa : Centralny Ośrodek Metodyczny Studiów Nauk Politycznych, 1989. – 298 s.
9. Karolczak-Biernacka, B. Problem agresji w sporcie / B. Karolczak-Biernacka // Logos i etos Polskiego Olimpizmu. – Kraków, 1994. – S. 105–118.
10. Kayser, D. Gesundheitstraining / D. Kayser // Sportwissenschaftliches Lexikon / red. P. Röthig. – Schorndorf, 1983. – S. 150–151.
11. Kofler, G. Gefängnis sport / G. Kofler // Sportwissenschaftliches Lexikon / red. P. Röthig. – Schorndorf, 1983. – S. 145.
12. Kosiewicz, J. Kościół i sport / J. Kosiewicz // Wychowanie fizyczne i zdrowotne. – 1996. – № 1. – S. 39–41.
13. Krebs, D. Sportpublizistik / D. Krebs // Sportwissenschaftliches Lexikon / red. P. Röthig. – Schorndorf, 1983. – S. 355–356.
14. Logos i etos Polskiego Olimpizmu. – Kraków : Wydaw. Naukowe, 1994. – 600 s.
15. Röthig, P. Förderunterricht // Sportwissenschaftliches Lexikon / red. P. Röthig. – Schorndorf, 1983. – S. 136.
16. Singer, R. Alterssport / R. Singer, U. Ungerer-Röhrich // Sportwissenschaftliches Lexikon ; red.: P. Röthig. – Schorndorf, 1983. – S. 22–23.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.09.2016

Lukievic U.P. Sport in the XXth Century: Change of the Social and Philosophical Paradigm

Socio-economic changes in the society of the twentieth century inevitably led to new shaping in many spheres of human life. Modernization of production, the rapid introduction of modern technology, an overall improvement in the functioning of the human activities affected the formation of the hierarchy of values and priorities as a whole. The emergence of new social phenomena, which soon came to dominate the human community, could not but affect different approaches in the interpretation of individual structural elements and traditional ideas. Sport has become one of the most popular phenomena during the last almost one hundred and fifty years. Its selection is associated with a number of various aspects that are very quickly created a new and distinctive social reality.

УДК 316.78

А.И. Лысюк*д-р полит. наук, канд. филос. наук, доц., проф. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина***ТРИ КРУГА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА**

Исходя из методологии деятельностного подхода рассматриваются три уровня (круга) политического лидерства: психологический, социокультурный и институциональный. К психологическим относятся иррациональные и рациональные факторы, детерминирующие поведение лидера и последователей. К социокультурным – цивилизационные и политико-культурные компоненты, регламентирующие политические практики лидеров. К институциональным – особенности формы государства, политического режима, партийной и избирательной систем, правовые рамки, обуславливающие функционирование лидерства. В конечном счете все эти факторы детерминируют господствующую модель политического рекрутирования, определяющую способы восхождения к власти политических лидеров.

Введение

В истории человечества политическое лидерство играло и играет одну из ключевых ролей в формировании и форматировании социальных процессов. В современном мире его воздействие на общественное развитие резко увеличилось. Основная причина этого – усилившиеся виртуализация и персонификация политического пространства, вызванные медиа-революцией последних десятилетий, в результате чего в социальных процессах роль политического лидера приобрела беспрецедентное значение. С особой силой она проявляется в т.н. лидерских странах, в которых воля первых политических лиц доминирует над социальными институтами.

Проблема политического лидерства активно разрабатывается в современной политической и психологической науках. Большинство исследователей рассматривает политическое лидерство как одну из форм субъект-субъект-объектного взаимодействия, направленного на организацию и интеграцию деятельности определенного социума посредством концентрации политической власти, влияния и воли у отдельного политика, занимающего доминирующую властную позицию. Социальная активность лидера носит целенаправленный, коммуникативный и интерперсональный характер. Политическим лидером является как глава государства, так и формальный или неформальный лидер малой группы, деятельность которых носит политический характер. Лидеров необходимо рассматривать как естественную часть политической элиты, а их основной функцией является целеполагание, связанное с принятием политических решений.

Несмотря на множество работ по данной проблеме, как справедливо указывает немецкий исследователь Ф. Вальтер, по-прежнему «понятие лидерства является не устоявшимся, не до конца отточенным, полностью никем не определенным и открытым для субъективного нормирования... Оно столь любимо журналистами, поскольку дает им возможность персонализировать политику» [1, с. 1289]. Как следствие этого, в современной политологии отсутствует общность позиций по целям, условиям, формам, процессам, структурам, детерминантам и следствиям лидерства, смешиваются теоретическое и эмпирическое, персональное и институциональное, нормативное и дескриптивное, психологическое и социокультурное, истинное и ложное, оригинальное и тривиальное.

Существующие же исследования, претендующие на целостное изучение политического лидерства, выступают в трех формах. Во-первых, это системное исследование

его детерминант, однако при этом неисследованными остаются другие компоненты политического лидерства [2]. Во-вторых, контекстуальные модели политического лидерства (Т. Хаугтон, А. Амметер и др.), выделяющие, как правило, его институциональные, ситуативные и личностные характеристики, стремясь целостно «охватить» этот феномен [3; 4]. Главное их достоинство заключается в том, что они позволяют преодолеть фрагментаризацию изучения лидеров и определить позицию лидера в рамках конкретной политической системы. Однако в этом случае наблюдается довольно-таки произвольный набор переменных для политологического анализа. В-третьих, широко распространён биографический подход, в котором системно, аналитическим образом, избегая широких обобщений, изучается только один политический лидер, без научной экстраполяции на других.

Методы и принципы анализа

Для преодоления теоретической «сумятицы» по изучению политического лидерства как целостного феномена целесообразно, в первую очередь, использовать принципы деятельностного подхода, ориентированного по своей природе на системное изучение объекта. В рамках этого подхода любая человеческая деятельность приобретает очертания системы с имманентно присущими ей структурно-функциональными характеристиками. Каждый ее элемент относительно самостоятелен, имеет свою логику развития, но внутренне связан с другими структурными компонентами того же типа. «Система человеческой социальной деятельности оказывается *полиструктурой* (здесь и далее курсив наш. – А.Л.), т.е. состоит из многих как бы наложенных друг на друга структур, а каждая из них, в свою очередь, состоит из многих частных структур, находящихся в иерархических отношениях друг с другом... Поэтому можно сказать, что деятельность есть *неоднородная полиструктура*, объединяющая много разных и разнонаправленных процессов, протекающих с разным темпом и, по сути дела, в разное время» [5, с. 242]. Структуры человеческой деятельности включая и политические практики в этом случае выступают следующим образом: 1) люди как субъекты деятельности; 2) их потребности, интересы и ценностные ориентации; 3) средства и ресурсы деятельности; 4) совокупность действий и операций, посредством которых реализуется деятельность; 5) объект деятельности как сфера приложения материальных и духовных сил человека; 6) рамочные условия деятельности.

Методологической значимостью для данного исследования обладает также исследование П. Сапронова, который при изучении лидерства анализировал три его источника (философский, богословский и исторический) сквозь призму порождаемых ими образов власти и властителей в рамках отдельных исторических эпох, смысловом сопряжении этих образов и проведении между ними единой логической линии. П. Сапронов отмечал: «Всегда те, кто властвовал, ... персонифицировали собой и события, и воплощаемые ими смыслы. Фигуры властителей не просто выражали собой господствующее начало и соотносились с фигурами подвластных. В определенном аспекте на них замыкались и от них исходили все смыслы. Власть была всей культурой, взятой в одном из ее основных ракурсов» [6, с. 16–17]. Достоинством исследования П. Сапронова является и то, что автор ввел в контекст политологического анализа типичные для каждой эпохи образы правителей, а также показал, каким образом культурологический заказ «снизу», со стороны последователей, порождает определенные типы политических лидеров. Наряду с этим, первоначальная установка П. Сапронова на искоренение в своей работе «социологизма» и сведение к минимуму «психологизма» оставила вне контекста

рассмотрения широкий пласт социокультурных и институциональных факторов, интегрированных в систему лидерства: цивилизационных парадигм, политических институтов, мотивов, политико-идеологических ориентаций, коммуникативных действий и др.

Кроме этого, при изучении политического лидерства как системы целесообразно использовать разработанные Ю.Г. Кудрявцевым методологические принципы трехуровневого анализа творчества [7].

Психологическое в политическом лидерстве

Исходя из понимания политического лидерства как социального целого можно выделить три его уровня (круга). Первый имеет *психологический* характер и представлен совокупностью как *иррациональных (бессознательных)*, так и *рациональных (осознанных)* факторов, входящих в систему политического лидерства.

Основу иррационального составляет содержание либидозных связей между лидером и последователями, а стремление к власти выступает как один из видов сублимации, под которым понимается социально приемлемый выход энергии бессознательного (Фрейд). Исследователи выделяют различные их группы. Это и крайне возвышенное и могущественное Супер-Эго политика (Фрейд, Буллит), и коллективное бессознательное, состоящее из архетипических образов власти (Юнг), и садомазохистский комплекс, некрофилия и нарциссизм (Фромм), и синдром авторитарной личности (Адорно), и параноидальные черты лидера (Робинс, Поста), и идентификация в образе Большого Другого (Лакан), и жажда власти, призванная помочь преодолеть низкую самооценку лидера с помощью изменений в себе и внешней среде (Лассуэлл), и др.

Анализируя подобные подходы, можно, тем не менее, отметить, что для них характерна неоправданная экстраполяция сексуального на социальное (политическое) и культурное, а также очевиден гипотетический характер большинства утверждений, логически доказуемых *только* в рамках психоаналитических интерпретаций и концептуально противоречащих большинству современных политических теорий. Как справедливо отметила Т. Самсонова, применение психоанализа при изучении политических феноменов остро ставит вопрос о научности таких исследований. «Психоаналитикам постоянно приходилось и по сей день приходится отбиваться от обвинений в ненаучности их изысканий», поскольку в «психоанализе нет механизма контроля над сбором эмпирических данных» [8, с. 28].

Наряду с иррациональными (бессознательными) факторами политического лидерства важной частью его психологического компонента являются рационально-психологические компоненты. Они выступают в трех основных плоскостях: субъектном (индивидуальном), объектном (группа; последователи) и системно-интегративном (интеракционном). В первом случае в центре внимания (и анализа) оказываются такие феномены сознания политического лидера, как его мотивы, интеллект, когнитивные способности, волевые и эмоциональные интенции, энергичность, эмпатия, склонность к доминированию, способность к приспособленчеству, умение организовывать межличностные коммуникации, искусство воздействия на мотивацию последователей, черты характера и темперамента, умение координировать действия других, доминирующий тип поведения (проактивное или реактивное), каузальная атрибуция, способы социально-психологического воздействия лидера на последователей (подражание, заражение, внушение, убеждение) и т.п.

Во втором случае важными компонентами лидерства являются психические образования, определяющие содержание деятельности последователей (принцип персо-

нальной каузальности, когнитивная схема распознавания подлинного лидера, способ мышления и др.).

В третьем – психологические особенности взаимодействия лидера и последователей, выраженные в интегрированных в процесс политического лидерства особенностях взаимной перцепции, уровне социального капитала, психологическими ожиданиями и др. Система интерактивных отношений в этом случае представлена: а) структурой межличностных отношений между лидером и группой; б) общими характеристиками группы (социума) как интегрированного целого и отдельных его подсистем; в) нормами, ценностями и установками, определяющими взаимодействие лидера и последователей; г) их ролевыми функциями; д) уровнем когнитивного диссонанса в отношениях обоих агентов лидерства и др.

Социокультурное в политическом лидерстве

Известно, что ключевым компонентом личности человека является культура. В. Библер отмечает, что «культура – это форма *самодетерминации* индивида в горизонте личности, форма самодетерминации нашей жизни, сознания, мышления» [9, с. 289]. Именно культура *ценностно* пронизывает все структурные компоненты деятельности, в том числе, политической, определяя их качественную определенность и целеполагающий потенциал. Поэтому над *психологическим* кругом лидерства возвышается круг **социокультурный**.

Его наиболее глобальный уровень представлен цивилизационным фактором, представляющим наивысшую культурную целостность и идентичность человека. В системе политического лидерства он определяет наиболее общие и глубинные его культурные параметры. Например, важнейшим структурным компонентом западной цивилизации является ключевое положение закона как регулятора социальных отношений, включая и отношения лидера и последователей. В этом случае политическая власть лидера является следствием легально установленного обезличенного порядка в рамках определенной политической системы. Правовые ценности и нормы формируют гражданское сознание, порождающее, в свою очередь, легальнобюрократическое лидерство. Славянская цивилизация, наоборот, минимизирует проявление в политике юридических норм и правил, полагая, что есть вещи более важные, чем закон: трансцендентные императивы, спонтанная воля народа, «исконная правда» и т.п., что не может не порождать в системе политического лидерства тренд в сторону традиционализма и харизматичности.

Цивилизационный уровень, в конечном счете, имеет, согласно С. Хантингтону, страновое проявление: страны-участницы, стержневые государства, страны-одиночки, расколотые страны и разорванные страны [10, с. 202–203]. Каждая из них в той или иной степени интегрировала цивилизационную культурную идентичность и является ее носителем. На этом (страновом) уровне представлены идеальные национальные образы власти, по поводу которых наличествует тождество позиций лидера и ведомых. Все это создает своеобразный «социальный заказ» на определенное содержание и конфигурацию политического лидерства. Его существенной характеристикой будет то, что политический лидер, ставший сосредоточением культурологической интеграции, персонифицирует не только актуальные ожидания последователей, но и запечатленную в их сознании историческую традицию.

Следующий уровень факторов социокультурного круга составляют политико-культурные феномены, детерминирующие поведение политических лидеров и последователей в конкретной стране и конкретных временных рамках, умноженные на актуали-

зорованне нацыянальную традыцыю і суадношэнне палітычных сіл. К іх лічбу адносяцца такія кампаненты, як: 1) этнічная прыналежнасць (нацыянальны характар і ідэнтычнасць); 2) рэлігійныя погляды; 3) моральныя прынцыпы (як мотыв дзейнасці лідэра і паслядоўцаў і як крытэрыў ацэнкі апошнімі дзейнасці першага); 4) арыентацыі лідэра і паслядоўцаў адносна ключавых элементаў палітычнай сістэмы (дзяржава, эліта, апазіцыя, палітычныя партыі, выбарчая сістэма і др.); 5) іх палітыка-ідэалагічныя ўбяджэнні; 6) веданні і інтэрес да палітыкі, ацэнка магчымасцей ўплыву на палітычны працэс; 7) актуальныя палітычныя меркаванні і настроенні; 8) ўключанасць у палітычныя камунікатывныя структуры; 9) эмоцыянальная сувязь лідэра і паслядоўцаў (страх, адчуждэнне, энтузіязм, прэдрасудкі, довер'е, праекцыя і т.д.); 10) стылістыка дзеянняў палітычных актараў (автарытарная ці дэмакратычная, трансфармацыйная ці прагматычная, канструктыўная ці дэструктыўная); 11) пражыты вопыт лідэра; 12) палітычная сацыялізацыя лідэра; 13) «шкала макіявелізму» і др.

Сацыокультурны ўзровень (круг) прадставіў таксама і сваёй камунікатывнай складовай, прызначанай ажыццяўляць між лідэрам і паслядоўцамі арганізаваны абмежаваны абмен інфармацыяй, сэнсавымі патокамі, знакавымі і сімвалічнымі сістэмамі. Гэты ўзровень уключае ў сябе, во-першых, *семантычны* спосаб, раскрываючы залежнасць працэсаў камунікацыі лідэра і паслядоўцаў ад ужываемых імі знакава-языковых сродкаў. Во-другіх, спосаб *дынамічны*, паказваючы працэс руху сэнсавых адзінак між лідэрам і паслядоўцамі праз сінтэзу бінарных апазіцый, прадставіў у мадэлях між- і субкультурных камунікацый. Во-трэціх, спосаб *артефактна-культурны* (тэхнічны), фіксуе дытэрмінаваўчае ўздзеянне на лідэрства абмежаваных інфармацыйных сістэм.

Інстытуцыянальнае ў палітычным лідэрстве

Сацыокультурныя фактары дытэрмінаваўць наступны круг палітычнага лідэрства – *інстытуцыянальны*, прадставіў яго «внешнімі абставінамі»: палітыка-інстытуцыянальнымі рамакамі яго функцыянавання. Гэта тым больш важна зрабіць, што, як паказваюць многія даследаванні, ў развіцці палітычнага лідэрства, зятым ў шырокім гістарычным кантэксце, назіраецца значны перавес сітуацыйных і аб'ектыўных фактараў над асабістымі псіхалагічнымі. Польскі даследавальнік П. Жукевіч справядліва адзначае: «Эфектыўнасць дзейнасці палітычнага лідэра не залежыць выключна ад псіхалагічных фактараў, прысутніх яму самому і паслядоўцам. Працэс лідэрства заўсёды ажыццяўляецца ў інстытуцыянальным рамаках, якія накладваюць на яго абмежаваныя абмежаванні, а таксама прымушаюць лідэраў і паслядоўцаў да паводзін абмежаванага роду. Сапраўды, інстытуцыянальны кантэксць уздзействуе на якасць лідэрства ў такой жа ступені, як і псіхалагічны» [11, с. 177]. Усе гэта фарміруе «сацыяльны заказ» на абмежаваны тып палітычнага лідэрства, арыганізм палітычнай кар'еры. Немецкі элітолаг Д. Херцог паказваў: «Палітычныя кар'еры з'яўляюцца сацыяльна структураванымі і ствараюць арыганізм іменна ў тым сэнсе, што ў кожнай гістарычнай сітуацыі існуюць не бесконечна разнаобразныя і прадельна індывідуалізаваныя шляхі палітычнага ўзыходжэння, а толькі нешматлікія, праз якія ўсе зноў і зноў аднаковым спосабам рэкрутуюцца новыя пакаленні палітычных дзеячаў. Гэты шляхі абумоўлены не толькі агульным дзяржаўным будаўніцтвам, арганізацый-

ными формами партий и избирательной системы, но также и едиными способами поведения» [12, с. 66]. Только тот политик обречен на успех, кто будет следовать существующим в определенном политическом пространстве карьерным образцам.

Можно выделить несколько групп институциональных факторов лидерства. Во-первых, это специфика политического режима. Очевидно, что тоталитарный, авторитарный и демократический режимы создают совершенно различные доминирующие модели лидерства, касающиеся объема властных полномочий лидеров, их политической ответственности, степени идеологизации процесса принятия решений, политического дискурса, уровня асимметричности лидерства, качества персонализации и персонификации власти и т.д. Действительно, авторитаризм политического режима не только предполагает концентрацию широкой гаммы ресурсов у отдельной политической персоны и его команды, служащих укреплению режима личной власти, но и формирует вполне определенное «окно возможностей» для оппозиционных лидеров. В свою очередь, различные форматы демократического режима детерминируют имманентно присущий именно им тип лидерства. Так, например, в условиях плебисцитарной демократии действует, согласно М. Веберу, следующий принцип: «Демократия, это когда народ выбирает лидера, которому он доверяет. После этого избранный народом лидер говорит: “А теперь замолчите и подчиняйтесь мне”. Ни народ, ни партия не должны вмешиваться в то, что он делает» [13, с. 151].

Во-вторых, это формы государственного устройства: парламентская, президентская, смешанная и др., – в правовом и политико-административном отношении закрепляющие как объемы власти президента, премьера и главы парламента, так и способы ее (де)легитимизации.

В-третьих, это особенности партийной системы. Как в свое время отмечал М. Вебер, в эпоху индустриального общества политическим лидером становится лишь тот, кто смог подчинить партийный аппарат, добиться партийного большинства и чья партия одержала политическую победу на очередных выборах. В условиях постиндустриального общества этот тренд сохраняется: в силу традиционно большой роли партий в политическом процессе страны карьера того или иного политического деятеля в решающей степени зависит от эффективности партийной политики, его успехов или неудач на выборах, поддержки партией того или иного политического деятеля, отношений с партийным аппаратом. Например, наиболее известные канцлеры ФРГ Г. Коль, К. Аденауэр, В. Брандт, А. Меркель вошли в историю именно как «партийные» политики, опиравшиеся в своей деятельности на партийный аппарат. Партийный компонент воздействия на лидерство проявляется через: 1) тип партийной системы, поскольку различные их типы детерминируют и различные типы лидерства; 2) возможность влияния лидеров партий на формирование коалиций в парламенте; 3) структуру и внутреннюю культуру партийной организации; 4) формальные и неформальные властные позиции лидера в партии и др.

В-четвертых, следует указать на воздействие избирательной системы, избирательного законодательства, которые влияют как на стратегию политических акторов, так и на их шансы на занятие должностей в структурах государственной власти. Существуют социологические исследования, свидетельствующие о том, каким же образом избирательные системы воздействуют на качество лидерства. Например, П. Жукевич, опираясь на их результаты, утверждает, что для эффективного лидерства объективно не существует идеальной избирательной системы. Само доминирование мажоритарной системы, либо пропорциональной, или же смешанной автоматически не обуславливает

улучшения качества процессов лидерства [11, с. 210]. Кроме этого, различные избирательные системы создают электоральный запрос на наиболее привлекательные для избирателей образы власти и властителей.

В-пятых, важным фактором политического лидерства является качество политического рынка, предъявляющее к лидерам определенную систему требований. Поскольку, например, для индустриального общества характерно, по мнению М. Вебера, «превращение политики в предпринимательство», ставящее перед собой в качестве главной задачи борьбу за «предметные цели» (должности, ренты, доходы и пр.), то для политика принципиальное значение имеет овладение навыками борьбы за власть и знание методов ее осуществления. В этих условиях в политике наиболее востребованными оказываются качества квалифицированного юриста (адвоката), который в силу специфики своей деятельности может выступать как эффективный лоббист и посредник интересов, искусный коммуникатор. Институциональные рамки естественным образом «породили» политический спрос на определенные психологические качества лидера: страсть, чувство ответственности, глазомер. Под страстью понимается деловитость и страстная самоотдача профессиональному (политическому) делу. Ответственность означает, что политическая деятельность лидера должна стать его «главной путеводной звездой». Глазомер свидетельствует о внутренней собранности, спокойствии и хладнокровии политика по решению практических политических проблем. «Политика “делается” головой, а не какими-нибудь другими частями тела или души... Ибо в конечном счете в сфере политики есть лишь два рода смертных грехов: уход от существа дела и ...безответственность» [14, с. 690–691].

В-шестых, на лидерство существенным образом воздействует и международный контекст, а именно, пребывание конкретной страны в разного рода международных структурах. Например, в рамках работы Европейского совета и Совета ЕС лидеры отдельных европейских государств естественным образом ориентированы не только на лоббирование национальных интересов своих стран, но и на представительство определенной совокупности общеевропейских интересов и ценностей, выступая на политической сцене уже не только национальными, но и европейскими лидерами.

В-седьмых, социальные обстоятельства, институциональные рамки политического лидерства способствуют актуализации определенных групп политических способностей, необходимых для осуществления эффективной деятельности, а также определяют направления ценностно-идеологической интеграции политических позиций лидера и последователей. В силу этого тенденция бюрократизации, например, создает спрос на административные способности, рост сложности проблем – на организационные таланты, «информационная» революция – на коммуникативные компетентности, «деидеологизации» общества указывает на необходимость апелляции к «новым» социальным потребностям (экологическим, гендерным и т.п.) и др. В таком случае для современного государственного лидера, представляющего западную цивилизацию, необходимыми предпосылками политической карьеры которого являются обладание точным знанием по широкому комплексу общественных проблем, способность к координации деятельности различных политических акторов, овладение искусством коммуникации, умение выполнять функции не столько «посредничества интересов», сколько их «конверсии», способность к трансформации мотивов последователей и др.

Заклучение

Таким образом, идеальная модель деятельности политического лидера, исходящая из выше обозначенных «кругов», будет состоять из: а) мотивационно-потребностной сферы (потребности власти, достижения, доминирования, любви и аффилиации, материальные, безопасности, самореализации и самоактуализации, широкого спектра ценностных ориентаций); б) средств деятельности (системы вознаграждения, инструменты насилия/принуждения, информационные, социально-психологические, идеологические ресурсы и др.); в) действий/операций (оказание влияния на установки и поведение, управление и формирование действий, осуществление власти, структурирование интеракций, трактовка причин, определение стратегии и тактики и т.п.); г) объективных обстоятельств деятельности политического лидера (институциональных, правовых, социокультурных); д) реакций объекта властного воздействия (повиновение, подчинение, признание, уважение, восхищение, эмоциональная связь и т.д.); е) результата (легализация и легитимация политической власти лидера).

С другой стороны, типичная модель деятельности последователей представлена следующими компонентами: а) исторически, социально, ситуативно актуализированная, исторически изменяющаяся система потребностей и ценностных ориентаций, регулирующих их политическое поведение; б) институциональные, правовые, идеологические, нормативные, политико-культурные способы и формы воздействия последователей на систему политического лидерства; в) различные формы их политической активности и практики; г) восприятие, осознание и присвоение властных интенций лидера; д) субъективная готовность к «последовательству»; д) результат – признание за лидером властных полномочий, выражение ему политической лояльности и обязательное выполнение его властной воли.

Сопряжение, интеграция деятельностей лидера и последователей осуществляется при этом через процессы репрезентации (уровень потребностей и интересов), идентификации (уровень ценностных ориентаций) и коммуникации (уровень доверия).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Walter, F. Führung in der Politik. Am Beispiel sozialdemokratischer Parteivorsitzender / F. Walter // Zeitschrift für Politikwissenschaft. – 1997. – № 4. – S. 1289–1335.
2. Лысюк, А. И. Социокультурная детерминация политического лидерства: содержание, способы, эволюция : монография / А. И. Лысюк. – Черновцы : Букрек, 2008. – 384 с.
3. Ammeter, A. P. Toward a political theory of leadership / A. P. Ammeter // The Leadership Quarterly. – 2002. – Т. 13, № 6. – S. 751–796.
4. Haughton, T. Constraints and Opportunities of Leadership in Post-Communist Europe / T. Haughton. – Burlington : Ashgate, 2005. – 243 p.
5. Щедровицкий, Г. П. Избранные труды / Г. П. Щедровицкий. – М. : Школа Культурной Политики, 1995. – 800 с.
6. Сапронов, П. А. Власть как метафизическая и историческая реальность / П. А. Сапронов. – СПб. : Церковь и культура, 2001. – 816 с.
7. Кудрявцев, Ю. Г. Три круга Достоевского (событийное, социальное, философское) / Ю. Г. Кудрявцев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 344 с.

8. Самсонова, Т. Н. К истории становления политического психоанализа / Т. Н. Самсонова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Социология и политология. – 2001. – № 2. – С. 15–29.
9. Библер, В. С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век / В. С. Библер. – М. : Политиздат, 1991. – 413 с.
10. Хантингтон, С. Столкновения цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : Аст, 2003. – 605 с.
11. Żukiewicz, P. Przywódstwo polityczne. Teoria i Praktyka / P. Żukiewicz. – Warszawa : Difin, 2011. – 440 s.
12. Herzog, D. Der moderne Berufspolitiker / D. Herzog // Eliten in der Bundesrepublik Deutschland. – Stuttgart ; Berlin ; Köln : W. Kohlhammer, 1990. – 180 s.
13. Мигранян, А. М. Плебисцитарная теория демократии Макса Вебера и современный политический процесс / А. М. Мигранян // Вопр. философии. – 1989. – № 6. – С. 148–158.
14. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 02.06.2016

Lysiuk A.I. Three Circles of Political Leadership

Based on the methodology of the activity approach three levels (circles) of political leadership are considered: psychological, sociocultural and institutional. Psychological level includes rational and irrational factors, determining the behavior of leader and his followers. Socio-cultural level includes civilizational, as well as political and cultural components, regulating the leader's political practices. Institutional level includes the peculiarities of the state's form, the political regime, party and election systems, legal framework of leadership functioning. Resulting from this is the dominating model of political recruitment defining the ways of the political leaders' coming to power.

УДК 911.3(476)

К.К. Красовский¹, В. Даугирдас²¹д-р геогр. наук, проф., проф. каф. туризма и страноведения
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина²д-р, доц. каф. географии и территориального развития
Вильнюсского университета (Литва)**ПОЛОВОЗРАСТНАЯ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА
НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ И ЛИТВЫ**

На основе материалов переписей населения и текущей статистики проведен анализ динамики половозрастной и этноконфессиональной структур населения Беларуси и Литвы в период после Второй мировой войны, выявлены их особенности и тенденции.

Введение

Современная мировая демографическая ситуация отличается необычайной сложностью и остротой. Анализ большого материала, накопленного демографами, показывает противоречивость тенденций в движении народонаселения стран мира. Господствующей тенденцией в экономически развитых странах Европы является процесс снижения рождаемости. Переход от расширенного к простому, а затем и суженному типу воспроизводства населения во второй половине XX в. произошел и во многих странах на постсоветском пространстве. В них также наблюдается низкая рождаемость, отсутствие естественного прироста, старение населения, и в целом – воспроизводство населения, не обеспечивающее простого замещения поколений людей.

Для Республики Беларусь и Литовской Республики, как и для других постсоветских республик, характерны значительные изменения демографических тенденций в конце XX в. Трансформация демографических структур вызвана в первую очередь преобразованиями в социально-экономической сфере, которые обусловили изменение демографических установок и, соответственно, демографического поведения населения. Если в странах Западной Европы демографический переход от расширенного к суженному типу воспроизводства населения происходил эволюционным путем на протяжении всей второй половины XX в., то в условиях Беларуси и Литвы этот переход осуществился в течение не более 10 лет. Это свидетельствует о том, что те меры демографической политики, которые проводят высокоразвитые европейские страны, не могут быть применены полностью в условиях Беларуси и Литвы.

Цель и задачи исследования – выявить особенности и тенденции трансформации половозрастной и этноконфессиональной структур населения Беларуси и Литвы во второй половине XX – начале XXI в. Информационной базой исследования послужили материалы переписей населения и текущей статистики, осуществляемой государственными органами Республики Беларусь и Литовской Республики.

Современная демографическая ситуация на территории двух соседних стран, как и в целом на Европейском континенте, формировалась на протяжении длительного времени под влиянием сложного комплекса природных, исторических и социально-экономических факторов. Долгое время наиболее важную роль при формировании систем расселения населения стран и демографической ситуации в целом играло экономико-географическое положение республик. Беларусь и Литва занимали выгодное экономи-

ко-географическое положение (ЭГП) еще с глубокой древности, так как через эти территории проходили важнейшие торговые пути. Компактность территорий современных Беларуси и Литвы, их равнинный характер облегчают развитие внутренних путей сообщения и активных внешних экономических связей. Эта особенность расположения республик на пересечении основных коммуникационных коридоров Европы «Запад – Восток» и «Север – Юг» благоприятствует интеграции Беларуси и Литвы в европейскую систему расселения. Транспортно-географическое положение стран как одна из составляющих ЭГП характеризуется прохождением через их территории транспортно-коммуникационных европейских коридоров.

Одной из важнейших сторон экономико-географического положения стран является их соседство. Беларусь граничит с 5 государствами, а общая протяженность ее государственной границы составляет 2 969 км: с Россией граница Беларуси составляет 990 км, с Украиной – 975 км, с Литвой – 462 км, с Польшей – 399 км, с Латвией – 143 км. Литва граничит на севере с Латвией, на юго-западе с Польшей и Калининградской областью России. Беларусь и Литва имеют разные уровни социально-экономического развития, что в значительной степени влияет на территориальную организацию и уровень развития приграничных районов наших стран.

Наряду с влиянием на демографическое развитие Беларуси и Литвы традиционных факторов, все возрастающее значение в настоящее время, в период трансформации социально-экономической системы, приобретают новые явления. Трансформация – сложный процесс, который характеризуется политическими, экономическими и социальными изменениями. Именно эти процессы на территории Беларуси и Литвы в последнее десятилетие и стали основными причинами, которые привели к изменению существовавших ранее тенденций в демографическом развитии стран. Среди этих трансформационных процессов ведущее место занимает изменение геополитической ситуации на постсоветском пространстве, проявившееся не только в распаде экономических связей, но и в нарушении традиционных миграционных потоков. В результате распада СССР резко изменилось геополитическое и экономико-географическое положение Беларуси и Литвы, которое оказывает значительное влияние на территориальную структуру хозяйства и систему расселения стран. С 1 мая 2004 г. Польша, Латвия и Литва стали членами Европейского союза, что, несомненно, оказало влияние на социально-экономическое развитие пограничных с этими странами регионов Беларуси.

Значительное влияние на развитие демографической ситуации в Беларуси, ее естественной эволюции оказала авария на Чернобыльской АЭС. В результате катастрофы загрязненной радионуклидами оказалось около 1/5 территории страны, на которой проживает более 2 млн человек. Радиоактивному загрязнению подверглось 54 района республики, 30 городов и более 3 тыс. сельских населенных пунктов. Больше всего в результате аварии пострадали территории Гомельской, Могилевской и Брестской областей. Территория Литвы в меньшей степени подверглась влиянию последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Совпавшие по времени трансформационные процессы к концу XX в. резко изменили существовавшие до распада СССР тенденции в демографическом развитии двух соседних государств. В начале 90-х гг. прошлого века резко снизились среднегодовые темпы прироста населения двух стран, а с 1992 г. в Литве и с 1994 г. в Беларуси началась стадия затяжной депопуляции населения. К 2015 г. число жителей Литвы сократилось с 3,7 до 2,9 млн человек, а в Беларуси – с 10,2 до 9,5 млн. В целом население обеих стран уменьшилось на одну и ту же величину – почти на 800 тыс. человек, однако де-

мографічны потенциал Беларусі в прэддвер'і дэпапуляцыі прэвышала лічбу жыхароў Літвы амаль у 3 разы. Гэта сведчыць аб тым, што на адну тысячу жыхароў дэмаграфічныя страты Літвы за гэты перыяд былі ў 3 разы вышэй [1].

Усе крызісныя з'явіны ў дэмаграфічнай абстаноўцы Беларусі і Літвы звязаны не толькі з трансфармацыяй сацыяльна-эканамічнай сістэмы. У аснове дэмаграфічнага развіцця краін ляжаць асаблівасці паловазроставай і этнаканфесіянальнай структураў насельніцтва, складзеныя ў прэдыдучыя гады, доўгавяковыя заканамернасці сацыяльна-дэмаграфічнага развіцця. Трансфармацыя сацыяльна-эканамічнай сістэмы толькі паскорыла дэмаграфічны пераход, явілася сваябразным каталізатарам.

У вывучэнні геадэмаграфічных асаблівасцей развіцця насельніцтва рэгіёна любага ранга важная роля прыналежыць аналізу яго паловазроставай структуры, якая, з аднаго боку, испытывае на сабе ўплыв усеагульнага дэмаграфічнага працэсу, а з другога – сама ўздзействуе на развіццё прыроднага і механічнага руху. Вядомы французскі дэмаграф Р. П'ерэс пісаў аб тым, што нельга атрымаць каштоўнай інфармацыі аб насельніцтве, калі не будзе дана характарыстыка яго паловазроставай структуры. Распаўсюджанне насельніцтва па полу і ўзросту з'яўляецца асновай, базісам для вывучэння дэмаграфічных працэсу і іх сувязі з агульным развіццём.

Як сведчыць даныя статыстыкі, на працягу другой паловы ХХ в. у Беларусі і Літве суадносіны паловага складу насельніцтва паступова нармалізаваліся (табліца 1). Асабліва гэта было заўважна ў перыяд паміж 1960 і 1990 гадамі, калі сталі найбольш адчувацца наступствы Другой сусветнай вайны. У перыяд 1990–2014 гадаў адбылося незначальнае зніжэнне часткі мужчын. Гэта абумоўлена тым, што паловавая структура насельніцтва знаходзіцца таксама ў теснай залежнасці ад смертнасці, узровень якой у апошнія дзесяцігоддзі значальна ўзрос, асабліва ў людзей мужчынскага полу. Па стане на 2015 г. частка мужчынскага насельніцтва ў Беларусі складала 46,5%, жанскага – 53,5%; ў Літве – 46,0% і 54,0% адпаведна.

Табліца 1. – Дынаміка паловага складу насельніцтва ў Рэспубліцы Беларусь і Літвэнскай Рэспубліцы, %

Страна	Пол	Год						
		1960	1970	1980	1990	2000	2010	2015
Беларусь	М	45,2	45,9	46,4	46,9	46,9	46,5	46,5
	Ж	54,8	54,1	53,6	53,1	53,1	53,5	53,5
Літва	М	46,1	46,9	47,1	47,3	46,8	46,1	46,0
	Ж	53,9	53,1	52,9	52,7	53,2	53,9	54,0

Ітак, паловавая структура насельніцтва Беларусі і Літвы, парушаная ў час Другой сусветнай вайны, да канца 1990-х гадаў паступова нармалізавалася. Аднак у апошнія дзесяцігоддзі ў сувязі з павышанай смертнасцю мужчынскага насельніцтва працэс выравнівання удельнага вага мужчынскага і жанскага насельніцтва прыстанавіўся. Мяду тым прадставленне аб гэтай тэндэнцыі не будзе дастаткова поўным, калі не разглядзець дынаміку паловага складу насельніцтва Беларусі і Літвы па асобных узроставым групам.

П'ерэахвалюнасць мужчын у маладых узроставым групам аб'ясняецца тым, што ў сувязі з агульнай біялагічнай заканамернасцю кожны год на 100 дзячыц у сярэднім рождаецца 104–107 дзячыц. Аднак з-за меншай жыццяздольнасці мужчынскага арганізма і, як наступствіе, большай смертнасці дзячыц нават у працаздольным

возрасте постепенно начиная с возрастной группы «15–19 лет» и заканчивая группой «30 лет» женщин становится больше. С 50 лет «женский перевес» начинает возрастать, достигая к 70-летнему возрасту даже двукратного превышения. Причем, в анализируемый период тенденция к значительному превышению женского населения в пожилом возрасте резко усугубилась. В настоящее время коэффициент феминизации в обеих странах составляет около 1 150. В перспективе вследствие сохранения разницы в средней продолжительности жизни мужского и женского населения диспропорции в половой структуре населения еще более усугубят сложившуюся демографическую ситуацию в Беларуси и Литве.

Для изучения проблем воспроизводства населения, выявления его трудоспособного контингента, планирования сети детских дошкольных учреждений и учебных заведений большое значение имеют сведения о динамике численности населения различных возрастных групп. Данные статистики показывают, что с 1960 по 2014 г. структура населения Беларуси и Литвы по возрасту претерпела значительные изменения. Для более детального исследования этих изменений воспользуемся методом классификации возрастов на основе рекомендаций ООН, выделив три возрастные группы: «0–14 лет», «15–64 года», «65 лет и старше» (таблица 2).

Таблица 2. – Динамика возрастной структуры населения в Республике Беларусь и Литовской Республике, %

Страна	Возраст	Год						
		1960	1970	1980	1990	2000	2010	2014
Беларусь	0–14	28,9	29,0	22,9	23,1	18,6	14,8	15,5
	15–64	62,8	62,0	66,4	66,3	67,9	71,2	70,7
	65+	8,4	9,0	10,7	10,6	13,4	13,9	13,8
Литва	0–14	27,2	27,0	23,3	22,6	19,9	15,2	15,3
	15–64	64,9	62,8	65,3	66,6	66,2	69,3	69,0
	65+	7,9	10,1	11,4	10,9	13,9	15,5	15,7

В целом эволюция возрастной структуры населения Беларуси и Литвы во второй половине XX – начале XXI в. проходила под влиянием исторических, социально-экономических и демографических факторов. Данные таблицы 2 свидетельствуют о значительных переменах, которые произошли в соотношении трех основных групп за 1960–2014 гг. Прежде всего необходимо отметить тенденцию к значительному (почти в 2 раза) уменьшению за этот период доли детей и подростков. Доля населения в возрасте от 15 до 64 лет за анализируемый период увеличилась: в Беларуси – на 7,9%, в Литве – на 4,1%. В тоже время доля жителей старших возрастных групп выросла почти в два раза: в Беларуси с 8,4 до 13,8%, в Литве – с 7,9 до 15,7%. Исходя из критериев классификации основных типов возрастных структур можно констатировать, что население Беларуси за послевоенный период перешло от прогрессивного типа к регрессивному, для которого характерно значительное преобладание возрастных групп старше 50 лет над молодыми возрастами и отсутствие прироста населения.

Таким образом, проведенный анализ возрастной структуры населения Беларуси и Литвы за период с 1960 по 2014 г. свидетельствует о наличии устойчивой тенденции демографического старения населения. Будучи следствием снижения рождаемости и повышения продолжительности жизни, процесс старения населения является качественной особенностью современных тенденций воспроизводства населения. Во второй по-

ловине XX в. демографическая статистика констатировала процесс старения во многих развитых странах мира. Как серьезная демографическая проблема минувшего столетия и наступившего XXI в., старение населения привлекло к себе внимание ведущих демографов и геронтологов мира. Так, польский демограф Э. Россет с целью оценки процесса старения в различных странах предлагает использовать в качестве измерителя долю пожилых людей в общей численности населения. При этом порогом, за которым начинается старость, по его мнению, является возраст в 60 лет. Для оценки возрастного состояния общества Э. Россет предлагает шкалу, включающую четыре типа населения [2]:

I – демографическая молодость, когда доля лиц старше 60 лет не превышает 8%;

II – преддверие демографического старения (доля старших возрастных групп составляет 8–10%);

III – демографическое старение (доля «старших возрастов» от 10 до 12%);

IV – демографическая старость (доля населения старше 60 лет более 12%).

Если применить данную шкалу для оценки демографического состояния населения Беларуси и Литвы, то оказывается, что за послевоенный период население стран перешло из первой стадии в четвертую, т.е. из состояния демографической молодости в состояние демографической старости.

Процесс старения населения двух стран носит противоречивый характер. С одной стороны, изменение его возрастной структуры является положительным моментом, так как означает увеличение средней продолжительности жизни людей. С другой стороны, увеличение доли людей пенсионного возраста оказывает отрицательное влияние на формирование трудового потенциала стран. В частности, чаще всего процесс старения ведет к увеличению трудовой нагрузки на активную часть общества по содержанию лиц, вышедших из трудоспособного возраста и в него еще не вступивших. В перспективе с переходом в пенсионный возраст довольно многочисленного трудоспособного контингента трудовая нагрузка нетрудоспособного населения значительно возрастет.

Данные о национальном составе населения в обеих странах фиксируются только во время проведения переписей населения. Во времена Советского Союза после Второй мировой войны переписи проводились в 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. После обретения суверенитета в Беларуси и Литве прошли по две переписи населения, но проведены они были в разные годы: в Беларуси перепись прошла в 1999 и 2009 гг. (таблица 3), в Литве – в 2001 и 2011 гг. (таблица 4). Решения правительств двух государств о времени проведения переписи согласуется с рекомендацией ООН об организации переписи в стране один раз в десять лет: в год, который заканчивается на ноль, предшествует ему или следует за ним.

Таблица 3. – Динамика национального состава населения в Республике Беларусь, %

Национальность	Год					
	1959	1970	1979	1989	1999	2009
1. Белорусы	81,09	80,97	79,39	77,86	81,22	83,73
2. Русские	8,19	10,42	11,90	13,22	11,37	8,26
3. Поляки	6,69	4,25	4,23	4,11	3,94	3,10
4. Украинцы	1,65	2,12	2,42	2,87	2,36	1,67
5. Евреи	1,86	1,64	1,42	1,10	0,28	0,14
...10. Литовцы	0,10	0,09	0,07	0,07	0,06	0,05
Другие	0,42	0,51	0,57	0,77	0,77	3,05

Таблица 4. – Динамика национального состава населения в Литовской Республике, %

Национальность	Год					
	1959	1970	1979	1989	2001	2011
1. Литовцы	79,32	80,03	79,97	79,58	83,45	84,16
2. Поляки	8,49	7,73	7,28	7,02	6,74	6,58
3. Русские	8,52	8,62	8,95	9,37	6,31	5,81
4. Белорусы	1,12	1,54	1,70	1,72	1,23	1,19
5. Украинцы	0,65	0,74	0,94	1,22	0,65	0,54
6. Евреи	0,91	0,78	0,43	0,34	0,12	0,10
Другие	0,99	0,56	0,63	0,75	1,5	1,53

Проведенный сравнительный анализ динамики национального состава населения Беларуси и Литвы позволяет сделать следующие выводы:

1. Республику Беларусь и Литовскую Республику можно отнести к однопациональным государствам, как и большинство стран Европы, так как доля титульной нации в общей численности населения составляет более 80%.

2. В Беларуси до получения страной суверенитета доля белорусов имела явную тенденцию к снижению – в Литве доля литовцев практически не изменялась.

3. После обретения независимости доля титульной нации в обеих странах увеличилась на 5–6%. В Беларуси, по данным переписи населения 2009 г., доля белорусов составила 83,73%, в Литве, согласно переписи 2011 г., удельный вес литовцев был 84,16%.

4. В 1959 г. в обеих странах среди национальных меньшинств наиболее многочисленным этносом были русские, доля которых в Беларуси составляла 8,19%, в Литве – 8,52%. До последней советской переписи доля русских и в Беларуси, и в Литве увеличивалась. Однако в Беларуси темпы прироста русского населения были значительно выше и, по данным переписи 1989 г., их доля составила 13,22%; в Литве в 2001 г. – 9,37%. Период суверенитета привел к снижению доли русских в национальном составе Беларуси до 8,26% (2009 г.), Литвы – до 5,81% (2011 г.) (по данным последней переписи населения Литвы, русские как наименьшинство уступили первенство полякам).

5. Поляки как национальное меньшинство и в Беларуси, и в Литве за анализируемый период уменьшили свое представительство: по сравнению с 1959 г. удельный вес польского этноса в Беларуси уменьшился с 6,69 до 3,10% (2009 г.); в Литве – с 8,49 до 6,58% (2011 г.). При этом тенденция к уменьшению доли поляков наблюдалась в обеих странах на протяжении всего периода.

6. Третье место по удельному весу проживающих этносов в Беларуси занимают украинцы. Их доля, как и русских, до 1989 г. росла, а затем начала снижаться и составила в 2009 г. 1,67%. Аналогичная тенденция наблюдалась и в Литве, только доля украинцев в 2011 г. составила всего 0,54% (четвертое место после белорусов).

7. Белорусы как национальное меньшинство на территории Литвы занимают третье место после поляков и русских. В целом за весь анализируемый период доля белорусов среди жителей Литвы незначительно выросла (с 1,12% в 1959 г. до 1,19% в 2011). Однако во время СССР она росла (до 1,72% в 1989 г.), а после его распада начала снижаться. Сегодня на территории Литвы проживает около 30 тыс. этнических белорусов.

8. Литовцы, проживающие на территории Беларуси, по данным переписи 2009 г., занимают только 10 место, а их доля в общей численности населения на протяжении всего анализируемого периода имела тенденцию к снижению (с 0,1% в 1959 г. до 0,06% в 2009 г.). Число этнических литовцев за этот период уменьшилось с 8 до 5 тыс. человек.

9. На четвертом месте среди национальных меньшинств Беларуси (на 5 в Литве) находятся евреи, доля которых в населении двух стран на более ранних этапах исторического развития была значительной. В результате эмиграции, в основном в первой половине XX в., доля еврейского населения значительно снизилась: согласно переписи 2009 г. в Беларуси, доля евреев составила 0,14%, а в Литве (перепись 2011 г.) – 0,1%.

10. Доля представителей других национальностей, проживающих на территории Беларуси и Литвы, совсем незначительна и составляет в целом менее 1%.

11. В Беларуси и Литве в национальном составе населения есть значительные внутритерриториальные различия. В Беларуси резко выделяется Гродненская область, где доля титульной нации составляет всего 67%. В Литве таким регионом является территория Вильнюсского уезда и города Вильнюса, где доля литовцев около 60%. На втором месте и в Гродненской области, и в Вильнюсском регионе поляки, составляющие почти четверть проживающего здесь населения.

12. Родным языком по данным последних переписей населения для 60% белорусов является белорусский язык (но в быту 70% разговаривают на русском). У 84% литовцев родным является один из языков балтийской группы – литовский.

В тесной взаимообусловленности с национальными и лингвистическими особенностями населения Беларуси и Литвы находится его конфессиональный состав. Вопросы о религиозной принадлежности населения в Литовской Республике были включены в программы двух последних переписей населения (2001 и 2011 гг.), поэтому эти данные являются репрезентативными. Что касается Республики Беларусь, то в программах переписей есть только вопросы о национальной принадлежности. Данные о религиозном составе населения Беларуси являются оценочными и основаны на сведениях, представленных аппаратом Уполномоченного по делам религий страны.

Согласно последней переписи населения (2011 г.) на территории Литвы среди верующих 77,3% являются католиками. Православные верующие составляют 4,1% (второе место). Немногим более 6% населения Литвы отнесли себя к неверующим. В Беларуси, по сведениям, представленным аппаратом Уполномоченного по делам религий, около 50% неверующие; культовые здания регулярно посещает только 6% населения. 82% верующего населения Беларуси являются православными, 12% католиками. Среди других религий и в Литве, и в Беларуси выделяются приверженцы третьего направления христианства – протестантизма, а также представители мусульманства, иудаизма, восточных религий.

Заключение

Проведенный сравнительный анализ половозрастной и этноконфессиональной структур населения Беларуси и Литвы свидетельствует, что в обеих странах вследствие влияния войн, а также существенных различий в показателях смертности мужчин и женщин наблюдается значительный дисбаланс в половой структуре населения. Возрастной состав населения Беларуси и Литвы характеризует растущая тенденция старения наций, характерная для большинства стран Европы. Особенностью национального состава и Беларуси, и Литвы является практически одинаковое представительство (более 80%) титульной нации, а доля национальных меньшинств Литве составляет около 15%. Среди верующего населения в Беларуси преобладает православие, в Литве – католицизм.

Исходя из данных особенностей структур населения демографическая и национальная политика Беларуси и Литвы, должна носить долгосрочный и научно обоснованный характер, направленный на устойчивое развитие государств. В современных ус-

ловиях необходимо разграничить сферы деятельности местных и республиканских органов власти в области социально-демографической политики. На верхнем уровне должна быть разработана концепция социально-демографического развития республик и научные рекомендации по внедрению ее в жизнь. Решение всех вопросов, касающихся демографической политики включая вопросы финансирования ее мероприятий из собственного бюджета, необходимо предоставить местным органам власти.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Красовский, К. К. Трансформация демографических структур Беларуси и Литвы / К. К. Красовский, В. Даугирдас // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2016. – № 1. – С. 121–127.

2. Россет, Э. Процесс старения населения: демографические исследования / Э. Россет ; пер. с пол. – М. : Статистика, 1968. – 510 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 04.10.2016

Krasovski K.K., Daugirdas V. Age-sex and Ethnic-Religious Structures of the Population in Belarus and Lithuania

On the basis of the census and current statistics the analysis of age-sex and ethnic-religious structures of the population in Belarus and Lithuania in the aftermath of World War II is given, its characteristics and trends were identified.

УДК 37.014.53 : 001.82

Г.В. Жук

*канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена социологическому анализу проблем политической социализации студенческой молодежи в условиях трансформирующегося общества. В основу положены результаты социологических исследований, проведенных автором в БрГУ имени А.С. Пушкина с 2014 г. по 2016 г. Рассматривается сущность понятия «политическая социализация», анализируются причины ее актуализации в кризисные и трансформирующиеся периоды развития общества. Обосновывается значимость гуманитарных знаний для политической социализации студенческой молодежи. Особое внимание уделяется вопросам национальной самоидентификации как фактору политической социализации.

Введение

В периоды более или менее нормального функционирования социума устанавливается относительная соразмерность мировоззренческих потребностей и ценностных ориентаций, познавательных побуждений и нравственных императивов, идеологических установок, целенаправленных устремлений и т.д.

Совсем иначе обстоит дело во времена общественной нестабильности, глобальных кризисов и социальных трансформаций. Современное общество определяется как общество риска. Именно возросшая рискогенность глобального развития во многом обусловила тот сдвиг, который произошел в массовом сознании. Культурный стандарт снижается, причем с ориентацией на порой не самые лучшие западные образцы. Продолжается расширенное воспроизводство квазинорм: наркомания, алкоголизм, проституция и др. В духовной сфере социума воцаряются плюрализм мировоззрения и идеологий, общественных настроений и мнений.

Наблюдается крушение гражданской идентичности. Отношение большинства к государству и политической власти часто носит характер нигилистического игнорирования и политического индифферентизма, демонстрирует пренебрежение соответствующими социальными ролями. Таким образом, в XXI в. все человечество оказалось перед многоаспектным выбором: технологическим, политическим, образовательным, экономическим, социокультурным, ценностным, цивилизационным.

В этой связи особую актуальность приобретают вопросы политической социализации и политического воспитания молодежи. Молодежь во все времена во многом определяла политические, экономические и социальные процессы, являясь генератором и носителем идей преобразования в социуме. С другой стороны, молодому человеку трудно ориентироваться в ситуации нормативно-ценностного плюрализма, он утрачивает определенность в выборе линии поведения или, зная о нормах и правилах, не следует им.

Цель нашего исследования – проанализировать сквозь призму социологических исследований процесс социализации современной студенческой молодежи, ее адаптацию к реалиям трансформирующегося общества, рассмотреть проблемы национальной самоидентификации молодежи в глобализирующемся мире.

Политическая социализация в системе высшего образования

С древности формированию общества сопутствует процесс социализации новых поколений. Таким способом общество воспроизводит себя и продлевает свое историческое время. Общество предъявляет определенные требования к молодому поколению, которые определяются, с одной стороны, историческими, социальными и иными традициями данного общества, а с другой – господствующими представлениями о целях его развития. Общество контролирует направленность социальной интеграции молодежи исходя из целесообразности воспроизведения тех или иных структур и отношений в интересах своей целостности, устойчивости и развития.

Механизм социального воспроизводства во всех современных обществах одинаков, но это вовсе не значит, что воспроизводственные процессы протекают идентично. Они резко отличаются в обществах стабильных, трансформирующихся и кризисных. Существует мнение, что в периоды трансформаций и кризисных явлений в обществе возникает духовный вакуум. Однако это не так. Такого явления в принципе нет: просто часто в такие периоды происходит потеря жизненных ориентиров, и на периферию ценностного сознания перемещаются многие прежде значимые общечеловеческие идеи и ценности, а ядро ценностного мира заполняется ценностями и нормами иного качества.

Наиболее восприимчивой к новым явлениям действительности, к новым знаниям, новым представлениям о мире и обществе является молодежь. Но при этом она легче поддается манипулированию, у нее еще нет устойчивых представлений и убеждений, устоявшихся политических взглядов и предпочтений, которые как раз и приобретаются и закрепляются в процессе политической социализации.

Политическая социализация – процесс усвоения определенных политических знаний, ценностей и норм, передачи и приобретения политического опыта, накопленного предшествующими поколениями людей, позволяющих личности стать полноправным участником политической жизни общества, ориентироваться в сложных общественных процессах, делать сознательный выбор в политике.

Особую роль в политической социализации играют высшие учебные заведения. Наиболее актуальными проблемами института образования выступают проблемы жизненного самоопределения, самореализации и самоутверждения учащейся молодежи, проблемы выбора ими нравственных и иных ценностей жизни.

Политическая социализация в системе образования представляется охранительной и стабилизирующей силой, ответственной за устойчивость моделей политического поведения. Можно выделить два способа политической социализации:

1. Передача новым поколениям образцов политического сознания и политического поведения (в сознание молодого поколения внедряются ценности, нормы и образцы, которые освоены опытом прошлого).

2. Приобретение личностью новых, ранее неизвестных политических знаний, усвоение нового политического опыта.

Итогом политического образования должно стать умение принимать самостоятельные и ответственные политические решения на основе полученных знаний, умение критически анализировать информацию и исследовать явления политической реальности. Политическое образование должно способствовать снижению рисков оказаться молодежи в сетях радикальных объединений, попасть под влияние агрессивной циничной политической агитации и пропаганды.

Политическое образование в Республике Беларусь вводит конкретные индикаторы стандарта: ключевые разделы, темы, теоретические и прикладные проблемы науки.

Например, «Политология» и «Основы идеологии белорусского государства» включены в перечень гуманитарных дисциплин, обязательных для изучения студентами всех вузов страны. В СМИ Беларуси не перестает утихать дискуссия, связанная с тем, нужна ли нам единая государственная идеология? Некоторые ученые, представители политических партий заявляют, что государственная идеология – это очередная химера, на практике ведущая назад в СССР, к ура-патриотизму, к зомбированию людей и т.д.

В ходе социологического опроса (2014–2015 гг.) мы попытались выяснить отношение студентов БрГУ имени А.С. Пушкина к изучению государственной идеологии (опрос проводился на всех факультетах). На вопрос «Необходимо ли преподавание в вузах предмета “Основы идеологии белорусского государства?”» большинство студентов (93%) высказали мнение о необходимости данной дисциплины, обосновывая это тем, что идеология поможет «реально оценить политические условия развития своей страны, а также политику других государств», «поможет сформировать чувство патриотизма», «поможет сформировать гордость за страну, в которой мы живем» и т.д. На вопрос «Что из перечисленного больше всего влияет на формирование Вашего мнения о жизни и стране» каждый пятый ответивший студент (21,5%) признает влияние на их мнение позиции преподавателей, которые читают социально-гуманитарные дисциплины.

Важной для политической социализации является реализация программ, имеющих воспитательную направленность: идейно-политические дискуссии, единые информационные часы, «круглые столы», конференции. В БрГУ имени А.С. Пушкина ежегодно в рамках кафедры политологии и социологии проводятся университетские конференции: «Роль идеологии в современном мире», «Духовность как фактор победы в Великой Отечественной войне», а также университетские конкурсы научных работ студентов: «СССР в геополитическом пространстве мира: взгляд современного студента», «Беларусь: устремленность в будущее», «Проблемы национальной безопасности Республики Беларусь».

Победа в Великой Отечественной войне остается тем историческим событием, результаты и уроки которого несут в себе большой потенциал патриотического воспитания современной молодежи. Данные социологического опроса показали, что большинство студентов университета (96,2%) активно интересуются событиями Великой Отечественной войны, что свидетельствует об их неравнодушии к подвигу советского народа. Наблюдается осведомленность студентов в области знаний, касающихся событий Великой Отечественной войны. Так, например, ответы на открытый вопрос «Какие решающие битвы Великой Отечественной войны Вам известны?» распределились следующим образом: 58,8% назвали Сталинградскую битву; 43,6% – Курскую битву; 20,1% – битву за Москву; 15,4% – прорыв блокады Ленинграда; 7,6% – операцию «Багратион»; 6,8% – оборону Брестской крепости; 6,8% – оборону Севастополя; 4,6% – битву за Берлин.

К сожалению, в последние годы преподавание социально-гуманитарных дисциплин, способствующих политическому образованию, резко снижается в количественном выражении и превращается в разрозненные, лишённые внутренней связи обрывки знаний. Это вызывает тревогу, ибо качественное политическое образование является одним из гарантов стабильности политического состояния общества.

Национальная самоидентификация студенческой молодежи в контексте политической социализации

Формирование установок национальной идентичности является одним из существенных факторов политической социализации молодого поколения. Усвоенные в процессе осознания этнической идентичности нормы и ценности могут быть проецированы на политическое поведение молодежи.

Социокультурная идентификация – это процесс усвоения индивидом различных видов социальной и культурной деятельности, норм, ценностей, идеалов определенного сообщества. Причисление себя к какой-либо социально-культурной общности дает личности возможность усваивать определенные социально-поведенческие стереотипы, посредством чего становится возможным существование ее в данной общности. Поэтому проблема национальной самоидентификации является одной из важных в политической социализации личности.

Традиционно одним из главных факторов формирования и поддержания национальной идентичности считается язык. Действительно, язык играет важную роль в сохранении этноса, являясь признаком его этнической культуры. Но всегда ли этот фактор является основополагающим для этнокультурной самоидентификации. Ряд исследователей утверждают, что связь между языком и национальным самосознанием совсем не обязательна и во многих случаях вполне может размываться или отсутствовать как таковая [4, с. 60].

Республика Беларусь считается многонациональным государством. По данным переписи 2009 г., в Беларуси проживает около 140 национальностей и народностей. При этом почти 83% жителей страны относят себя к белорусам. Но основным языком общения является русский. На русском языке, согласно переписи, разговаривают более 70% населения, и лишь 23% белорусов используют для коммуникации белорусский язык. Чтобы определить роль белорусского языка среди студенческой молодежи в становлении ее национальной самоидентичности, мы провели социологический опрос среди обучающихся в БрГУ имени А.С. Пушкина. В исследовании приняли участие 312 студентов филологического, математического, исторического факультетов и факультета физического воспитания.

Первоначально мы решили узнать, какому языку отдают предпочтение студенты. Результаты в целом были предсказуемы. На вопрос «На каком языке Вы разговариваете в повседневной жизни?» 75% опрошенных ответили, что на русском, 23% – на русском и белорусском (в зависимости от обстоятельств) и всего лишь 2% – на белорусском.

В Республике Беларусь два государственных языка. Это решение было принято на всенародном референдуме. Нам было важно выяснить, как современная студенческая молодежь относится к данному решению старшего поколения. В этой связи был сформулирован вопрос: «Хотели бы Вы, чтобы белорусский язык стал единственным государственным?»

Приведенные данные (рисунок 1) наглядно подтверждают маргинальный статус белорусского языка в Республике Беларусь. Преимущественная сфера действительного использования белорусского языка – это сфера личностно-семейных отношений, причем и она сокращается. Русский язык доминирует. Студенческая аудитория отдает ему безусловное предпочтение как наиболее удобному для коммуникации. Показательно, что при ответе на вопрос о том, что значит быть белорусом, лишь 6% связали это со знанием белорусского языка и его использованием.

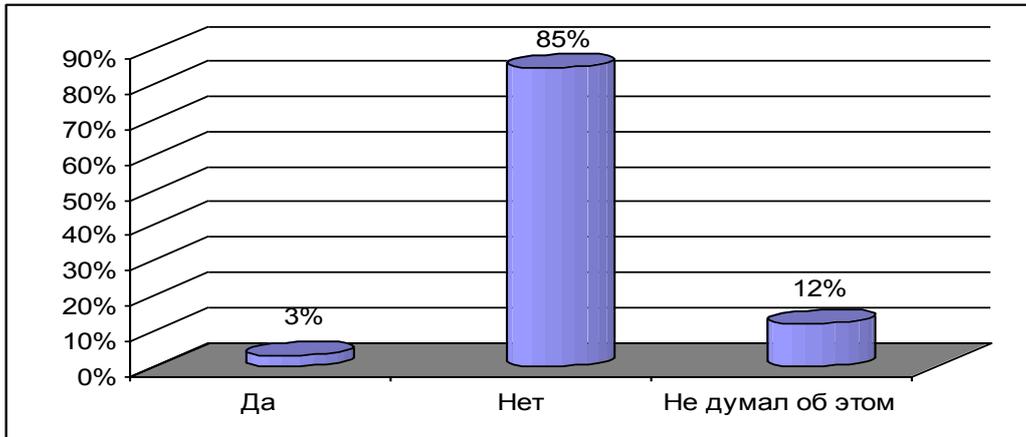

Рисунок 1. – Распределение ответов на вопрос «Хотели бы Вы, чтобы белорусский язык стал единственным государственным?», %

Таким образом, один из важнейших компонентов национальной идентичности, а именно родной язык, не играет, по нашему мнению, какой-либо существенной роли в конструировании идентичности белорусов. Логично предположить, что она выстраивается и на других основаниях. На каких же? А может, современной студенческой молодежи в большой степени свойственен космополитизм, и ей совершенно безразличен вопрос о национальной самоидентичности? Результаты, представленные ниже, свидетельствуют о совершенно обратном.

Прежде всего, встал вопрос о самоидентификации студенческой молодежи. Так с кем же все-таки идентифицируют себя студенты?

Рисунок 2. – Распределение ответов на вопрос «С кем Вы соотносите свое “Я”?», %

Таким образом, 86% молодых людей (рисунок 2) конкретно соотносят себя с белорусской нацией.

Далее мы постарались выяснить степень важности причастности студенческой аудитории к белорусскому этносу (рисунок 3).

Рисунок 3. – Распределение ответов на вопрос «Важно ли Вам чувствовать себя представителем белорусского этноса?», %

Особый интерес представляет анализ ответов на вопрос «Что, по-вашему, значит быть белорусом?». Преобладают ответы, указывающие на важность «жить в Беларуси», «считать себя белорусом», «знать и беречь национальные традиции», «по происхождению быть белорусом», «уважать и ценить белорусскую культуру» и т.д.

На открытый вопрос «С чем у Вас ассоциируется современная Беларусь?» доминируют положительные ассоциации: «чистота», «стабильность», «мужество белорусского народа», «красота белорусских земель», «василёк», «белый аист», имена выдающихся белорусских ученых, поэтов, мыслителей и т.д. Все полученные ответы свидетельствуют о патриотических чувствах респондентов.

По семизначной шкале мы предложили студентам определить степень их патриотизма. Очевидно, что большая часть респондентов (74%) считают себя патриотами. Патриотизм – это нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к отечеству. Патриотизм – естественное чувство нормального человека. Результаты опроса показали, что у большинства студентов патриотизм связан с наличием чувства национального самосознания. Это и уважение национальной истории и культуры (66,5%); любовь к тому месту, где родился (62,8%); готовность защищать Родину словом и делом (39,5%); знать и соблюдать законы Республики Беларусь (28,9%). Каждый пятый ответивший (21,1%) чувствует личную ответственность за то, что происходит в Беларуси. В меньшей степени в студенческой среде патриотизм связан с честным трудом (6,8%), здоровым образом жизни (4,5%) и готовностью разговаривать на белорусском языке (7,0%) (рисунок 4).

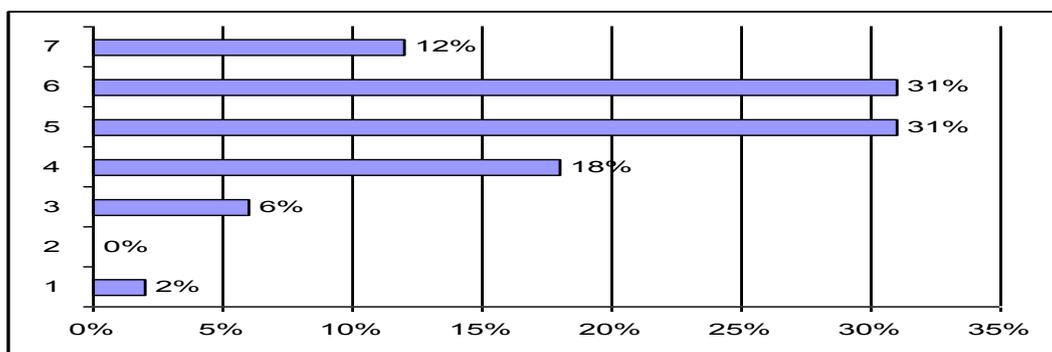

Рисунок 4. – Определение студентами степени своего патриотизма

Белорусский язык действительно утратил значение реального средства коммуникации. Выбор родного языка можно считать скорее чисто символическим актом, демонстрирующим приверженность ценностям определенной культуры, который вполне может расходиться с реальными языковыми практиками. Язык сохранил свой символический капитал в качестве элемента национальной самоидентификации. Общественный запрос на выживание белорусского языка мотивирован, прежде всего, пониманием необходимости его сохранения как национальной ценности и символа.

Мы разделяем точку зрения В.А. Тишкова, считающего, что утрата, или, точнее, смена, языка не ведет к утрате этнической идентичности и к исчезновению отдельного народа [2, с. 218]. В мире много народов, сменивших язык, но от этого не утративших своей идентичности. С другой стороны, очевидно, что конфликт между сторонниками альтернативных концепций национально-политического самоопределения Беларуси не снят с повестки дня и может привести к новому витку политико-идеологического противостояния в стране, как это было в период 1991–1994 гг. Минимизировать конфликтный потенциал между различными моделями идентичности и обеспечивать их мирное сосуществование как раз и позволяет сегодняшнее признание множественности культурных традиций как естественного атрибута белорусского общества, веками находящегося на стыке культурно-цивилизационных миров.

Такая позиция, как считает В.В. Шимов, не предполагает разделения белорусского общества на замкнутые группы, жестко придерживающиеся «своей» традиции. Каждый индивид вовлечен в две и более культурные традиции, что позволяет поддерживать внутреннюю связность белорусского информационного и коммуникативного пространства [3, с. 83–84]. При этом выбор (или не выбор) в пользу той или иной модели идентичности должен оставаться за индивидом. Данный подход нам представляется более перспективным, продуктивным и демократичным.

Заключение

Молодежь как особая социально-демографическая группа постоянно находится в фокусе исследований социологов, поскольку именно она является чутким индикатором изменений, которые происходят в обществе, и определяет в целом потенциал его развития. От того, насколько изучен мир ценностей современной молодежи, ее установки и жизненные планы, во многом зависит эффективность мероприятий, которые разрабатываются в области образования, в сфере работы и занятости. Не поняв общества, в котором живет молодежь, нельзя понять самой молодежи и ее специфических проблем. Противоречие между зарождающимся самосознанием личности и степенью готовности общества принять его и способствовать его дальнейшему саморазвитию – одно из наиболее фундаментальных противоречий общественной жизнедеятельности, сопряженное со стремлением к сохранению стабильности и в то же время к постоянному самообновлению.

Современная модель политической социализации, с нашей точки зрения, должна стремиться к гуманистическим ориентирам, предполагающим создание атмосферы уважения к личности гражданина, его достоинству, обеспечение максимально благоприятных условий для раскрытия и развития способностей и дарований человека. Она предполагает достижение взаимного доверия и уважения, толерантности, личной ответственности, активной гражданской позиции.

Объективная необходимость гуманистической модели социализации очевидна. Молодежи жизненно важна шкала положительных созидательных ценностей, опираю-

щихся не на потребительско-утилитарную психологию, а на гуманный капитал, накопленный всем человечеством. Здесь важны общие принципиальные положения: справедливость, альтруизм, патриотизм, гражданственность. Нужна целевая регулирующая и контролирующая роль всех институтов гражданского общества и государства, в том числе и системы высшего образования.

По результатам наших социологических исследований можно сделать следующие выводы:

- 1) студенческая молодежь в сложном и противоречивом мире сохранила приоритет общечеловеческих ценностей;
- 2) вуз играет значительную роль в определении вектора этих ценностей;
- 3) идет трудный процесс формирования национальной идентичности, который не носит ультимативного, резкого характера, но способствует осознанию молодежью важности таких ценностей, как суверенитет страны и патриотизм;
- 4) особая роль в этом процессе отводится курсу «Основы идеологии белорусского государства»;
- 5) несмотря на признание необходимости и важности данного курса, остается проблема его наполняемости, содержательности, а также качества преподавания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биллинг, М. Нация и язык / М. Биллинг // Логос. – 2005. – № 49.
2. Тишков, В. А. Этнология и политика. Научная публицистика / В. А. Тишков. – М. : Наука, 2001. – 240 с.
3. Шимов, В. В. Россия и русские как фактор белорусской идентичности / В. В. Шимов // Социология. – 2010. – № 4.
4. Политическая социализация личности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/politicheskaya-socializaciya.html>. – Дата доступа: 14.04.2016.
5. Иоффе, Э. Г. О политической социализации молодежи Беларуси / Э. Г. Иоффе // Выш. шк. – 2009. – № 2. – С. 45–49.
6. Козыренко, Н. П. Специфика политической социализации студенческой молодежи Республики Беларусь / Н. П. Козыренко // Проблемы управления. – 2008. – № 1. – С. 202–206.
7. Щербинин, А. И. Политическое образование : учеб. пособие / А. И. Щербинин. – М. : Весь Мир, 2005. – 288 с.
8. Храмова, Ф. И. Государство как субъект политической социализации молодежи: гендерный аспект / Ф. И. Храмова // Проблемы управления. – 2009. – № 1. – С. 205–208.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 08.11.2016

Zhuck G.V. Political Socialization in Educational Process: Sociological Aspect

The article is devoted to the sociological analysis of political socialization problem of student youth in the conditions of transforming society. The results of sociological research conducted by the author in Brest State University named after A.S. Pushkin are the basis of the article. The article considers the essence of the notion «political socialization», analyses the reasons for its actualization during crisis and transforming periods of society development. The importance of humanitarian knowledge for political socialization of student youth is stipulated. Special attention is given to the questions of national self-identification as a factor of political socialization.

УДК 340.115

Б.М. Лепешко*д-р ист. наук, проф., проф. каф. філософіі
Брестскаго дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна***МЕТОДЫ В ПРАВЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ**

Рассматриваются исследовательские методы, применяемые в юриспруденции. Проблема методов решается в трёх аспектах. Первый: изучение эвристических возможностей метода как инструмента гносеологического поиска. Второй: демонстрация альтернатив теоретического характера по отношению к возможности применения методов в праве. Третий: сопоставление классического и неклассического подходов в методологическом ракурсе. Исследуется междисциплинарный характер современной методологии права и возможности интегративной методологии.

Говорить о методах в праве необходимо, главным образом, постольку, поскольку они являются важнейшим инструментом гносеологического процесса. Обращение к методам в праве – это обращение к вопросу об эвристических возможностях логики, её инструментария, наработанного столетиями, для решения важнейших практических вопросов. И начать, очевидно, необходимо с вопроса о том, существуют ли на самом деле специфические, чётко очерченные «правовые методы»? Ссылка на то, что «вопрос является дискуссионным», нам мало что даёт. Попробуем вычленить основные подходы, сложившиеся в правовой науке по отношению к данному феномену.

Польские исследователи Е. Стельмах и Б. Брожек в специальном монографическом исследовании «Правовые методы» считают, что по отношению к методологии права и методов в праве исторически существуют несколько точек зрения, которые можно свести к трём основным. Это, во-первых, «крайняя» точка зрения, отрицающая вообще наличие специфических методов в праве. Традицию отрицания методологии права и специфических методов права заложил немецкий юрист фон Кирхман в середине XIX в. Далее это т.н. «методологическая гетерономия», представители которой занимали умеренную позицию. С их точки зрения, право тогда «работает» с научными методами, когда заимствует их из наук, чья «научность» не вызывает сомнений. Это математика, физика, биология и т.д. Самый высокий уровень этого подхода представляет аналитическая философия права. Здесь оформились два основных подхода: логико-математический и лингвистический. И последняя позиция, которую можно обозначить как «методологическая автономия». Право автономно, главными критериями научности правовых положений являются критерии «внутренние», собственно правовые. Представители этой точки зрения полагают, что «наука права должна выработать собственную методологию, отличающуюся от той, которой пользуются представители наук формальных (математика и логика) и естественнонаучные дисциплины» [1, с. 25]. Необходимо признать, полагают польские юристы, что исторически спор не завершился чьей бы то ни было победой, поэтому имеет смысл сосредоточиться на исследовании конкретных методов в праве, и польские авторы выделяют четыре таких метода: логика, анализ, аргументация и герменевтика. В данном случае мы не будем анализировать обозначенные методы, поскольку эти дефиниции требуют подробного и критического рассмотрения. Отметим лишь, что дифференциация категорий «логика», «анализ» и «аргументация» связана с традицией рассмотрения этих понятий в рамках польской логической школы.

Для сравнения: вот как рассматривает данную проблему российский юрист А.С. Автономов. Аналогом той «крайней» точки зрения, о которой говорили польские учёные, явилась позиция отечественного юриста XIX в. М.С. Строговича, который утверждал, что никакой особой юридической методологии в отечественной государственно-правовой науке не создано. По мнению А.С. Автономова, сегодня большинство учёных не согласны с таким подходом. Правда, нельзя не учитывать, что общей точки зрения на данный предмет исследования не существует до сих пор. «Если под методологией понимать, прежде всего, науку о методах, то действительно, специальной правовой методологии как отрасли науки не создано. Однако вызывает сомнения возможность создать специальную правовую методологию именно в качестве самостоятельной отрасли науки. По-моему, – продолжает российский учёный, – очевидно, что правовая методология представляет собой не отдельную науку, а некую область знания, находящуюся на границе методологии как науки о методах и юридических науках» [2, с. 94]. Конечно, прав А.С. Автономов в той части, когда утверждает, что универсального юридического метода не существует, но вот вопрос о специфике юридических методов всё же остаётся, на наш взгляд, открытым.

Для того чтобы убедиться, что поиски в этом направлении продолжаются (и поиски достаточно плодотворные), отметим факт появления в польских, например, учебниках по логике глав и разделов, которые посвящены именно методам в праве и нацелены на то, чтобы студенты могли не просто знать, но и активно работать с правовыми, по сути, методами. Оговоримся, что многие авторы достаточно осторожно фиксируют собственно правовые методы. Речь чаще всего идёт о применении ряда методов в праве, специфике применения этих методов в праве, понимании того, что именно в праве те или иные методы могут приносить наибольший эффект. Вот, например, А. Койдер и З. Цывинский выделяют в качестве таких методов метод анализа личных документов, метод анализа государственно-правовых документов, экспериментальный метод (прежде всего в социологии права), метод вывода (под ним понимается, прежде всего, дедукция) и т.д. [3, с. 403–415]. Заметим, что в этом контексте привлекаются достижения иных наук и полученные результаты выглядят как «правовые». В качестве примера – «проекционный метод», заимствованный из психологии. Суть его в том, что исследуемые граждане искусственно попадают в ситуацию, которой они сами придают некое значение, формируют цель, определяют ценности и, как результат, определяют собственное правовое поведение. Насколько удовлетворительным выглядит такой подход, можно, конечно, спорить.

Следует упомянуть: классик юриспруденции Г. Кельзен предполагал, что право располагает своими собственными специфическими методами. Это догматический и нормативный методы. Что касается нормативного метода, то в его рамках норма изучается как логическое суждение особого рода; определяется логическая природа нормы, образующие её элементы, система норм, связи, которые объединяют разнородные явления и процессы в единое целое. Нормативный метод заключается в интеллектуальной «обработке» норм, выяснении и выделении их отдельных черт и элементов путём сравнения, анализа и иных логических операций. Основная особенность догматического метода заключается не в том, что в его поле зрения находятся нормы права, а в том, что эти нормы рассматриваются как самодовлеющая и замкнутая система, из которой выводятся все основные правовые положения вплоть до юридической справедливости. В связи с этим в юриспруденции особенно важным методом остаётся догматический метод, который иногда называют формально-юридическим. Данный метод заключается

в выяснении действующих правовых норм, их анализе, обобщении, классификации и конструировании новых понятий на основе уже существующих в правоведении общих понятий и определений. Догматический метод в совокупности с критическим методом, заключающимся в оценке тех или иных явлений с точки зрения определённого идеала, образуют то, что можно назвать «юридическим мышлением».

Существуют и иные подходы к определению методов правовых исследований. В частности, С.А. Калинин полагает, что имеет смысл выделить (среди системы методов) методы общеправовые, методы общенаучные и методы частные. Это традиционный подход (обратим внимание: речь о специфически правовых методах не идёт). В то же время, характеризуя некоторые частные методы, учёный даёт понять, что их вполне можно зачислить «по ведомству» именно правовых методов. Это формально-юридический метод, сравнительно-правовой, метод толкования права и т.д. [4, с. 7–17].

Отдельный вопрос: каким образом применяются те или иные правовые методы в практике юриста? Здесь, на наш взгляд, имеет смысл рассмотреть данную проблему в двух смысловых разрезах: практическом и теоретическом. Вначале несколько уточнений, связанных с практическим контекстом применения метода. Уточнение первое: метод, его наличие не самоцель. Достаточно вспомнить классические романы Ж. Сименона, в центре которых находится впечатляющая фигура комиссара Мегрэ, детектива, плебея, которому чужды интеллектуальные изыски, аполитического и очень «народного» человека. Применительно к комиссару Мегрэ (насколько нам известно) фактически нет работ, в которых бы исследовался его метод. И понятно почему: здесь нет отсылок к образцам дедуктивного метода, рядом с Мегрэ нет своего Ватсона, который бы пробовал применить его дедукцию на практике. Нет аналогий мисс Марпл из романов А. Кристи, а что есть? Есть постоянное нахождение в гуще людей, постоянный сбор материалов, фактов. Вот, например, в романе «Мегрэ и бродяга» можно найти редкое для Ж. Сименона замечание по поводу метода, применяемого комиссаром Мегрэ, но оно вряд ли удовлетворит взыскательных ценителей жанра. Ведь комиссар никогда не говорил о своём расследовании ни с женой, ни с ближайшими помощниками, ни с начальством. «Что вы думаете обо всём этом, Мегрэ?» – зачастую спрашивал его следователь после выезда на место происшествия. Ответ был всегда один: «Ничего не думаю, господин следователь». И здесь же ремарка по поводу метода: «Таков уж был его метод работы: самому добраться до сути, постепенно вникая в жизнь людей, о существовании которых он накануне ещё и не подозревал». В одном из произведений Мегрэ вспоминает назидание своего первого наставника, комиссара Ксавье Гишара, который говорил молодому полицейскому: «Все эти разговоры об интуиции и прочем – чепуха. Нужен факт, на который можно опереться. Когда есть реальный, непротиворечивый, объективный факт – вот от него и надо плясать». Мегрэ и «пляшет»: толкается в очередях, беседует с привратниками и консьержками, ходит целый день по улицам, дворам, значным местам, хотя очевидно, что эту работу могли бы выполнить и рядовые оперативники. Он ищет что-то осязаемое, на что можно было бы опереться в дальнейших поисках. Метод – это не волшебная палочка, с помощью которого можно найти отгадку самым запутанным вопросам. Но это, вне сомнений, очень мощный инструмент в умелых руках.

Уточнение второе: ныне существует своего рода пренебрежение к методу, которое (пренебрежение) несправедливо и чревато негативными последствиями. Обратите внимание на современные детективные произведения, киносериалы. Можем ли мы сказать, что тот или иной герой (следователь, главным образом) вооружён каким-то определённым методом и решает поставленные задачи именно на основе этого метода? Нет,

не можем. В ходу «женская интуиция», особые озарения, возможность увидеть то, чего не видят другие и т.д. А призывы к логике, которые тоже можно услышать достаточно часто, сводятся к неким заклинаниям, за которыми не видно никакого содержательного поля. Эти уточнения (первое и второе) вовсе не противоречат друг другу, как это может показаться. Везде и всегда нужен баланс – интеллектуальный, интуитивистский, логический, рациональный и иррациональный. В конечном счёте, всё решает результат, а каким путём он достигнут – вопрос второстепенный. Но в том-то и дело, что инструментарий логического характера может сыграть определяющую роль. Стоит здесь поразмышлять и вот о чём. Для студента, молодого исследователя вопрос метода при «вхождении» в научную жизнь не просто второстепенный: иногда метода для него реально не существует. О методе вспоминают лишь тогда, когда встречаются с требованием «инструкций» обозначить методологический контекст представленного для рассмотрения опуса. Но весь вопрос в том, что метод – это не форма принудительного ответа на требование формалистов от науки. Метод – это тот инструмент, который может существенно расширить эвристические возможности исследователя, мало того, придать его теме совершенно новый, ранее неизвестный ракурс.

И третье уточнение: жизнь не стоит на месте, право постоянно «вбирает» методы иных наук, иных направлений развития человеческого знания, и потому очень важно и в вопросе применения (развития) методов всегда быть хотя бы на полшага впереди людей, планирующих преступить закон или уже совершивших преступление. И здесь речь не обязательно должна идти о новых средствах криминалистической экспертизы, новых достижениях технического свойства. Возможности логики столь же неисчерпаемы, как и возможности человеческого мозга, мышления в целом. Далеко не случайно представители ведущих западноевропейских правовых концепций (феноменологии, герменевтики, синергетики и т.д.) постоянно подчёркивают рационалистический, т.е. формально-логический контекст теоретических новаций. Даже в том случае, когда представители неклассического знания говорят о важности, например, замены логической операции определения внелогической операцией описания, они оперируют вполне добротными аристотелевскими подходами, связанными с процедурами определения понятий, их деления, соотношения их объёмов и т.д. Примечательно, что те книги авторов, защищающих неклассические подходы к праву, сопровождаются вполне классическим словарём терминов, вполне классической дедуктивно-индуктивной логикой рассуждений. Возможно, это связано с недостаточной разработанностью неклассической методологии применительно к праву и соответствующим процессам. Тем не менее здесь мы скорее можем говорить о «взаимопроникновении» и «взаимодополнении» теоретических подходов, нежели об их поляризации.

Говоря о теоретическом аспекте работ в области методологии, методов права, необходимо сконцентрировать внимание на следующих основных тенденциях. Первое: как считает один из белорусских авторов, решение методологических проблем возможно в рамках двух подходов – обоснованием нового метода и критикой предыдущих методологических стратегий. «Важной тенденцией в этом случае выступают обоснование новых и критика уже сложившихся подходов, а также проверка новых методов на их научную и практическую адекватность» [5, с. 7–8]. Причём новый метод рассматривается в аспекте именно постнеклассической научной парадигмы. Здесь со всем можно согласиться, кроме одного: почему отношение к «старым» методам должно быть обязательно критическим? Несложно предположить, что тем самым подчёркивается исчерпанность возможностей традиционных методов права, которые не могут быть «модер-

низированы» в рамках «старых», классических подходов. Ныне являются востребованными методологические новации, основанные на терминах, которым придаётся некое глобальное теоретическое звучание. Скажем, это «диалог» (опорная дефиниция концепции И. Честнова), «коммуникация» (базовый термин теории А. Полякова) и «вырастающие» из них системные теоретико-правовые конструкции. Однако важно подчеркнуть и иное – наличие своего рода «третьего пути», который может быть связан с развитием классических форм мышления. Т.е. развитие методологии как науки о методах вовсе не связано исключительно с теоретическими новациями постнеклассического характера. Можно и нужно развивать теоретическое знание на основе наработанных средств и форм развития знания. Впрочем, говорить об этом – значит ломиться в открытую дверь, поскольку как раз на этом пути оформляется и развивается качественно новое знание. Правда, в ряде случаев с постоянными оговорками, что, дескать, нами признаётся важность неклассической парадигмы знания, но вот позвольте всё же высказаться в рамках классических парадигм знания. Но сомневаться здесь в собственной правоте вряд ли стоит. Привлекательной в этой связи выглядит позиция известного российского нормативиста М.И. Байтина, который открыто и без экивоков защищает именно нормативистскую концепцию правопонимания. В данном случае, не углубляясь в полемику по сущностным вопросам, хотелось бы отметить именно методологический подход, связанный с чётким обозначением приоритетов. Скажем, сторонникам (и многочисленным) различных вариантов интегративной юриспруденции учёный заявляет о её «малоперспективности». Протестует против проникновения в сферу права иррационального и даже мистического знания, проникнутого началами космизма и т.д. [6, с. 18]. Повторюсь: точно также можно цитировать тех учёных, которые находятся на иных методологических позициях, но близки цитируемому нами автору в части чёткого и ясного выражения методологических приоритетов. В этом аспекте имеет смысл поддержать позицию В.П. Малахова, который отметил следующее: «Допущение методологического разнообразия в теории государства и права не означает её идейной неопределённости, а именно: все возможные методологии лишь в разных аспектах отражают право и государство как универсальные свойства общественной жизни» [7, с. 43].

Второе: среди достаточно большого количества различных методологических подходов для нас важным является формально-логический подход или формально-логическая методология. Назвать эту методологию узкоспециализированной, т.е. имеющей исключительное отношение к какой-либо одной сфере знания, нельзя: это базовая методология, распространённая во всех областях знания. Её специфика обнаруживается, прежде всего, в практике построения системы суждений о различных процессах, предметах теории государства и права на основе процедур и законов формального мышления и, прежде всего, аристотелевской силлогистики как наиболее последовательного и максимально «чистого» (в части дистанцированности от эмпирического знания) содержания. Как отмечает один из российских юристов, «построение теории государства и права с помощью формально-логической методологии создаёт для неё возможность выступать в качестве кальки практического юридического мышления (формально-логического по своей сути), а также стимулирует обратный процесс – трансформацию практического мышления в теоретизирование, что составляет основу юридического мировоззрения» [8, с. 9]. В ходе применения данной методологии необходимо опираться на стандартные формально-логические принципы (определённости, обоснованности, универсальности, рациональности и т.д.), вместе с тем важны и уточнения специального характера. Например, следует учитывать, что в рамках применения дан-

ной методологии увеличение объёма теоретических знаний идёт за счёт не имеющей меры дифференциации, детализации понятийного аппарата, в результате чего теория оказывается громоздкой, сущность правопонимания теряет определённую определённость, теория может терять какие-то основные компоненты именно юридического характера. Следует учитывать и то, что ряд методов в пределах рассматриваемой методологии (аналогии, сравнения) ненадёжны, поскольку исследуемые процессы весьма сложны, а отражаемые процессы – многофакторны. Именно о недостатках формально-логического подхода говорит, например, А.С. Александров, когда обращается к тексту Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Учёный обращается к терминологии, принятой в УПК, и задаётся вопросом: каково отношение субъекта доказывания к объекту доказывания, какова природа используемых субъектом средств доказывания и что является результатом судебного доказывания? Опуская целый ряд важных замечаний, отметим главное: объект и субъект познания зависимы от языка, основная реальность, с которой имеют дело участники судопроизводства, есть словесная, текстовая действительность. А «языковой опыт субъектов, участвующих в уголовном деле, является определяющим условием для бытия “фактов”, “обстоятельств”, “оснований” в судебном дискурсе» [9, с. 12]. Автор указывает, что формально-логический инструментарий в этих условиях имеет ограниченный эффект, поскольку необходимо привлекать внимание к иным средствам и возможностям: лингвистическим (ибо судебное доказательство есть процесс, реализуемый в судебной речи), идеологическим, этическим и иным. Впрочем, по этому поводу можно заметить, что выходом в данной ситуации может быть системная методология, системный подход.

И третье: следует различать подходы, осуществляемые в науках теоретических, и науках, связанных с рассмотрением проблем в конкретных отраслях права. Проблематика правовых наук сложная и неоднородная в части решаемых исследовательских проблем. Именно поэтому применение тех или иных методов в историко-правовых науках может существенно отличаться от соответствующего процесса при обращении к конкретным отраслям права. Так, например, сегодня достаточно много новаций в части методологических подходов высказывается в рамках теории права, но фактически нет работ, где бы данные методологические новации (феноменологического, герменевтического и т.д. характера) применялись практически, к тем или иным конкретным отраслям права. Это, конечно, не случайно, поскольку идёт процесс накопления «общего», концептуального, на основе которого возможно движение к раскрытию содержания «частного». Большинство современных попыток в этом контексте – это теоретические работы общего характера, как, скажем, попытка анализа, соотношения понятий «конституция» и «право», которое предлагает И.А. Кравец. Во влиятельном российском правовом журнале он пишет, что теория современного конституционализма основывается на интерпретационных методологиях, но здесь же отмечает, что понятие «интерпретационные методологии» у нас не устоялось, нет выражения, аналогичного английскому первоисточнику. Однако «в широком смысле интерпретационные методологии – это набор методов, объясняющих роль, толкование, динамику развития отдельных конституционно-правовых институтов, их взаимосвязь в процессе реализации конституционных и других правоотношений. В узком смысле это система методов, способов, теорий конституционной интерпретации, которые применяются в процессе судебного и иного толкования конституции» [10, с. 38]. В качестве базового метода учёный выбирает герменевтику. Причём роль и значение герменевтики как метода толкования, главного средства конституционной интерпретации в целом прописано достаточно убедительно.

Однако в том случае, когда речь идёт о практике применения метода «конституционной герменевтики», примеры следуют из американской судебной системы.

В заключение приведём несколько замечаний выдающегося отечественного психолога Л.С. Выготского, которые касаются теории метода. Это важно, поскольку замечания эти носят, на наш взгляд, универсальный характер. Замечание первое: «Всякий принципиально новый подход к научным проблемам неизбежно приводит и к новым методам и способам исследования. Разработка проблемы и метода идёт если не параллельно, то, во всяком случае, совместно продвигаясь вперёд. Поиски метода становятся одной из важнейших задач исследования. Метод в таких случаях является одновременно предпосылкой и продуктом. Орудием и результатом исследования» [11, с. 41]. Замечание второе: «Опереться по-настоящему на метод, понять его отношение к другим методам, установить его сильные и слабые стороны, понять его принципиальное обоснование и выработать к нему верное отношение – значит в известной мере выработать правильный и научный подход ко всему дальнейшему изложению» [11, с. 42]. И замечание третье, непосредственно связанное с аналогией между процессами психологическими и процессами, имеющими место в юриспруденции. В частности, если обратиться к методу наблюдения (самонаблюдения), то можно прийти к важным выводам, поскольку вопрос о научной ценности самонаблюдения решается «сходно с практической ценностью в судебном следствии показаний потерпевшего и виновного. Они пристрастны, мы это знаем априори, поэтому они заключают в себе элементы лжи, может быть, они нацело ложны. Поэтому полагаться на них – безумие. Но значит ли это, что мы должны в процессе не выслушивать их вовсе, а только допрашивать свидетелей? И это было бы неумно. Мы слушаем подсудимого и потерпевшего, сверяем, сопоставляем, обращаемся к вещественным доказательствам – и так мы устанавливаем факт». Однако не следует забывать, что «есть целые науки, не могущие непосредственно наблюдением изучать предмет. Историк и геолог восстанавливают факты, которых уже нет, косвенными методами, и всё же они изучают, в конечном счёте, факты, которые были. А не следы и документы, которые остались и сохранились. Так и психолог часто бывает в положении историка и геолога. Тогда он действует как сыщик, обнаруживающий преступление, которого он никогда не видел» [11, с. 62].

Комментарий здесь может быть следующего порядка. Учёный выстраивает понимание метода на основе широкого междисциплинарного анализа, причём заметен как протест против догматизма, любых форм априоризма, так и призыв относиться к применяемым методам вне зависимости от контекста той или иной конкретной науки. Метод универсален, как универсальны требования к их построению и применению. Причём интересно и то, что критические соображения Л.С. Выготского применительно к предмету нашего рассуждения во многом повторяют уже сегодняшние критические настроения, хотя между ними почти целый век. Приведём лишь один пример. Обращаясь к теории понятий, учёный замечает: «В психологии, из-за её глубокого кризиса, все понятия стали многосмысленными и смутными и изменяются в зависимости от основной точки зрения на предмет, которую избирает исследователь. В различных системах психологии, ориентирующихся на различные методологические принципы, все основные категории исследования, в том числе и категория генезиса, приобретают различное значение» [11, с. 134]. Замените слово «психология» словом «юриспруденция», и цитата будет столь же актуальной, как и десятилетия тому назад. Особенно это касается проблемы правопонимания. Это говорит, в частности, о том, что развитие теории всегда сопровождается понятийной неразберихой, кризис в определении понятий есть свиде-

тельство кризиса самой науки, но, что важно, и развития науки. Здесь вообще присутствует диалектика самого высшего рода, поскольку развитие науки невозможно вне контекста наполнения понятий новым содержанием. Но новые понятия, их новое содержание есть следствие не только развития науки, но и применения уже испытанных формальных логических инструментов познания, связанных со всем массивом самых разнообразных методов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Stelmach, J. *Metody prawnicze* / J. Stelmach, B. Brozek. – Kraków, 2011. – 296 s.
2. Автономов, А. С. Некоторые проблемы правовой методологии и технологии / А. С. Автономов // Генетические закономерности права : сб. науч. тр., посвящ. 90-летию проф. С. Г. Дробязко. – Минск : Бизнесофсет, 2013. – 584 с.
3. Kojder, A. *Socjologia prawa. Główne problemy i postacie* / A. Kojder, Z. Cywiński. – Warszawa, 2014. – 600 s.
4. Калинин, С. А. Методология общей теории права / С. А. Калинин // *Право. бу.* – 2011. – № 2. – С. 7–17.
5. Калинин, С. А. Субъектный подход: генезис, сущность и место в системе методологии юриспруденции / С. А. Калинин // *Правоведение.* – 2015. – № 1. – С. 6–21.
6. Байтин, М. И. Сущность права. Современное нормативное правопонимание на грани двух веков / М. И. Байтин. – М. : Право и государство, 2005. – 544 с.
7. Малахов, В. П. Многообразие методологий современной теории государства и права: системная методология / В. П. Малахов // *История государства и права.* – 2009. – № 19. – С. 43–47.
8. Малахов, В. П. Многообразие методологий современной теории государства и права / В. П. Малахов // *История государства и права.* – 2010. – № 6. – С. 2–17.
9. Александров, А. С. О методологических следствиях, вызываемых терминологическими причинами (из опыта прочтения текстов УПК РФ) / А. С. Александров // *Правоведение.* – 2005. – № 5. – С. 6–18.
10. Кравец, И. А. Конституция и герменевтика: вопросы теории / И. А. Кравец // *Правоведение.* – 2003. – № 5. – С. 38–49.
11. Выготский, Л. С. *Собрание сочинений* : в 6 т. / Л. С. Выготский. – М. : Педагогика, 1982–1984. – Т. 3 : Проблемы развития психики. – 1983. – 368 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 05.10.2016

Lepeshko B.M. Methods in Law: Theoretical Alternatives

The research methods used in the law are described in the article. The methodological problem could be solved in three ways. The first is the study of heuristic possibilities of the method as the epistemological search tool. The second is the demonstration of theoretical alternatives in relation to the possibility of using the methods in the law. The third is the comparison of classical and non-classical approaches in the methodological perspective. The interdisciplinary nature of modern methodology of law and opportunities of integrative methodology are discussed in the article.

УДК 340.123:330

С. Трахимёнок

д-р юрид. наук, проф.

**ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ (ПРАВОВЫЕ ИДЕИ
О ВОЗВРАЩЕНИИ В ОБОРОТ «ПАССИВНОГО КАПИТАЛА»)**

В статье рассматривается проблема подходов к формированию бюджета за счет налогов, совершенствования банковских вкладов и в целом финансовой системы государства. Проблема рассматривается с учетом цивилизационных ценностей, характерных для различных типов цивилизаций; нормотворчество в этой сфере рассматривается в историко-правовом и сравнительно-правовом аспектах с учетом опыта России, начиная с XIX в. и до сегодняшнего дня, а также зарубежного опыта (как западного, так и восточного) последних двух столетий. Поддерживается позиция Д.И. Менделеева по вопросу о налогах и влиянии их системы на развитие предпринимательской активности населения.

Время от времени в СМИ появляются публикации, связывающие два великих акта позапрошлого века: отмену крепостного права в России (1861 г.) и отмену рабства в США (1863 г.). Акты эти подаются как некий верх альтруизма и человеколюбия. Возможно, человечеству очень хочется выглядеть в глазах потомков таковым, но все объясняется проще. Мировому капиталистическому хозяйству в те времена для развития был необходим приток свободной наемной рабочей силы. И оно его получило в виде многомиллионной крестьянской массы в России и чернокожих рабов в США.

В перестройку и чуть позже, после распада СССР, появилось множество публикаций о том периоде, но все они в основе своей уже были отражены в работе В. Ленина «Развитие капитализма в России». И это неудивительно. В частности, С. Кара-Мурза в 2001 г. отметил уникальность этого труда: «Труд был написан великим мыслителем и одновременно великим политиком с большой интеллектуальной силой и со страстью. Это сочетание определило убедительность, мощь и длительность воздействия труда – и в то же время глубокую противоречивость этого воздействия» [1].

Однако даже Кара-Мурза не обратил внимания на следующий факт. Россия второй раз за сто пятьдесят лет «вбрасывается» в капитализм, а точнее переходит на существование по нормам монетаризма. Следует отметить, что первый вброс был крайне неудачен. Россия потеряла свое имперское лицо; элиты, развращенные сверхприбылями (даже поставки оружия во время войны не интересовали производителей, если они давали менее 300% прибыли), не были способны оценить сложившуюся ситуацию. В результате Россия не смогла ответить на технологические вызовы времени в виде химизации и электрификации. Можно совершенно точно констатировать, что, перейдя на монетаристские ориентиры, российские элиты потеряли управление, что привело к революции 1917 г. Но этот первый вброс имел существенное отличие от второго. Если исключить из анализа банковский капитал, точнее ту социальную прослойку, которая им владела, и рассмотреть только капитал промышленный, то можно увидеть удивительный феномен, в результате которого старообрядцы, капиталистские крестьяне, артельщики наживали баснословные состояния с нуля, правда, невиданной эксплуатацией себе подобных.

А вот второй вброс России в монетаризм был проще. Все созданное трудом трех предыдущих поколений советских людей, как в карты, было разыграно между теми, кто понимал, что происходит на данном геополитическом пространстве, и воспользовался этим. Разумеется, переход огромной страны, хотя и разделившейся на пятнадцать

суверенных государств, к капитализму не мог проходить без участия такого инструмента, как право.

Существующий ныне правовой инструментарий с позиций юридической техники мало отличается от того права, что существовало в СССР, поскольку специалистами было признано, что и оно, несмотря на социалистические ориентиры, относится к т.н. романо-германской правовой семье. Однако, утратив идеологические наднациональные ориентиры и перестав соревноваться с капитализмом, постсоветские государства впали в другую крайность: стали работать сами на себя, в результате чего их законоотворчество превратилось в поиски финансовых средств для пополнения бюджета.

Доминирование в законоотворчестве элемента фискальности – общая особенность всех постсоветских государств. Ряд правоведов России, отмечая это, предлагает путь ее устранения, в частности, разработку нового налогового кодекса, который «снизит налоговое бремя, упростит чрезмерно запутанное налоговое законодательство, ослабит его фискальную направленность» [2]. Однако нужно помнить, что с помощью права решить проблемы права невозможно.

Экономический кризис, разовая, а затем ползучая девальвация белорусского рубля настоятельно сигнализируют о неблагополучии в данной сфере, частью которой является и поиск принципиально новых подходов вовлечения в оборот средств, находящихся на руках у населения. Отрезок с 2008 г. наиболее ярко отражает этот процесс. Не исключение и Декрет Президента Республики Беларусь от 11 ноября 2015 г. В декрете, в частности, предлагается установить разделение денежных вкладов на два вида: отзывные и безотзывные. Понятно, что более высокие проценты безотзывных вкладов должны стимулировать стабильное удержание денежных средств на счетах банков. Но достаточно ли будет такого стимула для решения этой задачи?

Разработчики данных норм ссылаются на мировую практику. Как обычно, это заимствование норм законодательства западных государств. Действительно, там существует практика заведения банковских вкладов, отличных от вкладов до востребования. Общей нормой для всех в данном случае является необходимость согласования условий досрочного возврата вкладов между банками и вкладчиками. Как правило, вкладчик может забрать деньги до истечения срока вклада, но закон не обязывает банк возвращать эти деньги досрочно. В Италии, Финляндии, Франции, Германии данная возможность прописывается в договоре между банком и вкладчиком. В Австрии досрочный возврат рассматривается как кредит, за который выплачиваются проценты от досрочно возвращаемой суммы за каждый полный месяц, недостающий до наступления срока возврата вклада. В Великобритании законодательство не препятствует согласовывать любые условия банковских вкладов, в том числе и штрафы. Т.е. банк может испросить у вкладчика возможность и с его согласия включить данное условие в договор.

Это почти то же самое, но не то. Отношения к денежным вкладам у нас весьма отличается от такового в государствах, в частности, Западной Европы. У нас государство берет как бы в долг, для того чтобы использовать заемное на свои нужды, и расплачивается с вкладчиками процентами. И это отношение сформировалось не в последние семь десятилетий советской власти. Оно имеет более глубокую основу.

Здесь следует сделать небольшое отступление от основной темы. Но без него трудно будет объяснить некие особенности взаимодействия между гражданином и государством, посредником которых выступает право. В мире существует до десятка цивилизаций. Однако классификация их по непонятным (хотя как раз наоборот – по понятным) причинам осуществлена с логической ошибкой, называемой «деление по раз-

ному основанию». Таким образом, мы имеем западноевропейскую, североамериканскую, славяно-православную, мусульманскую, конфуцианскую и прочие цивилизации. Разброд этот можно устранить, если положить в основу классификации единое основание, а точнее ту мировоззренческую основу, которая пребывает в религиозной либо философской оболочке. В итоге мы получим католическую, протестантскую, православную, мусульманскую, конфуцианскую и прочие цивилизации. Однако можно пойти дальше, выделив в каждой цивилизации т.н. квинтэссенции ценностей и положив их в основу деления. И тогда образуются всего лишь три группы таких объединений: цивилизации Выгоды, цивилизации Долга и цивилизация Правды.

Цивилизационные ценности, использованные нами для классификации, – удивительная категория, которая в спокойном состоянии в обществе не просматривается, но, стоит попробовать посягнуть на них или начать переоценку, они мгновенно проявляются в процессе реакций по защите их со стороны носителей этих ценностей. Роль цивилизационных ценностей в выживании еще в полной мере не определена, а ведь они не только служат ориентирами для отделения одной части человеческого сообщества от другой, но и являются наиболее общими регуляторами общественных отношений.

В юридической науке сложился стереотип представлений о социальном регулировании и социальных регуляторах. К таковым относят обычаи, традиции, нормы, религиозные и моральные, нормы права. С позиций участия в их формировании субъективного фактора данные регуляторы можно разбить на две группы. К первой будут относиться обычаи, традиции, религиозные догмы и нормы морали; ко второй – все разновидности норм права: правовые обычаи, нормативные договоры, юридические прецеденты, религиозные доктрины (при условии их поддержки силой государства) и др. И если первые складываются объективно, то вторые – наоборот. И для их создания существует специально образованные структуры, механизмы и процедуры, чего нет при формировании первой группы социальных регуляторов.

Однако при всей субъективности нормы права определенным образом связаны с регуляторами, складывающимися объективно, которые в большинстве своем совпадают с ними. Таким образом, они существуют как бы в связке друг с другом, что позволяет исследователям данной проблемы утверждать, в частности, что в рамках религиозно-традиционной правовой семьи эффективность права выше, так как там в одном сосуде содержатся однонаправленные нормы религии, морали и права.

И никто не обращает внимания на еще одну связку, которая оказывает на социальное регулирование не менее значительное воздействие, если не сказать большего – определяющее. Это связка социальных регуляторов с цивилизационными ценностями.

Каково же влияние ценностей на социальное регулирование? В религиозно-традиционных правовых семьях это ориентация на Долг перед высшими силами, которые сконцентрированы в лице Всевышнего, а также низшие иерархии: государства, кланы, общины.

В классических протестантских и католических семьях это прямое обеспечение преимуществ Выгоды «избранных к спасению».

В цивилизации Правды – все, что соответствует представлениям справедливости, сложившимся в данном обществе.

Отсюда не все, что приемлемо для цивилизаций Выгоды, применимо у нас. Но, как мы видим, существующая уже почти четверть века парадигма вестернизационной модернизации советского наследия себя не исчерпала. Мы твердо верим в непогрешимость западного способа хозяйствования, полагая, что, кроме него, на свете нет ничего

другого. Так, западная банковая система с ее в среднем восемью процентами годовых по кредитам считается благом для заемщиков; но существуют исламские банки, которые одалживают деньги вообще без процентов. И почему мы не используем их опыт и практику?

Отвлекаясь от банковской деятельности, обратимся к китайскому опыту, где существует принцип оплаты работы, оказания услуг не по факту болезни, поломки или аварии, а наоборот – безаварийной работы той или иной сферы. Или оплаты не за время работы, а за ее результат. Перенесем этот опыт в сферу строительства и увидим, что он может существенно снизить процент долгостроя. Ведь чем раньше закончится, к примеру, та же стройка, тем больше получают строители, а объект будет включен в финансовый и хозяйственный оборот.

Отсюда тот или иной опыт работы, способ хозяйствования, финансирования, стимулирования может быть с позиций цивилизаций Выгоды нормой и давать эффект, а с позиций цивилизации Правды это нонсенс.

Экономисты утверждают, что у населения денег больше, чем у государства. Правда, это всего лишь предположение, хотя и основанное на знании менталитета наших сограждан и специфики их отношений с государством. Экономисты подчеркивают, что если бы эти средства своевременно были направлены в банковскую систему, сегодняшнего кризиса можно было бы избежать.

Разумеется, это важный ресурс экономики. Он не влечет за собой задолженностей, это не внешний долг. Однако здесь существует одна проблема. Для его использования нужно убедить население в надежности и неизменности проводимой монетарной политики, в устойчивости белорусской валюты. Т.е. убедить граждан не хранить деньги в чулках, а заставить «пассивный капитал» работать. Но как это сделать в рамках нашей ментальности, ценностей и специфики отношений между государством и гражданами, никто из экономистов и юристов не знает. И деньги по-прежнему лежат под матрацами мертвым грузом, не работают на экономику страны и не приносят их владельцам ощутимого дохода.

Президентский Декрет № 7, с одной стороны, подтверждает наличие данной проблемы, с другой – пытается ее устранить. Правда, еще раз подчеркнем, не критически используя чужой опыт.

Самым удивительным в сложившейся ситуации является то, что выход из нее предлагал более ста лет назад выдающийся русский ученый Д.И. Менделеев. В чем суть предложений Менделеева и на чем они основывались? Д.И. Менделеев проанализировал результаты переписи населения России 1897 г. и сделал долгосрочный прогноз по народонаселению Земли. В те времена в обществе господствовала теория Мальтуса о неминуемом перенаселении Земли, грядущем голоде и гибели человечества. Менделеев путем расчетов показал, что к 2000 г. население вырастет до 6 млрд человек. Как видно, он ошибся всего на полмиллиарда. На каждого жителя, просчитал Менделеев, будет приходиться по 1,2 га плодородных земель. Этот клочок земли в среднем по немецкой аграрной системе мог прокормить 3,2 человека. Т.е. выходило, что Земля готова содержать восемнадцать миллиардов человек. Таким образом, в узком кругу ученых теорию Мальтуса никто всерьез не воспринимал. Однако кто знает об этом сегодня? Как не знают и того, что пытался внести Д.И. Менделеев в налоговое законодательство.

Менделеев, в частности, писал: «Для меня очень желательно в отвлечении будущего прогрессивное подходящее обложение, но в нашей реальности на ближайшее вре-

мя от его применения я жду только зла и обмана. Зло произойдет от того, что нам для развития благосостояния особо необходимо развитие промышленной предприимчивости, а она ныне не может обходиться без проявленных и приложенных больших капиталов и своих доходов. Их надо всемерно привлекать, а не страшить возрастающими обложениями. Облагать прогрессивно полезно быть может только капитал пассивный, т.е. денежный и во всяких доходных бумагах, что уже отчасти делается, а всякий капитал, приложенный к делу, к торговле ли, земле ли, или промышленности, облагать прогрессивно, значит задерживать рост промышленности» [3, с. 384]. «Пусть промышленная предприимчивость сложна и условна, все же ее начала кроются в чистом трудолюбии, потому что только трудолюбец от добра добра искать станет, так как ни с чем ничего затевать нельзя, а в промышленность предпринимаемую надо вложить добро нажитое и много рисковать» [3, с. 411].

Но самое удивительно в том, что Менделеев предлагал упразднить т.н. подоходный налог. А содержание армии и полиции обеспечивать небольшим строго фиксированным подушным налогом, также налогами на спиртное, табак и пр.

И первое, и второе, и третье должно было, по его мнению, заставить работать мертвый капитал и не связывать фискальностью предпринимательскую активность, что, в свою очередь, должно создать условия для экономического роста.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кара-Мурза, С. Развитие капитализма в России [Электронный ресурс] / С. Кара-Мурза. – Режим доступа: www.comparty.by/pervaya-kniga-lenina-na-zlobu-dnya.
2. Кузнецов, А. П. Пути совершенствования налогового законодательства РФ [Электронный ресурс] / А. П. Кузнецов. – Режим доступа: <http://www.yandex.ru=bukyi/ru>.
3. Менделеев, Д. И. Заветные мысли / Д. И. Менделеев. – М. : Мысль, 1995. – 413 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.01.2016

Trakhimenok S. Well Forgotten Old (Legal Ideas on the Return into Circulation of «Passive Capital»)

The problem of the approach to the formation of budget at the expense of taxes, the perfection of bank accounts and state's financial system as a whole is considered in the article; the problem is highlighted taking into account civilization values typical for different kinds of civilization; legal norm creation in this sphere is considered in historical-legal and comparative legal – aspects taking into consideration Russian experience from the XIX century and to our days as well as foreign experience (both western and eastern) of the last two centuries; D.I. Mendeleev position on the issue of taxes and the influence of their system on the development of entrepreneur activity of population is supported.

УДК 342.4(470+571)

А.И. Забейворота

*д-р юрид. наук (Россия), доц., проф. каф. теории и истории государства и права
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина*

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СНГ: РАЗНИЦА В ПОДХОДАХ И ОЦЕНКАХ

В статье анализируются процессы конституционно-правового закрепления статуса Содружества Независимых Государств, правовой природы конституций, процедуры проведения конституционных реформ на постсоветском пространстве, сущность и правила применения коллизионных норм.

Конец 1980-х – начало 1990-х гг. ознаменовались процессом глубоких изменений в политической и социально-экономической системе нашего общества [1, с. 23]. Распад СССР и образование на его месте независимых и суверенных государств – бывших союзных республик – предопределили необходимость правового оформления и закрепления новой государственности, нового конституционного строя [2, с. 683].

Одной из форм юридического закрепления новых общественных реалий стали принятые всеми союзными республиками, входившими в состав СССР, Декларации о суверенитете, которые зачастую не только закрепляли за ними статус самостоятельных государств, но и фиксировали многие другие фундаментальные перемены.

Россия в принятой 12 июня 1990 г. Декларации о государственном суверенитете провозгласила, в частности, суверенитет РСФСР на всей своей территории, построение демократического правового государства в составе обновленного Союза ССР, предусмотрела необходимость существенного расширения прав автономных республик, автономных областей, автономных округов, краев и областей РСФСР, а также право народов на самоопределение в избранных ими национально-государственных и национально-культурных формах.

Последовавшие затем серьезные экономические и социальные преобразования в России свидетельствовали о кардинальной перемене самой модели дальнейшего развития страны. Возникла необходимость подготовки такой Конституции, которая сочетала бы гарантии государственной и экономической целостности России с разнообразными традициями ее многонационального народа, создала бы правовые предпосылки для оформления в России демократического конституционного строя, основанного на господстве права, позволила бы стране воспринять ценности и тенденции развития современной мировой цивилизации при учете своего исторического и культурного опыта, стала бы основой сплочения общества на базе новых правовых ориентиров и принципов.

В Заявлении от 8 декабря 1991 г. лидеры Республики Беларусь, РСФСР, Украины в качестве причин роспуска СССР и образования СНГ назвали следующие:

- 1) переговоры о подготовке нового Союзного договора зашли в тупик;
- 2) объективный процесс выхода республик из состава Союза ССР и образования независимых государств стал реальным фактором;
- 3) недальновидная политика Центра привела к глубокому экономическому и политическому кризису, к развалу производства, катастрофическому понижению жизненного уровня практически всех слоев общества;

4) возрастание социальной напряженности во многих регионах бывшего Союза ССР сопровождавшееся межнациональными конфликтами с многочисленными человеческими жертвами;

5) осознание лидерами республик ответственности перед своими народами и мировым сообществом;

6) назревшая потребность в практическом осуществлении политических и экономических реформ во вновь образованных государствах.

Первоочередной задачей вновь образованных государств стала разработка и принятие новых конституций, которые отвечали бы их новому международному статусу. С провозглашением суверенитета и независимости в упомянутых государствах начинается активизация процессов формирования конституционного законодательства. Об этом свидетельствует процесс обновления конституционного законодательства, результатом которого явилось принятие в странах СНГ новых конституций: Азербайджанской Республики (13 ноября 1995 г.); Республики Армения (5 июля 1995 г.); Республики Беларусь (24 ноября 1996 г.); Грузии (24 августа 1995 г.); Республики Казахстан (30 августа 1995 г.); Кыргызской Республики (5 мая 1993 г., с изменениями 10 января 1995 г.); Республики Молдова (29 июля 1994 г.); России (12 декабря 1993 г.); Таджикистана (6 ноября 1994 г.); Туркменистана (18 мая 1992 г., с изменениями 27 декабря 1995 г.); Узбекистана (8 декабря 1992 г., с изменениями и дополнениями 28 декабря 1993 г.); Украины (12 июля 1996 г.).

В республиках, входящих в состав СНГ, проводятся и конституционные реформы. Так, например, в России в декабре 1993 г. «была принята принципиально новая Конституция, в которой были учтены прогрессивные идеи конституционализма. Она стала выражением социального компромисса в расколотом обществе, наметила путь от гражданского общества к правовому государству, обозначила начало перехода от номинального конституционализма к реальному» [3, с. 10]. Она провозгласила страну демократическим федеративным правовым государством, основанным на принципах государственной целостности, распространения суверенитета России на всю ее территорию, разграничения предметов ведения и соответствующих полномочий между федеральным центром и субъектами федерации, единства экономического пространства и системы органов государственной власти, равноправия субъектов федерации. Конституция закрепила многоукладность экономики, права человека и социальные обязательства государства, утвердила разделение властей, парламентаризм, независимость судебной власти, многопартийность и идеологический плюрализм, стала надежным фундаментом правовой системы российского государства.

В конституционном развитии стран СНГ можно выделить несколько этапов. Первый этап, проходивший в 1990–1992 гг., был ознаменован принятием документа о независимости (суверенитете) страны. Этап (1991–1992 гг.) включил в себя деятельность стран – участниц СНГ по реформированию старых советских конституций 1978 г. Узбекистан первый из стран СНГ принял новую конституцию, которая вступила в силу 1 января 1992 г. Грузия признала действие конституции 1921 г. В Грузии, а также в Казахстане в этот период были приняты некоторые конституционные законы, дополнявшие старую конституцию. В своих декларациях о независимости (суверенитете) провозглашалась необходимость конституционных реформ, кроме Туркменистана. Третий этап начался со второй половины 1992 г., продлился до 1996 г. и закончился принятием новых конституций стран Содружества. С 1997 г. по настоящее время продолжается

конституционное становление и реформирование, вносятся поправки и принимаются новые редакции конституций.

Следует отметить, что конституционные реформы в странах СНГ имели схожие черты. Этому способствовало восприятие общепризнанных принципов и норм международного права, что отражает современный прогрессивный подход к формированию и содержанию национальных правовых систем, прогрессивные интеграционные тенденции в праве.

Особое влияние на конституционное развитие стран СНГ и на их текущее законодательство оказали международно-правовые акты: Устав ООН, Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Хельсинкский заключительный акт 1978 г. и другие международно-правовые акты, имевшие первостепенное значение для становления и развития демократической правовой государственности.

Конституциям стран СНГ присущи черты, отражающие как общее историческое прошлое, так и специфические особенности, обогащающие теорию и практику современного конституционализма. Общие черты конституционного развития стран СНГ predetermined общим историческим прошлым бывших республик СССР и признанием гуманистических ценностей мирового сообщества, как-то: народовластие; республиканская форма правления; государственный суверенитет; социальный и светский характер государства; верховенство права и закона; примат норм международного права; приоритет прав и свобод человека; защита прав национальных меньшинств; плюрализм форм собственности; поддержка частного предпринимательства; многопартийность; разделение властей; парламентаризм; местное самоуправление.

Новые конституции стран Содружества восприняли правовые институты классической демократии. В их основу положена либеральная государственно-правовая доктрина, обогащенная опытом современного конституционализма.

Конституционные реформы, осуществленные и осуществляемые в странах – участницах Содружества, наглядно свидетельствуют о тех общественно-политических процессах, которые связаны с совершенствованием организации государственной власти в постсоветский период. Конституционное закрепление прав человека и гражданина, утверждение государственного суверенитета, становление рыночных отношений характеризуют основные направления конституционного развития стран СНГ. На основе конституций стран СНГ разворачивается формирование их правовых систем, где прослеживается отказ от социалистической и принятие рыночной модели экономики; обретение международной правосубъектности; изменение идеологии государственных символов; введение политического и идеологического плюрализма (исключение составляет Туркменистан, в котором закреплена государственная идеология – Рухнама); признание принципа разделения властей; во всех странах СНГ появились новые конституционно-правовые институты: должность президента, конституционный суд, должность уполномоченного по правам человека, пропорциональная избирательная система; признание многообразия форм собственности; признание верховенства права и закона; признание естественного характера прав и свобод и их правовые гарантии; в большинстве стран СНГ конституция расширила права местного самоуправления по сравнению с советским периодом.

Вместе с тем принятие новых Конституций нельзя считать завершающим этапом реформ национальных экономик, обществ и государств, создания соответствующих

правовых систем новым потребностям государств. На международной конференции конституционалистов в Польше в 2000 г., посвященной 10-летию постсоциалистических конституций (включая и еще не отметившую на тот момент свое десятилетие российскую Конституцию), докладчики пришли к выводу, что названные основные законы внесли мало принципиальных новелл в конституционное развитие стран мира. Были даже высказаны замечания, что некоторые из них составлены путем «простого подражания», что это «конституционный коктейль» [4, с. 18].

Конституция – основной закон государства, определяющий пределы осуществления государственной власти и представляющий собой систему правовых норм, регламентирующий государственный строй страны, принципы правовой системы государства и основы его взаимоотношений с населением [2, с. 56].

Если понятие конституции определяет те общие черты, которые выделяют ее как особое правовое явление, то раскрытие сущности конституции связано с познанием ее глубинной природы, с решением вопроса о том, чью волю конституция выражает.

Сущность конституции, как и любого явления, во многом проясняется, если проанализировать, как, когда и для чего она возникла, какие социальные потребности вызвали ее к жизни. По общепризнанному мнению, появление конституции в современном ее понимании относится к XVIII в. и связано с эпохой буржуазно-демократических революций, с распадом феодального общества под натиском нарождающегося капиталистического строя для защиты и охраны существующих политических и экономических структур. Такую роль мог выполнить только правовой акт, в общей форме определяющий основы устройства государства и общества, объективно поставленный выше власти короля, феодалов, олицетворяющий волю как бы всего общества, всей нации. Появились теоретические концепции о народе как единственном носителе верховной власти, его суверенитете, о юридическом равенстве всех членов общества, их праве самим определять основы устройства общества. На базе этих теорий первоначально и происходило создание конституции [5, с. 37].

Наряду с термином «конституция» применялось на первоначальных этапах ее становления и наименование «основной закон». Конституция Российской Федерации 1993 г. устранила двойное наименование, сняв вятые в скобки слова «Основной Закон» как ставшие излишними.

Закрепляя наиболее важные общественные отношения, принципиальные положения и основополагающие устои общества, политическую форму его существования, конституция служит правовой базой для текущего законодательства. В отличие от «обычных» законов основной закон государства характеризуется стабильностью и долговечностью. Эти качества конституции обусловлены двумя обстоятельствами. Во-первых, в силу абстрактного содержания ее положений она не подвержена постоянным изменениям, во-вторых, жесткая процедура по внесению в нее изменений и дополнений служит гарантом ее жизнеспособности и долговечности.

В мировой конституционно-правовой теории нет единого взгляда на содержание конституции. Конституции разных стран являют собой весьма пеструю картину, что отражает различие исторических условий их принятия и уровня конституционного правосознания. В то же время для мировой конституционной теории и практики характерна определенная унификация представлений о содержании современной конституции на базе утвердившихся общих взглядов на демократию. Ни у кого не вызывает сомнений, что первейшей целью и задачей конституции в любой стране должны стать гарантии прав и свобод человека и гражданина, что устройство государственной власти мо-

жет быть демократическим и эффективным только при соблюдении принципа разделения властей, что народный суверенитет воплощается через представительную систему, формируемую на основе всеобщего избирательного права, т.е. сложилась определенная модель демократического государства, соответствующего принципам современной цивилизации. Эта модель указывает, что непременно должно быть включено в конституционный текст, а что является предметом внеконституционного законодательного регулирования или вообще лишним.

Конституция есть закон, обладающий особыми гарантиями стабильности, и потому может быть подвергнута новации или пересмотру в особом, установленном ею самой порядке: она является законом, учреждающим государство, систему его органов, порядок их формирования, компетенцию, характер их взаимоотношений с местным самоуправлением. Конституция также есть закон, формирующий и обеспечивающий политическое единство народа; она представляет собой юридический способ формализации государственного строя путем установления его фундаментальных законодательных основ. Конституция есть закон, определяющий пределы государственной власти посредством закрепления прав человека и гражданина и возложения коррелирующих этим правам обязанностей на государство; она является также способом закрепления и выражения высших правовых норм, и в этом смысле сама является т.н. абсолютной нормой, которой не могут противоречить какие бы то ни было правовые акты, действующие в государстве, и т.д.

Кроме того, конституция регламентирует основы социально-экономической жизни общества и его политической системы. При этом, однако, несмотря на широту ее нормативного содержания, конституция не представляет собой всеобъемлющего акта, который отличался бы завершенностью или системной законченностью, ибо регулирует, причем нередко в достаточно общих чертах, лишь наиболее важные сферы общественных отношений. В ней возможны явные или скрытые пробелы и коллизии, в принципе неизбежные в любой конституции, а также действительные или мнимые противоречия.

Большинство конституций стран СНГ закрепляют суверенитет народа, и народ провозглашается единственным источником государственной власти. Большое значение в конституциях стран СНГ придается провозглашению государственного суверенитета. В своих конституциях они стремятся особо подчеркнуть суверенный характер их государственности. Такое особое внимание конституционному закреплению государственного суверенитета объясняется тем, что народы большинства бывших республик СССР ни до его образования, ни после не имели собственного независимого суверенного государства.

Конституции стран СНГ распространяют принцип государственного суверенитета и на сферу внешнеполитических отношений. В конституциях упомянутых стран прямо или косвенно подчеркивается, что они являются полноправными субъектами международных отношений и их внешняя политика построена на принципах суверенного равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, мирного разрешения международных споров, невмешательства во внутренние дела других государств, территориальной целостности государств, а также на основе других общепризнанных принципов и норм международного права.

Практически все конституции государств СНГ закрепляют социальный характер государства, который определяется через направленность его политики, результатом проведения которой должно стать создание условий, обеспечивающих достойную

жизнь и свободное развитие человека, социальную защищенность независимо от экономического, финансового положения, уровня образования и других факторов. В конечном счете деятельность социального государства направлена на обеспечение социальной справедливости, при этом государство должно стремиться к сглаживанию социальных неравенств и противоречий. В конституциях стран СНГ на государство возлагаются обязанности в сфере социального обеспечения и социальной поддержки инвалидов, пожилых людей и других категорий населения, имеющих право на социальное обеспечение.

Важнейшее место в конституциях стран СНГ отводится регулированию вопросов, связанных с правом собственности. Это связано с тем, как отмечает Ю.А. Дмитриев, что именно отношения собственности составляют фундамент любой экономической системы и во многом определяют особенности ее функционирования в конкретном государстве. Право собственности как субъективное право является первым и основным из вещных прав, определяющих отношение человека к вещам и отношения людей по поводу вещей [6, с. 124].

Практически все конституции стран СНГ провозглашают демократический характер государства. В основных законах этих государств запрещается узурпация государственной власти кем бы то ни было и устанавливаются такие институты непосредственной демократии как: референдум, выборы, наказания депутатам, отчеты депутатов, отзыв населением депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления; голосование по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования; сходы и собрания граждан, обращения граждан; правотворческая инициатива; территориальное общественное самоуправление; публичные слушания; опросы граждан и др.

В ряде конституций государств СНГ провозглашается политический плюрализм и идеологическое многообразие. В странах Содружества на конституционном уровне провозглашается многообразие политических институтов и мнений, а также запрет на провозглашение какой-либо идеологии в качестве государственной.

Конституции ряда стран СНГ допускают множественность общественных организаций и массовых общественных движений. Конституционные положения, закрепляющие основы правового статуса общественных объединений, получают свое развитие в текущем законодательстве стран СНГ.

Для конституций стран СНГ характерно также признание человека высшей ценностью, и исходя из этого на государство возлагается ответственность по обеспечению условий для свободного развития и самореализации личности. Государству предписывается защищать жизнь и здоровье, честь и достоинство, свободу, неприкосновенность и безопасность личности независимо от пола, расы, национальности, языка, социального происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии и других обстоятельств.

При рассмотрении данного вопроса существенное значение имеют коллизионные нормы. Категория «коллизионное право» рассматривалась М.Ю. Тихомировым [7, с. 21]. В него включаются коллизионные нормы – нормы коллизионного права, действующие в разных сферах. Коллизионные нормы классифицируются следующим образом: для преодоления противоречий между одновременно действующими нормами, между общими и специальными нормами, как пространственные, иерархические, содержательные. Коллизионные нормы специфичны по структуре и содержат либо юридические приоритеты, либо запреты, либо критерии правового выбора, сочетаемые с процессуальными нормами. Коллизионные нормы в этом смысле могут быть «чистыми» и «смешан-

ными» и получать выражение в конституциях, законах, иных актах внутреннего права, а также в международных актах и договорах. Обнаруживаются их связи между собой, когда удлиняется радиус споров, когда совмещаются процедуры их разрешения, когда соблюдение публичного порядка служит исходной базой.

Во внутреннем праве коллизионные нормы выстраиваются в разных рядах. Основу их различия следует искать в характере и способах регулирования коллизионных ситуаций, преодоления разногласий и разрешения споров. Причем общие средства, закрепленные в конституционном законодательстве, сочетаются со специфическими средствами, присущими разным отраслям права. Поэтому коллизионные нормы можно классифицировать следующим образом:

- а) нормы-доминанты, выражающие юридический приоритет в случае «столкновения» разных норм;
- б) нормы-запреты и нормы-ограничения, когда с их помощью предотвращаются коллизионные ситуации;
- в) нормативно установленные процедуры преодоления разногласий и разрешения споров;
- г) нормы-санкции, применяемые в случае нарушений названных норм.

Важно при этом отметить, что перечисленные коллизионные нормы имеют отношение преимущественно к противоречиям норм двух уровней правовой системы (федерального и регионального) либо к построению и динамике отрасли законодательства как внутри ее, так и вовне в соотношении с нормами других отраслей. В рамках настоящей работы это противоречия норм международного уровня (права СНГ) и норм национального конституционного законодательства стран – участниц Содружества.

Важное значение в решении правовых проблем и разрешении коллизий имеют причины их возникновения. Так, можно выделить чисто правовые проблемы, когда принятый на уровне Содружества акт не воспринят в национальном законодательстве страны СНГ. Поэтому проблема гармонизации и унификации законодательства в рамках Содружества играет важнейшую и активную роль.

Второй причиной юридических коллизий в СНГ являются экономические взаимоотношения стран – участниц СНГ, которые быстро меняются, то сближаясь, то отдаляясь, отражая смену приоритетов, выбор более узких партнерских связей. Поэтому приходится учитывать реальные действия не только государств, их органов, хозяйствующих субъектов, но и институтов СНГ – Совета глав государств и глав правительств, функциональных комитетов, Межпарламентской ассамблеи. Актуальны поэтому процедуры и реальное осуществление Экономическим судом своих полномочий.

Говоря о содержании юридической коллизии, необходимо уделить внимание различным ее аспектам. Юридическая коллизия может проявляться в предметном плане двояким образом. С одной стороны, в собственно правовой сфере, когда ее предмет глубоко нормативен: коллизия актов, различия в правопонимании, толковании, расхождении в применении правовых норм. С другой стороны, юридическая коллизия почти всегда «присутствует» в других противоречиях и конфликтах (межнациональные противоречия, споры в экономической, трудовой, социальной, экологической, политической, международной, семейной и иных сферах жизни общества). Коллизии и пробелы ослабляют правовой порядок, порождая разногласия, споры, нарушения законности, конфликты и кризисы. Сами юридические противоречия могут развиваться: от скрытых к открытым, от простых к сложным, от разногласий к острым спорам и противоборству, а также и в обратной последовательности. Их динамика требует использования

не только процедур, но и введения подвижных юридических режимов. Они нужны для своевременного реагирования на подобные противоречия.

Наличие коллизий и пробелов в праве никак не способствует эффективному функционированию Содружества. В научной литературе часто отмечается, что не всегда заключенные в рамках СНГ соглашения выполняются (в отличие от договоров стран – участниц Содружества со странами Запада) [9]. Хотя это такие же международные договоры, как и любые другие, подпадающие по действию Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. В ней закреплено важнейшее правило, согласно которому, участник договора не вправе сослаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания за невыполнение им международного договора.

Как показывает анализ конституционных норм государств – участников СНГ, все они тем или иным образом отдают приоритет нормам международного права над национальными законами, как это сделано в ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, согласно которой общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации «являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

В соответствии со ст. 8 и ст. 116 Конституции Республики Беларусь [9] ее международные договоры обладают большей юридической силой, чем законы, однако не должны противоречить Конституции. В ст. 9 Конституции Украины [10] зафиксировано, что действующие международные договоры, согласие и обязательность которых дано Верховной Радой Украины, являются частью национального законодательства Украины. Заключение международных договоров, противоречащих Конституции Украины, возможно только после внесения соответствующих изменений в Конституцию Украины.

Отличительной чертой обладает Конституция Республики Армения [11], которая непосредственно предусматривает обязательную ратификацию международных договоров. Так, заключенные от имени Республики Армения международные договоры применяются только после ратификации. Ратифицированные международные договоры являются составной частью правовой системы республики. Если в них установлены иные нормы, чем предусмотренные в законах, применяются нормы договора. Противоречащие Конституции Республики Армения международные договоры могут быть ратифицированы только после внесения в нее соответствующей поправки.

В Республике Молдова, например, согласно ст. 8 Конституции [12], вступлению в силу международного договора, содержащего положения, противоречащие Конституции, должен предшествовать пересмотр Конституции.

Достаточно тщательно оговорено место и роль международных договоров в Конституции Республики Казахстан [13]. Согласно ст. 4, действующим правом Республики Казахстан являются нормы Конституции, соответствующих ей законов, иных нормативных правовых актов, международных договорных и иных обязательств республики. Международные договоры, ратифицированные Республикой Казахстан, имеют приоритет перед ее законами и применяются непосредственно, кроме случаев, когда из норм договора следует, что для применения требуется издание соответствующего закона. Все законы, международные договоры, участником которых является Республика Казахстан, публикуются. Официальное опубликование нормативных-правовых актов, ка-

сающихся прав, свобод и обязанностей граждан, является обязательным условием их применения.

В соответствии со ст. 10 Конституции Республики Таджикистан [14] международно-правовые акты, признанные республикой, являются частью ее правовой системы. В случае несоответствия законов, признанным международно-правовым актам, применяются нормы международно-правовых актов. Законы и признанные Республикой Таджикистан международные акты вступают в силу после их официального опубликования.

Проблемы отношения и взаимодействия национального права государств – участников СНГ и права Содружества обусловлена постоянным ростом объема взаимных обязательств суверенных государств в рамках СНГ. Взаимодействие права национального и права Содружества осуществляется двумя путями: согласованием норм национального права и права Содружества; имплементацией норм права Содружества на территории государств. Нельзя забывать, что способствуют такому взаимодействию соответствующие законодательные и исполнительные органы власти. Особую роль имеют органы судебной власти, которые в силу своей компетенции принимают участие в реализации международных обязательств государства, способствуют их соблюдению и препятствуют нарушению.

Следует отметить, что внутри государств разрешению пробелов способствуют Конституционные суды, наработавшие большую практическую базу. Доказали свое преимущество в решении сложных вопросов и международные судебные инстанции. В настоящее время прослеживается тенденция функционирования международных судебных инстанций в противовес национальным в силу меньшей бюрократичности первых.

Таким образом, в целях преодоления коллизий и пробелов в национальном праве государств – участников СНГ и праве содружества необходимо создать специальный механизм их предотвращения и устранения, который должен заключаться в установлении легальных процедур разрешения коллизий, рассмотрения юридических споров; определении уполномоченных органов для предотвращения и устранения юридических коллизий в создании нормативных и правозащитных мер преодоления коллизий, устранения нарушений законности.

В рамках Содружества такой инстанцией мог бы стать Экономический Суд СНГ в случае наделения его соответствующими полномочиями. Представляется, что Экономический Суд мог бы разрешать коллизии и пробелы в праве путем толкования норм национального права в контексте права СНГ, что могло бы способствовать адаптации норм внутригосударственного права в отношениях в рамках Содружества. Наделение Экономического Суда полномочиями на предмет проверки соответствия нормативных актов и других актов государств-участников, принятых по экономическим вопросам, соглашениям, иным актам Содружества, служит целям согласования национального права и права Содружества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демидов, В. Н. Конституция Российской Федерации и единство конституционно-правового пространства Российской Федерации / В. Н. Демидов // Журн. рос. права. – 2009. – № 6. – С. 23.

2. Конституционное право зарубежных стран : учеб. для вузов / под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. – М. : НОРМА, 2004. – 832 с.

3. Витрук, Н. В. О социально-правовой сущности и легитимности Конституции Российской Федерации 1993 г. / Н. В. Витрук // Рос. правосудие. – 2008. – № 2. – С. 10–11.
4. Ten Years of Democratic Constitutionalism in Central and Eastern Europe. – Lublin, 2001. – 365 p.
5. Козлова, Е. И. Конституционное право России : учебник / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2004. – 585 с.
6. Конституция Российской Федерации : доктринальный комментарий (постатейный) / под ред. Ю. А. Дмитриева. – М. : Деловой двор, 2009. – С. 124.
7. Тихомиров, Ю. А. Юридическая коллизия / Ю. А. Тихомиров. – М., 1994. – С. 21.
8. Василевич, Г. А. Право СНГ и национальное законодательство: проблемы и пути гармонизации [Электронный ресурс] / Г. А. Василевич // Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 15-летию Экономического Суда СНГ. – Режим доступа: http://www.sudsng.org/download_files/publication/konf/konf11.pdf www.sudsng.org/download_files/publication/konf/konf11.pdf. – Дата доступа: 18.08.2010.
9. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 15 марта 1994 г., № 2875. – Режим доступа: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?Regnom=19903. – Дата доступа: 18.08.2010.
10. Конституция Украины [Электронный ресурс] : 28 июня 1996 г., № 254К/96ВР. – Режим доступа: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?Regnom=8689. – Дата доступа: 18.08.2010.
11. Конституция Республики Армения [Электронный ресурс] : 5 июля 1995 г. – Режим доступа: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?Regnom=2950. – Дата доступа: 18.08.2010.
12. Конституция Республики Молдова [Электронный ресурс] : 29 июля 1994 г. – Режим доступа: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?Regnom=3249. – Дата доступа: 18.08.2010.
13. Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 30 августа 1995 г. – Режим доступа: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?Regnom=1162. – Дата доступа: 18.08.2010.
14. Конституция Республики Таджикистан [Электронный ресурс] : 6 ноября 1994 г. – Режим доступа: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?Regnom=2213. – Дата доступа: 18.08.2010.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 19.10.2015

Zabeivorota A.I. Legislation of CIS: the Difference in Approaches and Assessments

The processes of constitution-legal securing of CIS status, legal nature of constitutions, and the procedure of constitutional reform realizing on post-soviet territory, the essence and rules of using of collision norms are analyzed in the article.

УДК 342.95

Н.А. Самбор

*канд. юрид. наук, ст. инспектор штаба Прилукского городского отдела
Управления МВД Украины в Черниговской области*

ПОДХОДЫ К НОРМАТИВНО-ПРАВОВОМУ ОПРЕДЕЛЕНИЮ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

В статье рассматриваются два основных подхода к нормативно-правовому определению административных правонарушений: 1) в нормах отраслевого законодательства; 2) в специальном кодифицированном акте об административных правонарушениях. Указывается на то, что именно сочетание этих способов определения административных правонарушений является наиболее рациональным подходом к определению административных правонарушений. Вместе с тем утверждается, что меры административной ответственности (взыскания) должны концентрироваться исключительно в специальном законодательном акте (кодифицированном) об административных правонарушениях. Вынесение таких административных санкций за пределы указанных кодексов нецелесообразно, потому что это может приводить к коррупционным рискам.

Введение

Вопросы административно-правовой реформы сегодня одни из наиболее актуальных и востребованных в украинском обществе. На протяжении почти четверти столетия независимости Украины в среде ученых и законодателя идут дискуссии о том, какой окончательный результат мы должны получить по результатам внедрения положений реформирования административно-правового сегмента.

Проблемами административно-правовой реформы занимались В.Б. Аверьянов, Ю.П. Битяк, И.П. Голосниченко, Е.В. Додин, Р.А. Калюжный, С.В. Кивалов и другие. Ряд вопросов, связанных с реформированием законодательства об административных правонарушениях, освещались нами [1]. К сожалению, большинство научных разработок об усовершенствовании законодательства об административных правонарушениях так и остались исключительно на уровне доктринальных взглядов и пока не восприняты законодателем.

Возможно, это связано с тем, что в Украине постоянно меняются политические элиты, от которых, собственно, и зависит внедрение результатов научных исследований в законодательный процесс. Власти пытались и пытаются предложить «собственный взгляд и подход» на административно-правовую реформу, в том числе и реформирование законодательства Украины об административных правонарушениях. Но за все 24 года независимости в Украине действует законодательство об административных правонарушениях и непосредственно нормы Кодекса Украины об административных правонарушениях (далее – КУоАП), который был принят в 1984 г. совсем в ином общественно-политическом устройстве государства, с иными не только ценностными ориентациями, но и догмами [2, с. 36].

На наш взгляд, к причинам отсутствия законодательства об административных правонарушениях, которое соответствовало бы сложившимся в обществе отношениям, в первую очередь, необходимо отнести отсутствие единых взглядов на пути развития данной отрасли законодательства. В связи с этим целью статьи стало исследование возможных путей реформирования законодательства Украины об административных правонарушениях в аспекте определения административных правонарушений.

Законодательные основы механизмов определения административных правонарушений

Как показывает законодательная практика, усовершенствование законодательства об административных правонарушениях сегодня идет путем внесения изменений, а именно исключения ряда норм из Особенной части КУоАП и принятия новых норм, устанавливающих административную ответственность за то или иное деяние. Вторым путем – принятие новых законодательных актов, которые содержат нормы, устанавливающие административную ответственность, в том числе определяющие объективную сторону административного правонарушения и санкцию за совершение такого деяния.

Такие пути развития законодательства об административных правонарушениях фактически являются результатом весьма противоречивой нормы, которая содержится в ст. 2 КУоАП, где констатируется, что *«законодательство Украины об административных правонарушениях состоит из этого Кодекса и других законов Украины. Законы Украины об административных правонарушениях до включения их в установленном порядке в этот Кодекс применяются непосредственно. Положения этого Кодекса распространяются и на административные правонарушения, ответственность за совершение которых предусмотрена законами, еще не включенными в Кодекс»*.

Поэтому можем с определенной долей уверенности констатировать, что сейчас государство мало беспокоят глобальные вопросы, связанные с реформированием общих положений законодательства об административных правонарушениях, тогда как вопросы определения новых составов административных правонарушений или же исключения составов «устаревших» административных правонарушений происходят десятки раз в год.

Принятый в уже далеком 1984 г. КУоАП с каждым днем утрачивает свою регулятивную ценность. Ведь значительное число правонарушений в связи с изменившимся конституционным устройством государства, экономической основой общественных отношений фактически перестало нести определенный общественный негатив, тогда как доньше неизвестные деяния начали представлять собой существенную угрозу общественным отношениям. На эти вызовы законодатель пытался (во всяком случае, с его точки зрения, пытался как мог) отреагировать, защитив законодательными нормами общественно полезные отношения и тем самым запретив совершение деяний, которые представляли определенную угрозу стабильности таких общественных отношений.

Но такие подходы, на наш взгляд, не способствуют усовершенствованию и кодификации указанной отрасли законодательства. В пользу сказанного можно привести следующие аргументы: во-первых, имея дело с запретными нормами, их определение в разных законодательных актах приводит к их рассеиванию. С другой стороны, введение в отраслевое законодательство запретных норм позволит непосредственно соотносить субъектам свои деяния с запретными и дозволенными формами поведения в общественных отношениях. Во-вторых, кодификация норм в едином законодательном акте позволит всесторонне и объективно соизмерять виды административных правонарушений, их значимость для общества, а также альтернативно подходить к определению мер административного воздействия (принуждения) к правонарушителям. В-третьих, подобное рассредоточение норм, устанавливающих административную ответственность, а также административно-процессуальных норм, может и приводит к тому, что отсутствует единый процесс рассмотрения дел об административных правонарушениях. В-четвертых, базовые отраслевые кодифицированные акты, а также отраслевые законы призваны урегулировать общественные отношения путем установления позитивных норм,

которые поощряют определенные виды поведения, а также, по своей сути, исключают виды поведения, которые осуждаются. В то же время нормы законодательства об административных правонарушениях констатируют принципы установления административных правонарушений, виновность лиц, их совершивших, существование запретов в отраслевом законодательстве, устанавливают вид и меру административного взыскания, а также содержат административно-деликтные процессуальные нормы, которые регулируют порядок производства по делам об административных нарушениях, а также частично (поскольку ряд правил и порядок исполнения отдельных видов административных взысканий предусмотрены в Уголовно-исполнительном кодексе Украины, Законе Украины «Об исполнительном производстве» и т.д.) порядок исполнения административных взысканий, иные, как общие, так и специальные, вопросы привлечения к административной ответственности.

Таким образом, в Украине давно назрела проблема, связанная с определением административных правонарушений. Считаем необходимым указать: вместо усовершенствования норм материального законодательства об административных правонарушениях, приведения их в соответствие с вызовами времени украинский законодатель вводит все новые и новые понятия и термины, которые существенно размывают грани между родственными категориями, а именно вводит в обиход понятия уголовного правонарушения и уголовного проступка, которые, к слову сказать, до сих пор не имеют законодательного наполнения, притом были введены как уголовно-процессуальные нормы, хотя указанные дефиниции, на наш взгляд, непосредственно относятся к нормам не процессуального, и именно материального права и законодательства.

Не обращаясь к вопросам соотношения понятий административного и уголовного правонарушения, а также взаимосвязей административного проступка и уголовного проступка (поскольку это не является предметом исследований в рамках данной статьи), обратим внимание исключительно на возможные подходы к реформированию, унификации и усовершенствованию законодательства об административных правонарушениях, а именно способов определения деяний как административных правонарушений.

Подходы к определению административных правонарушений и их доктринальное обоснование

Сегодня в Украине в сфере развития законодательства об административных правонарушениях наблюдается тенденция, заложенная в советское время. Насколько оправдан такой способ развития законодательства об административных правонарушениях? По своей сути можно рассматривать два подхода к определению административных правонарушений в действующем законодательстве: 1) определение административных правонарушений в нормах отраслевого законодательства; 2) формирование отдельного кодифицированного законодательного акта, который и определит перечень административных правонарушений.

Так, С.В. Петков пишет о том, что наиболее рационально, а соответственно, целесообразно и правильно был решен вопрос с нормами, связанными с общественными правонарушениями в таможенной сфере, с таможенными правонарушениями [3]. Они были введены в состав Таможенного кодекса [4]. В этом смысле Таможенный кодекс является одним из инновационных нормативных актов, который должен служить примером в организации деятельности в других сферах общественной жизни. Другие правовые нормы также должны быть кодифицированы в нормативных правовых актах – ко-

дексах, которые являются базовыми для соответствующей сферы общественной деятельности [5]. Каждое правонарушение должно быть четко прописано в соответствующем законодательстве. Таким образом, будет соблюден конституционный принцип, что лицо несет ответственность за совершение тех преступлений, которые прописаны в законодательных актах Украины. Только таким образом решается вопрос, есть ли нарушение норм, например, муниципального или санитарно-эпидемиологического законодательства со стороны лица, которое не является должностным, административным; можно ли говорить об административной ответственности гражданского лица? В Общей части Административного кодекса, освобожденном от вышеперечисленных бланкетных норм, будут четко прописаны общие полные нормы, регламентирующие деятельность должностных лиц, которые наделены властными полномочиями; нормы, касающиеся контроля, борьбы с коррупцией.

В Особенной части должны быть определены административные правонарушения (административные проступки), которые совершают должностные лица, и особенности производства по ним. В Кодекс Украины об административных правонарушениях в соответствии с Законом Украины от 23.02.2006 г. № 3504-IV (3504-15) уже введена глава 15-А «Административные правонарушения, посягающие на осуществление народного волеизъявления и установленный порядок его обеспечения», в которой содержатся нормы, регламентирующие ответственность именно должностных лиц. Это позволит отделить административные правонарушения от других общественных проступков [5].

Таким образом, С.В. Петков утверждает, что Административный кодекс должен содержать кодификацию норм, регулирующих деятельность органов власти и должностных лиц и их ответственность. Он должен включать нормы об административной ответственности должностных лиц за нарушение норм законодательства (дисциплинарная, материальная и т.д.) и отграничиваться от уголовной ответственности. Административные правонарушения – это правонарушения, которые совершает лицо, наделенное властными полномочиями в сфере юрисдикционно управленческой деятельности органа, в котором лицо находится на государственной службе. Административная ответственность – это ответственность должностного лица государственного органа или органа местного самоуправления за совершение административного правонарушения. Соответственно, лицо, в отношении которого совершено противоправные действия, регламентированные Административным кодексом (должностные правонарушения), может обратиться к руководству должностного лица, совершившего должностной (административный) проступок, или в органы прокуратуры, административного суда или общего суда с иском [6]. Таким образом, граждане в соответствии с Кодексом об административном судопроизводстве, смогут эффективно защищать свои права и права общества от произвола или бездействия отдельных служащих и бюрократического аппарата государства [7; 5]. Подобный подход заслуживает внимания. Но он имеет как позитивные, так и негативные стороны. Административное правонарушение сопоставляется не с видом юридической ответственности, способом наложения мер государственного принуждения в виде административного взыскания, а именно с отраслью законодательства, которая регламентирует управленческую деятельность.

Второй подход к определению административных правонарушений заключается в том, что все составы административных правонарушений сосредотачиваются в специальном кодифицированном акте. Насколько такой подход возможен? Очевидно, что фактически такой подход к изложению административных правонарушений имеет иде-

альную основу, поскольку в действующем законодательстве его весьма сложно воплотить, так как в таком случае подобный кодифицированный акт будет чрезвычайно громоздким. Не зря законодатель, который, очевидно, склонялся именно к сочетанию первого и второго подходов определения административных правонарушений, принимая КУоАП в 1984 г., включил в него ст. 5 «Полномочия местных советов относительно принятия решений, за нарушение которых предусматривается административная ответственность»: «Сельские, поселковые, городские, областные советы имеют право принимать в пределах, определяемых законами, решения по вопросам борьбы со стихийными бедствиями и эпидемиями, предусматривающие за их нарушение административную ответственность, а также решения по вопросам борьбы с эпизоотиями, за нарушение которых ответственность установлена статьей 107 настоящего Кодекса. Сельские, поселковые, городские советы устанавливают в соответствии с законодательством правила, за нарушение которых административная ответственность предусмотрена статьями 152, 159 и 182 настоящего Кодекса». Указанная норма нами детально исследовалась [8], поэтому сейчас отметим лишь, что действующий КУоАП предусматривает возможность определения сути административного правонарушения (фактически состава административного правонарушения) вне самого КУоАП, тогда как возможность привлечения к административной ответственности за указанные деяния выступает прерогативой именно норм КУоАП.

Таким образом, действующее законодательство Украины предусматривает, что непосредственные составы административных правонарушений могут и формируются именно в отраслевом законодательстве, тогда как непосредственно в нормах КУоАП подчеркивается факт наступления административной ответственности за совершение деяний, которые запрещены и изложены (поскольку в большей своей части нормы Особенной части КУоАП характеризуются бланкетным способом изложения) в отраслевом законодательстве. Вот почему, на наш взгляд, сочетание указанных подходов будет наиболее оптимальным при изложении составов административных правонарушений.

Наряду с этим должны обратить внимание на то, что на сегодняшний день отсутствует доктрина понимания административной ответственности. Это, в свою очередь, существенно влияет и на подходы к формированию административных правонарушений. Ведь до сих пор не определено, что выступает фундаментом административной ответственности (что именно несет методологическую нагрузку): порицательное деяние, вид и способ применения мер административного принуждения, субъектный состав органов и должностных лиц, уполномоченных устанавливать состав административного правонарушения, виновность лица, которое совершило подобное деяние, накладывать административные взыскания, или же именно субъект правонарушения и нормы отрасли законодательства, которая нарушена, и т.д. Поэтому рациональным будет дальнейшее использование сочетания указанных подходов к определению административных правонарушений. А время административная ответственность за совершение административных правонарушений должна наступать исключительно в рамках отдельного кодифицированного акта об административной ответственности. Поэтому на современном этапе возникает вопрос об особенностях и вообще самой возможности привлечения к административной ответственности должностных лиц за совершение т.н. «административных правонарушений» правоприменения, связанных с установлением факта нарушения прав и свобод человека при осуществлении властных полномочий должностными лицами органов государственной власти и местного самоуправления в специальном порядке – административном судопроизводстве.

Примеры законодательства об административных правонарушениях, связанные с определением составов и санкций административных правонарушений

Заслуживают рассмотрения т.н. финансовые санкции, которые по своей сути относятся к административным взысканиям. Так, например, за продажу пива (кроме безалкогольного), алкогольных, слабоалкогольных напитков или табачных изделий лицу, не достигшему 18 лет, ч. 2 ст. 156 КУоАП предусмотрено административное взыскание в виде наложения штрафа от тридцати до ста необлагаемых минимумов доходов граждан. В то же время ст. 17 Закона Украины «О государственном регулировании производства и оборота спирта этилового, коньячного и плодового, алкогольных напитков и табачных изделий» [9] утверждает, что за нарушение норм этого Закона относительно производства и торговли спиртом этиловым, коньячным и плодовым, спиртом этиловым ректифицированным виноградным, спиртом этиловым плодовым, спиртом-сырцом виноградным, спиртом-сырцом плодовым, алкогольными напитками и табачными изделиями должностные лица и граждане привлекаются к ответственности в соответствии с действующим законодательством. К субъектам хозяйствования применяются финансовые санкции в виде штрафов в случае нарушения требований ст. 15³ настоящего Закона – 6 800 гривен; в том числе и за продажу пива (кроме безалкогольного), алкогольных, слабоалкогольных напитков, вин столовых и табачных изделий лицам, не достигшим 18 лет. Таким образом, субъект хозяйствования, а именно должностное лицо (например, физическое лицо – предприниматель), продав несовершеннолетнему пиво (алкогольные напитки), табачные изделия, понесет два вида взыскания: административное в виде штрафа за совершение административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ч. 2 ст. 156 КУпАП, и финансовую санкцию, предусмотренную Законом Украины «О государственном регулировании производства и оборота спирта этилового, коньячного и плодового, алкогольных напитков и табачных изделий». Таким образом, фактически такое лицо дважды понесет юридическую ответственность за одно и то же деяние. При этом такие финансовые санкции по своей природе относятся к административным.

Также за нарушения правил торговли алкогольными и табачными изделиями та же ст. 156 КУоАП предусматривает административное взыскание в виде наложения штрафа. Наряду с этим нормы Закона Украины «О мерах по предупреждению и уменьшению употребления табачных изделий и их вредного влияния на здоровье населения» от 22 сентября 2005 г. [10] указывают, что за их нарушение центральный орган исполнительной власти, реализующий государственную политику в сфере государственного контроля за соблюдением законодательства о защите прав потребителей, применяет финансовые санкции к субъектам хозяйствования за нарушения при реализации табачных изделий. На таких примерах можем увидеть, что деяния, которые рассматриваются и воспринимаются как административные правонарушения, влекут за собой несколько санкций – административные и финансовые. В основе обеих видов санкций заложено применение к правонарушителю, т.е. к субъекту, совершившему административное правонарушение, мер административного воздействия в виде административного наказания и финансовой санкции. К тому же следует заметить, что механизмы применения указанных санкций имеют административную природу. Считаем, что подобная практика обременяет понимание юридической и непосредственно административной ответственности. На наш взгляд, целесообразно исключить из отдельных отраслевых законов подобные финансовые санкции, переместив их в нормы Особенной части КУоАП, где специальными нормами следует предусмотреть ответственность субъектов пред-

принимательской деятельности в лице их должностных лиц за совершенные их представителями (работниками, руководителями, учредителями и т.д.) административные правонарушения. Это целиком и полностью укладывается в общие правила применения и наложения административных взысканий, поскольку в ст. 14 КУоАП предусмотрено возможность привлечения к административной ответственности должностных лиц за административные правонарушения, связанные с несоблюдением установленных правил в сфере охраны порядка, управления, государственного и общественного порядка, природы, здоровья населения и других правил, обеспечение выполнения которых входит в их служебные обязанности.

Все это стало возможным вследствие того, что не только сами составы административных правонарушений определены в разных отраслевых законодательных актах, но и меры государственного принуждения (санкции) определяются вне КУоАП. Пытаясь узаконить свои решения, законодатель избирает новые определения, дефиниции, назвав такие санкции финансовыми, а не административными. Хотя, исходя из теории права, санкция (взыскание) – это элемент правовой нормы, в котором определяется, какие меры государственного взыскания могут применяться к нарушителю правила, предусмотренного диспозицией. Санкция определяет меры юридической ответственности за нарушение определенной нормы права [11, с. 227]. Таким образом, государство всячески пытается «увильнуть» от принятия административных санкций, тем самым порождая всевозможные коррупционные схемы уклонения от исполнения мер юридической ответственности, а именно возможности избегания от штрафов как административных взысканий.

На наш взгляд, подобные механизмы в установлении санкций за совершенные административные правонарушения свидетельствуют лишь о том, что законодательство об административных правонарушениях не имеет дальновидных перспективных программ реформирования, направленных в первую очередь на защиту охраняемых законом прав, свобод и интересов. Установление же финансовых санкций указывает не столько на природу таких санкций, сколько на возможность дальнейшего использования полученных в результате применения санкций денежных средств, в том числе и в части наполнения бюджетов разных уровней, а также возможности содержания специально уполномоченных для этих целей органов и должностных лиц.

Заключение

Во-первых, несмотря на кризисные явления в социально-экономической, политической сферах общественной жизни, вопросы правового регулирования никогда нельзя отодвигать на второй план, поскольку это черевато хотя и отдаленными, но все же глобальными проблемами урегулирования общественных отношений.

Во-вторых, вопросы применения к гражданам любого вида государственного принуждения, в том числе и административных взысканий, не могут отодвигаться на второстепенные позиции, поскольку применение таких мер всегда связано с ограничением или же лишением прав, свобод и интересов личности.

В-третьих, отнесение тех или иных деяний к административным правонарушениям, ясность, четкость, доступность изложения таких запретных норм существенно влияет на воздержание от совершения подобных деяний субъектами. Поэтому, на наш взгляд, существование отдельного кодифицированного нормативно-правового акта позволит широким слоям населения ознакомиться, знать запретные нормы и не допускать совершения подобных деяний.

В-четвертых, нецелесообразно надстраивать непонятные «финансовые санкции», что совсем не импонирует законодателю и порождает всевозможные коррупционные схемы для избегания правонарушителями заслуженного взыскания.

В-пятых, урегулирование вопросов нормативно-правового применения законодательства против административных правонарушений повысит уровень доверия граждан к власти в целом, отдельным должностным лицам, подтвердит верховенство права, законности и неизбежности заслуженного и соответствующего степени опасности административного правонарушения наказания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Самбор, М. А. Адміністративний позов та скарга як засоби захисту прав, свобод та інтересів людини і громадянина у справах про адміністративні правопорушення / М. А. Самбор // Митна справа. – 2011. – Ч. 2, № 2 (74). – С. 229–234; Самбор, М. А. Кваліфікація діянь під час провадження у справах про адміністративні правопорушення / М. А. Самбор // Право і суспільство. – 2011. – № 1. – С. 121–127; Самбор, М. А. Рішення органів та посадових осіб під час провадження у справах про адміністративні правопорушення щодо дотримання прав, свобод та інтересів людини і громадянина / М. А. Самбор // Актуальні проблеми вдосконалення чинного законодавства України : зб. наук. ст. – Івано-Франківськ, 2011. – Вип. 26. – С. 67–77; Самбор, М. А. Адміністративний арешт: порядок застосування даного виду стягнення та повноваження окремих органів і посадових осіб щодо внесення клопотань про застосування (заміну) на даний вид стягнення / М. А. Самбор // Вісн. Київ. нац. ун-ту ім. Т. Шевченка. Юрид. науки. – 2012. – № 90. – С. 49–53; Самбор, Н. А. Доставка как мера административного обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: процессуальные вопросы законности применения ограничений прав и свобод человека / Н. А. Самбор // Вепнәлхалқ һүқуқ вә интеграһия проблемләри (elmi-analitik vә praktiki jurnal). – 2011. – № 4 (28). – Р. 137–143; Самбор, Н. А. Очерки к состоянию административно-деликтной политики Украины / Н. А. Самбор // Юрид. наука. – 2014. – № 1. – С. 122–126; Самбор, Н. А. Административная ответственность и основания для её применения: взгляды на понимание и пути реформирования / Н. А. Самбор // Адм. право и процесс. – 2014. – № 5. – С. 75–80.

2. Самбор, М. А. Зміни до загальних положень про провадження у справі про адміністративне правопорушення та протоколу про адміністративне правопорушення за часів незалежності України: адекватність потребам / М. А. Самбор // Юрид. наука. – 2014. – № 5. – С. 36–48.

3. Приймаченко, Д. В. Митна політика держави та її реалізація державними органами : монографія / Д. В. Приймаченко. – Дніпропетровськ : Акад. митної служби, 2006. – 332 с.

4. Митний кодекс України [Електронний ресурс] : 13 березня 2012 року. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/4495-17/print1389896250125956>. – Дата доступу: 09.03.2015.

5. Петков, С. В. Кодифікація законодавства про відповідальність – основа адміністративно-правового регулювання діяльності публічної влади в Україні [Електронний ресурс] / С. В. Петков. – Режим доступу: <http://radnuk.info/pidrychnuku/adminpravo/493-stetsenko/21430-2012-06-23-11-17-04.html>. – Дата доступу: 07.03.2015.

6. Васильев, А. С. Административное право Украины (Общая часть) : учеб. пособие / А. С. Васильев. – Харьков : Одиссей, 2003. – 288 с.

7. Кодекс адміністративного судочинства України [Электронный ресурс] : 6 липня 2005 року. – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/274715/print1382591708639929>. – Дата доступа: 10.03.2015.

8. Самбор, М. А. Повноваження органів місцевого самоврядування щодо прийняття рішень, якими визначаються склади адміністративних правопорушень / М. А. Самбор, А. М. Самбор // Наук. зап. Ін-ту законодавства Верховної Ради України, 2014. – № 3. – С. 47–53.

9. Про державне регулювання виробництва і обігу спирту етилового, коньячного і плодового, алкогольних напоїв та тютюнових виробів [Электронный ресурс] : Закон України : 19 грудня 1995 року. – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/481-95-%D0%B2%D1%80/print1382591708639929>. – Дата доступа: 10.03.2015.

10. Про заходи щодо попередження та зменшення вживання тютюнових виробів і їх шкідливого впливу на здоров'я населення [Электронный ресурс] : Закон України : 22 вересня 2005 року. – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/289915/-print1382591708639929>. – Дата доступа: 10.03.2015.

11. Хропанюк, В. Н. Теория государства и права : учебник для высш. учеб. зав. / В. Н. Хропанюк ; под ред. В. Г. Стрекозова. – М. : Интерстиль : Омега-Л, 2008. – 384 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 11.01.2016

Sambor N.A. Approaches to the Legal Definitions of Administrative Offenses

This article discusses two main approaches to the legal definitions of administrative offenses: 1) in the norms of sectoral legislation; 2) codified in a special act of Administrative Offences. It is pointed out that it is a combination of methods for determining administrative offenses that is the most rational approach to the definition of administrative offenses. At the same time it is argued that administrative sanctions (penalties) should be concentrated exclusively in a special legislative act (codified) on administrative offenses. The imposition of administrative sanctions beyond those codes is impractical, may lead to corruption risks.

УДК 343.2/.7

В.Г. Громов¹, В.А. Шебалов²

¹д-р юрид. наук, проф., проф. каф. уголовного, экологического права и криминологии
Саратовского национального исследовательского
государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
²магистрант юридического факультета
Саратовского национального исследовательского
государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

РАЗГЛАШЕНИЕ ДАННЫХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ (ст. 310 УК РФ): ВОЗМОЖНА ЛИ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ?

Авторами предпринята попытка анализа статьи 310 УК РФ «Разглашение данных предварительного расследования». Такой анализ необходим в связи с тем, что деяния, запрещенные данной статьей, имеют довольно высокую степень латентности, затруднена их квалификация и, соответственно, возможность привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в разглашении данных предварительного следствия. На основе анализа делается вывод о возможном переводе деяния в разряд административных правонарушений.

В Конституции Российской Федерации закреплено, что правосудие осуществляется только судом. Органы правосудия играют в Российской Федерации важнейшую роль, так как их деятельность направлена в первую очередь на защиту прав и свобод человека и гражданина и другие ценности, закрепленные в ст. 2 Конституции Российской Федерации. Какое-либо незаконное вмешательство в деятельность органов правосудия может нанести существенный вред в борьбе с преступностью.

Под преступлениями против правосудия необходимо понимать деяния, которые препятствуют законной деятельности органов правосудия (суд, прокуратура, органы следствия, дознания, исправительные учреждения и др.).

Впервые в России уголовная ответственность за разглашение данных предварительного следствия, дознания без разрешения прокурора, следователя или лица, производившего дознание, появилась в 1926 г., и данная норма была закреплена в ст. 96 Уголовного кодекса (далее – УК) РСФСР. За совершение этого преступления статья предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок до 6 месяцев либо штраф в размере 500 руб. На 1926 г. штраф в 500 руб. был очень большим: если 500 руб. 1926 г. перевести на «сегодняшние» деньги, то сумма будет превышать 1 млн RUR, в связи с чем можно сделать вывод, что данное преступление на то время признавалось весьма опасным. Также необходимо отметить, что разглашение данных предварительного следствия уголовным законом РСФСР 1926 г. рассматривалось как преступление против порядка управления. Диспозиция статьи не предусматривала заведомого предупреждения граждан о неразглашении данных предварительного следствия или дознания; таким образом, лицо могло быть привлечено к уголовной ответственности за любую информацию о предварительном следствии или дознании, даже будучи ранее не предупрежденным правоохранительными органами о возможной ответственности.

Разглашение данных предварительного следствия или дознания стало преступлением против правосудия только в УК РСФСР 1960 г. и было закреплено в ст. 184 главы 8 «Преступления против правосудия». Уголовная ответственность была предусмотрена за разглашение данных предварительного следствия или дознания без разрешения прокурора, следователя или лица, производящего дознание. Однако в диспозиции ст. 184

УК РСФСР 1960 г. также не предусматривалось специального предупреждения лица о неразглашении данных предварительного следствия или дознания.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее УК РФ) 1996 г. в ст. 310 главы 31 «Преступления против правосудия» предусмотрена ответственность за разглашение данных предварительного расследования. Только в ней ответственность предусматривается за разглашение данных предварительного расследования лицом, предупрежденным в установленном законом порядке о недопустимости их разглашения, если оно совершено без согласия прокурора, следователя или лица, производящего дознание [1]. Таким образом, в отличие от ранее действовавших уголовных законов РСФСР в УК РФ 1996 г. предусмотрено в диспозиции обязательное предупреждение лица о неразглашении данных предварительного следствия или дознания.

Объектом преступления, согласно ст. 310 УК РФ, будет являться установленный нормативными актами порядок обеспечения тайны предварительного следствия или дознания. Так, в соответствии со ст. 161 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ участники уголовного судопроизводства предупреждаются и дают подписку о том, что в случае разглашения сведений предварительного расследования без разрешения следователя либо дознавателя они могут быть привлечены к уголовной ответственности [2].

В круг лиц, входящих в число участников уголовного судопроизводства, следует отнести следующих субъектов: потерпевшего, гражданского истца, защитника, гражданского ответчика, свидетеля, эксперта, специалиста, переводчика и понятого. В этом перечне нет обвиняемого или подозреваемого в связи с тем, что неразглашение тайны следствия будет прямо нарушать их право на защиту, потому что они не смогут рассказать полной правды своему защитнику. Так, согласно определению Конституционного Суда (КС) РФ от 21 декабря 2004 г. № 467-О, по жалобе гражданина Пятничука Петра Ефимовича на нарушение его конституционных прав положениями стст. 46, 48 и 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации гражданин Пятничук просил признать статью 161 УПК РФ (Недопустимость разглашения данных предварительного следствия) не соответствующей ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации [3]. По мнению Пятничука, ст. 161 УПК РФ нарушала один из конституционных принципов, а именно состязательности и равноправия сторон. КС РФ пришел к заключению, что установленный ст. 161 УПК РФ порядок предупреждения участников уголовного судопроизводства о неразглашении данных предварительного расследования предусматривает возможность отобрания подписки в соответствии со ст. 310 УК РФ. Также Конституционный Суд разъяснил в определении, что статус подозреваемого или обвиняемого не позволяет возложить на них обязанность давать подписку о неразглашении, и в итоге отказал гражданину Пятничуку в удовлетворении жалобы.

По аналогичному пути решили пойти адвокаты Антонов Георгий Борисович (Определение Конституционного Суда от 27 октября 2015 г. № 2503-О) и Дворяков Владимир Геннадьевич (Определение Конституционного Суда от 6 октября 2015 г. № 2444-О), которые указали в своих жалобах на то, что ст. 310 УК РФ ограничивает адвоката в возможностях предоставлять юридическую помощь своему подзащитному и что ст. 310 УК РФ нарушает ст. 123 Конституции РФ. Конституционный Суд отказал в жалобе, разъяснив, что конституционные принципы не нарушены, и адвокатам может быть дана подписка о неразглашении сведений предварительного расследования в связи с тем, что, согласно ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, гражданин имеет право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Таким образом, ад-

вокат может быть привлечен к ответственности по ст. 310 УК РФ; также адвокат не имеет права выходить за рамки закона при защите прав и свобод своего подзащитного.

У лиц, предупрежденных согласно ст. 310 УК РФ, есть возможность разгласить некоторые данные предварительного следствия. Так, в соответствии со ст. 161 УПК РФ гласности может быть подвержена только та информация и в том объеме, которую признает допустимым следователь или дознаватель. Но ч. 3 ст. 161 УПК РФ говорит о том, что разглашение информации о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия запрещено.

Предметом преступления будет выступать информация, которая запрещена разглашению без разрешения следователя либо дознавателя. Необходимо отметить, что информация, разглашаемая участником уголовного судопроизводства, должна быть существенно значимой для следствия. Так, например, сообщение свидетелем своим родным, что он является свидетелем в уголовном деле, не будет являться преступлением, предусмотренным ст. 310 УК РФ. В связи с этим считаем необходимым определить перечень информации, которая не должна быть разглашена, т.к. любая информация следователем может быть заявлена как значимая. Кроме того, необходимо определить временные рамки неразглашения сведений, составляющих предварительное следствие.

Объективная сторона преступления будет заключаться в действиях лица, направленных на доведение сведений о предварительном расследовании без разрешения следователя либо дознавателя до третьих лиц. Способ доведения информации может быть различным: устным, письменным, через СМИ и т.д. Данный момент представляет собой самую значимую проблему, в связи с тем что доказать само разглашение весьма трудно. Большое количество рассматриваемых преступлений совершается путем доведения информации до третьего лица устным способом, без свидетелей, что также почти невозможно доказать. Так, например, гражданин Н., являющийся свидетелем по уголовному делу, был предупрежден следователем, и дал подписку о неразглашении сведений, ставших ему известными во время предварительного следствия. Н. приходит домой и рассказывает все своим родителям или друзьям. Формально налицо состав преступления, предусмотренного ст. 310 УК РФ, но сам факт разглашения «растворяется» в повседневной суеде, озвученная информация остается в определенном кругу людей и никакого ущерба следствию не наносит.

В этой связи необходимо установить обстоятельства, имевшие серьезные последствия для предварительного расследования. К таким последствиям можно отнести, например, уничтожение вещественных доказательств. Состав преступления по конструкции будет являться формальным, т.е. когда информация о предварительном следствии будет доведена до третьего лица. Субъективная сторона в форме прямого умысла; мотив и цель разглашения данных предварительного расследования не имеют значения. Субъект преступления специальный; это физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, предупрежденное об ответственности и давшее подписку о неразглашении сведений, составляющих предварительное расследование.

Также необходимо отметить, что в случае если лицо, которое предупреждено об уголовной ответственности, разглашает информацию о частной жизни другого участника, ставшую ему известной в ходе расследования, то оно привлекается к уголовной ответственности по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 310 УК РФ и ч. 1 ст. 137 УК РФ. В случае если разглашение информации о частной жизни осуществило лицо, производящее предварительное следствие либо дознание, то оно привлекается к уголовной ответственности только по ч. 2 ст. 137 УК РФ. Дополнительной ква-

лификации, т.е. «совершенное лицом с использованием своего служебного положения», не требуется, и совокупности преступлений в данном случае не будет в связи с тем, что лицо, производящее предварительное следствие или дознание, не дает подписки о неразглашении.

В 2007–2016 гг. в России было зарегистрировано всего 8 преступлений, квалифицированных по ст. 310 УК РФ, по которым только в 2015 г. были осуждены 2 человека. Т.е., возбудив уголовное дело по факту разглашения данных предварительного расследования, правоохранительные органы в дальнейшем могут доказать вину подозреваемых не более чем в 25% случаев. Такие низкие показатели могут свидетельствовать только о том, что привлечь к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступления, предусмотренного ст. 310 УК РФ, крайне затруднительно.

В законодательстве большинства стран мира также закреплен запрет разглашения данных предварительного расследования. Авторами был проведен сравнительный анализ особенностей зарубежных моделей аналогичных норм, содержащихся в уголовных кодексах разных стран: Азербайджана (ст. 300), Беларуси (ст. 407), Казахстана (ст. 335), Узбекистана (ст. 239), Нидерландов (ст. 184), Испании (ст. 466), Польши (ст. 241), Швеции (ст. 3) и Японии (ст. 134).

Проанализировав опыт зарубежных стран в решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности лица, разгласившего данные предварительного расследования, можно сделать вывод, что интеграция норм зарубежного уголовного законодательства в отечественное не поможет решить проблемы латентности и работоспособности ст. 310 УК РФ в связи с тем, что нормы рассмотренных стран схожи между собой.

Различие между нормами уголовного закона этих стран заключается по существу только в субъектах преступления и размерах наказания. Таким образом, значительных отличий, которые смогли бы, будучи имплементированными в российский уголовный закон, повысить эффективность ст. 310 УК РФ, в нормах зарубежного законодательства не имеется.

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. Изначальный вид ст. 310 УК РФ невозможно вернуть, потому что УК РСФСР 1926 г. и УК РСФСР 1960 г. не предусматривали предупреждения об уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования.

2. Анализ уголовно-правовой характеристики состава преступления, предусмотренного ст. 310 УК РФ и уголовной статистики указывает на высокую степень латентности этих преступлений, а также на то, что привлечь виновных к уголовной ответственности по данной статье крайне сложно.

3. Рассмотрев уголовные кодексы зарубежных стран по вопросу о привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в разглашении данных предварительного расследования, сделан вывод о том, что интеграция норм зарубежного уголовного законодательства в отечественное не поможет решить проблему латентности данного вида преступлений и эффективной работоспособности ст. 310 УК РФ.

Таким образом, ст. 310 УК РФ, возможно, следует декриминализировать. Конечно, есть аргументы как «за», так и «против» декриминализации ст. 310 УК РФ. «Против» декриминализации ст. 310 УК РФ будет то, что появится возможность нанесения ущерба следствию. Однако аргументов «за» декриминализации ст. 310 УК РФ можно отнести: полное отсутствие статистической выраженности указанных преступлений на протяжении длительного периода времени; высокая латентность данного преступления; сложность его квалификации; «засорение» уголовного закона.

На наш взгляд, более эффективным было бы включение разглашения данных предварительного расследования в Кодекс об административных правонарушениях и установление соответствующего наказания за него.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : 13.06.1996 г., № 63-ФЗ : в ред. от 06.07.2016 // Собр. законодательства Российской Федерации. – № 52. – 1996. – Ст. 5881.

2. Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации : 18.12.2001 г., № 174-ФЗ : в ред. от 6.07.2016 г. // Собр. законодательства Российской Федерации. – № 52. – 2001.

3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2004 г., № 467-О по жалобе гражданина Пятничука Петра Ефимовича [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52835/. – Дата доступа: 10.09.2016.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 29.09.2016

Gromov V.G., Shebalov V.A. Disclosure of Preliminary Investigation (Article 310 of the Criminal Code RF): Did Decriminalization Possible?

The author attempts to analyze Article 310 of the Criminal Code «Disclosure of preliminary investigation». Such analysis is necessary in view of the fact that the acts prohibited by this Article, have a fairly high degree of latency, so far hindered their skills and, consequently, the possibility of criminal prosecution of those responsible for the disclosure of preliminary investigation data. On the basis of the conclusion of a possible transfer to the category of acts of administrative violations.

УДК 343

С.М. Храмов

канд. юрид. наук, доц., доц. каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

ОШИБКИ ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ. ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

В статье рассматриваются ошибки, которые могут возникать при задержании лиц, совершивших преступление. Дается классификация таких ошибок. Приводятся примеры из судебной практики. Делается вывод о том, что все возможные виды ошибок, допускаемых при задержании лиц, совершивших преступление, можно условно разделить на извинительные и неизвинительные.

Введение

При реализации на практике гражданами, в том числе потерпевшими, а также специально уполномоченными лицами права на задержание иногда встречаются ошибки. К примеру, вред причиняется при задержании лицам, ошибочно принятым за преступника, т.е. мнимым преступникам. Однако в уголовно-правовой литературе основной акцент уделяется институту причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление [1; 2]. Поэтому для правоприменителя полезно проанализировать возможные ошибки и проблемы, возникающие в связи с необходимостью дачи правовой оценки подобным ошибочным действиям.

Классификация ошибок при задержании

Как следует из теории уголовного права, вопрос об ответственности за причинение вреда при мнимом задержании решается по общим правилам о фактической ошибке [3, с. 20]. Для того, чтобы в процессе квалификации содеянного правильно определить фактическую ошибку, необходимо знать, что она представляет собой «заблуждение лица относительно фактических обстоятельств, относящихся в основном к двум элементам состава преступления – объекту и объективной стороне» [4, с. 207]. Следует выделить, кроме того, ошибки в характере совершаемого действия, обстоятельствах, отягчающих ответственность, и др.

На практике возможны следующие виды ошибок при задержании:

- а) ошибка в виновности задерживаемого лица (задерживается невиновный);
- б) ошибка относительно совершенного деяния (совершено деяние, не являющееся преступлением);
- в) ошибка относительно свойств личности, совершившего преступление (невменяемый, малолетний и т.п.);
- г) ошибка в необходимости задержания;
- д) ошибка в необходимости причинения вреда задерживаемому;
- е) ошибка в оценке опасности посягательства (преувеличение опасности).

По мнению Ю.В. Баулина, ошибки при задержании лица, совершившего преступление, делятся на два вида: извинительные и неизвинительные [5, с. 201–202]. Такая позиция представляется обоснованной. Поэтому рассмотрим эти два вида ошибок подробнее.

Извинительные ошибки при задержании

Извинительные ошибки охватывают ситуации, когда задерживающий имеет достаточные основания заблуждаться относительно юридического или фактического основания задержания лица либо его свойств или самой личности.

В ст. 26 Уголовного кодекса (УК) Республики Беларусь закреплено следующее правило: «Деяние признается совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, не сознавало и по обстоятельствам дела не должно было или не могло сознавать общественную опасность своего действия или бездействия либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть» [6].

Аналогичная норма содержится в ст. 28 УК Российской Федерации [7]. Отметим, что в ч. 2 ст. 28 УК Российской Федерации имеется существенное отличие: «Деяние признается также совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, хотя и предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но не могло предотвратить эти последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам» [7].

Как известно, объективное вменение, т.е. уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается. Данный ключевой принцип вины прямо закреплен в ч. 2 ст. 5 УК Российской Федерации. В Республике Беларусь также не допускается объективное вменение, хотя специальной оговорки об этом в уголовном законодательстве не имеется. В случае невиновного причинения вреда ответственность задерживающего лица исключается ввиду отсутствия вины, поскольку имеет место казус.

Б.П. Кондрашов, Ю.П. Соловей, В.В. Черников комментируют данную ситуацию следующим образом: «Если сотрудник милиции, осуществляющий задержание, не только не осознает, но исходя из конкретных обстоятельств дела не должен и не мог сознавать ошибочности своего представления относительно личности задерживаемого и оснований задержания, уголовная ответственность вследствие отсутствия вины исключается» [7].

Проиллюстрируем данное теоретическое положение примером из судебной практики. «Приговором суда г. Мозыря от 27 октября 1994 г. Х. осужден по ч. 2 ст. 167 УК с применением ст. 43 УК (УК Республики Беларусь от 29.12.1960 – С. Храмов) на один год 6 месяцев лишения свободы условно с годичным испытательным сроком.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Гомельского областного суда от 21 апреля 1995 г. приговор оставлен без изменения.

Х. признан виновным в превышении служебных полномочий, выразившемся в том, что, работая милиционером-кинологом отдела охраны Мозырского ГРОВД, находясь при исполнении служебных обязанностей, без достаточных оснований остановил 10 июня 1993 г. примерно в 23 часа 30 минут гражданина Т., имевшего при себе канистру с бензином и пакет с рыбой, и с применением физического насилия пытался доставить его в отдел милиции, причинив при этом потерпевшему менее тяжкие телесные повреждения.

Председатель Верховного Суда Республики Беларусь внес протест в судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда об отмене приговора и кассационного определения и прекращении производства по делу за отсутствием в действиях Х. состава преступления.

Судебная коллегия 15 октября 1996 г. протест удовлетворила, указав следующее.

В обоснование виновности Х. в совершенном преступлении суд сослался на показания осужденного, потерпевшего Т., свидетелей Т-к, М., С., А., Б., В. и других, а также на заключение эксперта. Между тем эти доказательства не подтверждают вывод суда о превышении Х. своих служебных полномочий.

Так, осужденный Х. показал, что, находясь вместе с работником милиции Р. на дежурстве, 10 июня 1993 г. в 23 часа 30 минут проезжал на автомобиле по ул. Пролетарской г. Мозыря, на которой расположены промышленные предприятия. Заметив потерпевшего Т., несшего мешок, решил проверить возникшее подозрение: не совершил ли Т. какое-либо преступление? Х. и Р. остановили Т. и выяснили, что в мешке находилась канистра с 10-ю литрами бензина. На вопрос, откуда бензин, Т. ответил: украл. Поскольку у потерпевшего не было с собой документов, то они предложили ему проехать в отдел милиции для разбирательства. Однако Т. отказался, уцепился за забор, стал оскорблять работников милиции, прося помощи у женщин, возвращавшихся со швейной фабрики после второй смены. Воспользовавшись ситуацией, потерпевший убежал.

Из показаний потерпевшего видно, что бензин ему дал знакомый, и ночью Т. нес канистру домой. Его остановили работники милиции Х. и Р. и потребовали объяснить, где взял горючее. На что был ответ: украл. Документов, удостоверяющих личность, при себе не было. Работники милиции хотели доставить его в отдел милиции, но он схватился руками за забор и стал звать людей на помощь. Х. и Р. пытались оторвать его от забора, били по ногам, выкручивали пальцы, пригласили на помощь еще трех работников милиции. Его защитили женщины со швейной фабрики, и он убежал. Телесные повреждения левой руки ему причинил Х.

Доказательства, собранные по делу, свидетельствуют о том, что Х. при несении патрульной службы 10 июня 1993 г. действовал в соответствии с требованиями Закона Республики Беларусь «О милиции». Место задержания Т. находится в промышленном районе г. Мозыря, где сосредоточены заводы, фабрики, автотранспортные парки и стоянки. Остановлен Т. в ночное время с бумажным мешком, вызывавшим подозрение. Кроме того, своим ответом, что бензин украден, Т. укрепил подозрение работников милиции. Документов при себе не имел.

При таких обстоятельствах действия работника милиции Х. в отношении Т. являлись правомерными. Х. в данном случае вправе был применить силу для задержания Т. и доставления его в отдел милиции» [8].

В то же время если задерживающий, добросовестно заблуждаясь относительно каких-либо обстоятельств задержания, умышленно причиняет вред, явно несоизмеримый в данной ситуации задержания, его действия образуют превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. В этом случае должна наступать ответственность за преступление, предусмотренное ст. 142 УК Республики Беларусь «Убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление», или ст. 151 УК Республики Беларусь «Умышленное причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление».

Еще один пример из судебной практики. Так, 15 июня 2002 г., около 10 часов, В.А. Якутенюк, находясь на дороге у участка № 984 садоводческого товарищества «Мичуринец-2» у г. Новолукомля, на почве подозрения, что гражданка Т.А. Оганесян похищает с соседнего участка, с целью задержания нанес ей несколько ударов лопатой по телу, причинив задерживаемой открытый перелом локтевого отростка левой локтевой кости, закрытый перелом локтевой кости правого предплечья в нижней трети и рану в теменной области, относящиеся к категории менее тяжких телесных повреждений по длительности расстройства здоровья. Потерпевшая Т.А. Оганесян в судебном заседании пояснила, что шла с Н.Г. Землянским с участка матери, где взяли укропа, лука,

клубники. Землянский по нужде зашел по пути домой на участок. Он сказал, что там лежит вырезанный чеснок. Она посоветовала ему чеснок забрать. После этого к ней подбежал В.А. Якутенок и несколько раз ударил ее лопатой по рукам и голове. Суд квалифицировал действия В.А. Якутенка по ст. 151 УК Республики Беларусь, поскольку он умышленно причинил менее тяжкие телесные повреждения при превышении мер, необходимых для задержания лица, которое он подозревал в совершении хищения. В качестве наказания суд подвергнул его общественным работам сроком на шестьдесят часов. По приговору суда Чашникского районного суда Витебской области от 7.08.2002 г. с В.А. Якутенка взыскано в пользу потерпевшей Т.А. Оганесян 200 000 рублей возмещения морального вреда [9].

Неизвинительные ошибки при задержании

Что касается неизвинительных ошибок, то они охватывают ситуации задержания лицом мнимого преступника, когда сложившаяся обстановка не давала оснований заблуждаться относительно юридического или фактического основания задержания лица либо его свойств или самой личности. При определенном волевом интеллектуальном усилии задерживающий мог предвидеть общественную опасность своих действий или имел достаточные условия для исключения данной ошибки, если бы не пренебрег элементарными правилами осмотрительности, предосторожности, внимательности. Полагаю, что подобную ситуацию нельзя признать задержанием преступника, ибо в действительности обстановки, свидетельствующей о необходимости задержания, о совершении преступления и т.п., не было. В связи с этим задерживающее лицо должно нести ответственность за причиненный вред на общих основаниях. В этом отношении трудно согласиться с авторами, предлагающими квалифицировать причинение вреда при подобных обстоятельствах как неосторожное преступление [2, с. 59–60]. При этом предлагается установление ответственности лишь за причинение смерти или тяжкого вреда здоровью, ибо менее тяжкий вред, причиненный по неосторожности, не наказуем.

Вместе с тем это привилегированное причинение смерти или телесных повреждений (статьи 142 и 151 УК Республики Беларусь) может быть совершено только умышленно. Неосторожная форма вины в конструкции данных составов законодателем вообще не предусмотрена. Ряд иных уголовно-правовых деликтов, совершение которых возможно при задержании, также являются исключительно умышленными (ст. 183 «Незаконное лишение свободы», ст. 397 «Заведомо незаконные задержание или заключение под стражу», ст. 383 «Самоуправство» и др.).

Лицо, участвующее в задержании, должно сознавать названные обстоятельства и желать, причиняя вред, задержать преступника. Причинение желаемого вреда, хотя и по сомнительным основаниям, не превращает деяние в неосторожное, совершенное по легкомыслию или небрежности. В случае сомнений задерживающего он должен либо отказаться от задержания, либо убедиться в том, что задержание действительно необходимо. В любом случае задерживающий всегда умышленно причиняет вред преступнику, желая тем самым пресечь его уклонение от уголовной ответственности.

Неосторожная форма вины при задержании возможна только в отношении определенных последствий причинения такого вреда, который задерживаемый допустил по легкомыслию или небрежности (например, желая причинить задерживаемому легкий вред здоровью, задерживающий неосторожно допускает вред средней тяжести или допускает неосторожное повреждение имущества). Возможны и иные неосторожные преступления при «ошибочном» задержании (убийство в результате произвольного вы-

стрела, причинение вреда третьим лицам и т. п.). Однако всегда ответственность за указанные преступления должна наступать на общих основаниях.

Заклучение

Все возможные виды ошибок, допускаемых при задержании лиц, совершивших преступление, можно условно разделить на извинительные и неизвинительные. В первом случае какая-либо ответственность задерживающего лица исключена, так как имеет место невиновное причинение вреда (случай или казус). Если при задержании допущены неизвинительные ошибки, то ответственность за причиненный вред наступает по правилам о фактической ошибке в уголовном праве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бушуев, Г. В. Социальная и уголовно-правовая оценка причинения вреда преступнику при задержании / Г. В. Бушуев. – Горький : Горьк. высш. шк. МВД СССР, 1976. – 87 с.
2. Баулин, Ю. В. Право граждан на задержание преступника / Ю. В. Баулин. – Харьков : Изд-во Харьк. ун-та, 1986. – 156 с.
3. Фаткуллина, М. Б. Юридические и фактические ошибки в уголовном праве: проблемы квалификации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М. Б. Фаткуллина ; Урал. юрид. ин-т МВД России. – Екатеринбург, 2001. – 25 с.
4. Уголовное право. Общая часть : учеб. для вузов / И. Я. Козаченко, [и др.]. – М. : Инфра-М-Норма, 1997. – 516 с.
5. Баулин, Ю. В. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния / Ю. В. Баулин. – Харьков : Основа, 1991. – 60 с.
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.04.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : в ред. Федер. закона от 06.07.2016 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2016.
8. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь «Необоснованное осуждение работника милиции по ч. 2 ст. 167 УК, который не превысил своих служебных полномочий» (извлечение) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://systemaby.com/docs/bitvu/dk-vv19xa.html>. – Дата доступа: 29.09.2016.
9. Архив Суда Чашникского района Витебской области за 2002 г. Уголовное дело № 02013250262.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 17.10.2016

Chramov S.M. The Detention of Persons Who Committed a Crime Combined With Mistakes: Issues of Qualification

This article discusses a mistake which can be made during the arrest of the perpetrators. The classification of such mistakes is given. The examples of judicial practice are considered. The conclusion that all possible types of mistakes made during the arrest of the perpetrators, can be divided into pardonable and inexcusable.

УДК 37:378.016

М.С. Ковалевіч¹, В.А. Ковалевіч²¹канд. пед. наук, доц., доц. каф. дошкольнага образования
Брэстскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна²ст. прафэсар кафедры хіміі
Брэстскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна**СТАНОВЛЕНИЕ СУБЪЕКТНОЙ ПОЗИЦИИ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА
КАК УСЛОВИЕ ЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ
И САМОРЕАЛИЗАЦИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ**

В статье обоснована актуальность проблемы становления субъектной позиции будущего педагога, представлены методологические основания исследования: концепция стратегии жизни, учение о стремлении к смыслу жизни, аксиология, концепция самоактуализации, культурологический, акмеологический, личностно-ориентированный и субъектно-деятельностный подходы, которые соответствуют синергетическим представлениям об открытости, нелинейности, динамичности субъектной позиции личности будущего педагога как системы. Определены существенные характеристики феномена субъектности.

Введение

Современное состояние нашего общества характеризуется глубокими социально-экономическими преобразованиями, затронувшими буквально все сферы жизнедеятельности. Естественным следствием этого процесса явилось и повышение требований к подготовке будущих специалистов в Брестском государственном университете имени А.С. Пушкина. Это объясняется тем, что система образования, как любая социальная система, подвергается влиянию и сама влияет на внешние социально-экономические и социально-культурные условия. Чтобы подготовить будущих специалистов к деятельности в рыночных условиях, необходимо учитывать изменчивость этих условий и формировать у специалистов такие личностные и профессиональные качества, которые позволят им своевременно, эффективно и безболезненно перестраивать себя и свою деятельность в соответствии с новыми требованиями.

В связи с этим высшей ценностью государства становится личность специалиста с ее потребностью в самоактуализации, саморазвитии, реализации творческого потенциала, профессионального роста, духовного и физического совершенства. Профессиональное развитие личности будущего специалиста, его субъектность выступают основной целью высшего образования. Решению этой проблемы посвящены работы С.Н. Бегидовой, Н.М. Борытко, А.А. Деркача, А.А. Исаева, М.Я. Виленского, М.И. Станкина и др. Особое внимание уделяется формированию субъектной позиции специалиста как детерминанты его профессионального становления.

Сложившийся сегодня характер общественного развития создает условия для расширения возможности компетентного выбора личностью собственного способа развития, придает особую остроту ее самореализации, заключающуюся в активном изменении «мира» и «себя в мире», в выявлении в этой многогранной работе смысла собственной жизнедеятельности.

В истории науки неоднократно рассматривали вопрос о соотношении человека и его бытия, используя разные категории («вочеловечивание» (Блаженный Августин), «инкрустация» (М. Мерло-Понти), «инкарнация» (М.М. Бахтин), «интроспекция» (Р. Аве-

нариус) и др. Однако чаще всего в общенаучном обиходе для обозначения указанной реальности используется понятие «субъект».

В исследованиях психологов рассматриваются следующие аспекты субъектности: компоненты субъектного опыта (А.К. Осницкий, И.С. Якиманская), внутренние предпосылки и внешние проявления субъектности (Е.Н. Волкова), механизмы субъектности (В.А. Татенко), принципы организации образовательных систем, развивающих субъектность (В.В. Давыдов), закономерности развития субъектного начала человека в онтогенезе (Д.И. Фельдштейн, В.И. Слободчиков, Г.А. Цукерман). В современных исследованиях (Б.С. Братусь, В.П. Зинченко, В.В. Знаков, С.Л. Франк, Д.А. Леонтьев, А. Маслоу и др.) наметилась тенденция соотносить развитие субъектности с духовным ростом, со степенью осознания жизненных целей, с уровнем осмысления жизненного пути, с ценностными ориентациями личности.

Применение ценностно-синергетической концепции к развитию субъектной позиции студента позволило определить ее как аксиологическую позицию личностной и профессиональной самоорганизации, определяющую возможность выхода личности за пределы нормативной заданности. Субъектность представляет собой аксиологическую характеристику личности, раскрывающуюся в продуктивности деятельности, в ценностно-смысловой самоорганизации поведения, в способности согласовывать замысел и реализацию, в способности преобразовывать себя и окружающую действительность, в ответственном отношении к себе, собственной деятельности и миру.

Актуальность исследования проблемы становления субъектной позиции будущего педагога обусловлена тем, что в настоящее время в теории и практике высшего образования сложился ряд противоречий, требующих научного разрешения. К ним относятся противоречия между:

1) ориентацией современного общества в целом и университетского образования в частности на возросшие требования к специалистам нового типа и реальной практикой профессиональной подготовки специалиста в системе вузовского образования;

2) необходимостью вовлеченности личности специалиста в процессы творческого труда, социальной активности и ориентацией вузовского образования в основном на репродуктивные методы обучения;

3) обращенностью содержания образования к прошлому социальному опыту и ориентацией студента на будущую профессиональную деятельность;

4) нарастающей потребностью педагогической теории и практики в раскрытии закономерностей процесса субъектного становления студентов университета и недостаточной разработанностью педагогической теории в условиях динамично развивающегося общества.

Актуальность исследования субъектности обусловлена социально-экономической и политической ситуацией в Республике Беларусь и мире в целом, которая привела к переоценке роли личности в общественном развитии. Развитие человека как субъекта деятельности становится одной из целей современного образования и воспитания.

Многоуровневый характер методологии исследования субъектности

Взгляд на личностное в человеке как проявление его субъектности имеет представление в философии, педагогике, психологии. В наиболее общем философском определении субъект характеризуется как *носитель предметно-практической деятельности и познания, источник активности, направленный на объект.*

В связи со сложностью предмета исследования при разработке теоретических основ становления субъектной позиции будущего педагога мы опирались на ряд учений, теорий, концепций и идей.

Философский уровень представлен философской антропологией, логикой, аксиологией и философскими теориями, в которых в качестве первоначального понятия выступает понятие «жизнь» как реальная природная целостность, источник духовного развития (Ф. Ницше, Ш. Бюлер, С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская), гуманистической стратегией (А. Маслоу, К.Р. Роджерс, Д. Сьюппер, Э. Фромм).

Философско-антропологическое учение (В.С. Библер, Н.А. Бердяев, В. Франкл, Э. Фромм, М. Хайдеггер) выступает как мировоззренческая основа решения проблемы субъектности педагога. Принцип антропоцентризма в педагогике предусматривает обращение к субъектности человека, к пониманию его жизни как самосозидания, его развития как самоопределения и саморазвития. В педагогической антропологии стратегическая роль образования реализуется через педагогическую поддержку личности в ее самоопределении и саморазвитии. Учение философской антропологии о человеке понимает его как самоценную, творческую и свободную личность. Самым ценным качеством человека является его принципиальная незавершенность, открытость миру, способность и обязанность делать выбор. Поэтому педагогическая деятельность – это деятельность, связанная с созданием условий для самоопределения и саморазвития личности, обеспечения для нее свободы выбора, возможностей свободного и творческого действия. Идея самосозидающего человека, открытого для всех возможностей, – центральная идея философской антропологии. Сущность человека в развитии, в постоянном духовном преобразовании самого себя, в самовоспитании.

Философско-антропологический подход к проблеме исследования можно раскрыть, опираясь на сформировавшиеся научные концепции.

1. Концепция стратегии жизни. Она утверждает жизнь в качестве самодостаточной реальности, подлинного бытия. Одним из первых ее представителей был Ф. Ницше. Самоценность жизни Ф. Ницше понимает как напряженный процесс становления, самореализации всего существующего, как проявление инстинкта роста, власти, накопления сил, упорства в достижении целей. Для педагогики очень важной является идея Ницше о самосозидающей личности – воспитание человека духовно богатого, открытого, уверенного в будущем. Ш. Бюлер назвала жизнь личности «индивидуальной историей» по аналогии с процессом истории. Индивидуальную, или личностную, жизнь она назвала «жизненным путем личности». Учение Ш. Бюлер дает возможность рассматривать человеческую жизнь как стремление к самоосуществлению и творчеству.

Методологическая основа изучения субъектности заложена в концепции человека, выдвинутой С.Л. Рубинштейном и конкретизированной в его научной школе. Человек в концепции С.Л. Рубинштейна рассматривается, прежде всего, как автор, режиссер и актер собственной жизни. Свою концепцию жизни С.Л. Рубинштейн сформулировал так: «Только та жизнь является настоящей, которая осуществляется, строится самим человеком... Человек становится субъектом и в том смысле, что он вырабатывает способ решения жизненных противоречий, осмысливая свою ответственность перед собой и людьми за результаты такого решения» [1, с. 351].

Анализ концепции жизни дает возможность рассматривать личность будущего специалиста как субъекта трудовой и будущей профессиональной деятельности, а его профессиональное самосознание – как отношение к себе в качестве субъекта будущей профессиональной жизни. С.Л. Рубинштейн неоднократно подчеркивал роль внутрен-

ней активности личности в самоопределении. При этом он не отрицает значения внешних и внутренних факторов ее развития. Внутренняя активность, по С.Л. Рубинштейну, проявляется в готовности к действию, направленному на формирование индивидом себя как личности, а также в способности к самореализации.

Таким образом, формирующаяся личность перестает быть явлениям только обусловленным, она становится тем, что сама начинает обуславливать. Процесс развития личности и ее свободы происходит в единстве с развитием ее сознания и самосознания. С этого момента каждый человеческий поступок приобретает характер философского суждения о жизни, связанного с ним общего отношения к жизни; с этого момента, собственно, и «встает проблема ответственности в моральном плане, ответственности за все сделанное и за все упущенное» [1, с. 352]. Диалектическое понимание развития личности как движение от прошлого к будущему позволило С.Л. Рубинштейну определить сущность человеческой свободы: человек есть существо, которое имеет проект. «Проект он потому, что в нем существование предшествует сущности, в нем нет готовой сущности, он сам ее создает, сам из себя что-то создает, отсюда его сущность – свобода» [1, с. 36].

Творческое осмысление идей С.Л. Рубинштейна позволило К.А. Абульхановой-Славской разработать *принцип саморегуляции*, механизмом которой является рефлексия. Рефлексия необходима для изменения уровня и характера активности в зависимости от хода деятельности [2].

Сущность педагогической поддержки заключается в том, чтобы показать развивающейся личности все богатство жизни, счастье собственной наиболее полной самореализации даже в трудных условиях. Педагогическая поддержка – это борьба за высший уровень человеческого существования, за вершину человеческого бытия. Жизненный путь – это не только движение человека вперед, но и движение вверх, к высшим, более совершенным формам, к лучшим проявлениям человеческой сущности, достижение личностного совершенства. А личность в качестве субъекта жизни выступает как ее организатор, формирует позицию и «панию своей жизни» согласно своему проекту, в соответствии со своими склонностями, стремлениями, стилем жизни. Чем больше человек продумывает, осмысливает свою жизнь, чем больше он стремится ее организовать, определить направление, тем более уникальной, ценной, творческой она становится.

У разных людей определяется разная мера целостного жизненного пути и разная степень соответствия действий личности ее ценностям и намерениям. Уже в жизненных планах юношей, по данным белорусских исследователей, будущее видится по-разному: у одних – в счастливой семейной жизни, у других – в профессиональной карьере, у третьих – в возможности зарабатывать большие деньги, четвертые мечтают принести как можно больше пользы людям; стратегия одних в наиболее полном применении своего таланта, стратегия других – в получении максимума благ за свой талант.

Проведенное нами исследование зафиксировало большое внимание студентов к параметру «карьера, деловой успех» как ценности. Его результаты свидетельствуют о том, что произошло изменение традиционных ценностных ориентаций в пользу достигнутых. В качестве жизненной цели значительная часть современной молодежи уверенно выбирает деловой успех, карьеру. Просматривается положительная тенденция в оценке роли собственного интеллекта и способностей, хорошего образования, трудолюбия, деловой хватки, предприимчивости и собственной инициативы. Именно это способствует жизненному успеху. Исследование показало, что ценности науки как исследовательской деятельности менее значимы, чем ценности образования как познава-

тельной деятельности, т.е. деятельности, связанной с получением профессии. Сегодня студентам нужны именно профессиональные знания, которые необходимы для осуществления узкопрофессиональной деятельности, а не «превращение во всесторонне развитого человека». Невелико количество абитуриентов, желающих после окончания вуза и магистратуры поступить в аспирантуру [3, с. 3–6].

2. *Концепция самоактуализации А.Х. Маслоу и В.Э. Франкла.* С точки зрения этой концепции потребность в самоактуализации – это важнейшая человеческая потребность. В концепции иерархии потребностей А.Х. Маслоу она занимает высшую ступень. Развитие личности представляется как возвышение ее биологических потребностей, надстройка над ними социальных и духовных, вершиной которых является потребность в самореализации [4]. Концепция самоактуализации А.Х. Маслоу актуальна и сегодня: она заставляет современного человека задуматься над тем, чем и кем он может быть, а значит, придает его жизни смысл и цель. Если жизнь – это процесс выбора, то самоактуализация – это выбор в пользу личностного роста. Важнейшие рекомендации А.Х. Маслоу о путях самоактуализации могут помочь студенту как в реализации гуманистической технологии собственного развития субъектности, так и в развитии субъектности ребенка. Среди них:

- Представить, что жизнь – это процесс постоянного выбора. Осуществить выбор в пользу личностного роста.
- Прислушаться к собственному «Я», найти самого себя.
- Понять, что самоактуализация – это процесс актуализации собственных возможностей ради того, чтобы стать тем, кем ты можешь стать.
- Сформировать собственную жизненную позицию.
- Взять ответственность за свою профессиональную судьбу.
- Поверить в возможность своей максимальной самореализации, и в первую очередь, в профессиональной деятельности.
- Отношение к себе как к субъекту планируемой профессиональной жизни.

Активность личности проявляется в том, что она преобразует обстоятельства, направляет ход жизни, формирует жизненную позицию на основе своих ценностей и потребностей. Вот почему так важно развивать стремление личности к самосовершенствованию: такая позиция обеспечивает успех и в личностном, и профессиональном самоопределении.

Общенаучный уровень методологии исследования реализуется с помощью разнообразных общенаучных методов нефилософского характера и в первую очередь с помощью таких, как методы системного, структурного и функционального анализа, моделирования, вероятностно-статистические методы. Этот уровень представлен синергетическим и культурологическими подходами. Наиболее широкое распространение получил системный подход, ибо нет такой среды, где бы системы отсутствовали. При этом любой объект можно рассматривать как частную систему и как элемент более широкой системы.

Синергетический подход выступает в нашем исследовании как методологическая основа взаимодействия самоорганизации, организации и управления процессами развития субъектности (С.М. Родин, Э. Янч). С позиции синергетики организация процесса развития субъектности заключается в выборе таких воздействий на открытую неравновесную систему, которые бы соответствовали ее внутренним тенденциям развития. Синергетика не принимает метода прямого воздействия на систему; вместе с тем правильно организованные, резонансные воздействия на открытую сложную систему,

какой и является процесс развития субъектности будущего педагога, очень эффективны. Резонансные педагогические воздействия подталкивают систему на один из собственных путей ее развития. Это позволяет рассматривать *процесс развития субъектности как активизацию внутренних возможностей системы, которой присущ нелинейный характер развития* [5, с. 198]. Заметим, что решающую роль в этом процессе играет не борьба за существование, а взаимопомощь, согласованность, сотрудничество, совместные усилия педагога и воспитанника в процессе развития. Синергетический подход дает нам возможность выхода на новые смысло-жизненные ориентиры, которые можно сформулировать как «самоопределение человека в самоорганизующемся динамическом мире».

Педагогическая интерпретация синергетического подхода делает возможным:

а) анализ субъектности как открытой, самоорганизующейся системы, которая самостоятельно определяет собственную границу;

б) представление становления субъектности как нелинейного, неравновесного, альтернативного и стохастического процесса;

в) открывать новое измерение в управлении стихийными процессами становления, внося в них элементы тонкого и мягкого регулирования, наиболее важным из которых является ценностный потенциал университетского образования.

Ценностно-синергетическая концепция ведущими свойствами субъектности определяет *открытость и динамичность саморегуляции и самоорганизации*.

Регулирование (управление) процессом становления субъектности должно быть направлено, прежде всего, на *«запуск» механизмов самоорганизации, потенциально заложенных в личностной системе индивида*. Регулирование должно учитывать «деликатность» механизма самоорганизации: управляющие воздействия должны отвечать его человеческой, т.е. гуманной сущности, в противном случае они разрушат самоорганизацию.

Таким образом, синергетический подход дает нам возможность по-новому посмотреть на процесс развития субъектности как условия профессионального самоопределения, оптимально организовать педагогическую поддержку личности в ситуации собственного развития.

В контексте *культурологического подхода* (А.И. Арнольдов, В.С. Библер, М.С. Каган, М.К. Мамардашвили, В.М. Розин, И.И. Цыркун, Н.З. Чавчавадзе и др.) развитие человека в качестве субъекта трудовой и профессиональной деятельности – это процесс усвоения способов и смыслов этой деятельности. Культура предстает как совокупность разнообразных профессиональных достижений людей в материальном и духовном творчестве. Она задает высшие ценности, жизненные смыслы. Усваивая мир культуры, человек создает себя, свой духовный мир. Усвоение подростком достижений культуры носит деятельностный характер – личность не пассивна в этом процессе, не приспосабливается к условиям своей жизни, а является активным субъектом их преобразования, развивает собственные способности.

Конкретно-научный уровень методологии представлен личностно-ориентированным (Е.В. Бондаревская, О.С. Газман, В.В. Сериков, А.П. Сманцер, И.С. Якиманская), субъектно-деятельностным и акмеологическим (Б.Г. Ананьев, А.С. Анисимов, Г.С. Альтшуллер, Н.Ф. Вишнякова, А.Х. Маслоу, Н.И. Мицкевич, А.З. Рахимов, К.Р. Роджерс) подходами.

В основе *личностно-ориентированного подхода* признание человека в нестабильном и слабо прогнозируемом мире не до конца познаваемым, учет его индивидуальности, самобытности, самоценности, развитие его не только как коллективного субъекта, но и как индивида, наделенного своим неповторимым «субъектным опытом» [6]. Лич-

ность будущего специалиста – не только субъект выбора профессии, но и субъект определяющий, приоритетный. Профессиональная подготовка предусматривает, прежде всего, «заказ личности», в зависимости от которого организуется дальнейший процесс профессионализации. Ориентация на личность (личностная центрированность) в нашем исследовании – это поддержка субъекта в раскрытии и развитии его склонностей и способностей, которые помогут ему постепенно выявлять, ставить и решать собственные, в том числе и профессиональные, проблемы в непредвиденных обстоятельствах и отвечать за собственные решения.

Субъектно-деятельностный подход к исследованию личности содержится в трудах С.Л. Рубинштейна [1]. Основной идеей его философской и психологической концепции является *идея субъекта*. Высказав кардинальное положение о включении человека в состав бытия, С.Л. Рубинштейн считает субъектность наиглавнейшим механизмом этой включенности. Принцип субъектности неразрывно связан в его концепции с *деятельностным принципом*. Деятельность выступает как один из типов активности субъекта, как способ его отношения к действительности. Активность субъекта выражается, по мнению С.Л. Рубинштейна, в формах *самодетерминации, самопричинения, самодейтельности*. В этих формах отражается сущностная характеристика субъекта.

В субъекте связываются познавательные и деятельностные характеристики психологии человека. Субъект выступает как основание связи сознания и деятельности. И, как отмечает К.А. Абульханова-Славская, *в принципе единства сознания и деятельности реализуется субъектный подход в психологии* [2]. В двучленную формулу «сознание – деятельность» вводится третий член – *субъект*. И в этом смысле субъектно-деятельностный подход превращается в новую парадигму построения психологической и педагогической науки. Постановка проблемы связи сознания и деятельности требовала ответа на вопрос о субъекте этой связи. Этим субъектом является *личность*. В личности как в фокусе сосредотачиваются отражательный, познавательный аспекты сознания и ее качества, отношения, переживания, стремления. В социально-психологических качествах личности, выражаемых в ее интересах, идеалах, направленности, мировоззрении, синтезируются ее познавательные, отношенческие механизмы, регулирующие эти отношения. Сложные системы связей и отношений человека к миру, другим людям, к себе выражаются в краткой и емкой форме: *личность является субъектом жизни*.

Развитие и конкретизация субъектно-деятельностного подхода содержится в трудах К.А. Абульхановой-Славской. Ее вклад в разработку социально-психологических проблем личности заключается в раскрытии основных категорий этого подхода. В концепции К.А. Абульхановой-Славской по-новому представлена категория деятельности. Сама деятельность выступает как форма существования активности. Субъектно-деятельностный подход преобразуется в *активно-субъектный подход*. Конкретными формами проявления активности, выступающими как социально-психологические характеристики личности, являются *инициатива и ответственность*. Определяя разноплановые характеристики активности как качества, состояния субъекта, К.А. Абульханова-Славская дает ее обобщенную характеристику. Активность – это системное качество личности, включающее в себя различную направленность, разный жизненный опыт, обобщающий те или иные стратегии жизни. В этом смысле активность характеризует *личность как субъекта жизненного пути*.

Реализация субъектного подхода в изучении личности выдвигается в качестве одной из актуальных и насущных задач развития психологической теории. При субъектном подходе, отмечает В.Э. Чудновский, в характеристике личности, в поведении

человека подчеркивается роль активного, творческого начала. Это означает, что человек не просто подчиняется внешним обстоятельствам, его поведение внутренне детерминировано, и это позволяет ему стать хозяином судьбы [7]. Ориентация на *парадигму субъективного подхода* представлена в работах таких психологов, как К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, Л.И. Анциферова, Л.И. Божович, А.В. Брушлинский, А.Н. Леонтьев и др. С точки зрения, например, Л.И. Анциферовой, фундаментальные теоретико-эмпирические исследования должны строиться на изучении всей полноты реальной жизни личности, тех жизненных отношений человека, которые образуют ткань его целостного жизненного пути, а задача исследователя – «вытащить» основные составляющие механизмы работы внутреннего мира человека, которые реально обеспечивают ему благополучие, комфортное существование или деформируют его жизненный путь, но он сам этого не осознает [8].

Акмеологический подход основную функцию определяет как обогащение, развитие личности со всеми ее характерными качествами, способностями и ресурсами, формирование веры в возможность и необходимость собственной реализации, понимания смысла жизни [9]. Субъектный подход является парадигмальным для акмеологии. В основе его лежит идея С.Л. Рубинштейна о субъекте как центре организации бытия и субъектности, проявляющейся через потребность и способность совершенствования человека.

Признаками субъектности с позиции акмеологического подхода являются: активная ориентировка (в новой ситуации, материале, в том числе и учебном); осознание структуры своей деятельности, качеств личности, этапов профессионального и жизненного пути; инициатива, самостоятельное целеполагание, планирование, антиципация; интенсивная включенность в деятельность; стремление к саморегуляции (самоконтролю, самокоррекции, самокомпенсации), владение приемами саморегуляции; осознание противоречий своего развития; настроенность на саморазвитие и самообновление; стремление к самореализации и творческому созиданию; интеграция своего профессионального пути, структурирование и упорядочивание своего профессионального опыта и др.

Методический уровень исследования представлен технологией перевода идеальных теоретических установок в практические операции по организации процесса становления субъектной позиции будущего педагога. На этом уровне используются модели-предписания и технологические карты последовательности реализации дидактических предписаний на мотивационном, диагностическом, рефлексивно-оценочном этапах, учитывается специфика организации в синергетической и кибернетической фазах процесса становления субъектной позиции будущего педагога.

Таким образом, в качестве теоретической аргументации концептуальных оснований организации процесса становления субъектной позиции будущего педагога выступают: концепция стратегии жизни, учение о временной перспективе личности, о стремлении к смыслу жизни, аксиология, концепция самоактуализации, гуманистическая стратегия, культурологический, акмеологический, субъектно-деятельностный и личностно-ориентированный подходы, которые соответствуют синергетическим представлениям об открытости, нелинейности и динамичности личности будущего специалиста как системы. Такой многоуровневый методологический подход позволяет исследовать становление субъектности в образовательном пространстве университета как сложный, изменчивый, самоорганизующийся феномен. Методологический потенциал избранных подходов представляется оптимальным для исследования и определения совокупности педагогических способов, условий и средств педагогического воздействия на процесс становления субъектности будущего специалиста.

Сущностные характеристики феномена субъектности

В понимании субъектности мы основываемся на том, что:

1. Субъектность является *уровневой характеристикой человека*, субъектные свойства появляются только на определенном уровне развития и определяются балансом процессов экстерииоризации и интерииоризации, соотношением внешнего и внутреннего. Исследования по развитию субъектности в онтогенезе (Е.Н. Волкова, В.В. Давыдов, Г.А. Цукерман) показывают, что развитие человека происходит в направлении *наращивания с возрастом субъектности и преодоления «объектности»*, т.е. тотальной зависимости человека от внешних условий.

2. Субъектность выявляется не только в познавательном *отношении к миру*, но и в *отношении к людям* (С.Л. Рубинштейн).

3. Субъектность – высший уровень активности, целостности, автономности человека; целостность субъекта означает единство, интегративность не только деятельности, но и вообще всех видов его активности (А.В. Брушлинский).

4. Природа субъектности раскрывается через совокупность отношений к миру, *стратегию жизни* (К.А. Абульханова-Славская).

5. Субъектность отражается в способности человека производить взаимообусловленные изменения во внешнем мире и себе самом. Термином «субъектность» подчеркивается *активно-преобразующая сущность человека* как субъекта жизни; субъектность человека означает, что он неотделим от мира, включен в него, но вместе с тем сознательно противостоит обращению с собой как с бездушной вещью, объектом манипуляций.

6. Функции субъекта в человеке неразрывно связаны с продуктивностью выполняемой им деятельности; причем не всякое отношение к деятельности раскрывает субъектные свойства человека: деятельность субъекта не только характеризуется продуктивностью, но и носит преобразующий характер, т.е. *одна из функций субъектности конгруэнтна креативности человека* (Б.Г. Ананьев).

7. В педагогическом плане важна включенность человека не только в деятельность, но и в *ценностный аспект этой деятельности*, так как субъектность может быть определена как свойство личности не только присваивать, транслировать, но и порождать смыслы деятельности как актуальные ценности. «Образование есть всеобщая форма становления и развития субъективной (субъектной) реальности во времени истории и в пространстве культуры» (В.И. Слободчиков). Можно конкретизировать: *образование есть возможность и действительность субъектного развития личности*.

8. Субъектность – свойство, определяющее меру свободы личности, ее гуманности, духовности, жизнотворчества (Е.В. Бондаревская).

9. Субъектность – это утверждение самости.

Полностью разделяем представлением о том, что умение студента учиться проявляется вовсе не в добросовестном усвоении знаний, а *«в способности преодолевать собственную ограниченность»* (В.В. Давыдов, В.И. Слободчиков, Г.А. Цукерман), менять себя, делать себя другим. За такой способностью стоит особое отношение к себе – целостный, позитивный образ «Я-студент» и образ «Я – будущий профессионал», которые и позволяют студенту самоопределяться в мире ценностей и смыслов.

Заключение

Таким образом, субъектность как педагогический феномен представляет собой целостную аксиологическую характеристику личности, раскрывающуюся в продуктивности деятельности, в ценностно-смысловой самоорганизации поведения. Субъект-

ность будущего специалиста – основа востребования и использования им научных знаний как методологических и технологических средств решения собственных образовательных и профессиональных задач. Педагогическая сущность субъектности студента заключается в том, что она представляет собой образовательный результат, определяющий высокую степень жизнестворчества студента независимо от направления выбранной профессиональной специализации.

В связи с этим чрезвычайно значимым аспектом психоло-педагогической подготовки будущего воспитателя является становление у него субъектности, смысло-жизненных ориентаций. Для этого необходимо существенно улучшить психологическую подготовку будущего педагога-воспитателя. Необходимо ввести специальный обобщающий курс, подытоживающий полученные знания по психолого-педагогическим дисциплинам. В этом курсе достойное место должна занять проблема становления субъектности, смысло-жизненных ориентаций личности как высшего психологического механизма ее развития. Высшего именно потому, что дает человеку прогностическую ориентацию поведения и деятельности, охватывающую всю его жизнь как нечто целостное, а не сумму отдельных возрастных ступеней, и быть нитью Ариадны, помогающей преодолевать трудности и жизненные невзгоды. Добиться того, чтобы педагогическое образование стало средством не только получения профессии, но и обретения смысла жизни, ощущения ее полноты и удовлетворенности ею – важнейшая задача современного университетского образования. Университет – пространство становления субъектности студента. Выпускник университета – образованный человек XXI в., который освоил научный базис университетского знания, стал субъектом образовательной деятельности на основе ценностно-смыслового самоопределения в образовательном пространстве. Он готов к свободной, компетентностно ориентированной профессиональной деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М. : Педагогика, 1976. – 416 с.
2. Абульханова-Славская, К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. – М. : Мысль, 1991. – 229 с.
3. Ковалевич, М. С. Молодая интеллектуальная элита в условиях инновационного развития страны / М. С. Ковалевич // Нар. асвета. – 2015. – № 2. – С. 3–6.
4. Маслоу, А. Психология бытия / А. Маслоу. – М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 1997. – 300 с.
5. Касперович, Г. И. Синергетические концепции управления : курс лекций / Г. И. Касперович. – Минск : Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь, 2005. – 258 с.
6. Якиманская, И. С. Технология личностно-ориентированного образования / И. С. Якиманская. – М. : Сентябрь, 2000. – 176 с.
7. Чудновский, В. Э. Нравственная устойчивость личности. Психологическое исследование / В. Э. Чудновский. – М. : Педагогика, 1981. – 208 с.
8. Анциферова, Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование жизненных ситуаций и психологическая защита / Л. И. Анциферова // Психол. журн. – 1994. – Т. 15, № 1. – С. 3–19.

9. Вишнякова, Н. Ф. Креативная акмеология. Психология высшего образования : монография : в 2 т. – 2-е изд., доп. и перераб. / Н. Ф. Вишнякова. – Минск : Дзэбор, 1998. – Т. 1. – 242 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.01.2016

Kovalevich M.S., Kovalevich V.A. Formation of Future Teacher's Subject Position as a Condition of His Professional Self-determination and Self-realization: Methodological Bases of Research

In the article the urgency of the problem of formation of future teacher's subject position is grounded, the methodological bases of research are presented: the concept of life strategy, the doctrine of the quest for the meaning of life, axiology, the concept of self-actualization, cultural, akmeological, person-centered and subject-activity approaches, which correspond to synergistic ideas about open, non-linear, dynamic character of personal subject position of the future teacher as a system. The essential characteristics of the phenomenon of subjectivity are determined.

УДК 37.017.4:130.2:2

Ślawomir Bylina*ksiądz, doktor Uniwersytetu Szczecińskiego (Polska)***WYCHOWANIE MŁODZIEŻY DO SPRAWIEDLIWOŚCI I POKOJU
W NAUCZANIU PAPIEŻA BENEDYKTA XVI**

Proces wychowania jest odpowiedzialnym i ważnym zadaniem współczesnego świata. Szczególnie okres młodości wymaga wiele cierpliwości, determinacji i dobrej woli wychowawcy oraz wychowawcy. Niezbędnym warunkiem prawidłowego kształtowania charakteru młodego człowieka jest rodzina. Wsparcie rodzinie powinna okazać wspólnota religijna, do której należą, oraz instytucje państwowe, które z urzędu posiadają obowiązek pomocy rodzinom w potrzebie. Pomocnym źródłem w opiece nad drugim człowiekiem są wartości, które wskazują właściwy kierunek rozwoju. Jednymi z najbardziej budujących wartości obok prawdy, wolności, dobra są sprawiedliwość i pokój, do których zachęcał w swoim nauczaniu papież Benedykt XVI.

Wstęp

Wychowanie jako podstawowe zadanie misji Kościoła jest w centrum jego zainteresowania i obejmuje szczególnie ludzi młodych. Współczesny świat wskazuje nagłą potrzebę powrotu do wartości, które pomogą wyprostować zachwiane kręgosłupy młodzieży. Niejednokrotnie pojawiają się demonstracje ludzi młodych w różnych częściach świata, które mają na celu zwrócić uwagę na nurtujące problemy, związane z ich przyszłością. Takie problemy są w kręgu zainteresowania kolejnych papieży na Stolicy Piotrowej. Dlatego celem niniejszego artykułu jest ukazanie troski, z jaką Kościół katolicki otacza ludzi młodych. Poprzez umiejętne poprowadzenie i wskazanie właściwych ścieżek można być wsparciem dla tych, którzy są zagubieni w globalnym świecie i nie potrafią sami odnaleźć właściwego kierunku. Wśród przykładowych zagrożeń rozwoju współczesnego pokolenia znajdują się zdaniem papieża Benedykta XVI «*pragnienie uzyskania wykształcenia, które w głębszy sposób przygotowuje ich do zmierzenia się z rzeczywistością, trudności związane z założeniem rodziny i znalezieniem stałego miejsca pracy, możliwość wywierania realnego wpływu na świat polityki, kultury i gospodarki, by zbudować społeczeństwo o bardziej ludzkim i solidarnym obliczu*» [14, s. 4]. Zadaniem Kościoła jest patrzenie na ludzi młodych z nadzieją, że nie są osamotnieni, aby dążyli do poznania prawdy oraz bronili wspólnego dobra [14, s. 4].

Ważną cechą jest wpajanie młodym ludziom przekonania o ich pozytywnej wartości życia. Jak uważał Benedykt XVI, należy «*wzbudzić w nich pragnienie, by je poświęcać w służbie Dobra. Jest to zadanie, które spoczywa bezpośrednio na nas wszystkich*» [14, s. 4]. Aby spełniły się takie postulaty, potrzebne jest właściwe ujęcie procesu wychowawczego, zrozumienie jego istoty. W dalszej kolejności potrzebne są wartości, na których można oprzeć szeroko rozumiany przebieg wychowania. W opinii Benedykta XVI do podstawowych wartości należą sprawiedliwość, pokój, prawda, wolność oraz takie, które mają na celu dobro drugiego człowieka.

W procesie wychowawczym niezbędni są także ludzie. Dlatego fundamentem każdego wychowania będzie zawsze rodzina i najbliższe otoczenie, którym jest wspólnota Kościoła oraz instytucje, które mają na celu w sposób urzędowy wspierać poczynania rodziny we właściwym rozwoju młodego człowieka.

Istota wychowania w nauczaniu Kościoła katolickiego

Wychowanie według nauczania Kościoła katolickiego «*stanowi integralną część misji Kościoła, jaką jest głoszenie Dobrej Nowiny. Przede wszystkim każda katolicka instytucja*

oświatowa jest w pierwszej kolejności miejscem spotkania z żyjącym Bogiem, który w Jezusie Chrystusie objawia swoją przemieniającą miłość i prawdę» [2, s. 48]. Dzięki takiej relacji w człowieku budzi się pragnienie głębszego poznawania i pojmowania Chrystusa oraz Jego nauki. Wszystkich, którzy spotykają moc Ewangelii, motywuje do rozpoczęcia nowego życia, które charakteryzują takie wartości, jak piękno, dobro i prawda, oraz przykład świadków wiary, których od wieków umacniał Chrystus w Kościele [21].

W Adhortacji apostolskiej «Ecclesia in Europa» św. Jan Paweł II gorąco zachęcał wspólnotę Kościoła do zwrócenia jeszcze większej uwagi na wychowanie do wiary ludzi młodych [18]. Papież-Polak podkreślał, że nie chodziło tylko o dydaktykę, ale o doskonalenie metod przekazywania wiedzy, czyli o edukację, która «*opiera się na bezpośrednim i osobowym spotkaniu z człowiekiem, na świadectwie, autentycznym przekazie – bezpośrednio od osoby do osoby – wiary, nadziei i miłości oraz wypływających z nich wartości*» [8, s. 28]. Pełnym wymiarem edukacji zdaniem Jana Pawła II było autentyczne spotkanie z drugim człowiekiem, którego najpierw należy wysłuchać, a następnie zrozumieć. Takie podejście prezentował osobiście papież, w czym był niedoścignionym wzorem [8, s. 28–31].

W związku z tak pojętym rodzajem wychowania dostrzegamy nieustające dążenie do obecności autorytetu w procesie wychowania. Autorytet jest «*owocem doświadczenia i kompetencji, lecz przede wszystkim zdobywa się go dzięki konsekwentnemu życiu i osobistemu zaangażowaniu, wyrażającemu prawdziwą miłość. Wychowawca jest więc świadkiem prawdy i dobra: oczywiście on również jest słaby i może popełnić błąd, lecz będzie wciąż na nowo starał się konsekwentnie pełnić swoją misję*» [6].

Podstawowym zadaniem wychowania jest stworzenie takich warunków, aby pomóc wychowankowi zdobyć umiejętność «*dokonywania wolnych i słusznych wyborów, które mogą się przeciwstawiać rozpowszechnionym poglądom, modom, ideologiom politycznym i religijnym*» [12]. Zdaniem papieża Benedykta XVI, «*wychowanie młodego pokolenia jest wspólnym zadaniem rodziców, Kościoła i państwa. Dlatego, przy zachowaniu słusznej autonomii, konieczna jest najściślejsza współpraca Kościoła ze szkołą, z władzami samorządowymi, uczelniami wyższymi i innymi świeckimi instytucjami zajmującymi się wychowaniem młodych*» [8, s. 29].

Wychowanie młodzieży do wartości jako fundament nauczania papieża Benedykta XVI

W nauczaniu papieża Benedykta XVI wielokrotnie przewijają się opinie odnośnie wychowania młodzieży do wartości. Poprzez właściwe formy i metody można zachęcić i utrwalić istotne wartości, które pomogą w procesie wychowawczym. Do głównych wartości wymienianych w nauczaniu papieża zaliczyć można m.in. sprawiedliwość, pokój, prawdę, wolność.

Wartościami, które zwracają na siebie szczególną uwagę w nauczaniu Benedykta XVI, są sprawiedliwość i pokój [15–18]. Zdaniem papieża, «*wychowanie młodzieży do sprawiedliwości i pokoju jest zadaniem dotyczącym wszystkich pokoleń*» [13]. Jak wspominał następca św. Piotra, nie trzeba zachęcać ludzkości do pokoju zwłaszcza po doświadczeniach wojen światowych XX wieku. Tak wielkie tragedie pokazały światu, że świadomość zagrożenia wojną jest niezbędna w rozwoju społeczeństw. Dlatego liczne deklaracje i inicjatywy międzynarodowe, oraz organizowanie się młodzieży w liczne formy zaangażowania społecznego pokazują progres w tej dziedzinie.

Wychowanie do pokoju dla Kościoła powszechnego jest zawarte w misji, którą otrzymał od Chrystusa, ponieważ ewangelizacja oparta o Ewangelię Chrystusową jest również Ewangelią sprawiedliwości i pokoju. Dlatego coraz dobitniej wybrzmiewa głos Kościoła w charakterze odpowiedzialności i wyzwania za losy ludzkości w dziedzinie wychowania.

Jak twierdził Benedykt XVI, epoka XXI wieku jest *«silnie nacechowana przez mentalność technologiczną, woła wychowywania, a nie tylko kształcenia, nie jest oczywista, ale jest wyborem ...oraz kultura relatywistyczna nasuwa radykalne pytanie: czy wychowywanie ma jeszcze sens?, a poza tym – do czego wychowywać?»* [13].

Tak postawione pytania motywują nas do refleksji. Dlatego w centrum nauczania papieża przedstawione w Orędziu na XLV Światowy Dzień Pokoju było przedstawienie perspektywy wychowawczej: *«Trzeba wychowywać młodzież do sprawiedliwości i pokoju, jestem bowiem przekonany, że jej zapał i skłonność do idealizmu mogą dać światu nową nadzieję»* [14, s. 4]. Orędzie papieskie było skierowane do wszystkich osób zajmujących się wychowaniem, formacją, a także do osób odpowiedzialnych za takie dziedziny życia, jak religijna, społeczna, polityczna, gospodarcza, kulturalna oraz medialna. Jak podkreślił Benedykt XVI, *«poświęcanie uwagi światu młodzieży, umiejętność słuchania jej i doceniania jest nie tylko szansą, ale podstawowym obowiązkiem całego społeczeństwa, w perspektywie budowy przyszłości opartej na sprawiedliwości i pokoju»* [14, s. 4].

Walka o sprawiedliwość, godność osoby ludzkiej i zapewnienie jej praw jest sprzeczna z tendencją, przyjętą w nowej erze, która za główny pryzmat patrzenia na człowieka przyjmuje jego użyteczność, zysk i posiadanie. Zdaniem Benedykta XVI, *«sprawiedliwość bowiem nie jest zwykłą konwencją ludzką, gdyż o tym, co sprawiedliwe, nie decyduje pierwotnie prawo pozytywne, lecz głęboka tożsamość istoty ludzkiej. To właśnie integralna wizja człowieka chroni przed umowną koncepcją sprawiedliwości i pozwala ją także postrzegać w optyce solidarności i miłości»* [11].

Papież zachęcał młodzież, aby była świadoma, że jest przykładem i inspiracją dla dorosłych. Ludzie młodzi mogą bardziej opierać się niesprawiedliwości i korupcji dla lepszej przyszłości i dla jej budowania. Podkreślał: *«Bądźcie świadomi swoich możliwości i nie zamykajcie się nigdy w sobie, ale umiejcie pracować na rzecz bardziej świetlanej przyszłości dla wszystkich»* [14, s. 7]. Benedykt XVI zapewniał, że młodzież nigdy nie zostanie sama. Kościół zapewnia ich o wsparciu, zaufaniu i motywuje, aby spoglądając na Boga spotkali Jezusa Chrystusa, który jest sprawiedliwością i pokojem [14, s. 7].

Podobnie w walce o pokój papież przypominał: *«Pokój nie polega jedynie na braku wojny i nie ogranicza się do zapewnienia równowagi sił. Nie da się osiągnąć pokoju na ziemi bez obrony dóbr osoby ludzkiej, swobodnej wymiany myśli między ludźmi, poszanowania godności osób i narodów, wytrwałego dążenia do braterstwa»* [23].

W nauczaniu współczesnych papieży pokój jest owocem sprawiedliwości i skutkiem miłości. Pokój traktowany jest jako dar samego Boga. Natomiast, jak wierzą chrześcijanie, Chrystus jest naszym prawdziwym pokojem, w Nim, przez krzyż, Bóg pojednał ze sobą świat i zburzył bariery, które nas dzieliły [19]. W Chrystusie istnieje jedna rodzina pojednana w miłości [14, s. 4]. Oprócz przyjęcia pokoju jako daru, trzeba wiedzieć, że jest on również dziełem, które należy tworzyć. Pełną misją głoszenia pokoju jest postawa współczucia, solidarności, współpracy, braterstwa oraz wrażliwości sumienia na sprawy narodowe i międzynarodowe. Ponieważ Jezus w Kazaniu na Górze mówił: *«Błogosławieni, którzy wprowadzają pokój, albowiem oni będą nazwani synami Bożymi»* [24].

W związku z dążeniem do umacniania sprawiedliwości i pokoju Benedykt XVI zachęcał: *«Wzywam w szczególności młodych ludzi, w których zawsze żywe jest dążenie do ideałów, by cierpliwie i wytrwale poszukiwali sprawiedliwości i pokoju, kultywowali miłość do tego, co jest sprawiedliwe i prawdziwe, również wtedy, kiedy może to oznaczać, że trzeba ponieść ofiary i iść pod prąd»* [14, s. 4].

Kolejnymi wartościami, do których krzewienia zachęcał papież, były prawda i wolność. Podstawowym pragnieniem człowieka zaznaczonym już w średniowieczu było jego dążenie do prawdy i wolności. Cytując św. Augustyna (*«Quid enim fortius desiderat anima quam veritatem?»*) – *«Czegóż dusza pragnie na sposób bardziej żarliwy niż prawdy?»*), dostrzegamy, że prawda jest najwyższą wartością w ludzkim poznaniu [20]. Dlatego w celu zrozumienia osoby ludzkiej należy całościowo przyjąć wychowanie jako rozwój wymiaru moralnego i duchowego człowieka. W związku z tak pojętym wychowaniem Benedykt XVI podkreśla: *«Aby wychowywać do prawdy, trzeba przede wszystkim wiedzieć, kim jest osoba ludzka, znać jej naturę»* [14, s. 4]. Pytanie o to, kim jest człowiek, kieruje nas do stwierdzenia, że *«człowiek jest istotą, mającą w swym sercu pragnienie nieskończoności, pragnienie prawdy – nie częściowej, ale zdolnej wyjaśnić sens życia – bowiem został stworzony na obraz i podobieństwo Boga. A zatem uznanie z wdzięcznością, że życie jest nieocenionym darem, prowadzi do odkrycia własnej głębokiej godności i nienaruszalności każdej osoby»* [14, s. 4]. Dlatego, zdaniem papieża, wychowanie w swoim fundamencie polega na uczeniu się dostrzegania w człowieku obrazu Stwórcy, czego konsekwencją jest szacunek dla każdej istoty ludzkiej. Benedykt XVI za nauczaniem poprzednika Pawła VI podtrzymuje, że *«autentyczny rozwój człowieka obejmuje całą osobę we wszystkich jej wymiarach»* [26, c. 14], także w wymiarze transcendentnym. Dlatego papież był zdania, że nie można poświęcać osoby dla osiągnięcia jakiegoś specyficznego dobra ekonomicznego, społecznego, indywidualnego czy zbiorowego [14, s. 4]. Takie ujęcie podkreśla wartość wolności człowieka, która w pełni może mieć miejsce w relacji człowieka z Bogiem.

Pojęcie wolności mieści się również w zakresie wychowania, które jest, zdaniem Benedykta XVI, formowaniem do autentycznej wolności. Wolność taka nie może być absolutyzowaniem własnego «ja», ponieważ uważanie siebie za absolut, który nie zależy od nikogo albo od niczego, powoduje, że człowiek jest przekonany do tego, że może robić wszystko, co mu się podoba. Taka postawa wywołuje sprzeczność prawdzie swojej istoty i utratę swojej wolności w odróżnieniu od sytuacji człowieka, który jest stworzeniem otwartym na drugiego człowieka i na Boga, dzięki czemu może osiągnąć autentyczną wolność.

Wolność, zdaniem papieża, jest wartością cenną, jak również delikatną, która może być źle rozumiana i źle używana. Papież podkreślał, że przeszkodą w pracy wychowawczej jest wszechobecność relatywizmu, który nie uznaje niczego za ostateczne i którego jedynym kryterium jest własne «ja» człowieka. Takie patrzyenie na wolność człowieka powoduje niewolę, ponieważ jest zamknięciem się na drugiego człowieka i zamknięciem się we własnym «ja». Benedykt XVI uważa: *«W takiej relatywistycznej perspektywie nie jest zatem możliwe prawdziwe wychowanie: bez światła prawdy każdy człowiek prędzej czy później zwątpi w wartość własnego życia i relacji, które się na nie składają, w sens wysiłków, które podejmuje wspólnie z innymi, aby coś zbudować»* [10]. Aby człowiek mógł korzystać ze swojej wolności, musi wyjść poza perspektywę relatywistyczną i poznać prawdę o samym sobie oraz prawdę na temat dobra i zła. Do tego niezbędne jest sumienie, w którym człowiek odkrywa prawo, które jest posłuszeństwem do miłowania i czynienia dobra, a nie zła [26, c. 16]. Dlatego korzystanie z wolności, jak uważał papież, *«jest ściśle związane z naturalnym prawem moralnym, które ma charakter uniwersalny, wyraża godność każdego człowieka, stanowi fundament jego podstawowych praw i obowiązków, a zatem, w ostatecznym rozrachunku, sprawiedliwego i pokojowego współżycia między osobami»* [14, s. 7].

Prawidłowe korzystanie z wolności jest w centrum rozumienia i propagowania sprawiedliwości i pokoju. Szacunek wobec drugiego człowieka i samego siebie jest podstawowym czynnikiem, bez którego pokój i sprawiedliwość pozostają jedynie sloganami lub sło-

wami pozbawionymi treści. Jak podkreśla papież, podstawą do rozkrzewiania sprawiedliwości i pokoju jest *«wzajemne zaufanie, zdolność prowadzenia konstruktywnego dialogu, możliwość przebaczenia, które jakże często chciałoby się uzyskać, ale którego nam z trudem przychodzi udzielić, wzajemna miłość, współczucie dla słabszych, a także gotowość do poświęceń»* [14, s. 7].

Wsparcie w procesie wychowania młodzieży

Chłopcy i dziewczęta we współczesnym świecie wznoszą się w rzeczywistości, w której zmniejszyła się możliwość relacji pomiędzy kulturami i tradycjami. Świat komunikacji ułatwił kontakt z drugim człowiekiem, jednak często ograniczył wpływ na kształtowanie właściwej postawy młodego człowieka, który poprzez odkrycie wolności zmierza do poznania dobra i prawdy o sobie samym i otaczającym go świecie. Benedykt XVI zachęcał młodzież, aby wśród wartości, które zostały przedstawione w powyższym tekście, młody człowiek odkrył sposób pokojowego współżycia, wzajemnego poszanowania, dialogu i zrozumienia drugiego człowieka. Papież uważał: *«Młodzi ludzie są ze swej natury otwarci na te postawy, lecz własnie rzeczywistość społeczna, w której wznoszą się, może skłaniać ich do myślenia i postępowania w sposób przeciwny, nawet przejawiający brak tolerancji i gwałtowny. Jedynie solidne kształtowanie ich sumienia może uchronić ich przed tymi niebezpieczeństwami i uzdolnić do tego, by walczyć licząc zawsze jedynie na moc prawdy i dobra»* [13].

Dlatego czynniki, które wpływają na proces wychowawczy, od wieków zależą od takich czynników, jak rodzina, wspólnota Kościoła i społeczeństwo wraz z instytucjami państwowymi, które mają największy wpływ na możliwości rozwoju młodego pokolenia.

Podstawowe zadanie rodziny w procesie wychowania

Każde wychowanie rozpoczyna się w rodzinie. Następnie kontynuowane jest w szkole, gdzie człowiek podlega doświadczeniom formacyjnym. Przy ciągłej opiece rodziców, pod okiem wychowawców szkolnych dziecko, następnie młodzież rozwija swoją osobowość, pokonuje pierwsze niepowodzenia, uczy się odróżniać dobro od zła, aby w konsekwencji zdobyć umiejętność dawania świadectwa i wsparcia tym, którym pomoc jest niezbędna [13]. Takie cele można osiągnąć dzięki pełnemu poznaniu rzeczywistości, czyli prawdy, w drodze którego potrzebne są odpowiednie miejsca, które rozpoczynamy w domu rodzinnym. Prawdziwa rodzina, zbudowana na małżeństwie mężczyzny i kobiety, jest podstawową komórką każdego społeczeństwa.

Środowisko rodzinne, zdaniem papieża Benedykta XVI, *«ma podstawowe znaczenie dla procesu wychowawczego oraz dla rozwoju jednostek i państw»* [5]. Dlatego potrzebni są tacy władarze państw, którzy doceniają wartość rodziny oraz wspierają jej rozwój. To dzięki rodzinie człowiek otwiera się na świat i na życie, które jest dla papieża otwarciem się na przyszłość [5]. Widząc na pierwszym miejscu sytuację rodzinną, Benedykt XVI dostrzegał dom, w którym rodzina staje się podstawową kolebką formowania się ludzkiej osoby. Papież zdawał sobie sprawę, że trudności ekonomiczne, wysokie bezrobocie, oraz zabieganie o zabezpieczenie bytu materialnego określają kształt życia wielu rodzin. Dlatego papież zauważał, że *«nie można prawdziwie kształtować postaw, nie biorąc pod uwagę również tych problemów, którymi żyje młody człowiek»* [8, s. 28].

W trwaniu procesu wychowawczego młodzieży niezbędne jest, zdaniem papieża Benedykta XVI, wsparcie rodziców. Jak zauważył Ojciec święty, *«nie można pozostawiać ojców i matek samych w tym tak ważnym dziele; przeciwnie, należy ich wspierać i towarzyszyć im w ich życiu duchowym»* [1]. W związku z powyższym papież zachęcał, aby podstawowe

wsparcie rodzinom ofiarowało duszpasterstwo rodzin, które według wskazań kongresów rodzin poświęcone duszpasterstwu chrzcielnemu i pochrzcielnemu wskazywać może właściwy kierunek w wychowaniu potomstwa [1].

Zadania wspólnoty Kościoła

Jednym z podstawowych zadań misji Kościoła jest wychowanie, które w znacznej mierze poświęcone jest młodzieży. Należy tutaj zauważyć pozytywne zjawiska, które wspierają wychowanie młodzieży do wiary i poprzez nią pomagają spojrzeć na drugiego człowieka. Papież twierdził: *«Bardzo wielu młodych ludzi przejawia głęboką wrażliwość na potrzeby innych, zwłaszcza biednych, chorych, samotnych, niepełnosprawnych. Dlatego chętnie podejmują różne działania, by nieść pomoc potrzebującym. Istnieje też autentyczne zainteresowanie sprawami wiary i religii, potrzeba bycia razem w zorganizowanych i nieformalnych grupach oraz chęć doświadczenia Boga»* [8, s. 29]. Benedykt XVI, mówiąc te słowa, czynił niejako retrospekcję ze spotkań z młodzieżą, które miały miejsca chociażby podczas rekolekcji, pielgrzymek, Europejskich Spotkaniach Młodych czy Światowych Dni Młodzieży. Takie spojrzenie pokazuje dobry fundament duszpasterskiej troski o duchowy rozwój młodzieży [8, s. 29]. Papież wymienia również inne inicjatywy realizowane w Kościele, takie jak wolontariat, tworzenie młodzieżowych zespołów Caritas w parafiach i szkołach, ruchy parafialne duszpasterstwa młodzieży, na przykład, «Światło i Życie» czy Katolickie Stowarzyszenie Młodzieży.

Jako ważną formę duszpasterską wymieniał papież zagadnienie rozmodlenia młodzieży podczas rekolekcji grupowych i szkolnych w okresie Adwentu czy Wielkiego Postu. Zwracał uwagę, aby zatroszczyć się o domy rekolekcyjne oraz inne miejsca modlitwy i skupienia [8, s. 29]. Szczególne miejsce formacji widział papież w życiu liturgicznym, w które również warto angażować młodzież [8, s. 29].

W tak wyglądającym zarysie dzieła wychowania nowych pokoleń znaczna odpowiedzialność spoczywa na wspólnotach religijnych. Każdy proces autentycznej formacji religijnej, jak twierdził papież, *«wspiera każdą osobę od najmłodszych lat poznawać Boga, kochać Go i wypełniać Jego wolę. Bóg jest miłością, jest sprawiedliwy i pokojowy, i ten, kto chce Go czcić, musi przede wszystkim postępować jak syn, który bierze przykład z ojca»* [13].

Ponieważ wychowanie wymaga również wsparcia nie tylko osób przygotowanych pod względem formalnym; do spełniania tak ważnego procesu jest potrzebna jeszcze modlitwa, dzięki której oprócz kształtowania ciała będzie możliwość wzmocnienia ducha. Papież Benedykt XVI wielokrotnie otaczał modlitwą tych wszystkich, którzy biorą udział w procesie, który sam określał jako *«pedagogię samego Boga»* [4]. Opiekę modlitewną kierował również pod płaszczyzną Matki Bożej, mówiąc: *«Drodzy przyjaciele, módlmy się do Maryi Panny za wszystkich wychowawców, szczególnie za kapłanów i rodziców, aby mieli pełną świadomość znaczenia swej duchowej roli i przyczyniali się do tego, by młodzi ludzie wzrastali i dojrzewali do odpowiedzialności na Boże wezwanie: Mów, Panie, bo sługa Twój słucha»* [4].

Zobowiązania społeczeństwa w procesie kształcenia

Papież Benedykt XVI zwracał również uwagę na odpowiedzialność instytucji, których celem jest udział w procesie wychowania młodego pokolenia. Papież mówił: *«Niech czuwają z wielkim poczuciem odpowiedzialności nad tym, aby godność osoby była szanowana i do wartościowana we wszystkich okolicznościach. Niech dbają o to, by każda młoda osoba mogła odkryć swoje powołanie, pomagając w owocnym spożytkowaniu darów, które Pan jej przeznaczył. Niech zagwarantują rodzinom, że ich dzieci będą mogły otrzymać wykształcenie, które nie będzie stało w sprzeczności z ich sumieniem i zasadami religijnymi»* [14, s. 5].

Jednym z podstawowych czynników rozwoju i wychowania młodzieży jest podjęcie przez nią odpowiedniego zajęcia po zakończeniu procesu kształcenia. Podjęcie zajęcia jest motywatorem do pracy nie tylko nad sobą, ale i dla dobra drugiego człowieka. W związku z istniejącym problemem bezrobocia papież Benedykt XVI dostrzegał potrzebę przyjrzenia się temu problemowi. Dlatego też w swoich przemówieniach pisał: *«Solidarność musi ponadto objąć młodzież, która jest najbardziej uszkodzona przez brak pracy. Solidarne społeczeństwo musi mieć zawsze na względzie przyszłość nowych pokoleń i podejmować stosowne działania polityczne, gwarantujące mieszkanie za uczciwą cenę, oraz czynić wszystko, co możliwe, aby zapewnić pracę zawodową. Wszystko to jest ważne, aby zapobiec niebezpieczeństwu, że młodzi ludzie staną się ofiarami nielegalnych organizacji, które proponują łatwe zarobki, a nie szanują wartości życia ludzkiego»* [3].

Pomocną rolę w rozwoju młodego człowieka odgrywają także instytucje wychowawcze. Są to pierwsze instancje, które powinny współpracować z rodziną. W celu wypełniania właściwego sobie zadania powinny zgadzać się z celami a rzeczywistością rodzinną. Należy dlatego, zdaniem papieża, *«wprowadzić w życie politykę formacyjną, aby edukacja szkolna stała się dostępna dla wszystkich i aby krzewiąc coraz bardziej rozwój poznawczy osoby, zatriebowała się ona o harmonijny rozwój osobowości, uwzględniający jej otwarcie na transcendencję»* [5]. Przykładem może być tutaj Kościół katolicki, który aktywnie działa w dziedzinie instytucji szkolnych i akademickich, dzięki czemu wnosi cenny wkład przy instytucjach państwowych. Papież miał życzenie, aby *«ten wkład był uznany i doceniany także w ustawodawstwach krajowych»* [5]. W związku z takimi deklaracjami papież zwracał się do liderów politycznych i prosił o wsparcie rodzin oraz instytucji wychowawczych, aby mogli korzystać z prawa do wykonywania ich obowiązku, jakim jest wychowanie. Papież zwracał uwagę na prawo dostępu do kształcenia, możliwość wyboru przez rodziców struktur wychowawczych oraz wsparcia dla macierzyństwa i ojcostwa [14, s. 5].

Podobny apel skierował Benedykt XVI do świata mediów. Papież prosił, aby *«wnosiły one swój wkład w wychowanie. W dzisiejszym społeczeństwie środki społecznego przekazu odgrywają rolę szczególną: nie tylko informują, ale też formują ducha swoich odbiorców, mogą zatem mieć znaczny udział w wychowaniu młodzieży. Ważne jest, by pamiętać, że związek między wychowaniem i przekazem jest bardzo ścisły: proces wychowania umożliwia bowiem właśnie przekaz, który pozytywnie bądź negatywnie wpływa na formację osoby»* [14, s. 5].

Papież zauważał, że współczesne media mają coraz większy wpływ również na metody wychowania. Za papieżem św. Janem Pawłem II Benedykt XVI powtarzał, że media, *«jako jeden z aspektów zjawiska globalizacji i owoc szybkiego rozwoju techniki, kształtują środowisko kulturowe»* [22]. Nawet znajdują się stwierdzenia, *«że formacyjny wpływ mediów na wychowanie współzawodniczy z wpływem szkoły, Kościoła, a może nawet rodziny. Dla wielu osób rzeczywistością jest to, co media uznają za rzeczywiste»* [25].

Podsumowanie

Wszyscy powinni zgodzić się z tezą, że *«wychowanie jest kluczową kwestią dla wszystkich pokoleń»* [5]. Tak uważał papież Benedykt XVI, twierdząc, że od takiego patrzenia zależy zdrowy rozwój każdego człowieka, jak też przyszłość całego społeczeństwa. Jest to zadanie o pierwszorzędym znaczeniu w trudnych i delikatnych czasach [5].

Podsumowując rozważania na temat wychowania młodzieży do wartości, w szczególny sposób do sprawiedliwości i pokoju, papież powiedział z mocą: *«To nie ideologie zbudują świat, lecz jedynie wpatrywanie się w żyjącego Boga, który jest naszym Stwórcą i stoi na straży wolności oraz tego, co jest naprawdę dobre i autentyczne ...zwracanie się bez wa-*

hania do Boga, który jest miarą tego, co sprawiedliwe, i zarazem jest wieczną miłością. A co może nas zbawić, jeżeli nie miłość?» [9]. Po takich słowach każdy młody człowiek, który usłyszy o wsparciu jego poczynań przez Stwórcę, powinien mieć pewność, że może uczynić bardzo wiele. Zdaniem papieża, każdy człowiek posiada w swoim ludzkim sercu naturalny zmysł religijny, który otwiera mężczyznę i kobietę na Boga i prowadzi ich do poznania, że samorealizacja nie jest egoistycznym zaspokajaniem przelotnych pragnień. Lecz odpowiedzialność za drugiego człowieka jest budowaniem wspólnego dobra. Dlatego zadaniem religii jest prawdziwa służba, która wymaga poświęcenia i samodyscypliny. Na takiej drodze, uważał Benedykt XVI, «mężczyźni i kobiety uczą się patrzeć na otaczający ich świat jak na cudowne zjawisko, które pobudza do medytacji i które należy szanować, a nie jak na pospolite dobro konsumpcyjne» [7]. Przykładem ludzi wierzących może być postawa, która wskazuje, że można znajdować radość w prostym i skromnym życiu. Można dzielić się z innymi szczególnie cierpiącymi w sposób wielkoduszny tym, co my mamy w nadmiarze [7].

Papież Benedykt XVI podkreślał, że młodzi są «cennym darem dla społeczeństwa» [14, s. 7]. Prosił ich, aby nie zniechęcali się w trudnościach i nie uciekali do fałszywych rozwiązań, które pod pozorem łatwiejszej drogi powodują problemy. Zachęcał młodzież, aby nie bała się angażować i podejmować trudu w wyborze drogi wymagającej wierności i stałości, pokory oraz oddania. Motywował młodzież: «Ufnie żyjcie swoją młodością i głębokimi pragnieniami, które odczuwacie: szczęścia, prawdy, piękna i prawdziwej miłości! Żyjcie intensywnie na tym etapie życia, tak bogatym i pełnym entuzjazmu» [14, s. 7].

Dzięki takim cechom, twierdził papież, «młodzi powinni mieć odwagę, by przede wszystkim żyć tym, czego wymagają od osób ze swojego otoczenia. Spoczywa na nich wielka odpowiedzialność: niech znajdują siłę, by w dobry i świadomy sposób korzystać z wolności. Oni również są odpowiedzialni za swoje wychowanie i formację do sprawiedliwości i pokoju!» [14, s. 5].

LISTA WYKORZYSTANYCH ŹRÓDEŁ

1. Benedykt XVI. Bilans mijającego roku, który dobiega końca / Benedykt XVI // L'Osservatore Romano. – 2013. – № 2. – S. 15.
2. Benedykt XVI. Wiara musi być naprawdę obecna w naszych uczelniach i szkołach / Benedykt XVI // L'Osservatore Romano. – 2008. – № 5. – S. 48–51.
3. Benedykt XVI. Gościnność, solidarność i praworządność / Benedykt XVI // L'Osservatore Romano. – 2012. – № 3. – S. 13.
4. Benedykt XVI. Kierownictwo duchowe / Benedykt XVI // L'Osservatore Romano. – 2012. – № 3. – S. 36.
5. Benedykt XVI. Kryzys może i powinien pobudzać do refleksji / Benedykt XVI // L'Osservatore Romano. – 2012. – № 2. – S. 42.
6. Benedykt XVI. List do diecezji rzymskiej o pilnej potrzebie wychowania / Benedykt XVI // L'Osservatore Romano. – 2008. – № 4. – S. 5.
7. Benedykt XVI. Łączy nas pragnienie pokoju i poszukiwanie sensu życia / Benedykt XVI // L'Osservatore Romano. – 2008. – № 9. – S. 22–24.
8. Benedykt XVI. Misja Kościoła w dziedzinie wychowania / Benedykt XVI // L'Osservatore Romano. – 2006. – № 2. – S. 28–31.
9. Benedykt XVI. Przemówienie podczas czuwania z młodzieżą w Kolonii dnia 20 sierpnia 2005 r. / Benedykt XVI // L'Osservatore Romano. – 2005. – № 10. – S. 25–26.
10. Benedykt XVI. Przemówienie z okazji otwarcia Kongresu Diecezji Rzymskiej w bazylice św. Jana na Lateranie / Benedykt XVI // L'Osservatore Romano. – 2005. – № 9. – S. 33.

11. Benedykt XVI. Serce rozumne. Refleksje na temat podstaw prawa / Benedykt XVI // L'Osservatore Romano. – 2011. – № 10–11. – S. 41.
12. Benedykt XVI. Składajcie odważne świadectwo, że Bóg pragnie pokoju / Benedykt XVI // L'Osservatore Romano. – 2012. – № 9–10. – S. 12.
13. Benedykt XVI. Wychowanie jest integralną częścią ewangelizacji / Benedykt XVI // L'Osservatore Romano. – 2012. – № 2. – S. 21.
14. Benedykt XVI. Wychowanie młodzieży do sprawiedliwości i pokoju / Benedykt XVI // L'Osservatore Romano. – 2012. – № 2. – S. 4–7.
15. Bylina, S. «Pielgrzymi prawdy, pielgrzymi pokoju» (nauczanie papieża Benedykta XVI i Franciszka w kwestii pokoju) / S. Bylina // Bezpieczeństwo człowieka a religia / red.: E. Jarmoch, I. A. Trzpil. – Siedlce, 2013. – S. 291–304.
16. Bylina, S. Dążenie do pokoju jako forma dialogu we współczesnym nauczaniu Kościoła katolickiego / S. Bylina // Bezpieczeństwo człowieka a Komunikacja Społeczna / red.: E. Jarmoch, A. W. Świdorski, I. A. Trzpil. – Siedlce, 2011. – T. I. – S. 87–97.
17. Bylina, S. Pokój jako wartość powszechna we współczesnym nauczaniu Kościoła katolickiego / S. Bylina // Bezpieczeństwo a wartości / red. E. Jarmoch. – Siedlce, 2010. – S. 325–334.
18. Bylina, S. Wyścig zbrojeń jako współczesne zagrożenie pokoju w nauczaniu Kościoła katolickiego / S. Bylina // Bezpieczeństwo a rozwój naukowo-techniczny / red. E. Jarmoch. – Siedlce, 2012. – S. 201–224.
19. Ef 2 : 14–18.
20. Św. Augustyn. In Iohannis Evangelium Tractatus, 26, 5 / Św. Augustyn.
21. Jan Paweł II. Posynodalna Adhortacja Apostolska «Ecclesia in Europa». № 61 / Jan Paweł II // L'Osservatore Romano. – 2003. – № 7–8.
22. Jan Paweł II. Szybki rozwój / Jan Paweł II // L'Osservatore Romano. – 2005. – № 7–8. – S. 35–39.
23. Katechizm Kościoła Katolickiego, 2304 [Resurs elektroniczny] // Słownik zagadnień omawianych w Katechizmie Kościoła Katolickiego. – Adresa dostępu: http://www.teologia.pl/m_k/kkk1p02.htm.
24. Mt 5 : 9.
25. Jan Paweł II. Orędzie na Światowy Dzień Środków Społecznego Przekazu / Jan Paweł II // L'Osservatore Romano. – 1990. – 24 stycznia.
26. Sobór Watykański II, Konstytucja Apostolska o Kościele w świecie współczesnym Gaudium et spes (7 grudnia 1965) [Resurs elektroniczny]. – Adresa dostępu: http://www.vatican.va/archive/hist_councils/ii_vatican_council/documents/vatii_const_19651207_gaudium-et-spes_lt.html.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 11.01.2016

Bylina S. Education of Youth in the Spirit of Justice and Peace (in the Teachings of Pope Benedict XVI)

The process of education is a responsible and important task of the modern world. That youthful period requires a lot of patience, consistency and good faith as from the trainee and from the educator. A necessary condition for proper formation of the character of a young man is the family. Both state institutions, which are obliged by law to help families in need and the religious community, must support the family. The values that indicate the correct direction of human development are an additional aid in the custody of another person. The most important formative values, besides the truth, freedom, goodness, are justice and peace as well, the value of which Pope Benedict XVI stressed in his teaching. The article is dedicated to the essence and use of the primate of the Roman Catholic Church teaching of Benedict XVI.

УДК 343

Е.И. Федак¹, А.Ю. Кармаев²

¹канд. пед. наук, доц., проф. каф. педагогики

Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

²адъюнкт каф. педагогики

Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

НАЗНАЧЕНИЕ МЕТОДА УБЕЖДЕНИЯ В ВОСПИТАНИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИИ

Рассматриваются теоретические основы применения метода убеждения в воспитании военнослужащих частей и подразделений войск национальной гвардии Российской Федерации. Особое внимание уделено значению убеждения в воспитании военнослужащих как метода практической деятельности в целостном военно-педагогическом процессе войск.

Активизация деятельности международных террористических организаций в различных странах мира не позволяет говорить о полной нормализации обстановки на антитеррористическом направлении. Главным отличительным признаком служебно-боевой деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации в современных условиях является направленность на укрепление общественного порядка, повышение защищенности граждан, общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств посредством активного использования личным составом своих духовных и физических сил, нравственных убеждений в условиях возможной дестабилизации внутреннего положения в стране конфликтами на национальной, религиозной и экономической почве.

Практика выполнения личным составом частей и подразделений войск задач в «горячих точках» показывает, что против них действуют профессионалы, хорошо подготовленные, вооруженные, уверенные в себе и в своей победе. Значит, при прочих равных условиях, победа будет за тем, кто не только лучше подготовлен в профессиональном отношении, но у кого выше воля к победе, кто отстаивает более высокие духовно-нравственные ценности, у кого более развита мотивация. Поэтому при всей важности подготовки военнослужащего войск правопорядка как специалиста, мастерски владеющего современным вооружением и боевой техникой, особое значение приобретает задача формирования личности военнослужащего, развитие ее способностей и возможностей, интеллектуальных, духовных и других качеств и свойств. Воспитание становится приоритетной составляющей военно-педагогического процесса, так как его объектом выступает личность. Значение же обучения не умаляется, а рассматривается как возможность обеспечения культууроформирующей функции, организованной на основе гуманитарного подхода, выступающего средством гуманизации воспитательных взаимоотношений и его методологической основы.

Основной целью воспитания личного состава войск национальной гвардии Российской Федерации является формирование и развитие у него качеств гражданина-патриота, военного профессионала и высоконравственной личности. Достижение данной цели включает комплексное решение множества задач, главной из которых является формирование у военнослужащих готовности к защите Родины, верности военной присяге, личной ответственности за беспрекословное выполнение приказов командиров (начальников), воинского долга, требований уставов Вооруженных Сил России [1].

Анализ современной практики воспитательной работы, свидетельствует о том, что решение воспитательных задач достигается на основе творческого применения все-

го арсенала прыёмов, средств, методов воспитания военнослужащих. Методы воспитания взаимно дополняют друг друга, реализуются во всём многообразии применяемых форм воспитания, образуя тем самым стройную систему воспитательной работы со всеми категориями военнослужащих в интересах качественного выполнения ими служебных и боевых задач.

Традиционно в отечественной педагогике ведущим методом воспитания признается метод убеждения, так как ему принадлежит определяющая роль в формировании важнейших качеств человека: научного мировоззрения, сознательности и убежденности. Встречаются различные подходы к определению убеждения как метода воспитания. Л.Ф. Спириин, Н.Е. Щуркова определяют метод убеждения в воспитании как путь воздействия на сознание человека для разъяснения фактов и явлений общественной и личной жизни, формирования взглядов. Б.Т. Лихачев рассматривает убеждение как основной способ доказательства с помощью убедительных аргументов и фактов истинности идей, положений, оценок, поступков, взглядов. Убеждение обеспечивает духовное движение личности от осознания истинности тех или иных идей к развитию собственной сознательности. Оно широко применяется в целях формирования мировоззренческих, нравственных, правовых, эстетических представлений, определяющих выбор поступков и поведения. В.М. Коротов считает, что убеждение – это сообщение достоверных знаний, доказательная апелляция к сознанию и личному опыту человека, стимулирование у него интереса и стремления самому докопаться до истины. Убеждение – это действие личности в поисках ответов на возникающие проблемы бытия [2].

В каждой из приведенных точек зрения есть свое рациональное зерно, но также верно и то, что в них абсолютизируется одна из сторон или условий процесса убеждения. Обобщая их, можно сказать, что процесс убеждения как способ формирования личности предполагает использование разнообразных средств, форм и видов педагогического воздействия в целях перевода предлагаемых воспитателем идей, мыслей, стиля поведения в собственные для воспитуемого идеи, мысли и стиль. Следовательно, убеждение предусматривает «включение» не только сознания и эмоциональной сферы личности, но и ее подсознания. И существенной особенностью метода убеждения является то, что наряду с оказанием большого влияния на общее формирование личности военнослужащего его главное назначение состоит в развитии твёрдых убеждений, лежащих в основе сознательного поведения военнослужащих [3].

В современной педагогической литературе существует понимание убеждений человека как глубинных личностных психических образований, входящих в мотивационно-потребностную сферу личности. Анализ их особенностей приводит многих авторов, исследующих эту проблему, к выводу, что они предполагают произвольную регуляцию поведения индивида, т.е. выступают регулятором деятельности. Убеждение, являясь единицей мировоззрения, способно служить основой, критерием при выполнении актов ценностного выбора. Как психологическое образование убеждение является надситуативным и при возникновении борьбы мотивов («конфликт моральной потребности и социальной нормы») именно убеждение способно выступить в качестве эталона, критерия при сравнении между собой конфликтующих мотивов. Это особенно актуально для личного состава частей и подразделений войск национальной гвардии Российской Федерации, выполняющих служебно-боевые задачи по противодействию международному терроризму.

Проведенное исследование требований руководящих документов свидетельствует о том, что воинская служба создает благоприятную социально-педагогическую среду для положительного влияния на военнослужащих. Однако успешное формирование

убеждений у военнослужащих предполагает высокий профессионализм воспитателей, четкое понимание ими системы целей убеждающего воздействия, постановку обоснованных психолого-педагогических задач, владение методами, приемами убеждающего воздействия и умениями создавать педагогические условия, сопутствующие их успешному применению.

Большинство офицеров частей и подразделений войск национальной гвардии осознают ведущую роль убеждения в воспитании подчиненных, однако не имеют четкого понимания сути метода убеждения, что не позволяет им в полном объеме использовать весь богатейший арсенал средств и приемов воздействия, которыми он располагает. Реализацию данного метода воздействия, имеющего своей конечной целью формирование у военнослужащих глубокой убежденности, основанной на прочных знаниях, полученных в результате размышлений, сопоставлений, переживаний, к сожалению, обычно сводят лишь к словесному обращению, сообщению совокупности фактов и положений, подтверждающих истинность доводов офицера. Преследуя при этом цель, чтобы воспитуемые восприняли эти знания на веру, без доказательств, поверили в истинность и приняли их к действию.

Однако нельзя забывать, что, убеждая, мы всегда обращаемся к человеческому уму, опираемся на данные науки, народную мудрость, активно используем логику, делаем воспитуемого соучастником интеллектуального сопереживания. Акт убеждения происходит лишь тогда, когда человек добровольно принимает нашу идею и она становится его идеей. Не всегда воспитатели ориентированы на формирование именно твердых убеждений; зачастую идет процесс подавления личности, формирования у нее «слепой веры», которая со временем неминуемо разрушится. Такая «активная деятельность» приводит к противоположному результату, ибо попытка «навязать» мнение порождает настороженность, недоверие, неприятие или даже противодействие, что отрицательно сказывается на результатах практической работы по воспитанию военнослужащих.

Как же добиться убеждающего воздействия на военнослужащего, как его убедить? Много раз каждому приходилось и говорить, и слышать от других: «Ты меня убедил, я согласен»; «Нет, Вы меня не убедили, я остаюсь при своём мнении». Что же означает «убедить человека»? В современной педагогической литературе на этот счет существуют различные точки зрения. Одни авторы сводят процесс убеждения к эмоциональной передаче какой-либо мысли другому человеку. Другие считают, что убеждающее воздействие предполагает некоторое насилие над личностью. Третьи утверждают, что в процессе убеждения важен авторитет воспитателя, обстановка, в которой осуществляется процесс убеждения. Четвертые предлагают не заострять на этой проблеме внимания, так как рассматривают убеждение как выработку привычек поведения в повседневной жизни.

В исследованиях, посвященных разработке механизмов формирования убеждений, четко просматриваются два целостных подхода: один деятельностный (Л.И. Рувинский, А.В. Зосимовский, И.Я. Лернер и др.) – убеждения формируются на основе деятельности самого воспитуемого и проявляются в его познавательной деятельности; другой (Г.И. Школьник, З.М. Шилина и др.) рассматривает формирование убеждений как постепенное накопление знаний, их усложнение, совершенствование и превращение в убеждения. Синтезируя положения общепринятых концепций процесса формирования убеждений в воспитании [4; 5], перейдем к рассмотрению непосредственно психолого-педагогического механизма формирования убеждений у военнослужащих частей и подразделений войск национальной гвардии России.

Практика реализации метода убеждения в воспитании личного состава войск национальной гвардии Российской Федерации свидетельствует о том, что процесс формирования убеждений включает несколько этапов: 1) становление (осознание норм, правил, требований); 2) развитие и закрепление; 3) достижение зрелости (проявление в деятельности и поведении). Начинается все с усвоения информации, отражающей проверенный практикой социальный опыт в той или иной сфере деятельности военнослужащего. Его эффективность связана с общей эрудицией воспитуемых, с широтой и глубиной их знаний о мире, систематичностью и устойчивостью этих знаний [6].

Основой для убеждения служат лишь те знания, в которых военнослужащий уверен, однако формальные, механически заученные знания, не «окрашенные» чувством, не позволяют формироваться личному отношению к ним, не вызывают переживаний и не используются на практике. Знания имеют широкую градацию и прежде чем стать убеждениями проходят несколько уровней своего развития.

Первый – это «знание – узнавание», когда военнослужащий способен лишь отличить одну информацию от другой, сказать, что он об этом слышал или читал. Вторым уровнем – «знание – воспроизведение», при котором воспитуемый на поставленный вопрос дает правильный ответ, воспроизводя основное содержание ранее услышанной или прочитанной информации. Однако уточняющие вопросы, требующие пояснить те или иные фрагменты ответа, вызывают при этом у военнослужащего затруднения. Суть процесса отражает третий уровень – «знание – понимание». Здесь происходит важный переход от зубрежки, заучивания к осмыслению, продумыванию, поиску дополнительной информации. Этот уровень знаний еще не гарантирует их использование на практике. Чтобы это произошло, необходимо достичь следующего уровня развития «знание – умение», когда военнослужащий видит в своей служебной деятельности «точки приложения» знаний и активно реализует их на практике. В процессе применения знания расширяются, дополняются и трансформируются. Происходит переход на уровень «знания – отношения», что связано с профессиональным мастерством военнослужащего. Лишь после этого формируются «знания – потребности», которые и служат непосредственной основой твердых убеждений.

Анализ характера знаний вышеназванных уровней позволяет нам прийти к заключению, что знания первых двух носят формальный характер. Третий и четвертый уровни – это практические знания, являющиеся целями военной дидактики. И лишь знания пятого и шестого уровней мировоззренческие; они служат непосредственной основой формирования убеждений, выступают целями воспитательного процесса. Обязательными условиями успешного перехода знаний в убеждения являются самостоятельное приобретение этих знаний на основе устойчивых интересов и практическая их реализация, стремление к сопоставлению различных точек зрения. Когда воспитуемые принимают знания на веру, т.е. без доказательств, то их убеждения позволяют им лишь следовать за другими. Но чтобы действовать самостоятельно, военнослужащему войск национальной гвардии Российской Федерации необходимы твердые нравственные убеждения, основанные на прочных знаниях, полученных в результате размышлений, сопоставлений, переживаний. И если командир (начальник) сумел привить воспитуемым необходимую для воинской деятельности систему убеждений, то в значительной степени упрощается процесс руководства деятельностью отдельных военнослужащих, управления подразделениями и частями. Обладающий такими убеждениями военнослужащий становится саморегулируемой личностью, адекватно реагирующей на самые сложные ситуации, возникающие в войсковой практике. Это в значительной степени упрощает процессы

руководства деятельностью отдельных военнослужащих и управления подразделениями и частями войск национальной гвардии Российской Федерации.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что убеждение является конструктивным методом педагогического воздействия командира (начальника) на личность подчинённого, широко применяемым в целях формирования и развития мировоззренческих, нравственных, правовых и других представлений, определяющих выбор поступков и поведения военнослужащего. Применение убеждения как способа формирования личности военнослужащего войск национальной гвардии Российской Федерации приобретает особое значение в современных социально-экономических и политических условиях.

Как метод практической деятельности в целостном военно-педагогическом процессе войск убеждение служит для формирования научного мировоззрения, выработки гражданского сознания и нравственного мышления, способности военнослужащих самостоятельно принимать решения и содействует развитию сознательности, возникновению у личного состава уверенности в правоте и истинности принятых взглядов, готовности к их защите, активность в их пропаганде. Убеждение ведет к перестройке мотивов деятельности военнослужащих, сдерживанию отрицательных качеств личности и формированию положительных. Методически правильное применение метода убеждения в воспитании личного состава войск национальной гвардии Российской Федерации способствует повышению эффективности работы командиров (начальников) по укреплению законности и воинской дисциплины, предупреждению правонарушений среди личного состава. Также с его помощью можно решать многие проблемы военно-педагогического процесса: повышать его качество и эффективность, улучшать психологический климат в коллективе, предупреждать межличностные конфликты и т.д.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Концепция воспитания военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации. – М., 2004.
2. Гордин, Л. Методика педагогического воздействия / Л. Гордин, В. Коротков, Б. Лихачев. – М. : Просвещение, 1987. – С. 62–64.
3. Военная педагогика / под общ. ред. И. А. Алехина. – М. : ВУ, 2007. – С. 167–174.
4. Зосимовский, А. В. О некоторых условиях формирования нравственных убеждений у старшеклассников / А. В. Зосимовский // Актуальные проблемы современной психологии : материалы Междунар. конф. – М., 1983. – С. 130–133.
5. Школьник, Г. И. Особенности процесса формирования убеждений / Г. И. Школьник // Совет. педагогика. – 1983. – № 12. – С. 25–28.
6. Федак, Е. И. Убеждение в воспитании военнослужащих частей и подразделений внутренних войск МВД России / Е. И. Федак, А. Ю. Кармаев // Мир образования – образование в мире. – 2016. – № 3. – С. 227–230.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 27.09.2016

Fedak E.I., Karmaev A.Yu. The Purpose of Method of Persuasion in the Education of Military Personnel of National Guard Troops of Russia

The article examines the theoretical basis for the use of the method of persuasion in the education of military units and divisions of troops of the national guard. Special attention is paid to the importance of beliefs in the education of soldiers, as a method of practical activities into a coherent military-pedagogical process of the troops.

УДК 373+373.3

Т.В. Александрович¹, Н.Е. Мерзликина²¹канд. пед. наук, доц., доц. каф. дошкільного образования
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина²магистр пед. наук, воспитатель Яслей-сада № 5 г. Бреста**ТЕОРИЯ РЕШЕНИЯ ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКИХ ЗАДАЧ
КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ВЕРБАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ
У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА**

Дан феноменологический анализ понятий «творчество», «творческие способности», «детское творчество», «вербальная креативность»; обоснована необходимость развития творческих способностей как основы творческого потенциала личности на ранних этапах онтогенеза; разработана и экспериментально апробирована программа развития вербальной креативности у детей старшего дошкольного возраста методами и приемами теории решения изобретательских задач (ТРИЗ-технологии).

Введение

Ориентация ведущих государств мира на инновационное развитие становится отличительной чертой нашего времени. Поэтому одной из аксиом мировой системы образования становится необходимость развития творчества подрастающего поколения, воспитания творческой личности, способной выходить за пределы известного, принимать нестандартные решения, создавать продукты, характеризующиеся новизной.

При всей значимости проблемы воспитания творческой личности в дошкольном образовании недостаточно, однако, используется методология и теория развития творческого потенциала личности, недостаточно проработано программно-методическое педагогическое сопровождение формирования разных видов детской художественно-творческой деятельности, развития креативных способностей. В сложившейся системе дошкольного образования основной акцент, как правило, делается не на развитие процессов продуктивного мышления и творческого воображения, а на процессы памяти: запоминание, сохранение, воспроизведение. Анализ современной практики дошкольного образования позволяет говорить о том, что потенциальные возможности дошкольного детства для развития способности к творчеству используются недостаточно. Педагоги не в достаточной мере владеют способами развития креативности, умениями создать необходимые условия для развития творчества детей.

Проблема актуализируется также противоречиями, имеющимися в практике работы учреждений дошкольного образования:

- 1) теоретическими подходами к природе творческих способностей, с одной стороны, и практикой их развития – с другой;
- 2) объективной потребностью общества и личности в развитии творческого отношения к действительности, умения творчески решать различные задачи и недостаточным развитием способности к творчеству;
- 3) задачами формирования и развития креативности дошкольников и низким уровнем их решения в силу сохраняющихся стереотипов образования;
- 4) потребностью дошкольных учреждений в технологиях, развивающих творчество ребенка-дошкольника и недостаточностью апробированных как самих технологий, так и их программно-методического обеспечения для системы дошкольного образования.

На основе анализа психолого-педагогической и научно-методической литературы была определена проблема исследования, которая формулируется следующим обра-

зом: каковы педагогические возможности теории решения изобретательских задач в формировании вербальной креативности у детей старшего дошкольного возраста.

Цель исследования – теоретически обосновать и разработать программу формирования вербальной креативности у детей старшего дошкольного возраста.

Задачи исследования:

1. Конкретизировать сущность понятий «детское вербальное творчество», «креативность» и определить показатели и условия формирования вербальной креативности у детей старшего дошкольного возраста.

2. Раскрыть педагогический потенциал теории решения изобретательских задач как средства формирования вербального творчества у детей старшего дошкольного возраста.

3. Выявить уровень развития вербальной креативности у детей старшего дошкольного возраста.

4. Разработать и экспериментально апробировать программу формирования вербального творчества у детей старшего дошкольного возраста с помощью технологии «теория решения изобретательских задач» (ТРИЗ).

Объект исследования – вербальная креативность детей старшего дошкольного возраста. Предмет исследования – формирование вербальной креативности у детей дошкольного возраста посредством ТРИЗ-технологии.

В широком понимании творчество – это деятельность, результатом которой является создание нового продукта, отличающегося новизной, оригинальностью, уникальностью. Исследователи феномена детского творчества (Л.С. Выготский, Т.С. Комарова, Н.Н. Поддьяков и др.) детское художественное творчество определяют как деятельность, в результате которой ребенок создает новое, оригинальное, проявляя воображение, реализуя свой замысел, самостоятельно находя средство для его воплощения.

Креативность является интегративной способностью личности, охватывающей систему взаимосвязанных элементов. Ее сущность в том, что она составляет продуктивный аспект личности, выражающийся в способности к творчеству и проявляющейся в критическом анализе своего и чужого опыта, понимании и выработке новых идей, умении видеть и решать проблемы, способности отказываться от точки зрения, опровергнутой обстоятельствами, развитой интуиции и ощущении совершенства достигнутого результата. Т.е. понятие «креативность» охватывает совокупность качественных характеристик мыслительного процесса (дивергентность и конвергентность, беглость, гибкость, оригинальность мышления, широта категоризации, чувствительность к проблеме, абстрагирование, конкретизация, перегруппировка идей) и личностных свойств (динамизм, направленность, активность, творческое самочувствие, воображение, фантазия), которые способствуют становлению и проявлению творческой деятельности личности.

В становлении творческой личности дошкольника большое значение имеет вербальная креативность, или словесное творчество детей, которое является одним из самых сложных видов детской творческой деятельности. Сегодня словесное творчество рассматривается как деятельность, возникшая под влиянием произведений искусства и впечатлений от окружающей жизни, и выражается в создании устных сочинений, рассказов, сказок и стихов. Как отмечает О.С. Ушакова, «язык – это база любого вида творчества. Важным для развития у ребенка творческих способностей является целенаправленное обучение детей, освоение ими богатого художественного опыта» [1, с. 43].

Детское словесное творчество – явление уникальное. Оно помогает решить ряд проблем в развитии дошкольника. Занятия речевым творчеством несут в себе необыкновенно высокий эмоционально-положительный заряд, затрагивая сферу восприятия, чувств каждого ребенка. Именно литературные образы, сюжетные линии, которые дошкольник использует в творческом процессе, позволяют ему освоить социально-нравственные нормы и правила, формируют коммуникативную культуру ребенка, его умение осваивать и творчески использовать нормы и правила родного языка. Кроме того, в ходе работы над литературным материалом идет интенсивное обогащение речи ребенка.

В исследованиях Н.А. Ветлугиной определены показатели, по которым можно судить о качестве творческих проявлений детей. В первой группе показателей дается характеристика отношений к творчеству: их увлеченность, способность «войти» в воображаемую ситуацию, искренность переживаний. На основе этого интенсивно развиваются художественные способности. Вторая группа показателей характеризует качество способов творческих действий детей: быстроту реакций, находчивость при решении новых задач, использование различных вариантов, комбинирование знакомых элементов в новые сочетания, оригинальность способов действий. Третья группа – показатели качества продукции: отбор детьми характерных черт жизненных явлений, персонажей, предметов и их отражение в рисунке, музыкальной игре, драматизации, в словесном и песенном творчестве, поиски художественных средств, удачно выражающих личное отношение детей и передающих замысел [2, с. 8].

Экспериментально-практическое исследование по проблеме формирования вербальной креативности проводилось в Государственном учреждении образования «Ясли-сад № 62 г. Бреста».

На основе теоретического анализа научно-методической литературы и опыта практической деятельности были выделены критерии и показатели уровня сформированности вербального творчества у детей старшего дошкольного возраста:

1. *Самостоятельность*. Показатели: составление рассказов без наводящих вопросов, сюжет не заимствован, употребление выразительных средств в новых сочетаниях.

2. *Целенаправленность*. Показатели: умение подчинить все содержание рассказа замыслу, не отступая от темы, сохранение сюжетной линии.

3. *Композиционная целостность (структурированность)*. Показатели: умение строить рассказ в соответствии с заданной структурой, соблюдать композицию сюжетного монолога (начало, развитие сюжета, концовка).

4. *Творческая продуктивность*. Показатели: умение придумывать несколько рассказов на одну тему или несколько способов использования предмета в разных семантических зонах, оригинальность сочинений, ответов, способов использования предмета.

5. *Синтаксическая оформленность сочинений*. Показатели: наличие простых (распространенных и нераспространенных) и сложных (сложносочиненных и сложноподчиненных) предложений в текстах.

6. *Детализированность образов*. Показатели: использование сравнений, эпитетов при характеристике образа или предмета, эмоциональная окрашенность образа.

На основании этих показателей были определены уровни развития вербального творчества у детей старшего дошкольного возраста.

Высокий уровень. Ребенок составляет рассказ без наводящих вопросов, сюжет не заимствован. Подчиняет все содержание рассказа замыслу, не отступает от темы, строит рассказ в соответствии с заданной структурой, соблюдает композицию сюжетного рассказа (начало, развитие сюжета, концовка), придумывает несколько рассказов

на одну тему. Ребенок использует простые и сложные предложения в зависимости от ситуации. Ошибок при построении предложений нет.

Средний уровень. Ребенок нуждается в частичной помощи со стороны педагога: составляет рассказ с наводящими вопросами, сюжет заимствован, частично нарушена логика изложения, имеет место фрагментарное описание, сочинение состоит из нескольких фрагментов, внутри которых наблюдается логика изложения, однако между фрагментами эта логическая связь нарушена, сочинение излагается прерывисто, с незначительными заминками и паузами, недостаточно использует различные лексические средства, употребляет простые распространенные предложения, редко сложные предложения с сочинительными союзами, иногда допускает ошибки при построении предложений.

Низкий уровень. Ребенок затрудняется придумать рассказ даже с помощью взрослого, сюжет заимствован, композиция сюжетного рассказа нарушена, может отсутствовать какая-либо структурная часть (чаще концовка), ребенок допускает значительные паузы в процессе рассказывания. Ребенок использует в основном простые предложения. Сложноподчиненные предложения не встречаются совсем. Наблюдаются многочисленные ошибки при построении предложений. Речь не эмоциональна, не выразительна.

Диагностика уровня развития вербальной креативности у старших дошкольников на констатирующем этапе педагогического эксперимента проводилась по психодиагностической методике «Вербальная фантазия». Ребенку давалось задание придумать рассказ по предложенному началу. На составление рассказа отводится до одной минуты. Оценка результатов осуществляется по следующим показателям: скорость придумывания; необычность, оригинальность сюжета; разнообразие образов; проработанность и детализация образов; впечатлительность, эмоциональность образов.

Каждый признак оценивается от 0 до 3 баллов. Таким образом, выделяются следующие уровни развития вербального творчества: 8–10 баллов – высокий; 4–7 баллов – средний; 0–3 балла – низкий (рисунок 1).

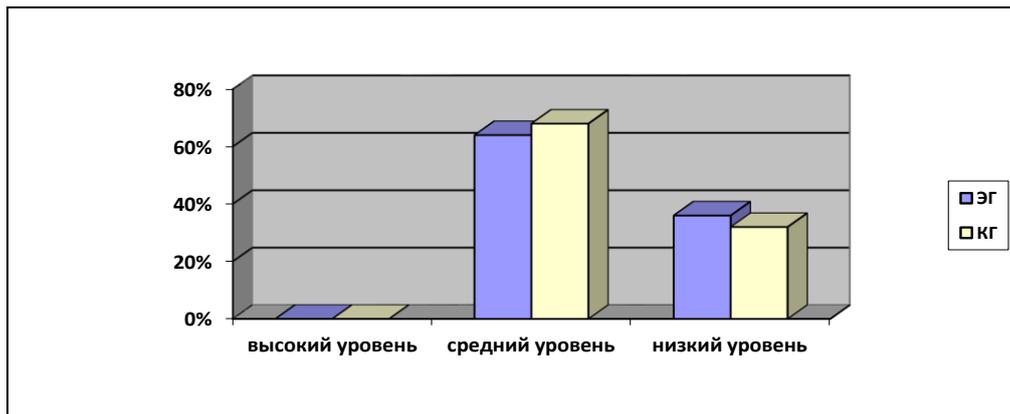

Рисунок 1. – Уровни сформированности вербальной креативности у детей в ЭГ и КГ по методике «Вербальная фантазия» на констатирующем этапе эксперимента

В результате исследования высокий уровень развития речевого воображения не был выявлен ни у одного ребенка ЭГ, средний уровень показали 17 детей (64%), низкий – 8 детей (36%).

В контрольной группе по методике «Придумай рассказ» высокий уровень развития вербального творчества у дошкольников также не был выявлен, средний уровень продемонстрировали 17 детей (68%), низкий – 8 (32%).

Чаще всего дети ЭГ и КГ пересказывали известные им рассказы, сказки, мультфильмы, привнося что-то новое. Лишь несколько детей придумали свои истории.

Для формирования вербальной креативности у детей старшего дошкольного возраста была разработана программа, целью которой является оптимизация развития творческого потенциала личности ребенка старшего дошкольного возраста. Задачи программы: 1) развивать воображение и фантазию детей как основу творческой деятельности; 2) развивать у детей гибкость мышления и способность генерировать большое количество оригинальных идей; 3) развивать образность речи детей, эмоциональность и художественную выразительность речи.

Содержание программы построено в соответствии с требованиями Образовательного стандарта «Дошкольное образование» и Учебной программы дошкольного образования, отражает основные направления работы по развитию речи и общения детей старшего дошкольного возраста. Программа включает в себя следующие блоки:

I. Обучение детей применению типовых приемов фантазирования.

II. Обучение детей составлению загадок.

III. Обучение детей составлению сравнений, метафор.

IV. Обучение детей рифмованию текста.

V. Обучение детей работе со сказкой.

Реализация программы развития вербальной креативности у детей предполагает ориентацию на следующие *принципы*, которые являются исходными условиями и закономерностями процесса педагогической поддержки развития детской креативности.

1. *Принцип гуманистической направленности:* взаимодействие «педагог – ребенок» базируется на взаимном уважении, справедливости и любви. Положительных результатов педагог может добиться, если в центре его внимания личность ребенка с его потребностями в познании мира, в приобретении умений и навыков, самоутверждении, в содержательном общении с детьми в интересной для них деятельности.

2. *Принцип наглядности* имеет особенно большое значение в обучении дошкольников, так как мышление ребенка носит наглядно-образный характер.

3. *Принцип свободы выбора.* Реализуется детьми через выбор тем, способов выполнения индивидуальных и групповых творческих работ, ориентированных на получение личного результата, проявление самостоятельности и активности.

4. *Принцип совместной продуктивной деятельности.* В процессе совместной деятельности, творчества и познания окружающего мира происходит взаимообогащение, развитие творческих способностей детей, их коммуникативных умений и навыков.

5. *Принцип развивающей среды:* «ярко, интересно, доступно». Для развития творческих способностей дошкольников необходимо организовывать занятия таким образом, чтобы это было интересно детям, доступно, понятно.

6. *Принципом системности:* педагогическое взаимодействие выстроено в систему специальных игр, упражнений и заданий.

Программа включает систему развивающих занятий с детьми старшего дошкольного возраста и состоит из 12 занятий, 28 упражнений и заданий, направленных на:

1) развитие воображения детей старшего дошкольного возраста;

2) развитие ассоциативного и диалектического мышления детей старшего дошкольного возраста;

- 3) развитие образного мышления детей;
- 4) обогащение и активизация словаря детей;
- 5) развитие связной речи детей старшего дошкольного возраста;
- 6) формирование качеств творческой личности: активности, инициативности, любознательности.

В качестве методического инструментария достижения цели и задач программы были использованы методы и приемы ТРИЗ-технологии:

1. *Метод «Мозгового штурма»* – способ решения проблемных ситуаций путем генерирования большого количества идей.

2. *Метод синектики* (применение подсознательных психических механизмов, которые действуют в творческом процессе на создание у ребенка лично значимых мотивов деятельности). Метод синектики основан на использовании всех видов аналогий: прямой – решение похожих задач; личностной – представление себя на месте изменяемого объекта; фантастической – использование сказочных персонажей; символической – краткое, образное название задачи.

3. *Морфологический анализ*. Суть данного метода заключается в том, что любой объект имеет какие-то параметры, и эти параметры могут варьироваться по-разному в разных случаях. Возможные варианты параметров, выписанные и сведенные воедино, формируют «морфологический ящик». Этот метод направлен на формирование умения анализировать ситуацию, устанавливать причинно-следственные связи; позволяет получить множество сочетаний характеристик.

4. *Метод фокальных объектов*. Данный метод направлен на установление ассоциативных связей предмета с различными случайными объектами или их свойствами. При использовании этого метода свойства случайным образом подобранных слов переносятся на ключевой объект, который находится в фокусе этих слов.

5. *Составление сравнений*. Воспитатель называет какой-либо объект, обозначает его признак, определяет значение этого признака, сравнивает данное значение со значением признака в другом объекте. В дошкольном возрасте отрабатывается модель составления сравнений по признаку цвета, формы, вкуса, звука, температуры и др.

6. *Составление загадок*. В процессе составления загадок развиваются все мыслительные операции ребенка, он получает радость от речевого творчества. В среднем дошкольном возрасте загадки составляются по описанию и строению объекта с использованием трех признаков. Далее можно обучать детей составлять загадки по функциям объекта. К концу старшего дошкольного возраста дети должны использовать пять признаков объекта.

7. *Составление метафор*. Метафора – это описание свойств объекта через свойства другого объекта. Мыслительные операции, которые позволяют составить метафору, усваиваются детьми уже в 4–5 лет. Основная цель педагога – создание условий для усвоения детьми алгоритма составления метафор. Если ребенок усвоил модель составления метафоры, то он вполне может самостоятельно создавать метафорическую фразу.

8. *Рифмование текста*. Работа с такой формой монологического текста, как стихотворение, благоприятствует развитию способности чувствовать художественную выразительность слова. Дошкольникам предлагается составлять лимерики – 5-строчные стихи, лишённые формальной логики. На первом этапе детей обучают подбирать рифмы при помощи нескольких пар картинок. Ребенку дается одна картинка и предлагается найти рифму-картинку. Затем рифмы подбираются ребенком без опоры на картинку. По найденным рифмам дети сочиняют двухстрочник.

9. *Сочинение сказок.* Работа по обучению дошкольников составлению текстов сказочного содержания в условиях учреждения дошкольного должна быть организована по двум направлениям. Во-первых, это игры и творческие задания, позволяющие ребенку усвоить различные варианты действий и взаимодействий героев, увидеть неограниченные возможности создания образов и их характеристик, узнать, что сказка может быть «развернута» в любом месте и в любое время. На этом этапе дети познают выразительные средства сказочного текста. Дети учатся делать фантастические преобразования реальных объектов с помощью типовых приемов фантазирования (ТПФ). Во-вторых, создание педагогических условий для усвоения детьми некоторых моделей составления сказок: модель составления сказки с помощью метода «Каталог»; модель составления сказки с помощью метода «Морфологический анализ»; модель составления сказки с помощью метода «Системный оператор»; модель составления сказки с помощью ТПФ (типовые методы фантазирования); модель составления сказки с помощью метода «Волшебный треугольник» (вепольный анализ).

Занятия по ТРИЗ в дошкольном образовании строятся на следующих принципах: минимум информации – максимум рассуждений; оптимальная форма организации обсуждения проблемных ситуаций – мозговой штурм; системный подход (все в мире взаимосвязано, и любое явление должно рассматриваться в развитии); включение в процессе познания всех доступных для ребенка мыслительных операций и средств восприятия (анализаторы, причинно-следственные выводы и заключения, сделанные самостоятельно; предметно-схематическая наглядность); обязательная активизация творческого воображения [3–5].

В ходе контрольного этапа была проведена повторная диагностика уровня вербальной креативности детей старшего дошкольного возраста после апробации программы. Целевые приоритеты контрольного этапа – определить уровень сформированности вербального творчества у детей старшего дошкольного возраста, оценить результативность разработанной программы. Проанализировав полученные результаты, можно сделать следующие выводы (рисунок 2).

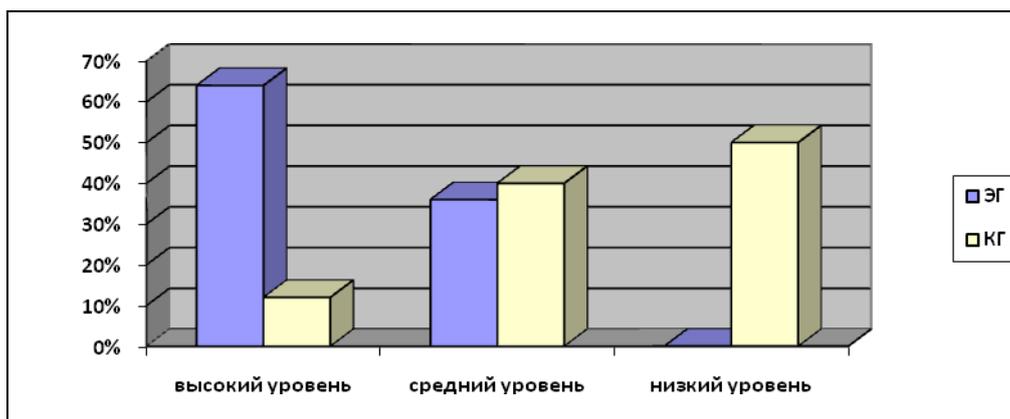

Рисунок 2. – Уровни развития вербальной креативности на контрольном этапе

Высокий уровень сформированности вербальной креативности выявлен у 64% детей экспериментальной (ЭГ) и у 12% детей контрольной (КГ) группы. Эти дети справились со всеми предложенными заданиями, выполняя их самостоятельно, без помощи педагога. Они составили рассказ (сказку) с оригинальными, незаимствованными сюже-

тами, іспользавалі распастраненыя прапановы. Іх сочинения характэруюцца кампазіцыйнай цэласнасьцю. Дзеці іспользавалі ў сваіх расказах розныя абразныя словы і выражэньня. Пры адказах дзеці былі эмацыянальныя, заражалі сваёй эмацыянальнасьцю слухатэляў.

Средний уровень выяўлены ў 36% дзецей ЭГ і ў 40% дзецей КГ. У іх сочинениях сюжэты, як правіла, заімаваныя зь іншых мастацкіх крыніцаў, но дадавана «што-то сваё». Дзеці пачаюцца ў частковай дапамоцы са староны педагога.

Дзеці з *низким уровнем* разьвіцця вербальнага творчэства ў ЭГ не выяўлены, тагда як ў КГ такой узровень вербальнай крэатыўнасьці прадэманстравалі 48% дзецей. Іх сочинения вельмі малыя, сустракаюцца расказы з аднаго-трых прапановаў, язык бедны, рэч невыразліва. Часьце ўсё дзеці перасказвалі сюжэты вядомых ім расказаў, казак, мультфільмаў, прыносячы што-то новае. Толькі некалькі дзецей придумалі свае історыі. Дзеці называлі персанажы, но не характэравалі іх. Эмацыі расказчыкаў выражэны вельмі слаба і не перадаваліся слухатэлям. Было іспользавана абмежаванае колькаства слоў і абразных выражэньняў.

Заклучэньне

Праведзенае эксперыментальна-практычнае дасьледаваньне вербальнай крэатыўнасьці ў дзецей старшага дашкольнага ўзроста дазваляе канстатываць, што педагогі не іспользуюць псыхалагічных магчымасьцяў дашкольнага ўзроста для разьвіцця дэцкай крэатыўнасьці і вербальнага творчэства. Паэтыму вербальная крэатыўнасьць ў дзецей разьвіваецца ў асноўнаму стихійна і ў рэзультаце не дасягае высокага ўзрвня. Палагаем, што разрабаванае праграмна-мэтамдычнае абеспэчэньне разьвіцця дэцкай вербальнай крэатыўнасьці мэтамды і прыемамі ТРІЗ-тэхналягіі дазволіць савершэнаставаць педагогічныя кампэтэцыі педагогаў і радытэляў, будэц сапабаставаць разьвіццю крэатыўных сапабнастаў дашкольнікаў, іх вербальнай крэатыўнасьці.

СПІСОК ІСПОЛЬЗОВАНАЙ ЛІТЭРАТУРЫ

1. Ушакава, О. С. Разьвіцця рэчы дашкольнікаў / О. С. Ушакава. – М. : Ізд-во Ін-та псыхатэрапіі, 2001. – 240 с.
2. Ветлугіна, Н. А. Мастацкае творчэства і рэбенка : мэнаграфія / Н. А. Ветлугіна. – М. : Педагогіка, 1972. – 287 с.
3. Альтшуллер, Г. С. Як стаць гэніем: жызнэная стратэгія творчэскай лчынаста / Г. С. Альтшуллер, Г. С. Вэрткын. – Мінск, 1994. – 152 с.
4. Сідорчук, Т. А. Тэхналягія разьвіцця связнаў рэчы дашкольнікаў / Т. А. Сідорчук, Н. Н. Хомянка. – М. : АСТ, 2004. – 344 с.
5. Нэстэрэнка, А. А. Страна загадаў / А. А. Нэстэрэнка. – Ростав н/Д : Ізд-во Рост. ун-та, 1993. – 27 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2016

Alexandrovich T.V., Merzlikina N.E. Theory of Inventive Problem Solving as a Means of Verbal Creativity Development in Preschool Children

The article provides analysis of phenomenological notions of creativity, creativity, creativity, verbal creativity; the necessity of the development of creative abilities as the basis for personality creative potential in the early stages of ontogenesis; developed and experimentally tested the program for the development of verbal creativity in children under school age TRIZ methods and techniques.

УДК 378.016

Г.И. Займист¹, Е.Н. Григорович²¹канд. филос. наук, доц., доц. каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина²канд. социол. наук, доц., доц. каф. философии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина**АКАДЕМИЧЕСКАЯ ГРАМОТНОСТЬ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ:
ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ СООТВЕТСТВУЮЩИХ КОМПЕТЕНЦИЙ**

В статье рассматривается проблема формирования компетенций академической грамотности будущих специалистов; дается определение академической грамотности; приводится её структура, особое внимание уделяется информационной и читательской компетенциям; в частности утверждается, что высокая читательская культура современного специалиста предполагает знания, умения и навыки дискурсивного, контекстуального, диалого-эвристического, критического, методологического, междисциплинарного и трансдисциплинарного чтения. Делается вывод о необходимости специального обучения будущих специалистов академической грамотности, а обучающихся – методологии и методике её формирования.

Новая парадигма «Образование через всю жизнь», сформулированная на рубеже XX и XXI вв., отразила образовавшийся фундаментальный разрыв и зависимость между вызовами информационной цивилизации и теми способностями личности к самообучению, которые закладываются в процессе образования. Необходимость преодоления возникшего противоречия предстала как глобальная стратегия в области образования.

Советом Европы в 1996 г. в Берне сформулированы пять ключевых компетенций для «Образования через всю жизнь», составляющие надпрофессиональные качества, без выработки которых специалист не может считаться состоявшимся: социальная, поликультурная, коммуникативная, социально-информационная (или технологическая), когнитивная [1]. В статье рассматривается стратегия формирования академической грамотности в процессе образования будущего специалиста, которая вытекает из контекста социально-информационной и когнитивной компетенций.

Академическую грамотность можно рассматривать в широком и узком смыслах. В широком смысле под академической грамотностью обычно понимают совокупность практических универсальных интеллектуальных компетенций, обеспечивающих будущему специалисту возможность быстро и эффективно адаптироваться к меняющимся условиям рынка труда, развивать и применять лидерские качества, брать на себя ответственность за управление изменениями как при решении профессиональных задач, так и при построении траектории собственной жизни [2, с. 101]. Академическая грамотность – это такая компетентность, которая необходима каждому человеку, особенно в его профессиональной деятельности, для адекватной адаптации в современном информационном обществе. В чем же ценность академической грамотности для современного специалиста? В современном дискурсе ученые выделяют три основных фактора, определяющие ценность академической грамотности. Во-первых, необходимость успешной адаптации будущего специалиста к требованиям международной академической среды; во-вторых, реализация таких ценностей современного этапа цивилизации, как власть и свобода, предполагают дискурсивные практики, участие в которых требуют соответствующей компетентности; в-третьих, необходимость соответствовать времени, формировать навыки «улавливать» и включаться в инновационные процессы,

формировать способность и готовность к опережающей адаптации в информационном пространстве цивилизации.

В узком смысле в термине «академическая грамотность» отражается сама суть новой парадигмы образования, которая характеризуется следующими факторами:

1) смещение основного акцента с усвоения значительных объемов информации, на овладение способами, методиками и технологиями непрерывного приобретения новых знаний и умения учиться самостоятельно (т.е. формирование академических компетенций; в образовательные стандарты Республики Беларусь последнего поколения формирование академических компетенций включено как обязательное требование будущих специалистов всех профилей);

2) освоение навыков высокой информационной и читательской культуры работы с любой информацией, самостоятельного, продуктивного и инновационного типа мышления (в противоположность репродуктивному мышлению);

3) дополнение принципа старой парадигмы образования «формировать профессиональные знания, умения и навыки» принципом «формировать профессиональную и над-профессиональную компетентность» как *интегральное свойство* личности, характеризующееся стремлением и способностью (готовностью) реализовывать свой потенциал для успешной профессиональной деятельности в определенной профессиональной среде [3].

В самом общем виде академическая грамотность в узком смысле предполагает совокупность специальных навыков и компетенций, связанных с освоением и передачей информации, владение методами трансформации информации из одного состояния в другое в процессе обучения на всех его этапах с последующей трансформацией данной компетентности в дальнейшей профессиональной деятельности. На этом основании в структуру академической грамотности включают три компонента: а) академическое чтение, б) академическое письмо (на белорусском/русском и английском языках), в) искусство презентации, культуры речи и ведения дискуссии.

В настоящее время широко распространена практика введения в учебные планы высших учебных заведений специальных курсов для студентов по тем или иным аспектам формирования академической грамотности будущих специалистов. Например, «Основы информационной культуры», «Академическое чтение и письмо», «Искусство публичного дискурса», «Культура речи специалиста» и т.п. [4]. На юридическом факультете Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина в целях формирования академической грамотности студентов на I курсе всех специальностей и форм получения высшего образования в качестве дисциплины вузовского компонента введен спецкурс «Методология учебной и научно-исследовательской деятельности студента». В рамках спецкурса обучающиеся овладевают категориальным аппаратом, формами и методами учебной и научно-исследовательской деятельности в высшем учебном заведении; получают представление о специальности, сферах применения их будущей профессии, требованиях к компетенциям; формируют навыки академического чтения и письма, публичного выступления; достаточно успешно решается задача формирования академической грамотности будущего специалиста.

Наш опыт показал, что основу академической грамотности обучающихся по академическому чтению составляют их информационная и читательская культура, уровень которой на I курсе явно недостаточен; это одна из главных трудностей их дидактической адаптации к условиям и требованиям университетского образования. Как показывают специальные социологические исследования [5], с трудностями дидактической адаптации, выработки студентами собственной траектории учебных и научно-исследо-

вательских достижений на всех этапах обучения, выбора рациональных и наиболее приемлемых и эффективных методик обучения, повышения их мотивации и ответственности за результаты своего профессионального становления в соответствии с требованиями госстандарта, в той или иной степени сталкивается каждый первокурсник.

Европейская Концепция информационной грамотности¹ для образования на протяжении всей жизни вытекает из стратегии Ключевых компетенций для Европы [1] и предполагает «наличие знаний и умений идентификации информации, необходимой для выполнения определенного задания или решения проблемы, эффективного поиска информации, ее организации и реорганизации, интерпретации и анализа найденной и извлеченной информации (например, из Интернета); оценки точности и надежности информации, включая соблюдение этических норм и правил пользования полученной информацией; при необходимости – передачи и представления результатов анализа и интерпретации другим лицам; последующего применения информации для осуществления определенных действий и получение определенных результатов» [6].

В структуру информационной культуры обучающегося обычно включают четыре компонента: общеучебный (базовый), аналитико-синтетический, коммуникативный и медиакультурный.

Критериями информационной культуры обучающихся могут быть:

- осознание дефицита информации;
- умение формулировать свою потребность в информации;
- владение навыками эффективного поиска необходимой информации;
- использование всей совокупности информационных ресурсов при поиске недостающей информации;
- навыки работы с информационно-поисковыми системами;
- умение перерабатывать, анализировать и оценивать информацию;
- умение создавать качественно новую информацию;
- способность к информационному общению;
- компьютерная грамотность [7].

Учитывая тот факт, что необходимость информационной культуры (информационной грамотности) каждого человека, в особенности специалиста, стала глобальной задачей, сегодня требуется специальная подготовка обучающихся в рамках отдельных курсов. Существующие дисциплины по информационным технологиям учебных планов для непрофильных специальностей в большинстве своем ставят задачу совершенствования компьютерной грамотности обучающихся. Как отмечает российский ученый, академик Международной академии наук высшей школы Н.И. Гендина, настала необходимость «преодолеть ограниченность существующих подходов, связывающих информационную подготовку человека преимущественно с какой-либо одной из информационных технологий, и отражающих, соответственно, лишь отдельные аспекты информационной подготовки («интернет-грамотность, компьютерная грамотность, медиаграмотность» и др.). Понятие «информационная грамотность» отражает весьма *широкий спектр знаний и умений человека по работе с информацией* (курсив наш – Г.З., Е.Г.) –

¹ В зарубежном дискурсе чаще используется термин «информационная грамотность», при этом понимают её как совокупность компетенций, необходимых для организационного и технологического обеспечения процесса взаимодействия с информацией (т.е. чтения). В российском и отечественном дискурсе предпочтение отдается термину «информационная культура». По сути своей термины «информационная культура» и «информационная грамотность» обучающегося сходятся. Не вдаваясь в данное исследование в нюансы терминологических дискуссий, которые в иных ситуациях могут иметь методологическое и другое значение, мы будем употреблять данные термины как равнозначные.

способность человека получать, оценивать и использовать информацию, не сводимую ни к библиотечно-библиографическим знаниям, ни к компьютерной грамотности» [6].

На наш взгляд, если информационная культура отражает стратегию подходов обучающегося к информации, то читательская культура – сам процесс его работы с информацией, т.н. академическое чтение². В содержательном плане результатом академического чтения является понимание обучаемым прочитанного; в процессуальном – сам процесс чтения. Сегодня проблема необходимости формирования читательской культуры (читательской компетентности) является весьма актуальной в педагогическом дискурсе³, и аргументация здесь тесно связана с аргументацией необходимости повышения информационной культуры обучающихся.

Н.Н. Сметанникова считает, что «читательская культура включает: рациональную организацию процесса чтения в зависимости от текста, широкого контекста чтения и свойств читателя; глубокое, точное, отчетливое и полное понимание и “присвоение” содержания текста, сопровождающееся эмоциональным сопереживанием, критическим анализом и творческой интерпретацией прочитанного; поиск, анализ и выбор текста (книги, электронного документа, базы данных, поисковых систем в Интернете и др.) для чтения в соответствии с интересами и возможностями читателя, а также – с целью чтения; выбор способов (устного, письменного) и языковых средств сохранения прочитанного на родном или неродном языках (высказывание, суждение, доклад, план, тезисы, конспект, аннотация, реферат и т.д.); читательская культура реализуется в поступках читателя как проявление его со-переживания, со-мышления, со-творчества с другими людьми в обществе, с учетом законов природы и общества» [8]. Как видно из определения, читательская культура предполагает освоение ряда читательских компетенций. Читательская компетенция – это знание различных способов и приемов рационального чтения, умение самостоятельно работать с информацией, представленной в различных текстах, опыт интерпретации и понимания заключенного в ней смысла; это особая культура взаимодействия читателя с текстом. Именно такой уровень читательской культуры предъявляется сегодня к специалистам в их профессиональной деятельности.

Современный уровень читательской культуры специалиста предполагает владение следующими читательскими компетенциями: дикурсивное, контекстное, диалого-эвристическое, критическое, методологические, междисциплинарное, трансдисциплинарное чтение и др. [9].

² Академическое чтение является ядром образовательного процесса, это не только восприятие, понимание и рефлексия, но и процесс работы с текстом, в рамках которого применяются такие подходы и способы работы с текстами, благодаря которым академическое чтение переходит в академическое письмо как процесс создания собственного текста.

³ Стратегии академического чтения и письма. Сер. «Современные технологии университетского образования». Вып. 5 : науч.-метод. сб. / Беларус. гос. ун-т ; Центр проблем развития образования. – Минск : ПроPILEI, 2007; Сметанникова, Н. Н. Чтение и грамотность. Размышления в контексте Национальной программы поддержки и развития чтения [Электронный ресурс] / Н. Н. Сметанникова. – Режим доступа: <http://www.mcbs.ru/files/File/smetannikova.pdf>. – Дата доступа: 12.04.2016; Чурляева, Т. Н. Формирование читательской компетенции в условиях современного общества [Электронный ресурс] / Т. Н. Чурляева // Философия образования. – 2010. – № 3. – С. 172–178. – Режим доступа: <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/22822016>. – Дата доступа: 19.05.2015. В Беларуси реализованы и осуществляются ряд проектов по поддержке и развитию чтения, например, Республиканский сетевой проект «Читательская культура и культура чтения» 2015/16 учебного года, нацеленный на развитие читательской культуры учащихся посредством формирования мотивации и устойчивого интереса к чтению, расширения читательского кругозора; стимулирование учащихся к личностному и интеллектуальному развитию на основе использования возможностей современной информационно-коммуникационной среды и др.

Дыскурсіўнае⁴ чтэнне – гэта сутнаснае пранікноўненне ў змест тэкста з прымяненнем вызначенай метадалогіі яго разумення і інтэрыорызацыі ў адлічце ад традыцыйнай стратэгіі чтэння; даны тып чтэння прадпалагае разуменне: складанасці сістэмы іерархіі ведаў, уключаючы акрамя тэкста экстралінгвістычныя фактары (ведаў аб свеце, меркаванняў, устаноўкі, мэты адрэсата і др.) як ідэалагічныя устаноўкі, улічэнне якіх неабходна для разумення тэкста, а таксама правіл дзейнасці і высказванняў у якой-лібо абласці.

Контэкстнае чтэнне патрабуе ад чытаючага ўбачыць невызначаную інфармацыю, якая змяшчаецца схавана, але з'яўляецца абавязковай у стварэнні тэкста. Контэкстная кампетэнтнасць спецыяліста патрабуе валодання сацыяльным кантэкстам, у якім існуе прафесія, пры чтэнні важна прымяняць гэта якасць, прымаць новую інфармацыю ў прафесійным кантэксце.

Дыялагічна-эврыстычнае чтэнне часта называюць пытальным чтэннем, паколькі яно прадпалагае пастаўку пытанняў аўтару па пытанні поўнаты, аб'ектыўнасці, даставернасці, прагностычнасці тэкста; пастаўку пытанняў навучальным сабе па пытанні поўнаты і глыбіні усвоення ім інфармацыі. Гэты тып чтэння таксама часта называюць адкрывальным, падаючым знаходжанне шляхаў і магчымасцей далейшага развіцця тэмы чытаемага тэкста, умяне прагназаваць развіццё патэнцыяльнай інфармацыі.

Крытычнае чтэнне прадпалагае ацэнку прачытанага шляхам сапаставлення зместу тэкста з асабістым пунктам гледжання чытацеля і яго ведаў, асабістым жыццёвым вопытам; прадбачае поўнае і дакладнае разуменне тэкста, пазіцыі аўтара, літаратурных прыёмаў і асабнасцей аўтарскага стыля; абапіраецца на чтэнне з поўным разуменнем зместу тэкста і інтэгуіруе розныя віды чтэння; прадпалагае высокі ўзровень развіцця умянь чтэння, здольнасць аналізаваць змест, стыль, мовную форму, падвергаць крытычнаму ацэнцы прачытанае.

У працэсе **метадалагічнага чтэння** неабходна рэалізоўваць умяне выдзяляць метадалагічныя асновы тэкста і даваць ім характэрыстыку, ацэньваць вальіднасць метадаў даследавання, выкарыстаных аўтарам тэкста.

У працэсе **междисциплінарнага чтэння** інфармацыя павінен паходзіць з новага сінтэзу ведаў на аснове інтэграцыі новай інфармацыі чытаемага тэкста з агульнасцю ведаў чытаючага па другіх сумежным дысцыплінам; у частнасці, у студэнта рэалізуецца здольнасць бачыць усе ведаў па даследаваным дысцыплінам як адно канцэптуальнае поле, праводзіць міжпредметныя сувязі, пашыраць інфармацыйнае поле даследаванай дысцыпліны, прыводзіць аргументы, выкарыстоўваць доказы, тэзісы, ведаў з другіх сумежных навук. Междисциплінарнае чтэнне дазваляе бачыць прадмет даследавання на стыках навук, не бачаных вузкім спецыялістам.

Трансдысцыплінарнае чтэнне адкрывае новыя магчымасці пашырэння кола «вядзення» сітуацыі, інфармацыі аб ёй, мэтай і задач, канечнага выніку, выходзячы за межы канкрэтнага ведаў; пашырае навуковае сусветнае меркаванне, дазваляе разглядаць тое ці іншае з'яўленне, не абмежаванымі рамкамі якой-лібо адной наву-

⁴ Сярод мноства вызначэнняў тэрміна «дыскурс» у нашым даследаванні мы абапіраемся на фармулёўку К.А. Зуева: «Дыскурс – гэта рачыслітельная дзейнасць, рэгламентуемая сацыякультурнымі кодамі (правіламі, традыцыямі і кашчымі) вызначанай агульнай практыкі (навука, права, рэлігія, палітыка, адукацыя, медыцына і т.п.), шляхам якой людзі – у межах данай практыкі – ствараюць і транслююць свае ведаў і мадэлі сацыяльнага вопыта, рэалізуюць свае пазнавальныя і/ці камунікатывныя патрэбнасці» [10, с. 6].

ятельности студента» положительным является проведение студенческих научных дебатов, студенческих научных чтений на тему «Профессиональная культура юриста (или менеджера-экономиста): требования к компетентности», на которых студенты-первокурсники имеют возможность реализовать свой уровень академической грамотности, в т.ч. научно-исследовательской. Участие в таких научных мероприятиях для них – первая проба публичного выступления и защиты информации собственного текста по соответствующей теме, практико-ориентированной в области своей специальности.

Заклучение

1. Необходимость формирования академической грамотности будущих специалистов predetermined вызовами современного информационного общества и отвечает требованиям международных и национальных стандартов высшего образования.

2. Академическая грамотность современного человека, особенно специалиста в его профессиональной деятельности, предстает как сложная структура академических компетенций: информационная, читательская, «текстосоздающая», дискурсивная, коммуникативная и т.п.

3. В условиях университетской среды задача формирования академической компетентности будущих специалистов может решаться двумя стратегиями: одна основана на интегративно-модульном подходе, когда на раннем этапе профессионализации формирование академических компетенций интегрируется и осуществляется в предметно-дисциплинарных рамках в процессе специальной теоретической и практической подготовки будущего специалиста; другая стратегия предполагает организацию специального теоретического и практического обучения студентов первых курсов академической грамотности, как в рамках специальных дисциплин вузовского компонента, так и курсов по выбору студента или факультативов. Представляется целесообразным на современном этапе высшего образования использование обеих стратегий.

4. Особую роль в реализации задачи формирования академической компетентности будущих специалистов могут играть обучающие учебно-методические семинары, тренинги для преподавателей по проблемам методологии и методики формирования у будущих специалистов компетенций академической грамотности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ключевые компетенции для Европы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://letopisi.org/index.php/%D0%9A%D0%BB%D1%8E%D1%87%D0%>. – Дата доступа: 11.02.2016.

2. Миронов, Е. В. Формирование академической грамотности студентов: опыт факультета государственного управления / Е. В. Миронов // Высш. образование в России. – 2013. – № 7. – С. 101–104.

3. Гендина, Н. И. Информационная грамотность и информационная культура личности: международный и российский подходы к решению проблемы [Электронный ресурс] / Н. И. Гендина. – Режим доступа: https://www.mediagram.ru/.../h_6dd99da2e-42e5488e728fb8c635eaad8. – Дата доступа: 28.10.2016.

4. Бронникова, Л. М. Некоторые аспекты формирования информационной культуры студента [Электронный ресурс] / Л. М. Бронникова // Современ. проблемы науки и образования. – 2016. – № 2. – Режим доступа: <http://www.scienceeducation.ru/ru/article/view?id=24181>. – Дата доступа: 22.09.2016; Гендина, Н. И. Формирование информационной культуры личности: от теории к модели информационного обра-

зования [Электронный ресурс] / Н. И. Гендина. – Режим доступа: http://studydoc.ru/doc/157155/gendina-n.i.-formirovanie-informacionnoj-kul._tury-lichnosti. – Дата доступа: 10.10.2016; Кирилова, А. В. Учебная программа учреждения высшего образования БГУ по учебной дисциплине «Академическое письмо» [Электронный ресурс] / А. В. Кирилова. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/101034>. – Дата доступа: 29.10.2016; Катушонок, О. В. Методические рекомендации к практической подготовке студентов заочной формы обучения по дисциплине «Искусство речи на суде» для специальности 24-01-02 «Правоведение» специализации 1-24 01 02 03 «Судебно-прокурорско-следственная деятельность» [Электронный ресурс] / О. В. Катушонок. – Новополюцк, 2013. – Режим доступа: www.psu.by/images/stories/uf/kriminalist/umo/rech_sud.doc. – Дата доступа: 01.11.2016 и др.

5. Щелкова, Т. В. Трудности адаптации студентов младших курсов к условиям УВО / Т. В. Щелкова // Выш. шк. – 2014. – № 1. – С. 50–54.

6. Гендина, Н. И. Информационная грамотность как приоритет Программы ЮНЕСКО «Информация для всех»: российский взгляд на проблему [Электронный ресурс] / Н. И. Гендина. – Режим доступа: <http://studydoc.ru/doc/713414/informaciya-dlya-vseh%C2%BB-tekst-n.i.-gendina>. – Дата доступа: 01.11.2016.

7. Бронникова, Л. М. Некоторые аспекты формирования информационной культуры студента [Электронный ресурс] / Л. М. Бронникова // Соврем. проблемы науки и образования. – 2016. – № 2. – Режим доступа: <http://www.scienceeducation.ru/ru/article/view?id=24181>. – Дата доступа: 22.09.2016.

8. Сметанникова, Н. Н. Чтение и грамотность. Размышления в контексте Национальной программы поддержки и развития чтения [Электронный ресурс] / Н. Н. Сметанникова. – Режим доступа: <http://www.mcbs.ru/files/File/smetannikova.pdf>. – Дата доступа: 12.04.2016.

9. Займист, Г. И. Методология учебной и научно-исследовательской деятельности студента : учеб.-метод. комплекс для студентов юрид. факультета специальности 1-26 02 01 «Бизнес-администрирование» [Электронный ресурс] / Г. И. Займист. – Брест : Изд-во БрГУ им. А. С. Пушкина, 2016. – Режим доступа: <http://lib.brsu.by/node/1095>. – Дата доступа: 01.09.2016.

10. Зуев, К. А. Рациональность: дискурсный подход / К. А. Зуев, Е. А. Кротков. – М. : РАГС, 2010. – 178 с.

11. Мокий, М. С. Трансдисциплинарность в высшем образовании: экспертные оценки, проблемы и практические решения [Электронный ресурс] / М. С. Мокий, В. С. Мокий // Соврем. проблемы науки и образования. – 2014. – № 5. – Режим доступа: <http://www.scienceeducation.ru/ru/article/view?id=14526>. – Дата доступа: 05.02.2016.

12. Короткина, И. Б. Академическое письмо: на пути к концептуальному единству / И. Б. Короткина // Высш. образование в России. – 2013. – № 3. – С. 136–142.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 04.11.2016

Zaimist G.I., Grigorovich E.N. Academic Literacy of Future Specialists: the Problem of Formation of Corresponding Competences

The problem of competence formation of academic literacy of future specialists is considered in the article; the definition of academic literacy is given, its structure is revealed, special attention is paid to information reading competences: it is particularly argued that a high reading culture of modern specialist assumes knowledge, skills and abilities of discourse, contextual, dialogue-heuristic, critical, methodological, interdisciplinary and transdisciplinary reading. The conclusion is made about the necessity of special training of academic literacy for future specialists by educators teaching methodology and techniques of its formation.

УДК 658.5

Z. Ciekankowski

*dr habilitowany nauk społecznych w zakresie nauki o bezpieczeństwie,
Kierownik Zakładu Zarządzania Bezpieczeństwem Wewnętrznym
w Instytucie Ekonomii i Zarządzania
Państwowej Wyższej Szkoły Techniczno-Ekonomicznej w Jarosławiu (Polska)*

MIEJSCE I ROLA MENEDŻERA W ORGANIZACJI

В статье представлена роль менеджера в организации, указаны этические и практические обязанности хорошего руководителя, перечислены желаемые компетенции, которыми должен обладать лидер группы. Стиль работы менеджера дополнен перечнем необходимых функций, соответствующих его деятельности, приведены факторы, обуславливающие эффективность управления.

Wstęp

Każdy człowiek jest inny pod względem wyglądu, przekonań, postępowania czy wykształcenia. Co za tym idzie, każdy indywidualnie przyjmuje wartości przyporządkowane pojęciu pracy menedżera. Są jednak standardy wyznaczające granice, których człowiek postępujący etycznie przekraczać nie powinien. Założenie to dotyczy obu płaszczyzn ludzkiej aktywności obejmujących życie prywatne i zawodowe, w obrębie których można rozpatrywać etyczność ludzkiego postępowania.

W życiu prywatnym przymiotami nadrzędnymi są moralność i pozytywne intencje wobec najbliższych, zaś w życiu zawodowym największą rolę odgrywa uczciwość względem partnerów i współpracowników. Rzeczywistość pokazuje, że w przestrzeni osobistej człowiek stara się w znacznym stopniu być etycznym, gdyż zależy mu na ludziach, z którymi obcuje, są to jego najbliżsi, przyjaciele, znajomi. W sferze zawodowej zaś ludzie są mniej nieskazitelni, ponieważ podstawowym zagadnieniem biznesu jest obrót pieniądzem.

Na kształtowanie się etycznego charakteru firmy i moralnego zachowania pracowników ogromny wpływ mają menedżerowie. Nałożona jest na nich odpowiedzialność wynikająca z faktu, iż etycznie działający menedżer musi najpierw rozwinąć własne moralne podstawy, by móc następnie formułować wymagania wobec podwładnych. Powinien on wypracować osobistą filozofię etycznego działania.

Dla ludzi nie ma nic bardziej przekonującego, niż konsekwencja w działaniu osoby propagującej wysokie standardy etyczne i nic bardziej zniechęcającego, niż jej brak. Proces rozprzestrzeniania wysokiego morale wśród pracowników wymaga od lidera sformułowania oczekiwań, co do sposobu postępowania podwładnych.

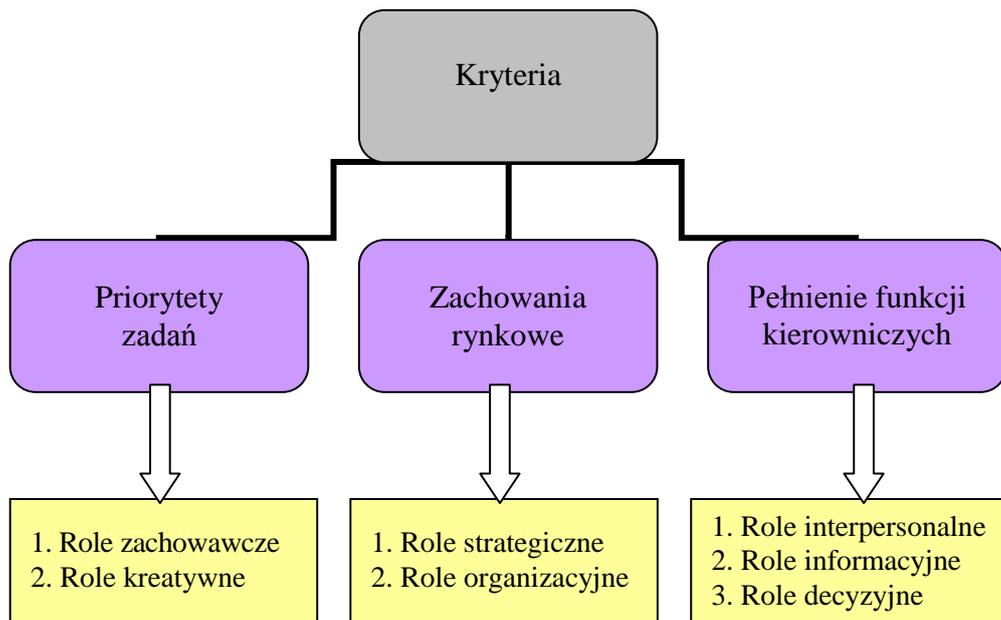
Ostatnim, niezbędnym wymogiem tworzenia wysoce etycznego klimatu w firmie jest opracowanie właściwych procedur moralnego postępowania. Są one potrzebne, by dać ludziom poczucie, że traktuje się ich uznaniowo. Menedżer etyczny za cel przyjmuje prowadzenie dochodowej działalności przy jednoczesnym przejrzystym, wiarygodnym i poczciwym postępowaniu.

Obserwując dzisiejszy świat, nie dziwi fakt, iż firmy znajdują się pod nasilającą się presją bycia wrażliwymi na wartości społeczne. Wzrasta uwaga, jaką przywiązuje się do wpływu biznesu na prawa człowieka. Ludzie żądają, by kultura firm i ich działania spowodowały, by wdrożenie programów etycznych stało się niezbędnym warunkiem utrzymania się na rynku.

Menedżer w organizacji

Menedżer w organizacji pełni różne role. Rozumie się przez nie pewne oczekiwane społecznie sposoby zachowania. Role powstają najczęściej w wyniku istnienia wzorców postępowania funkcjonujących na terenie danej organizacji lub w jej otoczeniu zewnętrznym i wewnętrznym. Normy te charakteryzują się różnym stopniem sformalizowania i określają typowe dla danej roli formy i sankcje. Wiążą się zatem z określoną pozycją danej osoby w strukturze organizacyjnej. Typologie ról zależą od przyjętych kryteriów, co ilustruje schemat 1 [1, s. 33].

Schemat 1. – Typologia ról organizacyjnych

Kryterium *priorytetu zadań* pozwala wyeksponować:

1. Role zachowawcze (wynikające z codziennych problemów i prowadzące do utrwalania postaw zachowawczych). Osoby tej orientacji, w imię «konieczności przetrwania za wszelką cenę», będą unikały konfliktów w organizacji, hamując jej dążenie do rozwoju i własną samorealizację.

2. Role kreatywne (nastawione na ekspansję organizacji i dostosowanie jej do zmieniającego otoczenia oraz na samorealizację menedżerów umożliwiającą prowadzenie w organizacji długofalowej polityki nastawionej na dynamiczny rozwój).

Analizując kryterium *zachowań rynkowych*, można wyróżnić:

1. Role strategiczne (utożsamiane najczęściej z realizacją celów strategicznych organizacji oraz pełnieniem jej misji).

2. Role organizacyjne (umożliwiające menedżerowi trafne zarządzanie instytucją i jej funkcjami, zgodnie z oczekiwaniami) [1, s. 33].

Kategoria *pełnionych funkcji kierowniczych* (schemat 2 [3, s. 142]) zawiera w sobie role:

I. *Interpersonalne*, które są zogniskowane wokół kontaktów z ludźmi. Wśród nich można wyróżnić:

1. Rolę reprezentanta (obejmuje działania ceremonialne i symboliczne). Przykładem pełnienia tej roli może być udział menedżera w uroczystym obiedzie wydanym z okazji przyjazdu prezydenta jednego z krajów.

2. Rolę przywódcy (rozumianą jako oddziaływanie menedżera na swoich pracowników w sposób motywujący ich do dobrego wykonania zadania). Dotyczy ona pozyskiwania, szkolenia, motywowania, oceniania i rotowania pracowników.

3. Rolę łącznika (traktowaną jako koordynowanie działań międzyludzkich, międzygrupowych czy międzyorganizacyjnych; tworzenie systemu powiązań między podmiotami wewnątrz i na zewnątrz organizacji). Przykładem pełnienia tej roli może być prowadzenie przez menedżera rozmów z przedstawicielami innych organizacji [2, s. 16–19].

II. *Informacyjne*, które skupiają się na zbieraniu, przetwarzaniu i przekazywaniu informacji. Wkomponowane w nie są:

1. Rola obserwatora (poszukiwanie danych, rejestrowanie i analizowanie informacji pochodzących z wewnątrz, jak i z zewnątrz organizacji).

2. Rola propagatora (przekazywanie odpowiednich informacji swoim podwładnym w celu umożliwienia im realizacji zadań).

3. Rola rzecznika (reprezentowanie interesów organizacji i przekazywanie informacji podmiotom spoza organizacji).

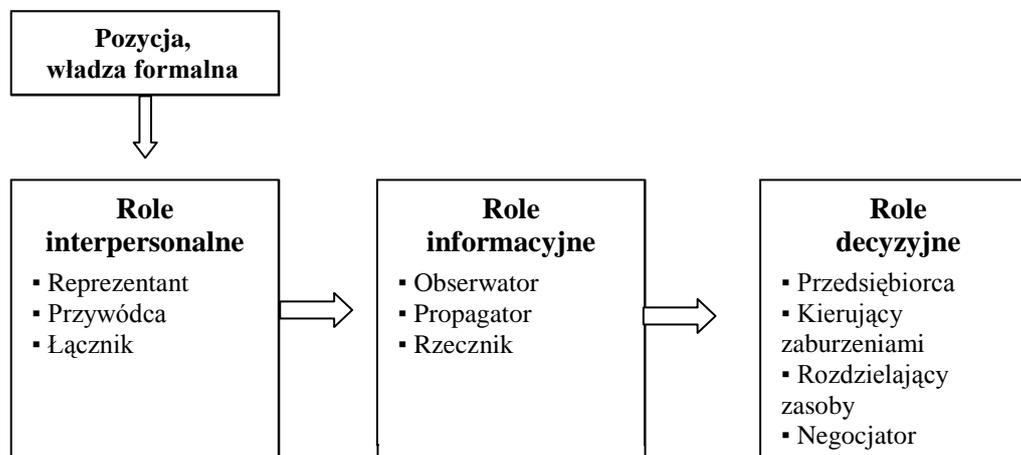
III. *Decyzyjne*, polegające na podejmowaniu decyzji. Wśród nich można wyróżnić:

1. Rolę przedsiębiorcy (inicjowanie zmian, wykorzystanie wszelkich szans dla rozwoju organizacji).

2. Rolę przeciwdziałającego zakłóceniom (likwidowanie zakłóceń oraz konfliktów, które mogą pojawić się w organizacji).

3. Rolę dysponenta zasobów (podejmowanie decyzji o sposobie dystrybucji zasobów).

4. Rolę negocjatora (prowadzenie negocjacji z innymi grupami lub organizacjami).

Schemat 2. – Role menedżera w organizacji

Z przeprowadzonych badań wyciągnięto szereg wniosków wskazujących, że:

- 1) menedżerowie pełnią równocześnie wiele ról;
- 2) menedżerowie uczą się swej roli od oddziałujących na nich elementów otoczenia;
- 3) menedżerowie są zdolni do szybkiej zmiany ról, kiedy dojdą do wniosku, że sytuacja wymaga przekształceń (jednocześnie często odczuwają konflikt ról, kiedy wytyczne jednej roli są sprzeczne z cechami innej) [4, s. 167].

Próbując określić specyfikę pracy menedżera, wskazuje się na jej główne znaczniki:

- 1) zadania wykonywane przez menedżerów różnią się od tych, które wykonują inni członkowie organizacji;

- 2) menedżerowie realizują w organizacji szereg specyficznych funkcji;
- 3) wykonując swoją pracę, menedżerowie odgrywają trzy typy ról (interpersonalne, informacyjne, decyzyjne);
- 4) skuteczność menedżerów oceniana jest w świetle rezultatów osiąganych przez organizację dzięki wykorzystaniu dostępnych zasobów;
- 5) menedżerowie działają w zależności od okoliczności i wykorzystują metody stosownie do czynników najistotniejszych w konkretnej sytuacji [3, s. 144–150].

Etymologia słowa *menedżer* nawiązuje do angielskiego terminu *manager* (czyli zarządzać, kierować) i oznacza osobę zawiadującą przedsiębiorstwem lub wydzielonym obszarem jego działalności. Określa jednostkę odpowiadającą za realizację procesu zarządzania, która planuje i podejmuje decyzje, organizuje i przewodzi ludziom oraz kontroluje zasoby ludzkie, finansowe, rzeczowe i informacyjne. Od menedżera oczekuje się nie tylko posiadania wiedzy merytorycznej oraz doświadczenia, ale również umiejętności zarządzania ludźmi oraz delegowania zadań.

Niezależnie od bardziej zróżnicowanych poglądów na tę kwestię, określając ogólną pozycję menedżera, wyróżnia się zwykle, co najmniej trzy grupy menedżerów. Przyjmując za kryterium samo miejsce kierownika w hierarchii zarządzania podmiotem gospodarczym, uwypukla się poziomy:

- a) top management (szczebel najwyższy);
- b) middle management (szczebel średni);
- c) junior management, first-line management (szczebel bezpośredni).

Umiejętności menedżerskie

Listę uniwersalnych kompetencji menedżerskich opracował Stephan Motowidło, amerykański psycholog polskiego pochodzenia. Wyróżnił on dziesięć umiejętności odpowiadających zadaniom, jakie wykonują kierownicy [5, s. 148–150]:

- *Przywództwo* – osiąganie celów wraz z innymi i dzięki nim. Kierowanie ludźmi w celu wykonywania określonych zadań, motywowanie podwładnych, ocenianie, szkolenie, korygowanie zachowań.
- *Praca w zespole* – współpraca z innymi, stawianie interesów grupy i firmy ponad własne cele, okazywanie zainteresowania.
- *Zdecydowanie* – przejawianie inicjatywy, wykorzystywanie nadarzających się okazji.
- *Umiejętność prowadzenia negocjacji* – kierowanie się kompromisem w sytuacjach konfliktowych, uważne słuchanie opinii ludzi, umiejętne korygowanie swego stanowiska po uzyskaniu konkretnych informacji.
- *Organizacja* – przyswajanie metodycznego i systematycznego podejścia przy rozwiązywaniu wszystkich aspektów problemu, zwracanie uwagi na szczegóły, tworzenie i ocenianie rozwiązań alternatywnych, przewidywanie trudności i wskazywanie priorytetów postępowania.
- *Pomysłowość* – szybkie przyswajanie informacji, rozumienie związków pomiędzy różnymi jej składnikami, tworzenie w razie potrzeby nowych rozwiązań.
- *Energia i motywacja* – wychodzenie naprzeciw trudnościom, wykonywanie swojej pracy na jak najwyższym poziomie, nieustępliwość w pokonywaniu przeszkód.
- *Odporność na stres* – okazywanie zrównowżenia i umiaru pod wpływem presji, akceptowanie niepowodzeń i konstruktywne wychodzenie z kryzysu, chłodne, rozważne reagowanie na pojawianie się kryzysów.

• *Камунікацыя піsemна* – просты і зразуміаы спsосб піsання, ўжыванне ўрэдoвoгo слoвнiцтвa і грaмaтыкi.

• *Камунікацыя вeрбaлнa* – просты і зразуміаы спsосб мoвiеннa, ўжыванне ўрэдoвoгo слoвнiцтвa і грaмaтыкi, выкoрчaстaннe нiевeрбaлныч őroдкoв кoмунікaцiі, тaкiч як мiмiкa, кoнтaкт вzрoкoвoй, рyчы длoнi, ўклaд цiалa.

Іннe, чeстo oпiсывaнe в лiтeрaтурe прeдмeтy ўмiєтнoсцi мeнeджeрскiч, тo прeдe вшчyсткiм:

▪ *Умiєтнoсцi тeхнiчнe*, чылi здoлнoсць пoслyгiвaннa сiє нaрэдзiямi, мeтoдaмi і тeхнoлoгiямi в oкрeслeныч спeцiялнoсцiах, нiзбeднa дo выкoнaннa лyб зрoзумiєннa зaдaч зв'язaныч з дaнa ўoргaнiзaцiєй.

▪ *Умiєтнoсцi спoлeчнe*, чылi здoлнoсць вspoлўпрaцi з лyдзьмi.

▪ *Умiєтнoсцi кoнцeпцыйнe*, чылi здoлнoсць дo кooрднaцiі aктывнoсцi пoшчeгoлнoч грyп в oргaнiзaцiі oрaз iнтeгрoвaннe дiалaч рeалiзoвaныч в пoлy jej влўпвy.

▪ *Умiєтнoсцi iнтeрпeрсoнaлнe* – гoтoвoсць дo нaвiязaннa кoнтaкту зaрoвнo з iєднoсткaмi, як i з грyпaмi oрaз рoзумiєннe iч i мoтывoвaннe.

▪ *Умiєтнoсцi дiагнoстычнe* – здoлнoсць мeнeджeрa дo вyoбрaжeннa сoбe нaжвлaсцiвшeй рeакцiі в дaнeй сytуaцiі.

▪ *Умiєтнoсцi кoмунiкoвaннa сiє* – здoлнoсць дo скyтeчнoгo прeкaзyвaннa пoмыслoв i iнфoрмaцiі, як i дo прыiмoвaннa iч oд iнныч.

▪ *Умiєтнoсцi дeцyзыйнe* – здoлнoсць дo пoпрaвнoгo рoзпoзнaвaннa i дeфiнioвaннa прoблeмoв i мoжлiвoсцi, a нaстeпнe дo вyoбoрy oдпoвiднoгo трыбy дiалaчa в цeлy рoзв'язaннa прoблeмoв.

▪ *Умiєтнoсцi гoспoдaрoвaннa чaсeм* – yстaлaннe прioрeтeтoв в сфeрe зaвoдoвeй, здoлнoсць дo спрaвнeй рaцi і влaсцiвoгo дeлeгoвaннa зaдaч i yпрaвнeч [6, s. 20–26].

Aнaлiзyяч лiтeрaтурe прeдмeтy мoжнa вskзaч шeрeг oпiсaныч aктывнoсцi мeнeджeрскiч. Nа ўвaгy зaслyгyє чaрaктeрыстыкa дoкoнaнa прeз R.W. Griffiнa, ктoрy aкцeнтyє зaчoвaннa прывoдчe:

1) сkoнцeнтрoвaнe нa зaдaнiах: прывoдчy зврaчaюч бaчнa ўвaгy нa рaцe і прoцeдyрy рoбoчe зв'язaнe з дaнy стaнoвiскeм;

2) сkoнцeнтрoвaнe нa рaцoвнiкaх: кiрoвнiчy рaцyюч нaд ствoрeннeм спoјныч зeспoлoв рoбoчыч i дбaюч o зaдoвoлeннe рaцoвнiкoв;

3) iнiцyючe стрyктyрe: прывoдчy ввaжaюч, зe кaждy рaцoвнiк вiє, чeгo сiє oд нiєгo oцeкyє, якiє зaдaнiа i oбoв'язкi дo нiєгo нaлeжaч, зaтeм yстaлaюч фoрмaлнe лiнiє кoмунiкaцiі i oкрeслaюч вкoнyвaннe зaдaч;

4) мaючe вzглaд нa iнныч: прывoдчy вкaзyюч трoскy o пoдвлaдныч oрaз стaрaюч сiє ствoрeч прыiзжнa i вspoмaгaючa aтмoсфeрy [6, s. 562–565].

Скyтeчнoсць мeнeджeрa вaрyнкyє вiєлe чeч i здaрeч. Nалeжaч дo нiч з пeвнoсцiє вzmoжoнa швiдoмoсць свoгo влaсцoгo пoтeнцiєлy (знaжoмoсць свoич мoчныч i слaбыч стрoн) oрaз нaвyк зaчeчaннa iнныч дo прeкaзyвaннa iнфoрмaцiі звoтнeй. Прaгнiєннe вiєдзy, iнтeгрaцiя рaцy з жыцiєм oсoбiстyм, тaкжe пoзaнoвaннe oдмiєннoсцi iнныч лyдзi – тo вaлoрy, бeз ктoрыч мeнeджeр нiє фyнкцioнoвaлby в пeлнi. Дo пoвыжшeгo збioрy зaлiччy мoжнa тaкжe прeвoдчeннe змiанoм, прoєктoвaннe нoвыч рoзв'язaч врeшчe кoнтрoлe прoцeсy змiан i кoрyгoвaннe прeбeгy тeгo прoцeсy.

By вкoнyвaч рoзлiчнe рoлe, мeнeджeрoвi мyшaч дyспoнoвaч кoнкрeтнyмi квaлiфiкaцiямi, пoзвoлaючымi oсiягнaч пoвoдчeннe в рaцy. Najбaрдчe рoзпoвсчeчeннoнa дрoгa, вyстeпyючa в тyлў oдмiанaч, iлy єст мeнeджeрoв, oбeжмyє пoв'язaннe вкyшчaлeчeннa i дoшвiдчeннa. Вiєкшoсць дoбрыч мeнeджeрoв здoбyвa квaлiфiкaцiє пoпрeз пoлaчeннe

teorii i praktyki. Podstawą intelektualną jest zazwyczaj wykształcenie wyższe, nawet, jeśli kierunkiem wiodącym nie jest zarządzanie. Następnie osoba uczestniczy w początkowej praktyce zawodowej i przechodzi przez całą gamę różnych sytuacji kierowniczych. W toku kariery menedżera w organizacji, jego praktyczne doświadczenie może być uzupełniane okazjonalną «aktualizacją» wykształcenia, np. w ramach programów rozwoju kadr kierowniczych [2, s. 19–27].

Amerykański specjalista Daniel Goleman podzielił umiejętności menedżerskie na trzy kategorie:

- 1) umiejętności czysto techniczne, jak rachunkowość lub planowanie działalności;
- 2) umiejętności poznawcze, jak myślenie analityczne;
- 3) umiejętności odzwierciedlające inteligencję emocjonalną, jak dobre współdziałanie z innymi i efektywne wprowadzanie zmian [7, s. 195–204].

Zdolności intelektualne i techniczne są niezbędne w przypadku każdego menedżera, ale inteligencja emocjonalna liczy się najbardziej. Ten, kto jej nie posiada, choćby był najlepiej wykształconym, wnikliwym, o analitycznym umyśle i z łatwością znajdował nowe pomysły, nie będzie dobrym przywódcą. Analiza cech liderek doprowadziła D. Golemana do interesujących wniosków. Otóż zdolności intelektualne są niezbędne do osiągnięcia nadzwyczajnych rezultatów. Szczególną rolę odgrywają przy tym zdolności poznawcze, jak długofalowa wizja i myślenie uwzględniające równocześnie wiele czynników. Mimo to, inteligencja emocjonalna okazała się być dwa razy ważniejsza od innych elementów działalności każdego menedżera. Co więcej, jej rola wzrasta na najwyższych szczeblach, gdzie różnice w umiejętnościach technicznych są nieistotne. Zdaniem D. Golemana, inteligencję emocjonalną tworzy pięć zasadniczych elementów. Są nimi:

1. *Samoświadomość*, która oznacza głębokie rozumienie swoich emocji, atutów, słabości, potrzeb i motywów.

2. *Samoregulacja*, która oznacza dialog wewnętrzny, dzięki któremu człowiek nie musi być więźniem swoich emocji.

3. *Motywacja*, która jest wolą przywódcy do osiągnięć ponad oczekiwania.

4. *Wczuwanie się* – to słowo, które wydaje się być obce w świecie biznesu. Jego istotą nie jest to, by szef dostosowywał się do nastrojów swoich podwładnych i starał się im przypodobać. Wczuwanie się oznacza liczenie się z odczuciami współpracowników. Analiza ich doznań, obok wszystkich innych czynników, umożliwia podejmowanie rozsądnych decyzji.

5. *Umiejętności socjalne* – wskazanie, iż obowiązki rozsądnego menedżera skupiają się nie tylko na trosce o wyniki ekonomiczne, ale też na dbaniu o materialne i duchowe dobro pracowników [7, s. 195–204].

Trudno nie zgodzić się z tezą, iż inteligencja emocjonalna odgrywa niezwykle ważną rolę w kierowaniu grupami ludzkimi, gdyż zaangażowanie i działanie zespołowe stanowi, jak wiadomo, istotę postępowania w przedsiębiorstwie. Firma jest wspólnotą, w której należy się dobrze rozumieć, szanować i ufać sobie. Menedżer pracuje ze specyficznymi zasobami – ludźmi. Między dwiema osobami istnieje zawsze relacja wzajemna, inna, niż między człowiekiem a wszystkimi pozostałymi zasobami. Od tego czy menedżer rozwija swoich podwładnych we właściwym kierunku, czy pomaga im rosnać na postacię większego kalibru i osiągać zamożność, zależy bezpośrednio, czy on sam będzie się rozwijał. Czy będzie rósł, czy malał, bogacił się czy biedniał, podnosił się czy spadał. Obecnie kładzie się ogromny nacisk na życzliwość wobec ludzi, na pomaganie im i umiejętność współżycia z nimi, jako na cechy, które kwalifikują kogoś na menedżera [8, s. 365–376].

W rozważaniach dotyczących skuteczności zawodowej, znaczący głos wywarła pozycja Petera F. Druckera, który w swoim dziele «Zarządzanie w XXI wieku» wymienia czynniki, od których zależy wydajność pracownika. Są nimi:

- 1) wiedza pracownika o powierzonym zadaniu i spodziewanych efektach jego pracy;
- 2) odpowiedzialność za swoją wydajność, umiejętność zarządzania swoją pracą i pewna autonomia działania;
- 3) ciągły rozwój i doskonalenie, jako konieczny element pracy i odpowiedzialności pracownika oraz nauczanie innych;
- 4) jakość pracy i jej rezultatów;
- 5) postrzeganie pracownika jako «zasób» organizacji, a nie jako «koszt»;
- 6) przejawiana przez pracownika chęć do pracy w organizacji [9, s. 145].

Władza menedżera

Każda władza ma swoje źródła, które wpływają na jej charakter i sposób sprawowania. W zorganizowanym zespole ludzi władza wynika z samego podziału pracy i potrzeby koordynacji działań cząstkowych. Właśnie z nich wyłania się rola kierownika jako osoby sterującej całym zachowaniem się grupy, w oparciu o zachodzące między nimi sprzężenia zwrotne. W literaturze wymienia się różne źródła sprawowania władzy. Najczęściej mówi się o tym tak: uprawnienia wynikające z przepisów prawa i uprawnienia wynikające z pozycji organizacyjnej (dysponowanie dobrami, informacjami, środkami przymusu, nagradzania itp.). Rzadziej natomiast wymienia się nieprzeciętne zdolności i umiejętności (organizatorskie, innowacyjne, przedsiębiorcze itp.), talent i wyobraźnię, które w nowoczesnym przedsiębiorstwie stają się najważniejszymi atrybutami władzy. Zamiast więc kierować poprzez rozkazy, trzeba kierować poprzez współpracę, wykazując należytą troskę o ludzi i o wykonanie zadań. Pamiętając o tym, że pracownicy osiągają najlepsze wyniki dzięki własnemu zaangażowaniu, nie zaś wyłącznie przez wykonywanie odgórnych poleceń, i że najlepszym sposobem na wzbudzenie tego zaangażowania jest współdziałanie w podejmowaniu decyzji na szczeblu jednostki, w której są zatrudnieni. Trzeba więc prowadzić z podwładnymi dialog, wyposażać ich w uprawnienia niezbędne do realizacji zadań i delegować odpowiedzialność, kierując się wskazówką, że dobry przełożony to nie ten, który traktuje wszystkich pracowników jednakowo, lecz ten, który uwzględnia ich możliwości, upodobania i nawyki, ugruntowując w nich poczucie własnej wartości i pewności działania. Nowoczesne zarządzanie wymaga nie autokracji i dominacji, lecz demokracji i współdziałania, szczerzej i pełnej komunikacji, otwartych i swobodnych dyskusji, wspólnego ustalania celów i środków realizacji [10, s. 43–47]. Przedsiębiorstwo, w którym szef kieruje dyktatorskimi metodami (rządzi) i chce podejmować wyłącznie autorytatywne decyzje, a podwładni tylko przytakuja i milcząco spełniają swe obowiązki z uwagi na otrzymywane wynagrodzenie, nie ma co liczyć dzisiaj na sukces w walce na konkurencyjnym rynku. Pracownicy muszą być zainteresowani pracą i jej wynikami, dbać o jakość produkcji i wizerunek firmy.

Autorytet, podobnie jak władza, jest ważnym czynnikiem wpływającym na efektywność kierowania. Może on mieć charakter formalny (funkcyjny) i nieformalny (osobisty). Posiadanie władzy nie jest więc równoznaczne z posiadaniem autorytetu. W praktyce obsadzania stanowisk często te dwie wartości rozmiągają się, działa wówczas tzw. paradoks Mancura Olsona, w myśl którego o awansie nie decydują kwalifikacje, fachowość, troska o wspólne dobro itp., lecz czynniki irracjonalne: poczucie odrębności, wspólnie przeżyte wydarzenia, solidarność uczuciowa, upodobania, identyczność akceptowanych norm. Menedżerowi potrzebny jest zarówno autorytet formalny jak i nieformalny. Aby go zdobyć, trzeba wykształcić

w sobie pewne cechy osobowości i posiadać umiejętność współpracy z ludźmi, a nawet służenia im. Trzeba zwłaszcza być dobrym specjalistą w danej dziedzinie wiedzy czy sztuki, odznaczać się inteligencją i jasnym formułowaniem myśli. Być energicznym, odważnym i odpowiedzialnym, posiadać umiejętność przewodzenia. Być wrażliwym na sprawy ludzkie i społeczne, umieć stwarzać atmosferę szczerości, otwarcia i zaufania. Wykazywać inicjatywę i zachęcać innych do jej przejawiania. Umieć forsować swoje pomysły i mieć siłę przekonywania o słuszności własnych idei i koncepcji [10, s. 47–49].

Podstawowe funkcje menedżera w organizacji

Priorytetowymi zadaniami menedżera w zakładzie pracy są doskonalenie rozwoju przedsiębiorstwa, powiększanie sukcesu zawodowego organizacji oraz osiąganie przez nią prestiżu społecznego. Menedżer musi preferować wzrost gospodarczy firmy, uważany za cel najważniejszy. Jego praca nie może być rozpatrywana wyłącznie w kategorii nauki o organizacji i zarządzaniu.

Prawdziwą wartość menedżera wyznaczają umiejętności radzenia sobie w trudnych sytuacjach oraz rozwój kompetencji miękkich, decydujących o jego skuteczności.

Menedżerowie pracujący w korporacjach oraz małych i średnich firmach zobowiązani są do podnoszenia swoich kompetencji. Szkolenie to platforma niezbędnej wiedzy oraz umiejętności wymaganych na wszystkich menedżerskich stanowiskach, bez względu na umiejscowienie w strukturze firmy.

Bycie menedżerem jest sztuką: wygrywa ten, kto posiada umiejętność szybkiego dostosowania działania do zaistniałych okoliczności i potrafi skutecznie je modyfikować. Wszechstronność kompetencji, jakie posiada menedżer, gwarantuje sukces oraz skuteczność w zarządzaniu przedsiębiorstwem.

Zachowanie organizacyjne menedżera pełni cztery podstawowe funkcje:

1) *planowanie*; polega na wyborze i zdefiniowaniu celów, opracowaniu strategii ich osiągnięcia oraz ułożeniu planu koordynacji aktywności skierowanej na osiągnięcie zamierzonego rezultatu;

2) *organizowanie*; obejmuje wyodrębnienie określonych zadań dotyczących realizacji celów cząstkowych, zapewnienie środków do ich realizacji oraz do bieżących decyzji umożliwiających osiągnięcie celów organizacyjnych;

3) *kierowanie*; polega na motywowaniu ludzi do pracy, organizowaniu właściwych stosunków międzyludzkich, wyborze najefektywniejszych kanałów informacyjnych oraz minimalizowaniu konfliktów interpersonalnych;

4) *kontrolowanie*; czyli monitorowanie aktywności pracowników pod kątem zgodności zachowań organizacyjnych [11, s. 13–14].

Pełnienie funkcji zarządzania wymaga posiadania pewnych cech psychofizycznych. Menedżer musi być odporny na zmęczenie i zdolny do wykonywania bardzo zróżnicowanych zadań w całkowicie nienormowanym czasie pracy. Konieczna jest podzielność uwagi, a zarazem zdolność do koncentracji i szybkiego reagowania.

Podsumowanie

Praca menedżera obfituje w stres i przeciążenia, bowiem sukcesy przeplatają się w niej nieustannie z porażkami. Zarządzanie wymaga specyficznej motywacji. Potrzebna jest determinacja osiągnięć prestiżowych i materialnych. Menedżera cechuje silna potrzeba władzy, a zarazem wielkie ambicje, zamiłowanie do ryzyka i związanych z nim emocji, ale także potrzeba tworzenia trwałych wartości, bycia społecznie użytecznym.

Menedżerowie muszą chcieć, umieć i lubić oddziaływać na ludzi. Oznacza to przede wszystkim zdolność do empatii, czyli wczuwania się w motywy, postawy i emocje pracowników, a zatem rozumienie, dlaczego zachowują się tak, a nie inaczej. Wiąże się to ściśle z umiejętnością słuchania tak, by jak najwięcej dowiedzieć się od rozmówcy. Trafne zinterpretowanie zachowań ludzi jest warunkiem zindywidualizowanego podejścia do nich, czyli odwoływania się do takich motywów, które są dla konkretnej osoby najważniejsze. Zarządzanie wymaga pewnych kwalifikacji intelektualnych. Najważniejszą z nich jest umiejętność sprawnego uczenia się, poznawania nowych rzeczy, opanowywania nowych umiejętności. Szybko zmieniające się otoczenie firmy tworzy bowiem nieustanne szanse i zagrożenia, do których należy się odnieść. Dobra orientacja w ekonomicznym, społecznym, politycznym i prawnym otoczeniu przedsiębiorstwa wymaga z kolei szerokich horyzontów i stale aktualizowanej, choć z konieczności eklektycznej, wiedzy z wielu różnych dziedzin: polityki, prawa, ekonomii, finansów, historii, kultury i innych. Zarządzający musi umieć celowo dysponować swoimi osobistymi zasobami, których powinien używać na rzecz organizacji, ale których nie da się znormalizować ani zmierzyć. Najważniejsze z nich to czas, energia (czyli zdolność do działania) i reputacja (czyli zaufanie, jakim darzona jest dana osoba, – jej autorytet). Regułą musi być oszczędne gospodarowanie tymi zasobami i przeznaczanie ich na realizację celów najważniejszych.

LISTA WYKORZYSTANYCH ŹRÓDEŁ

1. Wachowiak, P. Profesjonalny menedżer / P. Wachowiak. – Warszawa : Difin, 2001.
2. Griffin, R. W. Podstawy zarządzania organizacjami / R. W. Griffin. – Warszawa : PWN, 2004(a).
3. Koźmiński, A. K. Zarządzanie. Teoria i praktyka / A. K. Koźmiński, W. Piotrowski. – Warszawa : PWN, 1996.
4. Robbins, S. Zachowania w organizacji / S. Robbins. – Warszawa : PWE, 1998.
5. Pająk, K. Kierownik w XXI wieku / K. Pająk. – Warszawa ; Poznań : Elipsa, 2003.
6. Griffin, R. W. Podstawy zarządzania organizacjami / R. W. Griffin. – Warszawa : PWN, 2007(b).
7. Penc, J. Kreatywne kierowanie / J. Penc. – Warszawa : Placet, 2000.
8. Drucker, P. Praktyka zarządzania / P. Drucker. – Kraków : Czytelnik, 1998.
9. Drucker, P. Zarządzanie w XXI wieku – wyzwania / P. Drucker. – Warszawa : New Media, 2010.
10. Penc, J. Strategie zarządzania / J. Penc. – Warszawa : Placet, 1994.
11. Terelak, J. Psychologia menedżera / J. Terelak. – Warszawa : Difin, 1999.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 19.10.2016

Tsekanovski Z. The Place and Role of the Manager in the Organization

In the article the role of the manager in organization is presented. The text defines ethical and practical tasks of the 'good manager'. What is more, the desired abilities of the group leaders are profoundly characterized. Additionally, the image of the manager is enhanced by the outlined manager's functions. Furthermore, the author in the article identifies factors which influence the management effectiveness.

УДК 336

В.Л. Ключа¹, М.В. Варакулина²

¹д-р экон. наук, проф., зав. каф. экономической теории
Белорусского государственного университета

²ст. преподаватель каф. экономики и управления

Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

ФИНАНСОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОРГАНИЗАЦИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ УЛУЧШЕНИЯ

Проведен анализ тенденций состояния финансовых результатов коммерческих организаций Республики Беларусь, выявлена их динамика, обозначены наиболее важные факторы, ее определяющие. Исследуется состояние расчетов и платежеспособности белорусских предприятий. В качестве основных причин убыточности белорусских предприятий рассматриваются неэффективное управление затратами, разбалансированность денежных потоков по объему и отсутствие синхронности их формирования во времени, неудовлетворительная структура бухгалтерского баланса. Рассмотрены возможные направления улучшения финансового состояния субъектов хозяйствования. Концентрируется внимание на снижении материалоемкости и, в частности, энергоемкости отечественных предприятий. Указывается на необходимость формирования в стране полноценного финансового рынка.

Введение

Деятельность любой коммерческой организации направлена прежде всего на получение положительного финансового результата. Основным финансовым результатом работы предприятий выступает прибыль как часть чистого дохода, который предприятие стремится получить в качестве платы за вложенный капитал и риск ведения производственно-хозяйственной деятельности. Одновременно не вызывает сомнения тот факт, что в положительной динамике прибыли заинтересованы не только субъекты хозяйствования, но и собственники, работники, кредиторы, партнеры по бизнесу и, конечно же, государство. Таким образом, максимизация прибыли является первоочередной задачей не только для конкретного предприятия, но и для всей экономики страны.

Цели субъекта финансово-хозяйственных отношений в конкретном временном интервале (долгосрочном или краткосрочном) могут иметь как ярко выраженную маркетинговую, так и преобладающую производственную ориентацию. Однако бесспорно, что максимизация стоимости предприятия, достигаемая за счет максимизации конечного финансового результата (прибыли), выступает именно тем ориентиром, по которому оценивается результативность как стратегических, так и оперативных управленческих решений во всех сферах деятельности организации.

Финансовые результаты деятельности предприятия, являясь мерилем эффективности его работы, выступают одновременно и условием расширенного воспроизводства, обеспечивают платежеспособность субъекта хозяйствования, возможность привлекать дополнительный инвестиционный капитал. Грамотное управление финансовыми результатами обеспечивает эффективную реализацию таких специальных функций финансового менеджмента, как управление капиталом, управление активами, управление финансовыми рисками, управление инвестициями. Формирование системы управления финансовыми результатами на предприятии выступает объективным условием его эффективной работы не только в краткосрочной, но и в долгосрочной перспективе.

Таким образом, исследование динамики изменения финансовых результатов деятельности предприятий, выявление основополагающих факторов влияния и предложе-

ние инструментов по оптимизации финансовых результатов для отечественных предприятий являются актуальными задачами, требующими глубоко научного изучения.

Тенденции изменения финансовых результатов организаций в экономике Республики Беларусь

Устойчивое финансовое состояние коммерческой организации традиционно рассматривается как результат поддержания оптимального соотношения по трем позициям: 1) сбалансированность доходов и расходов организации, 2) сбалансированность ее активов и пассивов и 3) сбалансированность денежных потоков предприятия. Таким образом, для поддержания финансовой устойчивости организациям необходимо, во-первых, поддерживать положительный финансовый результат (с обеспечением его поступательного роста); во-вторых, грамотно выстраивать свою политику финансирования активов и формирования капитала; в-третьих, синхронизировать денежные потоки (с поддержанием положительной величины чистого денежного потока). Именно эти три составляющие традиционно являются проблемными для отечественных субъектов хозяйствования. Бесспорно, прибыль организации, обеспечивая поддержание ее финансовой устойчивости, зависит и от структуры бухгалтерского баланса, и от синхронности формирования разнонаправленных денежных потоков. Именно поэтому анализировать финансовые результаты предприятия в отрыве от других объектов финансового анализа методологически неверно. В Республике Беларусь проблема обеспечения прибыльной работы коммерческих предприятий продолжает стоять довольно остро, о чем свидетельствует официальная статистика (таблица 1).

Таблица 1. – Финансовые результаты работы организаций* Республики Беларусь за 2004–2015 гг. [1]

Год	Темпы роста, %					
	выручки	себестоимости	прибыли	чистой прибыли	числа убыточных предприятий	чистого убытка
2004	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00
2005	126,11	128,24	128,19	167,98	16,36	16,75
2006	127,76	129,39	124,47	123,92	250,27	242,86
2007	133,11	133,13	112,96	113,60	74,62	76,47
2008	133,28	131,57	155,06	169,30	76,41	78,46
2009	104,83	108,82	76,95	70,90	149,43	149,02
2010	117,62	117,53	120,45	125,82	62,74	72,37
2011	194,98	185,77	337,03	291,55	94,55	98,18
2012	176,53	177,72	163,27	178,79	100,00	101,85
2013	110,31	112,88	75,82	57,60	186,97	192,73
2014	111,70	111,54	118,87	106,15	139,54	143,40
2015	111,56	111,42	119,16	59,69	152,25	154,61

*Без банков, страховых организаций, бюджетных организаций, микроорганизаций и малых организаций без ведомственной подчиненности.

Наивысшие финансовые показатели деятельности организации имели в 2011 г. Однако при оценке тенденций следует учитывать, что вся информационная база финансового менеджмента предприятий формируется в текущей стоимостной оценке. 2011 г. характеризовался высоким уровнем инфляции (например, индекс потребительских цен в 2011 г. составил 208,7%), что, безусловно, отразилось на зафиксированных в статисти-

ке конечных финансовых результатах. Высоким был индекс роста потребительских цен (в 2012 г. составлял 121,8%). Таким образом, без учета 2011 и 2012 гг. наивысшие значения темпы роста выручки имели в 2008 г. Этот же год характеризовался и наиболее оптимальным соотношением между темпами роста выручки и себестоимости; наблюдался также опережающий рост чистой прибыли над темпами роста прибыли.

Следует отметить, что к концу рассматриваемого периода сформировалась отрицательная тенденция, связанная с высокими ежегодными темпами роста количества убыточных предприятий и величины чистого убытка. За период с 2013 по 2015 гг. среднегодовые темпы роста количества убыточных предприятий составили 159,59%, а темпы роста чистого убытка в этом же периоде составили 163,58%. Несмотря на то, что наивысшее значение среднегодовые темпы роста убыточных предприятий имели в 2006 г. (250,27%), в абсолютном выражении количество убыточных предприятий составляло 926 субъектов хозяйствования. В 2015 г. значение данного показателя уже составило 1 895 организаций. Доля убыточных предприятий в общем количестве субъектов хозяйствования в 2015 г. составила 23,5%. Это наивысший показатель начиная с 2004 г.

Статистические данные за январь–июль 2016 г. свидетельствуют об усилении отрицательных тенденций в экономике организаций Беларуси (таблица 2).

Таблица 2. – Финансовые результаты работы организаций* Республики Беларусь в январе–июле 2016 г. (масштаб цен, действующих с 1.06.2016 г.) [1]

Показатель	Январь–июль 2015 г.	Январь–июль 2016 г.	Темпы роста, %
Выручка от реализации продукции, товаров, работ, услуг, млн руб.	88 089,6	97 841,2	111,1
Себестоимость реализованной продукции, товаров, работ, услуг, млн руб.	69 796,0	78 416,8	112,4
Прибыль, убыток (–) от реализации продукции, товаров, работ, услуг, млн руб.	7 333,5	7 083,2	96,6
Прибыль, убыток (–) до налогообложения, млн руб.	4 278,3	3 429,9	80,2
Чистая прибыль, убыток (–), млн руб.	3 220,9	2 469,1	76,7
Рентабельность реализованной продукции, товаров, работ, услуг, %	10,5	9,0	x
Рентабельность продаж, %	8,3	7,2	x
Количество убыточных организаций, ед.	1 405	1 753	124,8
Удельный вес убыточных организаций в общем количестве организаций, %	18,5	23,1	x

*Без банков, страховых организаций, бюджетных организаций, микроорганизаций и малых организаций без ведомственной подчиненности.

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в целом для отечественных организаций характерно опережение темпов роста себестоимости реализованной продукции над темпами роста выручки от реализации. Эта тенденция предопределила снижение показателей прибыли и рентабельности. Самое большое падение продемонстрировала чистая прибыль – 23,3%. Настораживает рост числа убыточных организаций, который за анализируемый период составил 124,8%. Намечилась также серьезная тенденция увеличения доли убыточных организаций в общем количестве

субъектов хозяйствования. По итогам исследуемого периода она составила почти четверть (23,1%), увеличившись по сравнению с аналогичным периодом 2015 г. на 4,6%.

Причины убыточности коммерческих организаций Республики Беларусь

Убыточность предприятия, продолжающаяся длительный период времени (в том числе хроническая) часто обусловлена несбалансированностью денежных потоков, поэтому становится причиной неплатежеспособности субъекта хозяйствования. Решение проблемы взаиморасчетов всегда было одним из наиболее важных направлений финансового менеджмента, поскольку от этого зависит платежеспособность предприятия, величина и структура расходов и, как следствие, величина конечного финансового результата. Статистика состояния расчетов отечественных предприятий далеко не всегда демонстрирует положительную динамику (таблица 3).

Таблица 3. – Состояние расчетов организаций* в Республике Беларусь за 2000–2015 гг. [1]

Год	Дебиторская задолженность (ДЗ), млрд руб.	Темпы роста ДЗ, %	Удельный вес просроченной ДЗ, %	Кредиторская задолженность (КЗ), млрд руб.	Темпы роста КЗ, %	Удельный вес просроченной КЗ, %
2000	3 667,5	100,00	45,2	5 052,8	100,00	40,4
2001	5 955,0	162,37	51,5	8 138,8	161,08	44,7
2002	8 319,0	139,70	47,4	11 113,4	136,55	41,6
2003	9 659,4	116,11	43,3	13 754,6	123,68	34,8
2004	12 712,2	131,60	29,8	17 962,5	130,68	25,4
2005	15 008,8	118,07	26,4	21 019,5	117,02	21,0
2006	18 586,9	123,84	19,4	25 954,9	123,48	15,8
2007	24 559,5	132,13	15,9	31 862,0	122,76	13,3
2008	31 217,6	127,11	16,8	38 647,5	121,30	13,5
2009	42 577,9	136,39	17,0	49 012,2	126,82	12,4
2010	49 457,2	116,16	14,9	57 785,2	117,90	10,8
2011	107 058,1	216,47	10,9	140 188,0	242,60	7,4
2012	155 104,6	144,88	11,1	182 686,3	130,32	8,2
2013	195 188,9	125,84	14,9	241 251,8	132,06	12,0
2014	218 745,6	112,07	18,5	284 048,2	117,74	13,5
2015	269 822,1	123,35	22,4	353 099,3	124,31	16,4

*Без банков, страховых организаций, бюджетных организаций, микроорганизаций и малых организаций без ведомственной подчиненности.

В соответствии с приведенными данными предприятия достаточно активно наращивали величину дебиторской задолженности. Однако динамика изменения дебиторской задолженности достаточно неравномерная. После кризиса 2011 г. происходило поступательное снижение темпов роста данного показателя, однако уже 2015 г. продемонстрировал тенденцию к его увеличению. Среднегодовые цепные темпы роста дебиторской задолженности за 2005–2015 гг. составили 134,21%. При этом среднегодовые цепные темпы роста ВВП страны за аналогичный период составили 104,74%. В 2015 г. произошло снижение ВВП относительно предыдущего года на 3,09% при одновременном приросте дебиторской задолженности на 23,35%. Стоит при этом отметить, что доля дебиторской задолженности в ВВП страны составила на конец 2015 г. 31,02%;

на просроченную задолженность приходится 1,2%. После 2011 г. происходит увеличение доли просроченной дебиторской задолженности у субъектов хозяйствования.

Продолжает оставаться достаточно острой и проблема просроченной кредиторской задолженности. С 2001 г. удельный вес этого показателя демонстрировал поступательное снижение, достигнув своего минимума в 2011 г. Однако начиная с 2012 г. доля просроченной кредиторской задолженности демонстрирует положительную динамику, а ее значение в конце 2015 г. составило 16,4%. Рост просроченной кредиторской задолженности свидетельствует о снижении платежеспособности субъектов хозяйствования страны, обусловленном в том числе и разбалансированностью денежных потоков, а также несбалансированностью источников финансирования дебиторской задолженности. На белорусских предприятиях сложилась ситуация, при которой кредиторская задолженность превышает дебиторскую в 1,3 раза (по итогам 2015 г.). Несвоевременное поступление платежей приводит к невозможности предприятиям своевременно отвечать по своим обязательствам и росту как в общей, так и просроченной кредиторской задолженности.

Совокупная задолженность организаций по кредитам и займам на конец 2015 г. составила 567 901,3 млрд руб., что в 1,6 раза выше совокупной кредиторской задолженности белорусских организаций. При этом удельный вес просроченной кредиторской задолженности по кредитам и займам у белорусских предприятий составил 1,2%. В абсолютном выражении величина просроченной кредиторской задолженности в 3,9 раза выше, чем просроченная задолженность по кредитам и займам. Хотя задолженность перед финансовым сектором у организаций выше, именно этот вид задолженности субъекты хозяйствования предпочитают погашать своевременно, не допуская срыва сроков погашения. Поэтому можно говорить о существовании проблемы взаимных неплатежей именно между субъектами хозяйствования.

Неудовлетворительное состояние расчетов, вызванное несбалансированностью и нарушением синхронности формирования положительного и отрицательного денежных потоков на предприятии, приводит к необходимости для субъектов хозяйствования приобретения дополнительных финансовых ресурсов в виде кредитов и займов. Поэтому растут расходы организаций по финансовой деятельности и снижается итоговая величина конечного финансового результата, поскольку производимые заимствования вызваны не расширением производственно-хозяйственной деятельности, а замедлением оборачиваемости совокупного капитала. Негативные тенденции в состоянии расчетов организаций Республики Беларусь продолжают сохраняться (таблица 4).

Таблица 4. – Состояние расчетов организаций* Республики Беларусь на 01.08.2016 г. [1]

Показатель	На 01.08.2016 г.	Темпы роста к 01.01.2016 г, %
Дебиторская задолженность, млн руб.	29 893,1	110,8
в том числе просроченная	7 153,1	118,4
Внешняя дебиторская задолженность, млн руб.	7 181,8	103,3
в том числе просроченная	1 102,0	105,5
Кредиторская задолженность, млн руб.	37 933,2	107,4
в том числе просроченная	6 849,3	118,1
Внешняя кредиторская задолженность, млн руб.	9 284,0	103,9
в том числе просроченная	1 254,3	105,5
Задолженность по кредитам и займам, млн руб.	60 787,5	107,0

*Без банков, страховых организаций, бюджетных организаций, микроорганизаций и малых организаций без ведомственной подчиненности.

Обращают на себя внимание две тенденции: во-первых, опережение темпов роста дебиторской задолженности над темпами роста кредиторской, а, во-вторых, приблизительное равенство темпов роста просроченной кредиторской и просроченной дебиторской задолженности. Причем оба они опережают общие темпы роста кредиторской и дебиторской задолженности. Выявленная динамика свидетельствует об ухудшении положения с организацией расчетов и соблюдением платежной дисциплины на предприятиях страны. Также можно говорить, что именно взаимные неплатежи являются причиной появления просроченной задолженности.

Оценить платежеспособность субъектов экономических отношений можно также путем анализа структуры бухгалтерского баланса. Для этих целей в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 1672 от 12.12.2011 г. рекомендуется рассчитывать следующие показатели: коэффициент текущей ликвидности (К1), коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами (К2) и коэффициент обеспеченности финансовых обязательств активами (К3) (таблица 5).

Таблица 5. – Показатели платежеспособности и финансовой устойчивости организаций* Республики Беларусь в 2000–2015 гг. [1].

Год	К1	Темпы роста К1, %	К2	Темпы роста К2, %	К3	Темпы роста К3, %
2000	1,207	100,00	0,098	100,00	0,145	100,0
2001	1,206	99,92	0,069	70,41	0,183	126,21
2002	1,230	101,99	0,051	73,91	0,201	109,84
2003	1,264	102,76	0,048	94,12	0,203	101,00
2004	1,331	105,30	0,095	197,92	0,205	100,99
2005	1,407	105,71	0,132	138,95	0,229	111,71
2006	1,476	104,90	0,124	93,94	0,238	103,93
2007	1,543	104,54	0,129	104,03	0,258	108,40
2008	1,757	113,87	0,138	106,98	0,276	106,98
2009	1,636	93,11	0,027	19,57	0,323	117,03
2010	1,672	102,20	-0,026	-196,30	0,329	101,86
2011	1,534	91,75	-0,061	-234,62	0,338	102,74
2012	1,333	86,90	0,250	409,84	0,350	103,55
2013	1,239	92,95	0,193	77,20	0,383	109,43
2014	1,142	92,17	0,124	64,25	0,428	111,49
2015	1,111	97,29	0,100	80,65	0,495	115,93

*Без банков, страховых организаций, бюджетных организаций, микроорганизаций и малых организаций без ведомственной подчиненности.

Как видно из информации, представленной Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь, и проведенных авторами расчетов, платежеспособность отечественных организаций находится на недостаточном уровне. Обращает на себя внимание прежде всего динамика коэффициента обеспеченности собственными оборотными средствами. Среднегодовые темпы роста по данному показателю за анализируемый период составили 81,3% (в 2010–2011 гг. этот показатель имел отрицательное значение). Среднее значение показателя за анализируемый период составило 0,093, что не соответствует нормативным значениям. Коэффициент текущей ликвидности продемонстрировал неоднозначную динамику, однако в целом среднегодовые темпы роста за анализируемый период составили 99,71%, а среднее значение коэффициента находилось

на уровне 1,38. Коэффициент обеспеченности финансовых обязательств активами планомерно увеличивался и к концу анализируемого периода достиг значения 0,495; среднегодовые темпы роста составили 108,19%, а среднее значение показателя составило 0,28. В целом можно констатировать наличие проблем с платежеспособностью у отечественных субъектов хозяйствования, усиление их финансовой зависимости от внешних источников финансирования и существование проблемы недостаточности собственного капитала для поддержания производственно-хозяйственной деятельности, что в целом подтверждает сделанные ранее выводы об ухудшении состояния расчетов организаций и, как следствие, снижении их прибыльности.

Остро стоит в стране и проблема санации неплатежеспособных субъектов хозяйствования. Так, по данным Департамента по санации и банкротству Министерства финансов Беларуси, по состоянию на 01.05.2016 г. в процессе экономической несостоятельности (банкротства) находилось 72 организации государственной формы собственности. Из них только в отношении 17 организаций запущена процедура санации, т.е. потенциального восстановления платежеспособности. Информация об организациях, которые находились в процедуре банкротства в 2008–2015 гг. представлена в таблице 6.

Таблица 6. – Информация об организациях, находящихся в процедуре банкротства [2]

Показатель	Год							
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Количество организаций, по которым была завершена процедура банкротства	1 674	1 610	1 556	1 531	1 767	1 697	1 881	1 808
Количество организаций, восстановивших платежеспособность в процессе санации	9	6	2	1	3	3	1	0

В 2016 г. в процедуре банкротства находится 3 380 организаций, по 394 из них уже вынесено решение о прекращении (завершении) производства по делу об экономической несостоятельности (банкротстве). При этом нет ни одного случая восстановления платежеспособности субъекта хозяйствования. Безусловно, институт банкротства позволяет решать в экономике страны множество проблем, например, организация погашения задолженности перед кредиторами, обеспечение более эффективного использования высвобождающихся факторов производства и т.д.

На наш взгляд, проблема состоит не в самом факте убыточности работы некоторых организаций, а в темпах их роста. Экономика Республики Беларусь является малой открытой экономикой, в которой все звенья взаимосвязаны, и ожидать повышения конкурентоспособности экономики страны в ситуации роста убыточности отечественных предприятий не представляется возможным.

Способы разрешения выявленных проблем

Причинами нерентабельной работы и роста количества убыточных предприятий, безусловно, выступают общие тенденции нестабильности социально-экономического развития страны, обусловленные экономическим кризисом в странах-соседах (Россия, Украина), нестабильностью белорусского рубля и инфляцией, невозможностью привлечения масштабных прямых иностранных инвестиций. Однако внутренние проблемы организаций, связанные с низкой производительностью труда, неэффективной системой управления затратами, неэффективной системой управления денежными потоками,

низким уровнем инновационной и инвестиционной активности, оказывают более сильное отрицательное воздействие на экономику субъектов хозяйствования.

Проведенный анализ выявил в качестве одной из причин ухудшения финансовых результатов субъектов хозяйствования опережение темпов роста затрат над темпами роста выручки от реализации. Таким образом, оптимизация затрат может стать тем инструментом, который позволит субъектам хозяйствования наращивать прибыль и, следовательно, рентабельность. В основу оптимизации затрат должен быть положен глубокий и всесторонний анализ, особенно их структуры. Динамика структуры затрат отечественных организаций по экономическим элементам представлена в таблице 7.

Таблица 7. – Структура экономических затрат организаций* Республики Беларусь, % [1]

Показатель	Год					
	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Все затраты на производство продукции (работ, услуг)	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00
Материальные затраты	67,87	72,33	71,04	63,99	61,81	63,96
Затраты на оплату труда	15,10	12,73	13,90	17,68	18,61	17,64
Отчисления на социальные нужды	5,33	4,41	4,63	5,82	6,12	5,72
Амортизация основных средств и нематериальных активов	5,22	3,91	5,10	6,31	6,75	5,52
Прочие затраты	7,16	6,63	5,32	6,21	6,70	7,16

*Без банков, страховых организаций, бюджетных организаций, микроорганизаций и малых организаций без ведомственной подчиненности.

В структуре затрат белорусских предприятий традиционно доминируют материальные затраты, причем именно они обеспечивают прирост совокупных затрат на производство продукции. Так в общем приросте затрат в 2015 г. на 10,7% прирост материальных затрат составил 9%. Таким образом, именно оптимизация использования материальных ресурсов должна стать основным направлением повышения финансовых результатов деятельности отечественных предприятий.

При проведении мероприятий по оптимизации своих расходов организации используют три основополагающих подхода: инженерный, бухгалтерский и управленческий. И только благодаря их комплексному использованию, а также за счет применения технологий бенчмаркинга, функционально-стоимостного подхода, концентрации на контролируемых затратах, контроллинга, бюджетирования и т.д. можно ожидать роста прибыльности работы отечественных предприятий.

Вопросы оптимизации затрат белорусских организаций затрагиваются и в программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг. Основными направлениями снижения затрат на производство и реализацию продукции (работ, услуг) в данном документе определены:

- 1) сокращение условно-постоянных и непроизводственных расходов;
- 2) технологическое переоснащение промышленных производств;
- 3) установление прогрессивных норм расхода сырья, материалов за счет сокращения отходов и потерь в процессе производства и хранения, использования вторичных ресурсов;
- 4) внедрение современных систем управления ресурсами, оптимальных схем и источников энергоснабжения промышленных объектов, режимов их работы [3].

Таким образом, производственная модернизация, оптимизация работы с запасами и эффективная логистика, совершенствование системы нормирования должны стать основными составляющими работы современного белорусского предприятия.

Важной составляющей оптимизации затрат отечественных организаций должна стать диверсификация поставщиков топливно-энергетических ресурсов. Определенное движение в этом направлении уже делается: государство содействует переходу организаций на местные источники топливно-энергетических ресурсов (их доля к 2020 г. должна составить 52% от общего потребления), реализуется проект по строительству в Республике Беларусь атомной электростанции, что будет содействовать формированию и развитию в Беларуси оптового электроэнергетического рынка [3]. Тем не менее основная нагрузка по оптимизации затрат должна лечь непосредственно на организации.

Важным направлением в работе организаций должна стать оптимизация системы расчетов. Именно разбалансированность и несинхронность формирования денежных потоков разной направленности во времени приводят к утяжелению затрат организации и прежде всего условно-постоянных. Субъектам хозяйствования важно не только анализировать денежные потоки, но и изыскивать возможности ускорения финансового (денежного) цикла. В качестве путей оптимизации можно предложить использование предоплаты, факторинга, но главное – в стране должен полноценно функционировать вторичный фондовый рынок, на котором можно было бы реализовывать финансовые инструменты, тем самым ускоряя инкассацию дебиторской задолженности. Полноценный финансовый рынок позволит экономике страны развиваться более эффективно.

Заключение

Отечественные предприятия демонстрируют весьма неоднозначную динамику финансовых результатов на протяжении последнего десятилетия. Настораживает, что к концу анализируемого периода динамика становится отрицательной. Во многом на это повлияли кризисные явления 2011–2012 гг. Но проблемы, с которыми организации сталкиваются на современном этапе, формировались на протяжении длительного периода. Основными из выявленных авторами проблем являются неэффективная система управления затратами, денежными потоками, структурой капитала и активами организаций. Безусловно, внешние факторы оказывают определенное воздействие на экономику организации, но во многом она определяется внутренними факторами и резервами.

Представленная статья носит во многом аналитический характер. Сформулированные в ней основные составляющие улучшения финансовых результатов лежат в плоскости менеджмента, прежде всего финансового, и затрагивают не только менеджмент затрат, но и систему расчетов организации. Использование предложенных инструментов позволит субъектам хозяйствования оптимизировать свою деятельность и снизить риски возникновения убыточности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Официальная статистика. Макроэкономики и окружающая среда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by>. – Дата доступа: 30.09.2016.
2. Перечень организаций, находящихся в процедуре банкротства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.by>. – Дата доступа: 30.09.2016.

3. Основные положения программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы : принята на V Всебелорусском народном собрании [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 30.09.2016.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 11.10.2016

Clunya V.L., Varakulina M.V. The Financial Results of the Organizations of the Republic of Belarus and Prospects of their Improvement

The article analyzes the trends in the state of the financial results of commercial organizations in the Republic of Belarus; it reveals not only their dynamics, but also marks the most important factors determining it. The authors investigated the status of settlements and the solvency of Belarusian enterprises. Non-effective cost management, cash flow imbalances by volume and a lack of synchronicity of their formation time, unsatisfactory structure of the balance sheet are considered to be the main reasons for the loss ratio of Belarusian enterprises. In the future, the authors discuss the possible areas of improvement in the financial condition of economic entities. The attention focuses on the reduction of the material and in particular the energy consumption of domestic enterprises. The necessity of forming the country's full-fledged financial market is shown.

УДК 821. 161. 3

З.П. Мельнікава

*д-р філал. навук, праф., праф. каф. беларускага літаратуразнаўства
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна*

**ПОШУКИ БУДУЧЫНІ: БЕЛАРУСКАЯ ГІСТОРЫЯ Ў МАСТАЦКА-
ФІЛАСОФСКИМ АСЭНСАВАННІ МАКСІМА ГАРЭЦКАГА**

Вылучаюцца творы класіка нацыянальнай прозы, у якіх выразна выяўляецца яго гісторыка-асветніцкая творчая пазіцыя. Асноўная даследчыцкая ўвага звернута на напісаныя ў драматычны час беларускай гісторыі аповесці «Ціхая плынь» і «Дзве душы» (1917–1919), якія вызначаюцца заклапочаным грамадзянскім маральна-філасофскім роздумам М. Гарэцкага аб мінулым і будучым беларускага народа.

Максім Гарэцкі (1893–1938) – класік беларускай літаратуры, таленавіты празаік, гісторык літаратуры, драматург, фалькларыст, крытык, публіцыст, перакладчык, педагог, беспадстаўна арыштаваны і расстраляны ў няпоўныя сорок пяць гадоў. Яго літаратурная спадчына на многія дзесяцігоддзі была забаронена, і толькі пачынаючы з 1960-х гг. напісанае М. Гарэцкім паступова стала вяртацца чытачам. З 1990-х гг. асобныя мастацкія творы расстралянага класіка ўведзены ў абавязковае вывучэнне і ў агульнаадукацыйных школах Беларусі. Працяглы час творчасць М. Гарэцкага заставалася маладаследаванай, але з 1980-х гг. беларускае літаратуразнаўства актыўна звярнулася да сістэматызацыі і выдання твораў М. Гарэцкага, да вывучэння спадчыны пісьменніка-адрэджэнца, які многа зрабіў для развіцця літаратуры, навукі і культуры беларускага народа. Сёння мы маем Збор твораў М. Гарэцкага ў 4 тамах, выдадзены ў канцы 1980-х гг., а таксама асобныя выданні яго найбольш папулярных і запатрабаваных апавяданняў і аповесцяў.

Да аналітычнага вывучэння творчасці М. Гарэцкага звярталіся аўтарытэтныя беларускія літаратуразнаўцы М. Мушынскі, Дз. Бугаёў, Т. Голуб, Т. Тарасова, П. Васючэнка, І. Чыгрын і некаторыя іншыя. Спадчына пісьменніка – жанрава разнастайная, наватарская, шматгранная, яна і сёння ўражвае філасофскай глыбінёй, псіхалагізмам, імкненнем адлюстраваць беларускі нацыянальны свет, зразумець мінулае і прадбачыць будучыню шматпакутнага беларускага народа.

Імкненнем спасцігнуць сэнс, лад жыцця чалавека, народа, прызначэння мастака вызначаецца ўжо ранняя творчасць М. Гарэцкага, пра што выразна сведчаць яго творы 1913–1915 гг. «Што яно?», «Роднае карэнне», «У чым яго крыўда?», «Стогны душы», «Меланхолія», а крыху пазней аповесці «Ціхая плынь», «Дзве душы», публіцыстычныя артыкулы (1917–1920). Роздуму над лёсам беларускага народа вымагаў і гэтаму спрыяў час нашаніўства, нацыянальнага гісторыка-культурнага Адрэджэння і дзяржаўнага будаўніцтва ў 20-я гг. мінулага стагоддзя. Ужо ў першых літаратурных публікацыях М. Гарэцкі дакладна, па-філасофску сфармуляваў свае грамадзянскія і мастакоўскія мэты: «пазбыцца векавечнага сораму ў гісторыі», заявіць аб «сваіх правах беларуса як сына беларускай нацыі, нацыі па сваіх духоўных асаблівасцях самабытнай», урэшце, крыкнуць свету «аб правах народа, ... катораму не да твару быць прыбаўкаю, дадаткам да нацыі дужэйшай ... і асабліва блізкай па крыві» [1, с. 180].

Асэнсаванне драматычнай, цяжэйшай гісторыі Беларусі і яе народа з’явілася асноўнай тэмай разнастайнай па жанрах літаратурнай спадчыны М. Гарэцкага. Гэта сведчыць аб маштабнасці яго мыслення, аб выразным бачанні перспектывы і тупікоў «беларускага шляху». У яго творах знайшла ўвасабленне тэма былой велічы беларускага краю, слыннасці сыноў гэтай зямлі. У прыватнасці, у аповесці «Ціхая плынь» пісьменнік даводзіць, што слаўная даўніна беларусаў – гэта часы Вялікага Княства Літоўскага.

Пра былы росквіт краю, як піша аўтар, сведчаць старыя граматы мінулых часоў; пра вартых і мудрых людзей беларускай зямлі пісалі свае і чужыя хронікі. Бацькаўшчынай і яе людям апекаваліся сапраўдныя гаспадары – «вольная рада магутных і ганарлівых продкаў нашай белай косці» [2, с. 125].

З пазіцый усвядомленага гістарызму М. Гарэцкі тлумачыць прычыны заняпаду краю ў наступныя стагоддзі – канец XVI, XVII–XVIII стст. Пачатак гэтаму, слухна меркаваў пісьменнік, паклала невыгодная для Вялікага Княства Літоўскага Люблінская унія, якая задаволіла толькі палітычны гонар магнатаў, а працоўнаму народу, сярэднім маёмасным сляям тагачаснага беларускага грамадства прынесла сацыяльны ўціск і прымуовае «апалячванне». На беларускія землі, піша М. Гарэцкі, хлынулі плеймай польская шляхта, адміністратары, чэлядзь, ксяндзы-палякі. «Найбольш, аднак, шкадліваю прычыну заняпаду нашае культуры была прычына ўнутраная – адсутнасць сваіх добрых школ... А наезджыя езуіты, у большасці палякі, адчынялі вельмі добрыя школы. Узгадаванне ў гэтых школах прышчэплівала нашым магнатам і шляхце рабскае паддаванне перад польскасцю. ...Як мухі на мёд, імкнулася яна (беларуская шляхта – *З.М.*) да параўнання ўва ўсім з польскаю шляхтаю... Так беларускія вярхі неўпрыцям сабе самім перавярнуліся на палякаў» [3, с. 146]. Пісьменнік-асветнік, які добра ведаў мінулае свайго народа, закранаў драматычныя часы беларускай гісторыі, паказваючы, у прыватнасці, што польска-каталіцкае асуджэнне лягло цяжкім крыжам сацыяльнага і нацыянальнага гвалту на народныя плечы, што ўніяцкае духавенства цягнула беларусаў «да Маскоўшчыны ... замест шукаць ратунку ў сваім народзе» [3, с. 149].

У спадчыне М. Гарэцкага таленавіта паказана, як у часы паншчыны руйнавалася, нішчылася чалавечая годнасць беларусаў, як прышлыя паны ператваралі іх у «тутэйшых», у пакорную, бязлікую прыслугу. Так, у апавяданні «Панская сучка» створаны абразок жудаснага здзеку апалячанага магната з беларускай сялянкі. Яе змусілі карміць сваім мацярынскім малаком шчанюкоў здохлай панскай сучкі. Забітую горам сялянку-карміцельку, якая толькі пахавала сваё немаўлятка, пан абвінаваціў у смерці пародзістых сабачанят, а панскія цівуны давялі жанчыну да страшнай пакутніцкай пагібелі.

Вобраз беларускай жанчыны-пакутніцы ў гэтым творы мае глыбокі сацыяльна-філасофскі падтэкст, ён, бадай, увасабляе пакутніцу Беларусь, згвалтаваную, зганьбаваную і закатаваную панамі-чужынцамі, асацыятыўна нагадваючы сімволіка-алегарычны вобраз Беларусі-Плачкі з твора Я. Баршчэўскага «Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях» (апавяданне «Плачка»).

У іншым, таксама надзвычай трагічным па змесце апавяданні аўтар, звяртаючыся да часоў прыгону, спрабуе знайсці адказ на пытанне, чаму беларусы ператварыліся ў бязвольны і рахманы люд, які бясконца церпіць прыніжэнні. Гэта апавяданне «Смачны заяц», у якім аўтар паказаў, як сацыяльны і нацыянальны прыгнёт разбураў душу беларуса, забіваў пачуццё чалавечай годнасці, веў да маральных дэфармацый нацыянальнага характару. Галоўны герой твора – панскі кухар, выдатны майстар і знаўца сваёй справы – прыбіты, раздушаны страхам. Добры і спагадлівы па натуре, ён дранцвее ад страху быць пакараным панам. З чалавека ён увачавідкі ператвараецца ў пануру, прыгнечаную істоту і вучыць свайго памочніка, хлопчыка-падлетка жыць і баяцца, быць пакорным перад панам, а калі трэба ратавацца, то спрабаваць «выкручвацца», ілгаць. Стары кухар дае хлапчуку ўрок рабскай пакорлівасці перад панствам. І ў гэтай бясконцай пакоры і маладушнасці пісьменнік таксама бачыў прычыну прыслужніцкай псіхалогіі, доўгацярплінасці беларусаў.

Глыбокі драматызм гісторыі беларусаў М. Гарэцкі звязваў, найперш, з рэнегатам мясцовага панства, «беларускай косткі, абросшай польскім ці расейскім мясам»

[1, с. 179], бо ў мінулыя часы «ўсе кніжныя людзі пайшлі на чужыну, падзяліліся на варажыя станы «ляхаў» і «маскалёў» [3, с. 149].

У спадчыне М. Гарэцкага адначасова і гэтаксама выразна, як і ў Янкі Купалы, гучыць тэма «няпрошанага суседства» з боку Расіі і Польшчы, суседства, якое на стагоддзі стала «заломам» на беларускім шляху. «Жалосна-прыкрыя ўхмылкі няпрошаных жаласнікаў», «прыкра-сцюдзёныя погляды чужынцаў», «прыгавор няпрошаных пракурораў» усыпалі цернямі дарогу беларусаў да сябе, да ўсведамлення сваёй гістарычнай самакаштоўнасці. Гэта меркаванне надзвычай доказна і пераканаўча ўвасоблена ў артыкуле «Развагі і думкі» і многіх іншых мастацкіх і публіцыстычных творах.

З глыбіні стагоддзяў на прыкладзе лёсу сваіх продкаў, цэлых пакаленняў беларусаў прасачыў М. Гарэцкі мастацка-дакументальную гісторыю свайго народа і свайго сялянскага роду-калена ў «Камароўскай хроніцы», якую праніклівы Алесь Адамовіч трапіна назваў «апошнім паклонам вёсцы, з якой выйшаў сам пісьменнік, і ўсяго, што яму блізка, дорага» [5, с. 318]. Гісторыка-храналагічны план гэтага ўнікальнага твора пачынаецца ад канца XVIII ст., далучэння беларускага краю да Расіі, і заканчваецца 1936 г. Лёсы герояў хронікі прасочваюцца ў кантэксце важных гістарычных падзей: вайны з французамі 1812 г., польскага паўстання 1831 г., скасавання уніі 1839 г. і г.д.

Сур'ёзнай спробай філасофска-мастацкага асэнсавання чалавека і вайны, салдата-беларуса на Першай сусветнай вайне з'яўляюцца дакументальна-мастацкія запіскі «На імперыялістычнай вайне». Праз салдацкі лёс «вольнапісанага» Лявона Задумы, аўтабіяграфічнага героя, асуджаецца «молах вайны», яе бессэнсоўная і бязлітасная стыхія, што прынесла беларускай зямлі толькі вялікае руйнаванне, забрала мноства беларускіх жыццяў, нявечыла чалавека маральна і псіхічна.

Аўтарская канцэпцыя чалавека і гісторыі, у прыватнасці, этапы фарміравання нацыянальнай і грамадзянскай свядомасці беларусаў, уплыву гістарычных стасункаў на народнае самапазнанне прасочваюцца і ў рамане «Віленскія камунары». У гэтым творы па-мастакоўску таленавіта і пераканаўча М. Гарэцкі паказаў, як звычайны працоўны чалавек з пасіўнага сузіральніка гісторыі ператвараецца ў яе свядомага ўдзельніка. На прыкладзе некалькіх пакаленняў роду Мышкаў засведчаны пошукі гістарычнай праўды і справядлівасці – пошукі і велічныя і трагічныя адначасова.

Роздум пра Беларусь-радзіму, яе мінулае і будучыню, як бачым, пранізвае ўсю літаратурную спадчыну класіка-адрэджэнца. Надзвычай паслядоўна і таленавіта гісторыка-патрыятычная праблематыка ў творчасці М. Гарэцкага выявілася ў драматычны час рэвалюцый 1917 г. і наступных гадоў, калі ў беларускага народа ўзнікла перспектыва дзяржаўнага самацвярджэння. Аб гэтым сведчаць два знакавыя творы пісьменніка – аповесці «Ціхая плынь» і «Дзве душы».

Аповесць «Ціхая плынь» пісалася М. Гарэцкім на працягу 1917–1918 гадоў. Якраз тады перад беларускім народам паўсталі праблемы гістарычнага выбару, нацыянальнага і дзяржаўнага самавызначэння. Мастацкімі сродкамі ў гэтым творы пісьменнік сцвярджае: ніхто, ніякая знешняя сіла не зацікаўлены бараніць Беларусь і беларусаў; настаў час насельнікам «забытага краю» прагнуцца ад «сумных сненняў». «Ціхая плынь», як і ўся спадчына М. Гарэцкага, вызначаецца глыбокім мастацка-філасофскім роздумам аб мінулым і будучым беларускага народа. Ідэал новай, маладой Беларусі, абуджанай і адроджанай дзеля таго, каб «народ наш жыў па-беларуску, радзіў сваіх інтэлігентаў, бліжэй кажучы – шчырых маладабеларусаў, а не палякаў з «Забранай Літвы» і не русакоў «с Западнага краю» [1, с. 189], выразна прасочваецца ў гэтым дасканалым творы.

Драматызм лёсу Беларусі і беларускага народа прыносіў боль і пакуты М. Гарэцкаму, але спадзяванне, што народ здабудзе годную будучыню, ніколі не пакідала яго.

Гэта было важнай ідэяй-марай пісьменніка. Сваю мастакоўскую мэту ён бачыў у тым, каб «паказаць беларусу, у якой пушчы ён блудзіць і дзе ляжыць яму дарога на поле, шырока-далёкае, роднае поле вольнага жыцця» [1, с. 172]. Ідэйная, канцэптуальная сутнасць гэтай аповесці мае выразны адраджэнца-асветніцкі характар. Лёс Бацькаўшчыны ў творы асэнсоўваецца на прыкладзе мястэчка Лугвенева і вёскі Асмолава. Бездапаможнасць і стомленасць у змаганні з жыццёвым «амбарасам» спарадзілі абыякавасць і апатыю да варункаў гнятлівага і пакутнага жыцця ў душах людзей, няздольных супраціўляцца звыклай ужо «ціхай плыні» сумнага існавання. Асмолаўцы, зазначае аўтар, «нялюдзеюць і хаваюцца самі ў сабе. Ат, ліха з ім, са светам, тлумным і незразумелым» [2, с. 128]. Даследуючы мастацкімі сродкамі гісторыю «нелюдзення» сваіх герояў, М. Гарэцкі звяртаецца да тыпова рамантычна-адраджэнскай традыцыі: распавядае пра слаўную даўніну гэтага, некалі слыннага, а зараз «забытага краю». Раней у гэтых ваколіцах пралягаў вядомы шлях з Вялікага княства Літоўскага ў Масковію, але зараз тут жыццё заглохла. Запусценне краю аўтар перадае трапнымі апісаннямі: нават стары Днепр абмялеў, «забыўшы сваю былую магутнасць; усыхае, выбіўшыся з духу, яго прыток рэчка Плёска» [2, с. 125].

Тэма вялікага шляху продкаў дамінуе ў першым раздзеле «Забыты край». Пра знакамітае мінулае гэтага краю засталіся толькі памяткі: мноства гарадзішчаў, загадкавыя курганы і могілкі, заімшэлыя каменныя крыжы са сцёртымі ад даўніны нейкімі надпісамі. Старыя граматы мінулых часоў кажуць пра веліч князёў Лугвеневаў, якія даўней тут былі гаспадарамі, пра разрабаваную княскую бібліятэку.

Распавядаючы пра выдатны розум і вайсковы спрыт князёў Лугвеневаў, М. Гарэцкі даводзіць, што раней слынныя і вартыя людзі былі сынамі і гаспадарамі гэтай зямлі, пра іх добрая справы пісалі свае і чужыя хронікі. Неаднойчы ў творы М. Гарэцкі падкрэслівае: там, дзе некалі шумела вольная рада магутных і ганарлівых продкаў «нашай белай косці», там, дзе звонеў звон рады і бразгала «гострае шабелле», зараз запусценне. Дэталёва, з выразным сумам аўтара-апавядальніка, прысутнасць якога ў аповесці «Ціхая плынь» прасочваецца выразна як свядомая творчая стратэгія, апісваецца, як паступова ўсё разбураецца, трухлее, гіне. Знакамітае ў мінулым мястэчка забыта шумным светам і «ціха спіць». Мастацкімі сродкамі М. Гарэцкі даводзіць прычыны вымірання краю. Адна з галоўных (і гэта выразна прачытваецца ў падтэксце) заключаецца ў тым, што не засталася тут сапраўдных гаспадароў, якія б з гонарам апекаваліся родным краем і сваім народам. Як заўважае аўтар, род слаўнага князя Лугвеня даўно вырадзіўся ў «недалужненькіх патомкаў» – дурнаватых князёў Кандыб-Лугвенічаў. Нашчадкі вялікага Лугвеня сталі рэнегатамі, пакінулі свой край, падаліся жыць у чужыя краіны, распрадаўшы ўладанні і землі намеснікам-чужынцам. Мастак падкрэслівае драматызм гэтай пакінутасці: хто толькі тут не гаспадарыў: нямецкія агенты-купцы, аграном-латыш, эстонец... Гэтыя «гаспадары» дбалі толькі пра ўласныя выгоды, аб тым, як танней для іх кішэні абабраць гэты край, абдзерці цягавіта-рахманых тутэйшых насельнікаў. А людзі мясцовыя не спяшаліся і не збіраліся станавіцца гаспадарамі сваёй зямлі. Знявераныя жыццём, яны застылі ў нейкім здранцвенні, чакалі цуду, верылі ў прароцтвы, у прыход людзей-збавіцеляў. Але тыя недзе бавіліся вякамі і не прыходзілі.

Ужываючы былінна-сказавую стылістыку аповеду ў раздзеле «Забыты край», аўтар уздымае вострую для таго часу праблему выхавання, фарміравання нацыянальна свядомай грамадскай эліты, блізкай да жыцця народа інтэлігенцыі, сыноў-будзіцеляў і збавіцеляў. Гэта было надзвычай актуальным у той час, калі пісаўся твор. Звыклае, бязрадаснае жыццё мясцовага люду аўтар удала параўноўвае з «ціхай зеленню» дрэўца, якому «злыбедная машкара» ўжо выела сэрца. Сумныя песні «пакоры лёсу», распачы і безвыходнасці нараджаюцца ў забытым краі, ад якога адцураліся сыны.

Паказваючы гістарычны драматызм жыцця беларускага краю і яго народа, М. Гарэцкі часта свядома і палемічна згучшае змрочныя фарбы, па-мастацку асацыятыўна даводзячы: калі народ не абудзіцца, ён асуджаны, як тое дрэўца з выедзеным сэрцам, на маруднае выміранне. У падтэксце гучыць аўтарскае перакананне, што людзям трэба самім рабіцца гаспадарамі лёсу і краю. Пафасам такога патрыятычнага суперажывання і пабуджэння вызначаецца аўтарская канцэпцыя аповесці «Ціхая плынь».

Пісьменнік пераканаўча паказаў, што на выміранне і «нелюдзенне» краю накіравана і русіфікатарская палітыка дэнацыяналізацыі беларусаў. Асабліва выразна гэта думка гучыць у другім раздзеле аповесці, які мае назву «Горкая прамудрасць». Асэнсаванне гэтай тэмы звязана з вобразам і лёсам галоўнага героя аповесці Хомкі Шпака, які ўвасабляе тыповы лёс сыноў беларускага краю ў пачатку ХХ ст. Русіфікаваная школа, як тая машкара, раз'ядае і знішчае натуральную, здаровую ад прыроды беларускую душу дзяцей і падлеткаў. Аўтар паказвае, як настаўнік у Асмолаўскай школе, куды бацька прывёў за навукай Хомку, паслядоўна і бязлітасна адвучаў дзяцей беларусаў ад роднай мовы, злосна высмейваў і караў вучняў за ўжыванне роднай гаворкі. Калаціліся дзіцячыя калені, баязліва і трывожна трапяталіся маленькія сэрцайкі, нямелі дзеткі беларусаў у вялікім страсе вымавіць нешта «не па-панску». Нямелі і дрыжэлі ў пакоры перад расійскім ці зрусіфікаваным чыноўнікам цэлыя пакаленні беларусаў.

Настаўнікам, героем аповесці «Ціхая плынь», які з гневам, бязлітасна адвучаў дзяцей ад роднай мовы, быў «абмаскалены» ў царскім войску асмолавец, былы унтэр-афіцэр. Ён непрыязна, з пагардай ставіўся да вясковых дзяцей, асабліва да тых, каму цяжка давалася «панская» мова. З горкай іроніяй і крыўдай за сумны лёс свайго народа М. Гарэцкі піша, што большасць асмолаўцаў былі за тое, каб настаўнік выбіваў з іх дзяцей «простую мову і ўсё дурное», бо інакш у тагачасным «Северо-Западном крае», якім і былі беларускія землі і людзі ў Расійскай імперыі, нельга было дзецям беларусаў выйсці ў людзі. Толькі Хомкаў дзядзька Тамаш, які на вясковых сходах звычайна маўчаў, але меў сваю асобную і дасціпную думку, «першы здагадаўся сказаць – ці то пра настаўніка, ці то пра яго навуку: «Ат, не дай бог свінні рогі, а хамуйле панства» [2, с. 143]. Пасля дзядзькі гэта разумець і гаварыць пачалі іншыя. Так аўтар твора праз герояў, прадстаўнікоў беларускай вёскі, паказвае паступовае ўсведамленне простымі людзьмі прычын свайго нацыянальнага і сацыяльнага паніжэння. Вельмі марудна, але ўсё ж прачынаецца ў душы беларуса пачуццё нацыянальнай самапавагі і чалавечай годнасці.

Галоўнага героя Хомку настаўнік прагнаў са школы як самага няздольнага вучня, які, па меркаванні былога унтэр-афіцэра, з'яўляецца «самым мужыцкім парасткам з самага дурнога мужыцкага карэння» [2, с. 143]. З вялікім шкадаваннем у сэрцы хлопчык пакідае школу і развітваецца з кніжкамі, свет якіх спазнаць яму не ўдалося. У хлапечай свядомасці ўспыхнуў пратэст-выклік: ён дражніць нялюбага настаўніка і злосна ломіць бірку, з дапамогай якой настаўнік здзекліва адвучваў дзяцей беларусаў ад іх роднай мовы. Праз вобраз і лёс гэтага героя пісьменнік расказваў пра бяспраўе дзяцей беларусаў, падкрэсліваючы, што русіфікаваная сістэма адукацыі была перашкодай для развіцця іх здольнасцей. Распавядаючы аб трагічным лёсе галоўнага героя, аўтар неаднойчы зазначае, што жыцця ў Хомкі як і не было, былі толькі светлыя «сненні» і спадзяванні на лепшае. Кароткі і бязрадасны век яшчэ хлапчука беларуса Хомкі быў абарваны ў першым жа баі, на імперыялістычнай вайне, куды хлопца, па памылцы царкоўнага старасты, узялі на два гады раней. Як бачым, М. Гарэцкі ў 1917–1918 гг. сваёй творчасцю даводзіў, што ўлады і свет абыякавыя да лёсу беларуса. Тысячы беларускіх хомкаў, гвалтам адарваныя ад родных хат, гінулі ў той час на чужых землях і чужых войнах з балючым і дакорлівым пытаннем: «За што?».

Лёс галоўнага героя аповесці абагульнены і тыповы, як тыповымі былі сумныя жыццёвыя дарогі тысяч вясковых хлопцаў, вымушаных пакідаць родны край у пошуках заробку, з'язджаць «у свет» – у далёкія шахты, на фабрыкі. Дзяўчаты таксама кідалі свае вёскі, падаваліся ў мястэчкі і гарады, каб няняцца ваданоскамі ці нянькамі ў зможных сем'ях. «Але, мусіць, дрэнна няньчаць, бо не пяюць іх гадунцы аб долі-нядолі тутэйшага краю, змалку думаюць яны аб іншых, чыстых і багатых старонках, а тутэйшая паэзія для іх – мужыцкая, цаны не мае...» [2, с. 128]. За гэтымі і многімі іншымі іранічна-горкімі інтанацыямі адчуваецца аўтарскі боль за родны край, за будучыню беларускіх хлопцаў і дзяўчат, прачытваецца пазіцыя практычнага асветніцтва М. Гарэцкага. Письменнік мастацкімі сродкамі даводзіў, што гэты край і народ сацыяльна і духоўна абкрадзены, па волі неспагадлівых чужынцаў-гаспадароў пазбаўлены адукацыі і культуры. Як адзін са шляхоў пераадолення такога становішча М. Гарэцкаму ўяўлялася самаадукацыя, нацыянальнае прасвятленне, духоўнае самаўсведамленне, абуджэнне чалавечай і нацыянальнай годнасці.

Выразна гуманістычная, адраджэнцка-асветніцкая канцэптэуальнасць аповесці «Ціхая плынь» рэалізуецца на ўзроўні аўтарскага светаадчування і ўвасабляецца ў многіх лірыка-іранічных ці філасофска-роздумных пазасюжэтных развагах аўтара-апавядальніка. Вось, напрыклад: «Жыццё, жыццё! Мы ўсе прыходзім на свет хто песняром, хто разьбярор, а хто і тым і сім патроху. Мы ўсе гады прачнавання нашага розуму – рэфарматары нягоднага старога, будаўнікі лепшай сацыяльнасці, славуць настаянікі ці добрыя разбойнікі... Але часта-часта жыццё нічагусенькі не пакідае нам і робіць жаласнымі старцамі без пары. ...Надышлі гады жыццёвага амбарасу і бясконцага дурнога клопату – і знішчылі творчую радасць, растапталі дыямент у пабітым шкле, з паэта зрабілі быдліну» [2, с. 132].

Бацькаўшчына, Радзіма ў творах М. Гарэцкага звычайна звязана з беларускай вёскай, якая, на думку аўтара, з'яўляецца асноўнай матэрыяльнай і духоўнай сферай беларуса. «Будучыня адраджэння беларусаў залежыць ад селяніна», – сцвярджаў яшчэ ў 1914 г. аўтар «Ціхай плыні». Са шчырымі любоўю і болям паэтызуецца і ў гэтым творы плён працы сялянскіх рук, вясковае жыццё, дзе побач ужываюцца характава і жабрацтва. Вёска – гэта кантраснае суіснаванне мудрай народнай маралі і бытавога ўбоства яе жыхароў. «Правалілася на пуні стрэшка і ніхто яе не падыме і не паправіць, як бы няма каму парупіцца аб тым. Мо ў шынку загуляўся гаспадар? А можа б'ецца як тая рыбіна аб лёд, здабываючы штодзённы кавалак хлеба, але няма яму ўдачы!...» [2, с. 133].

Натуралістычна-падрабязнае апісанне вёскі і ўмоў жыцця беларускага селяніна, выяўленчая экспрэсіўнасць эпітэтаў, метафар, параўнанняў і іншых выяўленчых сродкаў перадаюць аўтарскія суперажыванні і боль за лёс звычайнага чалавека, набліжаюць у мастацка-стылёвых адносінах аповесць М. Гарэцкага «Ціхая плынь» да народніцкай літаратуры. Гэта пацвярджаецца і пазіцыяй героя-апавядальніка, сталага, удумлівага чалавека, хоць самому аўтару было на той час дваццаць пяць год. «Дзед Кузьма» – такім псеўданімам быў падпісаны твор у першай рэдакцыі.

За мастацкімі вобразамі і лірыка-філасофскімі абагульненнямі аповесці «Ціхая плынь» выразна прачытваецца думка М. Гарэцкага аб абавязку народнай інтэлігенцыі сплаціць доўг беларускай вёсцы, Бацькаўшчыне. Неабходнасць гэтага глыбока ўсведамлялася пісьменнікамі-адраджэнцамі пачатку ХХ ст.: Цёткай, Янкам Купалам, Максімам Багдановічам, Якубам Коласам, Змітраком Бядулем і іншымі. Гэта праблема надзвычай паслядоўна вырашаецца ва ўсёй творчасці М. Гарэцкага, патрыёта і гуманіста. Ідэям вольнасці Беларусі, нацыянальнай самапавагі і чалавечай годнасці кожнага беларуса ахвяраваны жыццё і творчасць пісьменніка.

Далейшы пакутлівы і драматычны лёс Бацькаўшчыны і яе сыноў М. Гарэцкі прасачыў у наступным, 1919 г., прароча паказаўшы крываваю, антынародную сутнасць бальшавізму ў аповесці «Дзве душы».

Час напісання аповесці «Дзве душы» – 1918–1919 гг. Гэта драматычна складаны і супярэчлівы час, калі вырашаўся лёс Беларусі. Асноўным сюжэтам твора з’яўляецца гісторыя Ігната Абдзіраловіча, галоўнага героя аповесці. Гэта яго аўтар надзяліў «дзвюма душами». Герой М. Гарэцкага жыве ў першыя гады савецкай улады, у імкліваю эпоху, якая не дае часу для роздуму: варта ці не прымкнуць да бальшавікоў, што яны зробіць добрага для краіны і для беларусаў, ці дапамогуць яны беларускаму народу рэалізаваць сваё адвечнае права «людзьмі звацца»... Тая эпоха патрабавала ад чалавека прымаць не толькі хуткае, але і правільнае рашэнне. Менавіта таму герой твора пакутліва раздумвае над сваім лёсам, над будучыняй і лёсам Бацькаўшчыны-Беларусі. Удумлівы чалавек, Абдзіраловіч разумее, што ў такі бурны і пераломны час можна, нарэшце, дабіцца лепшай долі для гаротнай Беларусі. Але сам ён на працягу ўсяго твора застаецца палітычна і сацыяльна пасіўным. На заўвагу, што ён «з пэўнасцю спачувае бальшавікам», Абдзіраловіч адказвае: «Не. Мне не ймецца веры ў магчымасць існавання самастойнай улады радоў нашага пралетарыяту і, наогул, камуністычнага ладу жыцця. Гэта пакуль утопія» [1, с. 20].

Герой, як можа здаецца, занадта доўга не можа вызначыцца ў сваіх грамадскіх ідэалах, і ў гэтай акалічнасці, несумненна, заключаецца важная аўтарская пазіцыя – асабістая стрыманасць М. Гарэцкага ў адносінах да новай, бальшавіцкай улады. І менавіта таму, што герой на раздарожжы, бачыцца ўдумлівае, аб’ектыўнае і праўдзівае адлюстраванне рэчаіснасці пісьменнікам. У час сваіх інтэнсіўных грамадска-духоўных пошукаў Абдзіраловіч сутыкаецца з бальшавіком Карпавічам, які належыць да той вялікай часткі беларусаў, што па розных прычынах некалі пакінулі родныя беларускія мясціны. З асяроддзя былых беларусаў у бурлівыя рэвалюцыйныя гады да бальшавікоў падаліся многія. Прыстасаванне да зменлівых і выгодных палітычных сітуацый было спосабам існавання для людзей такога тыпу. Аўтар даволі падрабязна паказвае, як у розных сітуацыях падладжваўся да жыцця і ўлад Карпавіч, кім ён толькі не быў: быў і настаўнікам, і манахам, злодзеям, сапраўдным крымінальнікам, а затым прыладзіўся і да бальшавікоў. Хоць ён і не меў асаблівай прыхільнасці да бальшавізму, не меў уласных меркаванняў аб новай уладзе, ды хутка адчуў і зразумеў: каб не прапасці ў віры незразумелых крутых рэвалюцыйных падзей, трэба стаць бальшавіком. Тут, у бальшавіцкім асяроддзі, дзе патрэбна толькі хваліць і падтрымліваць адных і ляць, знішчаць другіх, ён будзе катацца як сыр у масле. Такія, як Карпавіч, людзі, піша аўтар пра гэтага героя, «нейкім дзівам сумяшчаюць у душы сваёй найлепшы, здаецца, гуманізм і найгоршае, акажацца, чалавеканялюбства, ...марксізм і хірамантыю і з аднолькавай шчырасцю веруюць у тое, і ў другое» [1, с. 46]. Можна меркаваць, што калі б да ўлады прыйшлі не бальшавікі, а іншая партыя, то і там Карпавіч мог бы заняць патрэбнае яму месца. Аўтар выразна перадае прыстасаванскае аблічча гэтага героя праз прыёмы яго самахарактарыстыкі, у прыватнасці, праз унутраныя маналогі: «Нікому не прызнаюся, але чую, што абы ў якой партыі мог бы знаходзіцца з поўнай шчырасцю» [1, с. 47]. Яго прываблівае дэвіз бальшавікоў – «Сячы да карэння!».

Уласныя адносіны да новай улады М. Гарэцкі перадае не толькі праз характэрныя вобразы бальшавікоў у гэтай аповесці, але праз вельмі стрыманыя адносіны да новага жыцця галоўнага героя Абдзіраловіча. Праз гэтага героя аўтар параўноўвае бальшавіцкую ўладу з «новай пішучай машынкай, ...калі хто не ведае ніводнага знаёмага вінціка ў ёй, то бескарысна будзе стаяць у розных чародах» [1, с. 78]. Відавочна, так аў-

тар падкрэслівае, што чалавек становіцца вінцікам дзяржаўнай сістэмы. І Абдзіраловіч заўважае: «усюды адна фальш» [1, с. 104].

Вельмі выразна характарызуецца бальшавіцкі парадак праз душэўныя пакуты малочнага брата Абдзіраловіча – Васіля. Ён далучыўся да бальшавікоў, паверыў іх абяцанням зрабіць лепшым жыццё працоўнага народа. Пануры і змрочны, у глыбокім роздуме ён вяртаецца з вёскі, дзе павінен быў рэквізаваць у сялян збожжа. На пытанне Абдзіраловіча, як сяляне ўспрымаюць гэта, са змрочным гумарам Васіль адказвае: «Як прымаюць? Вот так сабе, як і гдзе: дзе каламі, дзе чым» [1, с. 81]. Выконваючы заданне партыі па харчразвёрстцы, Васіль убачыў канаючую ад нястачыі голаду сялянскую вёску.

Так праз успрыманне і гэтага героя аўтар перадае драматызм сітуацыі: усе маладыя паварочаліся з гораду «гультаямі, бандытамі, і пад штандарам бальшавізму здзекуюцца над усімі сялянамі» [1, с. 87]. Як бачна, праз ацэначнае ўспрыманне вясковага жыцця Васілём М. Гарэцкі зноў, як і ў папярэдняй аповесці «Ціхая плынь», закранае вострае пытанне лёсу вясковай моладзі. Паехаўшы ў горад з гаротнай вёскі і сутыкнуўшыся з бальшавізмам, некаторыя былыя сыны вёскі дэградавалі, прымкнуўшы да бальшавікоў. Гэтыя назіранні герояў твора, Абдзіраловіча і Васіля, адлюстроўваюць перажыванні самога М. Гарэцкага аб драматызме лёсу беларусаў, аб непрадказальнай будучыні краіны.

Вобразы змагароў за беларусчыну: Ірыны Сакавічанкі, Міколы Канцавога і Міколы Сухавея – пазначаны ледзь прыкметнай аўтарскай сімпатыяй. Аднак, думаецца, пісьменнік у гэтым дыскусійным творы даў права голасу найперш тыповым прадстаўнікам розных ідэалагічных і грамадска-сацыяльных груп. Не дэманструючы свае сімпатыі і меркаванні, ён прадстаўляе магчымасць кожнаму з чытачоў скласці сваё ўражанне пра драматычную эпоху і яе герояў. Тым не менш, праз вобразы інтэлігентаў, якія марылі аб сапраўдным адраджэнні Беларусі і не ішлі на кампраміс з новай уладай, М. Гарэцкі выказаў і свае погляды на супярэчлівую сучаснасць і вельмі няпэўную для адраджэння будучыню. Героі-адраджэнцы ўсё ж надзелены аўтарскай спагадай, хоць галоўны герой, Абдзіраловіч, неадназначна ставіцца нават да Ірыны Сакавічанкі, якую раней кахаў, і да яе паплечнікаў па адраджэнцкай дзейнасці Сухавея і Канцавога. Гэтыя людзі Абдзіраловіча і прыцягваюць, і адштурхоўваюць. Абдзіраловіч упэўнены, што неабходна адраджаць Беларусь, ён страшэнна абураны заявай князя Гальшанскага аб адсутнасці на Беларусі класавай барацьбы. Але, разам з тым, яго бянтэжыць і адштурхоўвае «заядласць знаёмых яму адраджэнцаў у выяўленні нацыянальнага пачуцця» [1, с. 67].

Адраджэнне павінна было ахапіць не толькі беларускае сялянства, што заўсёды было і застаецца вельмі складанай задачай, але і іншыя сацыяльныя слаі. Несумненна, што М. Гарэцкі выказвае сваю пазіцыю і праз Міколу Канцавога, для якога самым важным было тое, што на Беларусі, апроча бальшавікоў-прышэльцаў, у бальшавізме апынуліся і найгоршыя беларускія людзі, рэнегаты і праціўнікі ўсякага адраджэння. І гэтыя людзі, што пагарджалі роднай беларускай мовай і ўсім нацыянальна беларускім, пачалі кіраваць беларускім сялянствам, усім беларускім народам.

Праз наскрозь супярэчлівыя, драматычныя абліччы сваіх герояў-адраджэнцаў у гэтым творы аўтар ставіць пытанне: што замінае беларускаму адраджэнню, чаму яно не стала асноўнай ідэяй, якая б з'яднала нацыю? І дае адказ на гэтыя пытанні праз сваіх герояў: «сялянину бліжэй і знаямей пытанне аб міру і зямлі, чымся аб беларускім адраджэнню» [1, с. 33]. І бальшавікі скарысталіся гэтым, атрымаўшы падтрымку і перавагу ў сялян, якія вякамі марылі быць гаспадарамі на сваім кавалку зямлі. А потым справа адраджэння паступова ператварылася ў рэальную небяспеку, бо працу інтэлігенцыі па нацыянальным усведамленні народа бальшавікі абвясцілі «контррэвалюцыйнай агітацыяй і шкоднай для бальшавіцкай улады прапагандай» [1, с. 80]. А ўслед за гэтым іш-

ло «справядлівае» бальшавіцкае пакаранне «ворагу народа», якое, на жаль, не абмінула і аўтара аповесці.

Тым не менш М. Гарэцкі паказаў, што былі ў Беларусі героі, якія ў віхурных рэвалюцыйных падзеях рабілі настойлівыя крокі да нацыянальнага самавызначэння. Праблема быць ці не быць беларусам паўстае і перад былым прапаршчыкам царскага войска Абдзіраловічам. Ён раней асабліва не задумваўся над тым, якой ён нацыянальнасці і што значыць быць беларусам. Але раптам у яго свядомасці адбываецца пераварот, з'явілася, як піша аўтар, нейкая няпэўнасць у самім сабе, незразумеласць, як быць далей, што рабіць, каб не ператварыцца ў звычайную трэску на хвалях бурлівай рэвалюцыйнай ракі. Чым больш разважае Абдзіраловіч сам-насам, тым больш да яго прыходзіць усведамленне, што неабходна нешта рабіць, каб выбрацца з тупіка няпэўнасці, безвыходнасці, нацыянальнай непрыкаянасці. Ён пакутуе ад думкі, што жыццё не так пражыта, многае страчана незваротна, і каб вярнуць хоць часцінку страчанага, трэба пераходзіць да дзеяння. Герой не ведае, што і як рабіць.

Чаго ж плача і двацца душа інтэлігента Абдзіраловіча? Найперш, відаць, таму, што ад яго адварнулася прыгожая паненка Аля Макасева. І таму, што прыгадалася яму юнацкае каханне – дачка ляснічага Іра Сакавічанка, а яна сеяла беларускую свядомасць сярод сялян і сялянскай інтэлігенцыі. Але «дваістасць» душы галоўнага героя нельга растлумачыць толькі меладраматычнымі калізіямі яго кахання. У большай ступені душэўныя пакуты героя абумоўлены яго ўласнай бяздзейнасцю і няпэўнасцю грамадскіх ідэалаў, бо ён доўга заставаўся пасіўным сузіральнікам у чаканні новага. Інтэлігенты тыпу Абдзіраловіча часам не заўважалі, што яны самі страчвалі нацыянальную глебу пад нагамі. Былі сярод іх і тыя, што гатовы былі прыкнунць да любога месца, толькі б лепш і спакойней ім жылося. І невыпадкава Ігнат ловіць сябе на думцы, што хоць гора ча любіў сваю бацькаўшчыну, але з нейкім недаверам думаў аб руху нацыянальнага адраджэння.

Абдзіраловіч – дзіця свайго часу, вельмі складанага і супярэчлівага. Эпоха перад кожным чалавекам ставіць праблему выбару. Няправільна зрабіўшы выбар, чалавек валіцца ў бездань. Відавочна, што Абдзіраловіч бачыць перад сабой праблему нацыянальнага выбару, у ім жыве пачуццё нацыянальнай годнасці. Ён пратэстуе супраць адмаўлення беларускаму народу ў святым праве народа звацца. Менавіта пра гэта сведчыць вельмі важны для характарыстыкі духоўнага аблічча Абдзіраловіча эпізод мітыngu ў Пяцігорску, калі ён уступае ў спрэчку з князем Гальшанскім. Імкнучыся да справядлівасці, ён не можа крывіць душой і заступаецца за шматпакутны беларускі народ, які вякамі гвалтавалі і прыгняталі чужынцы. Аднак ад свядомай нацыянальнай беларускай палітыкі і ідэалогіі ён яшчэ далёкі, бо не вырашыў, куды і з кім яму ісці.

М. Гарэцкі, як мала хто з яго сучаснікаў, меў грамадзянскую і пісьменніцкую мужнасць сказаць небяспечную на той час праўду аб рэвалюцыі і сутнасці бальшавізму. Гэта датычыцца вобразаў Гарэшкі і Гаршчка – бальшавікоў-прыстасаванцаў, людзей, далёкіх ад грамадскіх інтарэсаў і тым больш інтарэсаў беларускага адраджэння. Несумненна, што менавіта каларытныя вобразы бальшавікоў у гэтым творы сталі сапраўднай прычынай замоўчвання аповесці «Дзве душы» на працягу многіх савецкіх дзесяцігоддзяў.

Аўтар паказвае, як паступова Абдзіраловіч пачынае разумець трагічныя супярэчнасці рэвалюцыі, ён набліжаецца да ўсведамлення важнасці і складанасці нацыянал-патрыятычнага пытання для тагачаснай Беларусі. І гэта адбываецца праз разуменне псеўдабальшавізму Карпавіча, праз размовы з Васілём, які, як і многія іншыя, лічыў, што найперш трэба вырашаць сацыяльныя пытанні, а нацыянальнае вырашыцца само сабой.

Задумацца па-сапраўднаму над лёсам бацькаўшчыны Абдзіраловічу дапамагаюць менавіта інтэлігенты-адраджэнцы Канцавы, Сакавічанка і Сухавей. У самым пачатку

ку твора герой не задумваўся аб сваіх нацыянальных карэннях і вытоках. Але паблускаўшы па франтах, шпіталях, перажыўшы душэўныя сумненні і пакуты і яшчэ далёка не ўсё зразумеўшы, ён усё ж прызнаецца: «Я, бачыце, як беларус, патроху знаходжу сябе ў беларускай нацыянальнай і сацыяльнай свядомасці».

Надзелены прарочым, перспектыўна-гістарычным бачаннем сацыяльна-грамадскіх падзей, М. Гарэцкі намагаўся знайсці стваральны, гуманістычны сэнс бальшавіцкіх ідэй і навацый на Беларусі і, знаходзячы, шчыра прапагандаваў іх. Пра гэта сведчыць яго публіцыстыка «смаленскага» перыяду, артыкулы «Будем жить», «Няхай жыве камуністычная Беларусь!», «Прывітальнае слова XI з'езду Камуністычнай партыі Беларусі» і некаторыя іншыя. Аднак аўтар «Дзвюх душ» не прымаў ваяўнічай бальшавіцкай сацыяльна-класавай помсты. Святое для яго пачуццё нацыянальнага гонару і самапавагі здэкліва глумілася новай ідэалогіяй. І як вынік – лагічны канфлікт творцы-прарока з таталітарным часам, які з канца 1920-х гг. пачаў адлічваць гадзіннік нашай гісторыі.

Аповесць «Дзве душы» і сёння прываблівае ўвагу многіх даследчыкаў літаратуры, што і зразумела, бо нанава пераасэнсаваць твор, перачытаць яго – значыць, яшчэ глыбей спасцігнуць сутнасць творчай задумы аўтара, яго ідэйна-выяўленчых задач. А гэты твор, па-філасофску заглыблены, ідэалагічна-дыскусійны, шматгранны, выклікае жывую цікавасць і сёння, хоць быў напісаны амаль стагоддзе таму. Аповесць «Дзве душы» застаецца актуальнай і таму, што кожны з сучаснікаў, жывучы ўжо ў XXI ст., павінен разам з героямі твора адказаць на пытанне: «Што вы робіце для Бацькаўшчыны, для маткі-Беларусі?» [2, с. 33]. Гэтае пытанне М. Гарэцкі адрасуе ўсім беларусам.

Перавага нацыянальнага як часткі агульналюдскага над класава-сацыяльным, трагізм нацыянальнай гісторыі і мастацтва беларусаў знайшлі глыбокае філасофскае асэнсаванне і ў многіх іншых творах мастака слова. Але асабісты лёс пісьменніка-грамадзяніна і мысляра М. Гарэцкага, на жаль, супадаў з крыжовым пакутным шляхам усёй навуковай, патрыятычнай інтэлігенцыі, з цяжкімі дарогамі беларусаў па гістарычных завулках у пошуку сваёй дарогі да чалавечай супольнасці і нацыянальнай самакаштоўнасці. Сваёй творчасцю і навукова-асветніцкай дзейнасцю М. Гарэцкі набліжаў той час, калі беларускі народ стане гаспадаром уласнага лёсу і ўласнай гісторыі. Рэальную магчымасць ажыццявіць спрадвечную мару, аднавіць страчаную дзяржаўнасць беларусы займелі ў першыя два дзесяцігоддзі XX ст.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Гарэцкі, М. Творы / М. Гарэцкі. – Мінск : Маст. літ., 1990. – 629 с.
2. Гарэцкі, М. Збор твораў : у 4 т. / М. Гарэцкі. – Мінск : Маст. літ., 1984–1986. – Т. 1. – 1985. – 415 с.
3. Гарэцкі, М. Гісторыя беларускае літаратуры / М. Гарэцкі. – Мінск : Маст. літ., 1992. – 479 с.
4. Адамовіч, А. Камароўская хроніка – творчая гісторыя, жанр / А. Адамовіч // Гарэцкі, М. Зб. твораў : у 4 т. / М. Гарэцкі. – Мінск : Маст. літ., 1984–1986. – Т. 4. – 1986. – 383 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 17.10.2016

Melnikava Z.P. The Search of the Future: Belarusian History in the Artistic and Philosophical Interpretation of Maxim Haretski

The article highlights the works of the classic of national prose, which is clearly manifested its historical and educational creative position. The main attention is paid to the novels «Quiet plane» and «Two souls» (1917–1919) written in the dramatic time of the Belarusian history, which are determined by the concerned, civil moral-philosophical reflection of M. Haretski about the past and future of the Belarusian people.

УДК 398.3

І.А. Швед*д-р філал. навук, праф., праф. каф. беларускага літаратуразнаўства
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна***ВОБРАЗ БУСЛА ЯК ЧЫННІК АРНІТАЛАГІЧНАГА КОДА
БЕЛАРУСКАЙ ТРАДЫЦЫЙНАЙ ДУХОЎНАЙ КУЛЬТУРЫ**

Прадстаўлены некаторыя вынікі навукова-даследчай працы «Зоологический код белорусской традиционной духовной культуры (по записям XIX – нач. XXI вв.)», якая выконваецца па ДПНД «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (№ дзяржрэгістрацыі 20160897 ад 13.04.2016). У выніку гісторыка-генетычнага і функцыянальна-семантычнага даследавання вобраза бусла ўстаноўлена, што на фоне агульнай пазітыўнай трактоўкі гэтай птушкі, якая нібыта паходзіць ад чалавека, суаднесены бусла з Боскім пачаткам, нябеснымі стыхіямі, плоднасцю, дэтанараджэннем, дабрабытам, бяспекай, здароўем вызначаецца і негатыўная семантыка гэтага арніталагічнага вобраза ў беларускай традыцыйнай духоўнай культуры.

Уводзіны

Шматлікія даследаванні ў сферы сувязяў традыцыйнай і сучаснай культур грунтоўца на ўсведамленні таго, што апрадмечаныя формы самабытнага духоўнага вопыту мінулага, часткова захаваны сваю арыгінальную існасць, а часткова «пераапрадмечаны», становяцца грунтам новых сінтэзаў і гэтым падтрымліваюць духоўны патэнцыял культуры. Архаічныя ў сваёй аснове сімвалы і коды, рэтранслуючы ператвораны ў каштоўнасныя ідэалы сацыяльна-культурны вопыт, прад'яўляюць кожнаму пакаленню імператывы дзейнасці, спосабы асэнсавання, узнаўлення рэчаіснасці, крытэрыі яе ацэнкі (сенсорнай, сублімаванай, рацыяналістычнай). І такім чынам уздзеіваюць на сучаснае і будучае гэтай рэчаіснасці. Адсюль – абвастрэнне навуковай і грамадскай цікавасці да механізмаў і сродкаў (разгалінаванай сістэмы кодаў) мадэліравання і рэтрансляцыі жыццёва важных, правяраных часам сэнсаў і самабытных формаў беларускай традыцыйнай духоўнай культуры [1].

Неабходнасць вывучэння і захавання духоўных набыткаў нашых продкаў, нераспрацаванасць шырокага кола праблем знакавай арганізацыі свету, адным з галоўных інструментаў якой выступае арніталагічны код, наапаўненне адпаведнага багатага фактычнага матэрыялу, які чакае грунтоўнага сістэмнага вывучэння паводле новых напрацовак у галіне фалькларыстыкі, семіётыкі, этналінгвістыкі, культуралогіі і іншых гуманітарных навук, добрая захаванасць архаічных арніталагічных вобразаў і жывучасць звязаных з імі міфапаэтычных уяўленняў (што выразна адбілася ў розных відах мастацтва), неабходнасць паглыблення разумення агульнаславянскага пласта ўяўленняў пра розныя аспекты светабудовы, зафіксаваных у арніталагічным кодзе, вызначаюць актуальнасць тэмы прапанаванага артыкула. Яго мэта – характарыстыка вобраза бусла як чынніка арніталагічнага кода беларускай традыцыйнай духоўнай культуры.

Пры вырашэнні задач, звязаных з сістэмным аналізам пэўнага вобраза (у тым ліку арніталагічнага) як чынніка кода, яго гісторыка-генетычнае даследаванне павінна дапаўняцца функцыянальна-семантычным. Як паказалі праведзеныя намі даследаванні дэндралагічных, прыродна-ландшафтных, колеравых і іншых вобразаў (як чыннікаў адпаведных кодаў), прадуктыўным з'яўляецца выкарыстанне функцыянальна-семантычнага, структурна-тыпалагічнага і параўнальна-гістарычнага метадаў.

Бусел з'яўляецца адным з самых частотных вобразаў арніталагічнага кода беларускай традыцыйнай духоўнай культуры. У народнай трактоўцы бусел (бацян, буцян, буська) – «святая», «божая», «добрая», «найлепшая», а таму вельмі шанаваная птушка:

«Бусел сьвяты, нельзя яго біць. Астаўся адзін, падбіта крыло. Толькі мясам яго карміла. [Чым сьвяты?] – Ён у Бога самы луччы ад усіх» [2, с. 765].

Паходжанне і іншыя асаблівасці бусла звязваюцца з чалавекам: бусел узнік ад мужчыны, бусліха – ад жанчыны, ці буслы з'явіліся ад чалавека пэўнага полу (часцей мужчыны). Паводле беларускіх легендаў, тыпалагічна блізкіх да класічнага міфа пра скрыню Пандоры, у якой былі схаваны абстрактныя паняцці: няшчасці, хваробы, людскія звады і інш. [3, с. 56]. Бог даў чалавеку мех або два мяхі (ці гаршчок) з гадамі, забараніў туды зазіраць і загадаў ісці на край свету, не азіраючыся і выкінуць усё ў мора (ці раку, возера, балота, яму, «пропасць», пекла, агонь). Але цікаўны чалавек (апостал) парушыў забарону (ці яму цяжка было несці мех, гады яго кусалі), у выніку чаго гады распаўсюдзіліся па зямлі. Бог пакараў непаслухмянага (цікаўнага, нявытрыманага, баязлівага) чалавека тым, што ператварыў яго ў бусла, які павінен ачышчаць зямлю ад змей, вужоў, жаб, насякомых. (У сувязі з «ачышчальнай» функцыяй бусла характэрна вераванне з паўночнай Беларусі, што нават пяро гэтай птушкі выдаляе блох з хаты [4, с. 647]). Зрэдку Бог загадвае аднесці гадаў не ў ніжні ярус светабудовы, а ў далёкія горы (ці за сем гораў і сем мораў):

«Бог зобрав усю жывнось: усі зьмеі, ужэ, жабы – у мэшок і загадаў чаловіковы: “Вынэсь эту всю жывнось, этого мышка дэ-ныбудь далёко в горы, коб вони більш сюда нэ п-прыходылы”. Ну, чаловік звалыв того мэшка на плэчы і поніс. Нэсэ, нэсэ і думае: “Шо Він такі тяжолэ сюда наклав?”. А з мэшка просыть одын [гад], просыть: “Выпусть, чаловічэ, выпусть мэнэ!”. Думае: “Ну давай я попробую, подывлюс. Розвяжу мышка і подывлюс, шо вжэ вын так просыть?”. Він онно мышка розв'язав, а тые всі вужы і жабы, і вся жывнось тая – всі повыскаквалы, расповзлыса по всій зэмлі. А Бог бачыв это і прывратыв чаловіка в бусла. І сказав ёму: “Раз ты Мэнэ нэ послухав, зробыв Мэні на врэд, то будэш ты всю жызню онно жабы ловыты і ўжы і гэтым кормытыса”. І превратыв чаловіка в бусла. І став бусел на зэмлі лэтаты» [5, с. 418–419].

З гэтай легенды вынікае, што бусел, які з'явіўся з чалавека, быў першым прадстаўніком гэтага віду птушак, стаў «на зэмлі лэтаты». Маюцца і іншыя запісы, паводле якіх да здарэння з чалавекам, які зрабіў Богу «на врэд», буслоў на зямлі не існавала, толькі пасля метамарфозы чалавека ў бусла гэтыя птушкі сталі жыць сярод людзей, а таму буслоў грэх крыўдзіць:

«І по цяперашні дзень бусько ходзіць... І жыве срэдзі людзей... І собірае гэтых... [А буська нельга забіваць?] – Не, буська нельга забіваць! І крыўдзіць неможна» [2, с. 595]. «Бог назьбірав вот такіх всякіх насякомых у мех: і жабэй, і вужэй, і, ну, вобшчэ, гадюк. Усёго назьбірав і сказав ёму, шо нэсі і втоні. “Но ты нэ розвязувай, коб ты нэ знав, шо тутака!”. А вон нэс, нэс, нэс – і ніяк нэ вытрывав. Взяв розвязав і погледэв. І вони расповзліса по всём свете, і гэто вони зарэ гэтак і повзают, і людэй полохают. То ёго Бог наказав, шо вон став буслом, і гэто збірае: тые жабы, і гадзюкі, і всё. Гэто ёго Бог наказав, шо вон росустів іх, шо нэ втонів. [Так у бусла чалавечая кроў?] – Вон, бач жэ, і на хоромех жэ. І гаворать так: дэ бусел посэліцца, то тая хата шчаслівая. Ужэ гром нэ вдэрят у тую хату» [5, с. 417].

Разам з тым у большасці тэкстаў этыялагічныя матывы, якія тлумачаць паходжанне асобнага віду птушак, цяжка адрозніць ад матываў ператварэння людзей у пту-

шак, якія ўжо існуюць як від. Цікава, што ў гэтай птушцы працягваюць бачыць чалавека: «Вон жа нэ бусел, вон Іван. Это человек» [5, с. 417].

Матывы паходжання бусла, звычайна ўлучаныя ў тэксты «народной Бібліі», магчыма аб'яднаць у наступныя групы: 1) матывы, што раскрываюць крыніцу паходжання бусла; 2) матывы, што раскрываюць спосабы паходжання бусла; 3) матывы, што раскрываюць паходжанне пэўных асаблівасцяў, прыкмет бусла.

Матывы, што раскрываюць крыніцу паходжання бусла

Легенды, якія маюцца ў нашым распараджэнні, тлумачаць паходжанне бусла з:

– **апостала** Іаана (Івана) (у Слуцкім і Мазырскім паветах – Антона):

«Ідэм по ягоды, ззады за намы бусэнь – по-нашому аіст, ідэ. Маты ўглядайця: “Ой, Іван, а чого ты за намы спэшыш?” А мы з сэстрою разам крочымо за ёю. “Які ж то Іван? Шо ты такое, мамо, гаворыш?” “А я вам скажу, чого він Іван”. Когда-то Бог отпраывив... Можэ, я вжэ забулася, вона сказала – апостола Івана – на такую гору нэсты два мэшка з собою. “Гляды! Ідэш туды, на тую гору, нэ открывай і нэ дывыся ні в коем случае, шо в тых мэшках”. Ніс той Іван, ніс – тяжко-тяжко. Господі, думае, шо ж там такое? Чым мэнэ Господь Бог наградыв таким тяжкім, шо я ньяк нэ могу до тэі горы дойти? Открыв одного мэшка, открыв другого мэшка, а з ёго всё, шо там було, да й враз і разбіглося по зэмлі. А тое всё было, шо бусэнь зараз убывае. І ёму Бог в наказаніе кажэ: “Раз ты нэ вытрымав Мого наказа, раз ты нэ дошов до горы, нэ до ніс тое, шо Я тобі казав, будэш всю жызынь жыты, і тое всё собыраты, і нэ дасы рады собыраты, то есть: жабы, лягушкі, змеі всякі, – всякое гадство”. І вот апостол Іван став буснэм і всё ходыть і всё тое всю жызынь собырае і ньяк нэ можэ собраты» [5, с. 419]; «Я могу расказаты, чому бусла Іванко назвалы. Шо як посла потопа Бог усёй тварі, якая на землі була, у той Ноев ковчег [даў] по паре. І як уже после потопа стала появлятьсця суша, [Бог сказаў апосталу]: “Да і яе выпусты, только в мешкі нэ заглядай”. Вын забрав в мэшкі, тое гадство всякое в мэшок, і дав апостоловы Івановы кінуты. А той ніс, ніс і тяжко ему стало. І думае: “А шо ж тут такое, дай я загляну”. Заглянув, а вон тут із мэшка, і через его... І Вын [Бог] ёго в бусня прэвратів: “Ты будэш вот это всё собэраты всю жызынь, і твоі дыты!”» (ФА); Ляплёўка, Брэсцкі р-н);*

– **знахара:**

«Ну, гаварылі, што гэта самае, раньшэ дужа многа змей вялося і вот адзін знахар знаў, што ж гэта нада ўсіх сабраць, ён сабраў у мяшок і нёс, я вот яны сталі тацьцяца, сталі яго кусаць, сталі яго грысці, гэтыя ўсе змеі і лягушкі і ўсе, і ён не ўцярапеў... А Бог сказаў: “Раз ты знахар, сабяры, ты ўмеіш іх сабіраць”. Ён мяшок паставіў, яны ўсе спаўзаліся, усе к яму ішлі, ішлі. І вот ён нёс-нёс гэты мяшок, не мог ён выцерпіць, і ён упусціў гэты мяшок, і пайшлі яны поўзаць, гэтыя змеі і лягушкі, і усе. І Бог так зробіў, што сабірай жа ты сам цяпер, і зробіў знахара буслам, і штоб ён іх сабіраў» [6, ч. 1, с. 30];

– **першых людзей – Адама і Евы:**

«[Бог Адама і Еву] накараў, спуціў іх на землю. І назьбіраў Бог два мяхі гадства ўсякага – вужэ і ўсе пазьбіраў. І [даў] два мяхі, і сказаў ім не разьвязваць, пілнаваць. А яны пайцярасаваліся палядзець, што тамака. Разьвязалі. Як разьвязалі, так тыя ву-

*ФА – Фальклорна-этнаграфічны архіў фальклорна-краязнаўчай лабараторыі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

жэ і жабы ўсе пайшлі. Вужоў не было б, калі б яны не развязаў і пусьцілі. І Бог Еву зрабіў бусьліхаю, а Адаму буслам. І сказаў: “Зьбірайця”» [7, с. 354];

– **мужчыны і жанчыны (мужа і жонкі), якія збіралі па загадзе Бога жывёл у каўчэг Ноя:**

«Некалі быў патоп. Можжа быў, можжа ня быў. Дзелалі нейкі каўчэг. А Бог паслаў туды два чалавекі. Сказаў: “Забярыця ўсякіх насякомых па пары, штоб ён і яна!” Сабралі два мяшкі і паставілі. І паставілі гэтыя мяшкі. А там і змеі, і лягушкі, і камары, і мошкі, і ўсякія мандавошкі. І сказалі этаму: “Нясіця на каўчаг”. А прышлі другія і кажучь: “А што тут у гэтых мішках? Усё шавеліцца. А што несці?” Яны тады ўзялі і тыя мяшкі развязаў, а гэтыя вужакі як павыпаўзалі ўсе. Спужаліся яны і ўцікаць. А Бог сказаў: “Вот цяпер вы і будзіця буцінамі”. Эта таго чалавека, яго і яе, здзелаў буцінамі» [6, ч. 1, с. 28];

– **мужчыны ці жанчыны (бабы):**

«Бог сатварыў чалавека і ўсялякую твар: лягушкаў, зьмей... Але іх так распла-дзілася многа, што было надта шмат. Тады Ён сказаў чалавеку: “Сабяры ў мяшок і занясі, патані іх, бо іх надта шмат ужо. Толькі не глядзі. Не аткрывай мяшок, і нясі ў балота”. Ну, чалавек ішоў, ішоў... А як дайшоў да таго балота, яму цяжка несці было, і думае: пагляжу я, што тут ёсьць такое. Як аткрыў – яны ўсе і выпрыгнулі. І сказаў Бог: “Вот цяпер будзеш усё жыццё іх сабіраць. Сколькі жыць будзеш на гэтым сьвеце, так будзеш і сабіраць”. І стаў ён бацяном, гэты чалавек, і стаў сабіраць іх: во гэтых гадзюк, жаб». – «А я-то чуўшы, што баба. Баба несла, несла, і паглядзець пацікавілася, і ўсіх выпусьціла. А яны на ўвесь сьвет паляцелі». – «Ну вядома, баба! Бабы заўсягда цікаўныя. Яна і ўвядзя, але мусі пашчупаць. Вот зайдзіця ў маг’азін, так яна муся хоць непатрэбнае, але гэту шмотку пашчупае. Я так думаю, што баба [буцяном зрабілася]» [7, с. 354];

– **добрага даверлівага чалавека (яго спакушальнік стаў катом):**

«У нас расказвалі, што пазьбіраў Бог усё на сьвеце ў мяшок і не было б нічога цяпер: ні мышэй, ні жаб, нічога. А папрасіў чалавека – харошы чалавек быў: “Нясі і нікому не паказвай, нікому не гавары. І занясі зь мяшком і кінь у возера”. Ну, ён нёс, нёс, аж які-то чалавек выйшаў наўстрэчу і кажэ: “Што ты нясеш?”. Той кажэ: “А я сам ня знаю, што я нясу”. – “А як гэто ты нясеш і не знаеш, што ты нясеш?” – “А мне Бог прыказаў, каб я не паглядаў туды, каб занёс і кінуў у рэчку”. – “Эй, ты што! Давай паглядзім. Як гэто, каб не ведаць, што ты нясеш?” Ён узяў, той мяшок развязаў, а там усё было ў мяшку: і жаба, і мыш, і крыса, і гадзюка, і вужэ... І як ён развязаў, яны ўсе выскачылі і паразьбягаліся. Ён тады кажэ: “Што ты мне нарабіў, што мне нарабіў! Міне Бог за гэто накажа”. – “А ты не бойся, ніхто знаць не будзе”. Ну, Бог і ўзнаў. І сказаў: “Ты не паслухаў Майго паслушэнства, і Я цябе за гэта накажу на ўсю жысьць. Будзеш зьбіраць усю жысьць вот жабы”. А таго другога зрабіў катом, што сказаў развязаць гэтаго мяшок, каб лавіў мышы» [7, с. 355];

– **шляхціца;**

– **мужыка;**

– **праклятага маткай сына:**

«Я чула пра бусла, што гэта ён пракляты. Пракляла матка сына. І гэта ў яго і ногі две, як у чалавека. І яна пракляла: “Каб ты буслам стаў!” І ён гэта так за тое» [7, с. 356];

– **душы чалавека.**

У легенды пра паходжанне бусла можа пранікаць матыў процістаяння Бога і чорта, падмовы чалавека чортам – уладаром усялякай пошкудзі. А. Сержпутоўскі падае наступны тэкст:

«Кажуць, што Бог даў чалавеку ў гаршчочку насенне ўсялякаго гнюса, гадаў да тое плягі, што нас есь, да й вялеў укінуць у воду. Як чалавек нёс, дак чорт падмовіў яго развязаць горшчык да паглядзець, што там такое. Чалавек развязаў, а аттуль папаўзла й паляцела ўсялякая пошкудзь. Хаць Бог абярнуў таго чалавека ў бусла да вялеў яму збіраць гадаў да жаб, але ён ужэ нічога не парадзіў, бо гнюс і ўсялякая пошкудзь разышлася па ўсяму свету. От з тае пары чорт і камандуе гэстаю пошкудзью да й насылае яе на людзей й на жыўёло» [8, с. 59].

Паводле сучасных фіксацый, «спакушальнікам» можа быць як д’ябал, так і чалавек:

«Як начыноўся сьвет і тады Бог сабраў усё гадство і кажса [чалавеку]: “У раку ўкінь, анно ў мяшок не палядай”. А гэта ўсё было па рацэ. Нясе ён на плечах, а нейкі выйшаў і кажса: “Што ты нясеш, чалавеча?” А той кажса: “Я сам ня знаю, што я нясу”. – “А чаму ня знаеш, што нясеш? Давай палянем у мяшок”. – “Але Бог казаў, што ў мяшок палядаць няможна”. – “А Бог бачыць не будзе, давай палянем”. Як палянулі ў мяшок і разьбеглася ўсё гэта гадство, пусты мяшок астаўся. Тады Бог пытаецца: “Есьлі ты распусціў, то ты да сьмерці і сабіраць будзеш”. І доў яму доўгія ногі, дзьобу, і ён сабірае цяпер. Буслы старыя і маладыя растуць і ўсё сабіраюць і будуць сабіраць да канца сьвету. [А той, хто падгаварыў паглядзець у мяшок, то чалавек быў або не чалавек?]. – Гаварылі, што чалавек (Такія Сідорык, 1937 г.н.). – Гэта быў дзьвал, каб распусьціць, каб людзей занішчаў» (Марыя Сідорык, 1924 г.н.) [7, с. 354–355].

Метамарфоза чалавека ў птушку выступае формай кары чалавека за асабісты грэх і ў шэрагу іншых сюжэтаў. Так, у Ваўкавыскім павеце бусел – гэта паводле паходжаньня чалавек, які лякаў Бога з-пад моста, у Полацкім павеце – гаспадар, які карміў работнікаў жабамі. У Гродзенскай губерні буслы – душы людзей, якія пакутуюць за свае грахі [4, с. 648–649]. Цікава, што Бог можа пакідаць шанец чалавеку, ператворанаму ў бусла, вярнуць свой чалавечы выгляд пры ўмове, што вінаваты ліквідуе наступствы свайго граху – зьзяра ўсіх гадаў:

«От бусел, гэто так было. Быв Бог на зямле. І вся гэта вот нечысь повзала: і гады, і вужэ, і комары етые... Ну ўсё, Богу надоело. Бог позвав мужыка і кажса: “Вот тебе мешок, несі яго. І нясі яго, і ў рэчку ўкінь”. Ну Іван жэ ж пошов. Взяв на плечы, несе і думае: “А што ж гэто мне Бог дав? Это ж, навроно, неко золото”. Да думае: “Як жа ж я донесу до рэчкі, я обязацельно побачу. Ну і ў рэчкі схавая, Бог жа ж не будзе бачыць, гэта ўсё”. Вон пошов до рэчкі, розвязуе, а там: і комарэ, і мошкі, і гадзюкі, і вужы, і жабы – ну, ўсё гэто. І ўсё гэто роспоўзлось. І! Думае Іван: “Шо ж я буду рабіць?” Ідзе, до хаты прышов. А Бог кажса: “Ну шо, вкінув?” – “Вкінув!» – “Всё?” – “Всё!”. Прошло пару дней, Бог бачыць – всё повзае. Всё повзае, всё назад распозлось. А! Прышов: “Ты гэто вкінув? Ты нічога не вкінув! От я тебе зроблю такою птушкою, і ты будзеш по жызьні зьбіраць. І пока не соберёш гэто всё – не будзеш чловеком. І раз – Іван пэраврацівся в буська. Носа зробів ёму довгого, ногі довгіе, і всё ходзіць клюе. І ляціць бусько да людзей, бо вон жа ж з чловека зробівса. А собраць жа ж не можа за всю жызьню. І не собрав, і так і остався буськом» [5, с. 417].

У варыянце легенды Бог адразу гаворыць, што ператворыны ў птушку чалавек не зможа пазбіраць гадаў, як у гісторыі пра патоп:

«І бусел – эта чалавек. Яго называюць Іван. Патоп буў. Так Ён, Бог, браў усяго па пары: і жабаў, і вужоў, і ўсяго-ўсяго па пары, так? А Іван узяў і выпусьціў тых жаб.

От Ён і назваў яго Іван і сказаў: “Усю жызьню будзеш зьбіраць жабак і не пазьбіраеш”. От ён, бедны, ходзіць, ходзіць...” [2, с. 543].

Гэты аповед, акрамя ўсяго, цікавы і тым, што сведчыць пра адсутнасць буслоў у Ноевым каўчэгу. Паводле шэрагу іншых запісаў, буслоў таксама не было ў Ноевым каўчэгу, іх Бог зрабіў з чалавека пасля патапу, прыкладам:

«Бусла не, не брав [на каўчэг]. Эта Бог зробіў потым бусла з чалавека. Вужакі ўсе палавіў, шоб не было вужэй, да й в мэшок, да зовязав і сказаў: “Нэсі в море і втопі”. А вон понёс, да хочэцца пабачыць, шо таке? Розвязав, а тые вужы поразьбягаліса. То вон сказаў: “Ты будзь буслом і лові іх”» [2, с. 543].

Па другой версіі, бусел існаваў як від да патапу і быў вінаваты ў пашырэнні гадаў па ўсёй зямлі, бо не праглынуў змяю, а панес яе жывой:

«Эта мама раскавала пра змей, што быў патап, і тады іх жа ўсякага зверу ўзялі ў каўчэг, і бусла, і ўсё. Чаго ён (бусел) усіх есь? Ён жа і жаб, усіх возьмець, і змей. І вот, як яны там вываліліся з каўчэга цэлы мяшок, і ён ухапіў змяю. І яе не праглануў, а ўхапіў жывую, панёс, і сталі змеі размнажацца. І бусел іх во есь, больш жа ніхто ня есь. Я і сама відзіла, як ён яе б’ець аб зямлю, а яна круціцца, а тады во тут у яго шавеліцца» [6, ч. 2, с. 26].

Натуральна, што бусел, які паходзіць ад чалавека, мае ўласнае імя: «Зовуть – бусько, дэколы – бусёк. А чясом по йменню зовуть – то Ёван, Іван» [9, с. 370].

У лакальных версіях імя чалавека, які быў ператвораны ў бусла, вар’іруе. Звычайна за птушкай надалей замацоўваецца гэтае імя: Іван, Васіль, Рыгор, Яша, Сцяпан, Адам, Кузьма, Якім, Якуб(а), Мікіта, Сімон, Герасім, Антон. Прыкладам:

«[Бусел] эта Герасім. От яму Бог даў мяшок, напхаў і лягушак, і этых вужэй, шоб ён нёс і не аглядываўся, куда-то ўжо вукінуў у пекла. А яму ж іңярэсна. Ён астанавіўся і выкінуў іх, і паглядзеў, развязаў мяшок. І яны пашлі, хто куды. І яго Бог зрабіў Герасімам, буслам. І ён от усю жызьнь сабірае. [А казалі, што бусла забіваць нельга?]. – Да, нельга. Ну ён з чалавека» [2, с. 594]; «Бог позьбірав этыя всякія був – поскудство этое позьбірав, вужакі этыя всякія. Позьбірав у мэшок да і дав, як той зваўса ўжэ... Якуба вродзе чі як зваўса... Да дав ёму цэлы мяшок, шоб занёс вон і кінуў в пропасць, того мэшка. Только шоб вон ёго не глядзев, шо в мэшку. Дав: “Ідзі, не озірайса, і не розвязувай, і нідэ не глядзі этого мэшка. І занэсы в пропасць там неку. Шоб пропало этое всэ”. А вон захоцев: шо ж там шэвеліт так у том мэшку? Вон розвязав, а всё чысто повтэкало з того мэшка... А ты чалавек, шо нёс этого мэшка, зробывса буслом. Вот. І вот он збірае свой век этое поскудство, шо вон россыпав. Бусэл, это казалі, тэй самы, шо мэшка нёс. Якуб чі як вон. Да зробіўса буслом. Дав ногі такія, дзюбу таку, шоб этого збірав свой век» [2, с. 593].

З іншага боку, вобраз бусла ўзнікае ў сістэме «птушыных» прозвішчаў, мянушак людзей: «[Якія ў вас мянушкі былі тут?] – Были... Уже этых людей нет, но... Боцёнок. Он живет возле болота здесь у нас, а там аисты. А по-деревенски “буслы, боцёны”. Ну и как-то – Боцён, Боцён» (ФА; Зводы, Брэсцкі р-н).

Матывы, што раскрываюць спосабы паходжаньня бусла

У пераважнай большасці тэкстаў паходжанне бусла тлумачыцца паводле прыцыпу метамарфоз, ператварэнняў чалавека. Парушэнне забароны, непаслухмянства, слабасць, бязлівасць, нешанаванне Бога чалавекам караюцца ў форме ператварэння вінаватага ў птушку. Гэта звычайна адбываецца па волі Бога, які «пэрэкынуў» людзей у буслоў, «здзелаў» птушкамі, «даў» ім доўгія ногі і дзюбу, прыкладам:

«Бог сабраў такіх насякомых, і мух, і клопоў, там усякіх казюрак і ў мяшок завязаў. Нясі, – гаворыць, – на той места, дзе яму казалі. А ён што – нёс, нёс. А тады захацеў, каб паглядзець, каго ж ён нясець. Мяшок атвязаў, а мушына – пырх. Вот ён кінуў мяшок, ні завязаў, за мушынай пабег. Каб улавіць. А к гэтаму ўрэмя ўсе распаўзліся. Вот ні было б у нас ні вужак, ні жаб, нічога. А так сталі і клопы, і ўсялякія мухі, і казюркі. Бог яго заставіў... Буцяном здзелаў і сказаў: сабірай» [6, ч. 1, с. 28]; «А буськів, знайш, іх нільзя забываты, бо гэта ж чоловік. Він став буськом, бо колысь, ек многа всякіх гадыв было на зымлі, Бог собрав іх у горшэчок і прыніс, отдав чоловіковы, шоб заніс іх і кынув в болото. Сказав, шоб ны открывав, бо накажэ ёго. Чоловік послухав, лёг спаты. А ў ёго була жінка, і вэльмэ ж любопытна. Вона подпільновала ек він заснув і рышыла заглянуты, одкрыла – а воны ек попруть оттуда, вона ек закрычыть... Мужык вскочыв, а божэ ж мій, давай іх собыраты, а воны расповзаюця. Бог побачыв і кажэ: “Я ж тобі казав ны открываты. А за тое, шо ны послухав, ты і твоя жінка будытэ іх собыраты, пока усі ны позбыраетэ”. Так і пырыкынув іх у буслыв. А шо чоловік був у білому споднёму і чорный світы, шо накынув, так і зробывся: грудына біла, а спына чорна» (ФА; Трыліскі, Іванаўскі р-н).

У некаторых выпадках падкрэслівацца, што Бог адразу ведаў, што чалавек не паслухаецца Яго:

«Як свет пачынаўся, даў Бог мяшок Сцяпану і кажэць: “Нясі мяшок, утані ў вяду, каб не распаўзаўся ніхто”. Сцяпан панёс, а ня церпіцца яму, атышоўся. А Бог астаўся, знаў, што будзець. А Сцяпан як развязаў – і змеі ўсякія, і казаяўкі ўцяклі. А Бог: “Я ж казаў не развязывай. А пусціў, дык сабірай увесь век”. Сцяпан і прывращаўся ў буціна» [6, ч. 1, с. 28–29].

Прыведзены гэкі характэрны, сярод іншага, тым, што актуалізуе ідэю тоеснасці слова Бога ўчынку (ідэал дзейснага слова выразна прадстаўлены ў Бібліі). Вымаўленае Богам («А пусціў, дык сабірай увесь век») скіравана ў будучыню, мае фізічныя, прадметныя наступствы. Намеры Бога ўвасабляюцца ў сам момант Яго маўлення, падчас вымаўлення «Сцяпан і прывращаўся ў буціна». Поводле гэтага прынцыпу будуюцца шматлікія наратывы пра з’яўленне бусла ад чалавека.

Матывы, якія раскрываюць паходжанне пэўных асаблівасцяў, прыкмет бусла

Спецыфіка паводзінаў і знешняга выгляду буслоў часта выводзіцца з роднасці з чалавекам, «адчалавечага» паходжання. Так, лічаць, што буслы маюць душу, клякочуць, як галосіць і ўзносіць да неба малітвы пра пакаянне грэшніка, належаць да хрысціянскай веры [4, с. 650], жывуць каля людзей:

«[Бог сказаў]: “Г вот будзіш збіраць усю жыць, хадзіць, гэтых казьявк усякіх, жаб”, вот ён і ходзіць. А чаму ж ён ня плодзіцца нідзе, ён толькі ж каля дамоў плодзіцца. Гэта точная праўда» [6, ч. 1, с. 29]. Бусла хаваюць накшталт чалавека-хрысціяніна: «У нас токі што, так хаваюць гэтага бацяна, крыж зробяць, нясуць» [7, с. 356].

Буслы збіраюцца разам і спраўляюць вяселлі. Кожная сямейная пара манагамная, неразлучная, прывязаная да дзяцей; у выпадку смерці аднаго з пары другі па сваёй волі ідзе на смерць услед за ім. Калі буслы адлятаюць у вырай, то пакідаюць слабых птушак і тых, якія засталіся без пары. А калі яны вяртаюцца і бачаць, што такая птушка перазімавала, забіваюць [4, с. 650]. Між тым сваімі пакутамі пакінуты зімаваць «грэшны» бусел можа заслужыць «прашчэньне»: «Бусла аднаго на ахвяру пакідаюць. Старыя людзі гаварылі так, што каторы правініцца ў іх бусел, яны тога за наказаньне пакідаюць на зіму аднаго. Выжыве ён – тада яго прымаюць к сабе апяць. Есьлі не выжыве –

значыць, яму наказаньне. І вот у нас тожа там за мосьцікам, дзе мы во Купала атмячалі, да Новага году ён сядзеў. Днём дзе-та ўляціць, а як вечар – прылятаў. А потым куда ён дзеўся? Калі адбудзе наказаньне, яму ўжэ пращэньне есьць» [7, с. 531].

Утварэнне буслінай пары апісваецца ў тэрмінах «жаніцьбы навекі»:

«Есьлі бацяніха прападзе, бацян далей ужо не ажэніцца. Ён ужо не нойдзе сабе. У нас за лета забіла провад бацяна. Мусі, бацяніцу забіла, жонку гэту. А ён гады тры ляціць на гэнае мейсца і сядзіць. Усе бацяны маюць гняздо, а ён прыляціць да нашай цёткі там і сядзіць, і сядзіць, і сядзіць. І тады ходзя па сенажаці. Адзін, як аблудны. І бацяніца не найдзе пары» [7, с. 530].

Бусел можа пакончыць сабой з рэўнасці, з распачы з-за разбуранага гнязда, знішчаных яек, пагібелі партнёра, прыкладам:

«У Старых Герніках вёўся бусел на ліне. І яго бусьліха сядзела на яйках. А бусел дзе-та быў адхіліўся. Прыляцелі два буслы і ськінулі бусьліху, каторая сядзела, і ськінулі яе яйка. І потым гэты бусел, з каторым яна жыла ў пары, узняўся высока ў неба і так стралой апусьціўся, збіў гэту бусьліху, забіў яе, ськінуў на землю. І потым зноў узняўся ў неба высока і сам упоў у землю і на месцы разьбіўся разам зь ёю» [7, с. 531].

У іншым апаведзе падбіты бусел, які перазімаваў у хаце, скача ў печ, бо «ў яго пары не было»:

«Дык вы знаеце, што буцян. Падбілі буцяна, астаўся эты буцян. Эта лічна ў мяне эты буцян быў. Астаўся, гляжу – кульгаіць. Я яго ўзяла, этага буцяна. Эта ж яшчэ даўно было, даўно. І мы этага буцяна, адгарадзілі яму ў хаце. Ён, эты буцян, выйдзец, пад'есць, і пашоў абратна. Як мяне за язык пацягнула! Эта да Блажавешчання, эта пра буцяноў праўду гавораць: “Хоць снегам падаўлюся, а да Блажавешчання я яўлюся”. Я кажу мужыку свайму, Паўлу: “Ай-яй-яй-яй-яй, чалавечак мой, буцяні прыляцелі!” А гэты буцян падняўся, печ затапілася, падняўся, ножкі склаў вот так ў кучачку – прыг! – у печ і згарэў. Яны ж усе парамі, а ў яго пары не было» [6, ч. 2, с. 326].

Такія паводзіны бусла могуць тлумачыцца боязнню вярнуўшыхся з выраю птушак і разам з тым ганарыстасцю-ўпартасцю бусла-адзіночкі – «не паддаўся»:

«Расказвалі старыя, як кідаюць бацяна [зімаваць]. Ну так у дварах забіраюць этага бацяна і тамака трымаюць яго. А як ужо вясной, пражыў усю зіму, учуў, што бацяны прыляцелі, так печ палілі... А ён баяўся, што яго заб'юць, так у печ даўся, ў агонь, і згарэў, не паддаўся» [7, с. 530].

Самку, якую буслы западозрылі ў шлюбнай здрадзе, судзяць публічна і забіваюць. Аб псіхічнай персаніфікацыі, звязанай з уяўленнямі пра паходжанне бусла ад чалавека, сведчыць наступны запіс з Бярозаўскага раёна:

«Быў случай в Спорово, тоже сделали буслы гнездо на сарае, а дед думает: возьму я в это гнездо положу гусиное яйцо, да пусть он выведет мне. Он положил, когда никого не было, потом прилетели. И что-то бусел с этой буслихой начали драться. Оказывается, он начал её ревновать. Чего? Потому что они несут по 3–4 яйца, и яйца гусиные же отличаются от аистовых. И, короче, он начал ревновать, что она нагуляла это яйцо, и он её дзёбал, дзёбал. И она, бедная, поднялась высоко и упала сразу и разбилась. И то тоже было этому деду, что яйцо положил!» (ФА).

Матыў падкладвання гусіных яек у буслінае гняздо пашыраны і ў іншых мясцовасцях Беларусі, у прыватнасці, на Полаччыне:

«А яшчэ як прайшэсцьвіе раскажу, эта ж дзеці зробілі, то ўжо то грэх, нільзя. Гняздо было ў нас. Буцянова. А яны ўзялі, яйцо гусінае ўзнялі туды і палажылі ў гэта гняздо. Буцяніха вывела, вывела этых – этага гусянёнка і свайго буцянёнка. Як наля-

целі буцяны, як жа білі этую буцяніху – яна ў вакне відаць у нас во так во, як гэтыя во дрэвы. Як жа яе білі этую буцяніху! Этая буцяніха паднялася, скінулі буцяны й свайго дзяцёнка, этага буцяна, і гэтага гусянёнка скінулі. А яна паднялася вісока-вісока і разбілася над гняздом» [6, ч. 2, с. 326].

Такімі тэкстамі сцвярджаецца катэгарычная забарона ўмешвацца ў зладжанае жыццё буслінай пары, парушэнне гэтай забароны трактуецца як грэх, за які чалавек караецца: «И то тоже было этому деду, что яйцо положил».

Даволі распаўсюджаным з'яўляецца згаданы вышэй матыў кары бусла за правіннасць: яго не забірае чарада ў вырай. «Правіннасць» бусла можа заключацца ў парушэнні забароны склёўваць зерне: параўнаем ганьбаванне бусла з матывам паядання жыта: «Мікіта найіўся жыта, // На...раў мукою, // Развёў рукою» [5, с. 420]. У дзіцячых заклічках абыгрываецца матыў «трэба пабіць буслянят, якія знаходзяцца ў жыце» (разам з тым пашыраны веснавыя заклічкі, у якіх гучыць зварот да бусла як падацеля жыта). Характэрным у сувязі са сказаным з'яўляецца запіс з Гродзенскага Панямоння:

«От их сколько е, а приходзіць ужэ ім адлятаць, і як ён адзін зярня каторы зьеў – яго пакідаюць. Яго не возьмуць ужэ. І я ўжо колькі раз бачыла, калі да цэрквы іду: буслы адляцелі, а адзін ходзіць. Бо яму толькі гадство зьбіраць, а зярняці нельга есьці. А як пажнуць жыто, то ён можа і зьесьці. А яны ўжо знаюць, і зьбяруцца ўсе, я разоў колькі бачыла: адзін чорны ходзіць, ходзіць, іх зьбірае, а аднаго пакінуць» [7, с. 530].

Гэты тэкст цікавы таксама ўказаннем на тое, што ў буслінай чарады маецца важак, і маркіраваны ён адметным колерам – чорным. Падобныя ўяўленні пра іерархію ў бусліным свеце, вылучанасць менавіта чорнага бусла зафіксаваныя і ў іншых рэгіёнах Беларусі, у прыватнасці, у Брэсцкім Палессі:

«[А чаму адзін бусел застаецца на зіму?] – Хворы. Вони ж пэрэд гэтым собыраюця. Як тогда вжэ на отлёт, вони табунамы ходять. Нэ одын, нэ два, многа-многа ііх собырэця. Вот когда косэш, очэнь інтэресно за іімы наблюдаты в это врёмя. І вот всё нэма, нэма, нэма, вони всё ходять, ходять, собырають... Аж лэтыть чорны бусэнь. Вони становяця в круг. І вот чорны бусэнь ходыть по гэтому кругу. А вони всі головы вныз дзюбою. Походыв, походыв – клянув одного. Той выйшов. Тыі всі головы поднялы, позаклыкалы і оп'ять головы вныз. І вот він обышов тры разы, скілька клянув, стылька выйшло, і астальныі ўжэ всі довольныі, вжэ вони клыкэчуть, головы ввэрх позадыралы, і вжэ вони собыраюця. А тыі, шчо клянув, остаюця. А тыі вжэ, шчо нормальна, полытілы всі за іім. [А тыя, што асталіся?] – Ну, всё, вони пропадають. Нэ, нэ пэрэзымуеш ііх. Нас когда-то свяшчэннік, то нэ на мойій пам'яті, то мама моя росказувала, шчо пэрэзымував... пару буслов, о, ну, так думаетэ шчо? Вэсноу ііх забылы, колы прылытілы буслы» [5, с. 587].

Можа спецыяльна падкрэслівацца, што «чорный бусько – вожак буськыв, вын по ііх прылітае» [9, с. 371]. Трэба адзначыць, што «важакоў-цароў» маюць таксама некаторыя іншыя птушкі і жывёлы, як вораны, ваўкі, змеі. Дарэчы, як і адносна буслоў, у дачыненні змей пашырана ўяўленне пра тое, што змяю, якая «саграшыла» (укусіла чалавека), таксама не забіраюць у вырай, а пакідаюць на смерць.

З чалавечым паходжаннем бусла можа быць звязана прымеркаванасць яго прылёту да дня Аляксея чалавека Божага (17/30 сакавіка), у прыватнасці, у Цэнтральным Палессі. У гэтых уяўленнях, як і шматлікіх іншых, бусел збліжаецца з жоравам: «Кажуць, на Аляксея (30 сакавіка) журавель прыляцеў ці бусько» [10, с. 406]. У Ваўкавыскім павеце адлёт буслоў таксама тлумачыцца іх паходжаннем ад чалавека: калі снег пакрые зямлю, яны не змогуць збіраць свае пазногці, якія яны выкідвалі, калі былі лю-

дзьмі [4, с. 657]. На Піншчыне з адлётам буслоў звязваюць з'яўленне на небе Млечнага шляху – «буськовай дарогі» [4, с. 650]; «Воссіяне неяк казалі на тую дорожку. Навэць, бывало, кажуть: буські летят, отлетают по этой дорожке. Оно свеіт ноччу» [5, с. 588]; «[А вот у вас калі ноччу відаць такі млечны шлях? Як у вас яго называлі?] – Буслы адлятаюць – як дарога буслава. Буслы, гусі ляцяць. Дарога, відаць. І етыя казалі, што бусліная дарога буслам наказвае бусліны шлях, куды ім ляцець» [5, с. 589].

Колеры афарбоўкі бусла аднавядаюць колерам традыцыйнага беларускага адзення. Паводле запісанага А. Сержпутоўскім тэксту, калі мужык, які павінен быў выкінуць гаршчок з гадамі, заснуў, яго жонка адкрыла пасудзіну, «а адтуль і выскачылі ўселякіе гадзюкі, яшчаркі й жабы. Спалохалася баба, нарабіла крыку. Праханіўся чалавек да так босы, у белай сарочцэ, толькі накінуўшы на плечы чорную світу, давай збіраць тую нечысь. Збіраў, збіраў – нічога не зробіць. Але ось прыходзіць Бог і кажэ тым людзям: “Вы выпусцілі гадаў, вы й збірайце іх”. І абярнуў Бог тых людзей у буськоў. Ходзяць з тае пары на балоце босые, з чырвонымі нагамі, у белых сарочках і чорных світах буські да й збіраюць усякую нечысь. Ены й стараютца жыць бліжэ к сваім братом – людзям, знаюць, што іх, як братоў, людзі не будуць біць. От адкуль узеліса буслы» [11, с. 49–50]. Дарэчы, як локус чырвоныя ногі (боты) і балота вызначаюць бусла ў загадках тыпу «Хто ў чырвоных ботах ходзіць на балоце?» (ФА; Рэчкі, Івацэвіцкі р-н).

Паводле іншых легендаў, чорна-белая афарбоўка бусла звязана з вопраткай шляхціча, у якога адна штаніна белая, а іншая чорная, ці з торбай у чалавека за плячыма [4, с. 649]. Могуць таксама згадвацца чорныя штаны і белая сарочка:

«Эта Бог даў мяшок мух (чалавеку). Дзяржы крэпка, не развязвай. Бог зрабіў гэта. А яму хацелася паглядзець. Вот і даў яму Бог штаны чорныя – крылля, а гэта белая – рубашка. Ходзіць і збіраіць іх на балоту. Жаб этых» [6, ч. 1, с. 29].

У матывах паходжаньня бусла ад бабы згадваецца чорная спадніца і белая сарочка:

«Калісьці мне баба казалла, што бацян да палавіна белы, ат палавіна чорны. Бог сабраў усё гэтае ў ворак: ну жужлу якую, зьмяі, жабы каторыя, – і даў бабе нясьці. Сказаў: “Толька не аглядывайся і не развязуй ні за што!” А баба ж, знаеце, якая цікавая. Яна ж не выдзержала. Панясла, і давай жа ўжо паглядзіць. І як развязала еты ворак і выпусціла ўсё назад. Так Бог зазлаваўся і яе переўраціў у бацяна. Вот за тое яна ходзя і жабы гэтыя сабірае, і жукі, і зьмяю можэць бацян задушыць. [А чаго бусел чорны напалову?] – А яна была ў чорнай спадніцэ і ў белай кофце. Так ён і астаўся. Так [бабця] казалла: “Не будзь цікавая! Бо будзеш, як бацян, хадзіць пабіраць усё”. Баба ж была цікавая, так відзіш, цяпер перавярнуў Бог у бацяна і ходзя сабірае і жаб, і ўсяго» [7, с. 354].

У Мастоўскім раёне афарбоўка чорнага бусла ўспрымаецца як жалобнае ці манашаскае адзенне. Трактоўка белага і чорнага колераў можа звязывацца з дваістай прыродай бусла – чалавек, але грэшны перад Богам [4, с. 649].

Чырвоная дзюба бусла можа ўспрымацца як знак таго, што яму стала брыдка, калі Бог пакараў яго за непаслухмянства:

«Бог даў буслу мяшок: “Нясі за сем гор і за сем рэк і ўкінеш там да прапасьці”. А той бусел – дзе ж ён будзе нясьці! Бачыць, што там нешта варушыцца. Сядзе, паўзіраецца, бачыць – цэлы мех той варушыцца. А лёгкі [мех], як пярэна. І не выдзяржаў. Трэба ж развязаць, палядзець, што. Развязаў. А там начало ўсё гадства вылазіць... І Бог сказаў: “Будзе гэта тваім пажыўленьнем. Раз ты не паслухаў Мяне, не выпалніў Майго прыказаньня, будзе гэта тваім пажыўленьнем. Ты будзеш яго есьці”. І бусел зачырванеўся, яму брыдка стала. А Бог і кажа: “Гэты румянец будзеш насіць назаўшы”».

[Так таму ў бусла дзюба чырвоная?] – Ага. І ногі. Маленькі, як уродзіцца – сівенькія. А як падрасце – [чырванюць]» [7, с. 356].

Гэты тэкст вызначаецца сярод іншых тым, што тлумачыць не паходжанне бусла ад чалавека, а прычыны таго, чаму непаслухмяная Богу птушка (якой прыпісаны чалавечыя характарыстыкі: цікаўнасць, пачырваненне пры перажыванні моцных эмоцый) стала есці гадаў і чаму яна мае чырвоную дзюбу. Паводле іншага тлумачэння, чырвоная дзюба бусла – вынік таго, што калі ён быў чалавекам, хтосьці яго «застыдаў»:

«Чула такэ. Сыдыць бабы і кажуть: “Бусэнь, бусэнь, а чого ныз в ніго такей чырвоны?” Это с чіловіка... Ішов він, і хтось ёго застыдаў... І от с того чоловіка бусэнь зробыся! Так гаворять. І называлы яго Мікіта... І тэпэрэка як ходыць по болоту, то гаворять: Мікіта найівся жыта”» [5, с. 420].

Паводле іншых легендаў, раззлаваны Бог можа пабіць вінаватага палкаю, адсябаць яго прутам ці галавешчай, ад чаго ў бусла застаюцца чорныя плямы на крылах, чорныя спіна і хвост, а па нагах і носе цячэ кроў, таму дзюба і ногі птушкі чырвоныя:

«Бог будзе біць палкаю, што ён не паслухаў. Вот чорна ў яго, счарнела спіна. Бог сабраў усіх: і гадзюкі, і мышы ў адзін мяшок і завязаў, і даў чалавеку: “Ідзі, ды не глядзі! Да ўтані ў раку, каб не было ў нас”. А ён думае: “Што ж Ты мне даў?” І распусціў. І Бог зрабіў яго буслам. “Будзеш ты цэлы век хадзіць і збіраць”» [5, с. 419–420]; «Ну, бусел, бусел жа, кажуць, з чалавека. Гэта ж даўней гаварылі, як Бог дзяліў усё, і яму сабраў усіх гэтых жаб, казьявак, усіх, і даў гэтаму чалавеку занесьці. Габрусь, яго звалі Габрусь. А цяпер яго завуць Бацяном. І ён панёс у возера ўтаніць ці што, а ён панёс і вытрас, і пусціў гэта ўсё. І ён [Бог] яму, кажуць, галавешкай па задніцы, у яго чорны хвост, за гэта» [6, с. 29]; «Як став бусько с чоловіка. Булы позбіраны – всякэ паскуство: гадынне, жабы, яшчыркы шэ шо такое. І всэ в мышок. Був такый чоловік – Іван. Быг ёго любыв. І Быг поклыкав до сыбэ Ёвана, дав ёму гэтого мышка і сказаў, шоб одніс ёго на край світа і закопав, і шоб ны розвязував, ны дывывсь, шо там такое. Быг ны сказаў Ивановы, шо в мышковы. Заніс Іван того мышка на край світа, выкопав яму. І ны выдыржав – розвязав. Оно крышычку-крышычку розвязав, думаў, шо одним гоком зырну да й зав’яжу, ныц ны встіе с того мышка вылызты. Алэ всэ тое паскуство зразу ж такы выхватылось з мышка і порозлазылось. Іван подумав: обману Бога, скажу, шо закопав мышка. Прышов Іван до Бога, а Быг пытае, чы закопав мышка, нэбысь ны знае. А Быг всэ знав. Іван кажэ, шо закопав. І тут Бог на ёго: “А, от який ты, я тобі вірыв, а ты ны то шо ны зробыв так, як я казав, а шэ й обмануты мынэ хотів!” І вжэ був, був того Ёвана, найбыльш по срацы (по задовы), по носу і по ногах. То срака аж чорна стала (зад аж чорный став), а ногы й ныс – чырвоны, бо по йіх кров тыла. І зробыв з Івана буська. І наказав ёму і ёго поколіннёвы паскуство збыраты. І збырае бусько тое паскуство, йісьць ёго. Алэ бусько – с чоловіка, то він ны можэ буты быз людэй, сілыцьця коло людэй» [9, с. 370].

У сюжэтах пра Ноеў каўчэг чырвоны колер ног бусла асацыюецца з крывёй загінуўшых падчас патопу людзей:

«А мы ўжо Ноевы. Ён быў дастойны ў Бога чалавек, ён быў очэнь дастоен, што Бог яму сказаў, што будзе потоп, сорака дней і начэй будзе ліць дошч, увесь свет патоне. Ну, вот сказаў, што вот, здэлай каўчога. І ён жа ж патом, кагда ўціх дошч, ужэ ж ён стаў выпускаць пціц. Выпусьціў адну пару – тая не прыляцела. Другую – тая не прыляцела. А тады і бусла выпусьціў. А бусел прыляцеў з краснымі нагамі, ужэ па калена ў крыві. Вот паэтаму ён ходзіць, і ў яго красныя ногі. [А што за кроў была?] – Чалавечаская. Людзі ж пагіблі, увесь свет пагіб. Усе пагіблі, толькі асталіся тыя, хто быў

у каўчогу. І вот бусел як выйшаў, так прыйшоў на калена ў крыві. Ён тады і сказаў: “Значыць, ужэ вада спадае”. А патам ішчэ пусьціў, і толькі ўжэ ў гразі прыйшлі каторыя пціцы. І пайшоў сьвет ужэ» [2, с. 544].

Традыцыйнае мысленне адзначае падабенства лап (ног, пальцаў, пазногцяў) бусла і чалавека, ды трактуе гэты факт як пацверджанне «адчалавечага» паходжаньня птушкі:

«Гавораць, Бог хадзіў на зямлі. І сабраў усіх – і вужоў, усю эту... І яму даў у мяшок: “Ідзі і ўтані эты мяшок”. І чалавек ня выдзержаў, узяў і развязаў. А як развязаў – так і пусьціў на сьвету эту во. Дык Бог яму так сказаў: “Будзеш ты ўсё ўрэмя на балоту хадзіць і жаб і ўсіх этых лавіць”. Вот гавораць. А я бачыла бусла нежывога, дык у яго лапы такія, як у нас рукі. І ногці такія, усё» [2, с. 594]; «Што ён (Бог) сабраў у мяшок усякіх казьяк там, і вужак... Сабіраець во цяпер, ходзіць. А буцян – эта чалавек. А яго ж ногі – пяць пальцаў. Гаворуць, Бог пасабіраў у мяшок і вужак, усіх там дрэнных і завязаў. “І не глядзі, – гаворыць, – нясі іх і ўтані”. А чалавеку ж не цярпелася. А яму ж захацелася развязаць мех. Развязаў. А яны ўсе і распаўзліся. Вот цяпер яго Бог ператварыў у буцяна і сказаў: “Сабірай!”» [6, ч. 1, с. 29].

Як указвалася вышэй, у некаторых тэкстах увага можа акцэнтавацца на адметнасці бусліных лап і дзюбы, прыстасаваных для збірання гадаў:

«Ну, росказвалы, шо ніколы Буг пасабіраў гэтого всёго і зав’язав у мышок: там і лягушкі, яшчэрыцы... І дав чулувіку: “На гэтого мышка, занысы куда-то, но не розв’язвай ёго”. І вон нысэ, а воны ж там шэвеляцца, воны шэвеляцца. І вон не выдзержав, як розв’язав, а воны – хто куды як розбегліся! Вот Буг зробыв ёго на двух ногах довых, з довыю дзюбыю – і ходы, збырай» (ФА; Перасудавічы, Бярозаўскі р-н).

Практычна любыя з прыведзеных сюжэтных аповедаў пра паходжанне бусла ад чалавека могуць актуалізавацца з мэтай сцвярджэння/пацвярджэння забароны шкодзіць гэтым птушкам. Матывіроўка святасці бусла і забароны яго крыўдзіць можа быць і такой:

«Да, бусла забіваць няможна. Ён як святы. Дажэ неяк, гаварылі, праважаў Матку Боскую. Матка Боская ехала на моры і бусел разам з ей, вот няможна» [6, ч. 1, с. 30].

Стаўшы птушкай, бусел селіцца побач з чалавекам, на стрэхах хат, ходзіць за земляробамі па полі, спрыяе людзям. Паўсюдна на Беларусі лічыцца, што жылёе гняздо бусла на даху дома з’яўляецца шчаслівай прыкметай. Калі ж буслы не вярнуліся на весну ў сваё гняздо, то на той сядзібе неўзабаве нехта памрэ [10, с. 234].

«Если буслы селятся на доме – это счастье. А если покидают дом – это уже к несчастью» (ФА; Ляплёўка, Брэсцкі р-н); «Як бусел на хаце гняздо робить, то харашо» (ФА; Здзітава, Бярозўскі р-н); «Очень к счастью, если буслы селяцца на дом. Говорят, птицу нельзя трогать» (ФА; Белаазерск, Бярозаўскі р-н); «Кулы бусён зробіць гняздо на хаты, то будэ дустаток у сям’і» (ФА; Кустын, Брэсцкі р-н).

Пабачаны ў сне бусел таксама вяшчуе дабрабыт: «Бусла (бацяна) – дабрабыт. Наогул, буйных птушак бачыць – добры сон, а дробных – блага» [12, с. 431].

Нездарма вяскоўцы гняздо для бусла ўладкоўваюць на хаце, гумне, дрэве, слупе ля жылля. «Дачыненні чалавека і бусла – прыклад гарманічнага суіснавання чалавека і дзікай прыроды, якая становіцца свойскай: чалавек дапамагаў буслу будаваць гняздо, ахвяруючы дзеля гэтага старыя колы, бароны, кладучы туды кавалкі жалеза, медзі. За гэта бусел магільным чынам засцерагаў жыллё ад пажару або папярэдждаў, што жылло спаліць пярун» [3, с. 56]. Паводле сучасных запісаў, «дзе бусел зробіць буслоўку, там пажару не будзе» (ФА; Гошчава, Івацэвіцкі р-н); «Того гнезда нэ можна розбыраты, диткі. Нэ можна. Гэто ніколы в нас гаворылы старыі бабы, я помню. Еслі бусэнь зробіць на хаті гнездо, в тую хату пэрун нэ вдарыць, гром, молнія. І ійі нэ можна скі-

даты, бо нэ повэзэ в сэмні, як скінэш гнездо» (ФА; Спорава, Бярозаўскі р-н); «Ну, бусла ў сёлах шануюць. Кажуць, дзе бусел вядзецца, дак там перуна ня бойся – спасенне добрае. А як гэта, я ўжо не знаю. Бог яго знае» [5, с. 587]; «[Дзе бусел гнездо] зробіў, то туды гром не будзе біці» [5, с. 588].

Лічыцца, што буслянка ахоўвае хату ад маланкі і пажару ўвогуле, ад граду, спрыяе прыбытку ў гаспадарцы. Ад перуна раілася хавацца пад дрэва з буслянкай, бо ў такое дрэва ніколі не ўдарыць маланка. Калі буслы прадчуваюць, што ў хату трапіць маланка, адбудзецца пажар, то пакідаюць хату і пераносяць птушанят [Валодзіна Бусел]. Калі бусел пакідае хату, як ужо адзначалася, чакаюць смерці яе жыхароў:

«Вот, значыт, адно врэм’я... Гэта шэяць пяты год... Над хлявом [буслы] вялісь. А патам яны не прыляцелі. І свёкар кажа: “У нашай хаце будзец, мусі, някая ўжо бяда. Можэ, я памру”, – кажа. І точна, не прыляцелі буслы, той год у марце месяцэ, дваццаць васьмога марта умер свёкар, патам трыццаць первага ацябра разбіўся ў мужа брат, самы младшы, трыццаць сем лет”. Цікава, што калі чорная паласа ў жыцці сям’і праходзіць, буслы вяртаюцца: “І вот гэтыя беды як прайшлі, апяць пасяліліся буслы і жывуць да сёх пор. Дзе буслы вядуцца, там шчаслівая хата”» [7, с. 531].

Калі буслоў часта трывожыць, яны пакінуць гнездо:

«У нас соседка, рядышком со мной дом, и буслы где-то в том году построили там гнездо, на столбу. Но я когда-то слышала, помню, мне отец говорил, он-то уже умер лет 5 назад, но он рассказывал, шо буслы когда селятсья, их нельзя тревожить, потому что они улетают. Я в это не верила, но у нас на столбе, когда-то прилетели буслы в том году, весной. Они построили гнездо, тут эта соседка (а они гадили на забор, бетонный этот) и соседка всё время там ходила, убирала, потом клеёнку настелила и шелестело всё. И эти буслы, шо вы думаете, родились маленькие детки, и она там шелестела и они там улетели, забрали детей и улетели» (ФА; Спорава, Бярозаўскі р-н).

У апаведзе пра вясковую «вядзьмарку» знішчэнне ёю буслінага гнязда ставіцца ў адзін шэраг з іншымі доказамі яе «не-(без-)чалавечасці»:

«По ночоx мы нэ можэм спаты, бо вуна выходыць с хаты і вые, як вовк, а то шэ іначый рычыць, як тая звіруга, на всю вуколыцю. Мало того, бырэ якуюсь жылізяку і стукае ею уб выдро. Кулы люды з вокон наблюдалы за гэтым всім, то давалыся дыву, бо була вуна зусім голая, без удэжсы, а над гулувою як будто рій нейкіх пчл чы мух... А буслоў... Вуна ж сначала палкію згоняла тых буслоў, была йіх, кляла, а потым взяла пылу і спылыла дэрыво зусім. Вуна нікога ны любыць, удгоняя і кутыв, і субак – усё жывое» (ФА; Чэрск, Брэсцкі р-н).

Шкодзіць буслам, асабліва забіваць іх, ужываць у ежу – вялікі грэх, карай за які можа быць хвароба, слепата, смерць вінаватага, яго дзяцей, немагчымасць працягу роду:

«Калі скіне хто-небудзь бусла гнездо, то ў том месце чы сяле будуць дзеці ўміраць» [10, с. 236]; «Хто разбурыць буслянку і асабліва заб’е буслянятаў, той накліча на сябе і на свой дом шмат няшчасцяў, між якімі могуць быць і пажары, і смерці» [10, с. 236]; «[А казалі, што калі гнездо разарыці, то можа адпомсціць?] – Ну таке ў нас гаворілі. Одін разорыў, той осьлеп, другому тожэ такое што-то случілось» [5, с. 588].

У аповедах пра бусліную помсту можа актуалізавацца матыў сувязі гэтых птушак з хтанічнымі водамі, гадамі. Так, лічаць, што пакрыўджаны бусел можа занячысціць калодзеж, кінуўшы ў яго гадзюку [3, с. 56], ці нанасіць вужоў у хлёў:

«Грэх вялікі бусловае гнездо раскідаць. Ён можа вужоў нанасіць у хлёў. Нас радзіцелі, бабы нашы, дзяды, навучылі нас, што ета грэх – раскідаць гнездо, дак мы ўжо і дзяцей вучым і ўнукаў» [2, с. 765].

Увогуле ў семіятызацыі бусла матыў яго сувязі з гадамі (крайне адмоўна ацэненымі, нячыстымі жывёламі) з'яўляецца адным з вызначальных. Гады, якіх да смерці павінен збіраць бусел, называюцца сатаной:

«Кауць, шо бусько – чалавек. Яго забіваць не можна, грэх. Бо Ён, Бог, гэту сатану: вужэй, жабу... да гэту ўсю брыдасць пазбіраў, [ці] загадаў – да нехта ж пазбіраў, да ў мяшок, да ў мяшок, да ў мяшок... А мо закамандаваў, то яны і самі паўзлі – то ж Бог! Да... угэ загадаў некатараму чалавеку, шо ты занясеш... у рэку кінеш. А гэты чалавек нёс, нёс гэтаго мяшка і раздумаўса: “Шо ж я к рацэ прынёс? Прынёс да смага ракі, а не знаю, шо. Я развяжу да зірну”. А як развязаў – яны ўцякаць із мяшка, уцякаць, а ён барджэй зав'язваць, а іх жа ж і ўцякло! А [чалавек] думаў, шо Бог жэ ж не ведацьме. І ён: “Ну, уцяклі, чорць яго бяры тые! – а гэтыя, [астатнія], укінуў”. А Бог каэ: “А, так ты не ўсцярог, да назад распусціў, дак ты застанесса буськам, і будзеш усю жызню збіраць жабаў, вужэй – это твае харчэ. Ты будзеш збіраць да смерці”. То эта е, праўда» [5, с. 418].

Але найчасцей сярод розных пакаранняў людзей, якія зрабілі шкоду буслам, называецца пажар ад перуна: *«Если разбурить гнездо бусла, что на доме, то дом спалит перун»* (ФА; Сялец, Івацэвіцкі р-н). Пакрыўджаны бусел сам адпомсціць тым, што прынясе галавешку і падпаліць негасцінную сялібу (ФА; Вялікая Турна, Камянецкі р-н).

«Нельзя рушыць бусліныя гнёзды, таму што бусел берёт костёр, як шо горіт, бярэ головеньку, веточку і её несёт, поджыгае хаты» (ФА; Кабёлка, Брэсцкі р-н). *«А я так чула гэтак расказвалі. Вёўся бусел, а не хацелі людзі, каб ён вёўся на хаце ці кала хаты. Знаеце, як вядзецца бусел, там і гразна, і ўсё. І яны ўзялі, спаролі тое, што ён зрабіў гнездо, і ськінулі, прагналі аттуда. А казалі, дзе-та ў полі пасьвілі пастухі і клалі агонь. І той бусел узёў галавешку і прынёс, і сунуў таму чалавеку ў стрэху. Тады саламяныя стрэхі былі. І, кажучь, спаліў хату»* [7, с. 531].

У сувязі з «вогненнай парадыгмай» вобраз бусла характэрныя матывы выкрэсвання агню, падкурвання, якія прысутнічаюць у заклічках, звернутых да гэтай птушкі:

«Иван, ўкраши нам агню!» [4, с. 664]; *«А мы, тые разы ў дестве, гаворым: “Дзядзько Кузьма, дай люльку пакурыць!” – разоў сколькі крыкнем, а тады так о нагою, ета нам інцярэсна: дае нам люльку пакурыць. На балоце жылі, так звалі дзядзьком»* [2, с. 594].

У гэтым кантэксте паказальная жытомірская легенда пра курыльшчыка, якога Бог ператварыў у бусла [4, с. 664]. Найчасцей бусел звязаны з перуном, нябесным агнём:

«Што ўжо само на сабе важна, бусел усведамляецца менавіта як носьбіт нябеснага агню, як распарадчык і ахоўца яго, як апякун над іншымі нябеснымі стыхіямі, да прыкладу над ветрам» [3, с. 56].

У Пінскім Палессі жнеі просяць бусла: *«Иванько, Иванько, зашли нам трохи витру, бо не здюжим жаты»* [4, с. 665].

Сувязь бусла з нябеснай сферай светабудовы ўскосна выявілася ў заклічках, скіраваных да гэтай птушкі з мэтай даведацца пра надвор'е: *«Бусел, бусел лети через колоду, расскажи нам про погоду»*. І сачылі за палётам птушкі: *«Летит по кругу – хорошая погода»* (ФА; г. Іванава); *«Колы лытыць бусёл, трэба сказаць: “Бусёл-колодэць, шчо завтра будэ? Дожь чы погода? Раз, два, тры, лыты”*. *Колы крыллямы нэ замашэ, то погода будэ добра»* (ФА; Атрамечавы, Брэсцкі р-н). Дзятва, убачыўшы ў небе бусла, крычыць яму: *«Бусел-калода, што заўтра будэ – дождж ці пагода?»*. Калі той працягвае палёт, нерухома разгарнуўшы крылы, значыць, будэ пагода, а калі бусел пачынае махаць крыламі, то трэба неўзабаве чакаць дажджу [13, с. 204].

Надзвычай часта бусел фігуруе ў метэаралагічных прыкметах: «*Колы бусёл у гнызді клокочыць, то погода добра будэ*» (ФА; Астрамечавы, Брэсцкі р-н); «*Як бусэнь нэсэ в дзюбовэ розочку, полінцэ – будэ погода, тепло, а як нэсэ сіна чы гэтай... травы – будэ холод. Як бусэнь на комэн устанэ на одной нозі, тожэ холод будэ*» (ФА; Споравы, Бярозаўскі р-н); «*Як бацян шукае жабаў на полю, то будзе дождж*» [13, с. 203]; «*Як буслы часта і доўга шлякочуць, то будзе слота*» [13, с. 204]. Калі бусел нясе ў дзюбе смецце, то будзе дождж (ФА; Альшаны, Столінскі р-н), а калі «жыруе» на балоце, то пагода [13, с. 203]. «*Калі бусел шукае ежы на полі, а после сядзе на плоце, то будзе ад дажджу столькі вады, што, хадзіўшы, будзе ногі паднімаць амаль не так высока, як той плот, а як жа сядзе ў жніва на капе, то глядзі, што і копы пагніюць. Калі бусел шукае корму на балотах і мокрадзях – гэта паказвае на пагоду, а калі на полі – дождж*» [13, с. 204]. Калі буслы садзяцца на полі – будзе доўгі дождж [13, с. 204], а калі, апісваючы ў паветры колы, падымаюцца ўсё вышэй – будзе пагода [13, с. 204]. Калі ў нейкі дзень буслы не адлятаюць далёка ад гнязда, а трымаюцца паблізу – у той дзень трэба чакаць непагадзі [13, с. 204]. Перад надыходам халадоў буслы звычайна трымаюцца на гумнах і агародах [13, с. 204]. Калі бусел сядзіць на крыжы, то трэба чакаць «дажджлівых часоў» [13, с. 204]. Перад яснай пагодай буслы лятаюць кругамі вакол сваіх гнёздаў [13, с. 204]. Па паводзінах буслоў рабілі і доўгатэрміновыя прагнозы. Так, калі ўлетку буслы часта збіраліся ў статкі і кружыліся, то чакалі, што наступная восень будзе халодная і непагодлівая [13, с. 205].

Назіралі таксама за прылётам буслоў вясной. У шэрагу мясцовасцяў лічаць, што бусел прылятае разам з ластаўкамі або з жоравамі, кулікамі, драздамі: «Пасля жаваранкаў паяўляюцца пліскі, затым на 10–12 тыдні ад Каляд прылятаюць вадзяныя птушкі, дзікія качкі і гусі... Потым прылятаюць буслы, жураўлі, кулікі, зяблікі, дразды і іншыя, пасля 15 тыдняў ад Каляд» [13, с. 124]. Як і ў дачыненні да першага прылёту зязюлі, ластаўкі і некаторых іншых птушак, шмат прыкмет звязана з прылётам бусла. Прымеркаваныя да пэўных каляндарных свят прылёт (Благавешчанне – «*Хоць снегам падаўлюся, а да Благавешчання я яўлюся*» [6, ч. 2, с. 326]; дзень св. Іосіфа – 19 сакавіка) і адлёт буслоў (парэмія «*На Спас – полэтыць буські од нас*» – ФА; Моталь, Іванаўскі р-н) улучаюцца ў сістэму «доўгатэрміновых» народных прадказанняў надвор'я і, адпаведна, ураджаю. Па раннім або познім **прылёце буслоў** мяркуюць аб прыходзе вясны і ўраджаі льну: «*Як прыляталі яшчэ перад Благавешчаннем, значыцьэта к ранней вясне, после Благавешчання – к позняй*» (ФА; Тальмінавічы, Ляхавіцкі р-н); «*Калі буслы прылятуць раней, лён будэ добры*» (ФА; Мачулішчы, Камянецкі р-н). У Жыткавіцкім раёне Гомельскай вобласці першы бусел, пабачаны стаячым, можа прадказваць высокі лён: «*будэ лён стаяць*» [4, с. 652]. Адлёт буслоў праецыраваўся на ранні альбо позні надыход наступных сезонаў – зімы і вясны: «*Калі перад Спасам буслы (за тыжджэнь) станут адлятаты, то зіма будэ рано і з марозам, а вясна – цёплая*» (ФА; Мачулішчы, Камянецкі р-н). Ранні адлёт птушак у вырай, асабліва адлёт буслоў каля Спаса, азначае хуткі надыход халадоў і суровую зіму, а пасля яе – цёплую вясну [10, с. 519], ранні ці позні адлёт буслоў – на раннюю ці познюю зіму [13, с. 205]. Буслы на зіму адлятаюць высока – пратрывае доўгая пагода [13, с. 205]. Увагу звярталі і на знешні выгляд прыляцеўшых буслоў: «*Калі буслы прылятаюць увесну брудныя і прамоклыя, то лета будзе дажджлівае, калі ж вернуцца сухія і худыя, то будзе сухое лета. Таму што поры года з'яўляюцца гэтаксама, як і птаства з далёкіх краін*» [13, с. 203]. Глядзелі таксама, які будзе год: калі бусел скіне з гнязда яйка – добры год, хлеба купіш за яйка, калі птушаня – благі, неўраджайны, хлеба не купіш і за дзіця [3, с. 56]. «*Бусел як на голад – выкіне*

бусьяляня, а на ўраджай – то яйко» [7, с. 531]; «Неколі тут клуня стояла, то тут куб-ло робылі. Штыры птушкі высэдьвалы. Однэ воны выкідалі, альбо ейца, альбо тэ птэшэнятко выкінут. Кажуть, ейцо – то нічэго, а як птушэнятко – будэ голодны год» (ФА; Іванаўскі р-н).

Пры першай сустрэчы з буслам, як і пры першым каванні зязюлі, рэкамендуецца мець пры сабе грошы. У Кобрынскім раёне грошы ў кішэні ў гэтым выпадку абяцаюць багацце, ключы – вялікі дастатак, а пустая кішэня – страту [4, с. 652]. Пабачыць першага бусла ў палёце прадказвае шчасце, лёгкасць, хуткасць, здароўе, дабрабыт:

«Як бачыш, бусел ляціць, то будзеш лёгка бегаць, а як сядзіць, угледзіш, то кепска» [5, с. 588]; «[Шо як пэршы раз пубачыш буська?] – Як ходзячэго буська пэршы раз пубачыш, ходзячэго, то ны будыш пальцюв збываты, а як лытячэго, то будыш пальці збываты» [9, с. 369]; «Калі бусел ляцеў, значыць ты будзеш лёгка цэлы год: будзе здароўе, будзе быстра бегаць, хадзіць, а, еслі будзе седзячы, значыць будзеш тожа такі больш спакойны, павольны» (ФА; Тальмінавічы, Ляхавіцкі р-н); «Як вэсною ўбачыш пэршы раз бусла як стоіт, чы ходзіць по полі, то будут болецці ногі ў гэтым году, а як обачыш которы леціт, то будэ легко ходзіці, як летаці» (ФА; Міхнавічы, Бярозаўскі р-н); «Калі вясной убачыш першага бусла лятучага, то будзеш шмыткім, а як сідзячага – то наадварот» (ФА; Вялікая Турна, Камянецкі р-н).

Нярэдка бусел (птушыная пара) становіцца вяшчуном вяселля, сямейнага дабрабыту: «Як обачыш бусла ў гнэздзе, то до добраго сямейнага жыцця» (ФА; Міхнавічы, Бярозаўскі р-н); «Як першы раз відзіш бусла (дзяўчына), як ён ляціць з вырая вясной, у пары, значыць будзе пара, замуж выйдзе і парэнь харошы будзе, еслі адзін, значыць будзеш адзінокім» (ФА; Тальмінавічы, Ляхавіцкі р-н). Калі першы раз у новым годзе (пасля зімы) убачыш двух буслоў, будзеш у пары, калі ж убачыш бусла, які стаіць на адной назе ці з перабітым крылом – у годзе будзеш хварэць (ФА; Пажэжын, Маларыцкі р-н). «Як бусел ляціць, да дзеўка шчэ маладая, да, кажэ, як пабачыць, што два буслы ляцяць, значыць, у етым гаду замуж пойдзе. А як ужэ аднаго – значыць, ня пойдзе. А як ужэ у нашым возрасце і пабачыш, як бусел ляціць, значыць, яшчэ будзеш бегаць нагамі, ногі ня будуць балець. А як сядзіць на месце, ай, кажэ, сядзіць на месце – то і сам будзеш сядзець» [2, с. 765].

З прыведзенымі ўяўленнямі пра важнасць першай у годзе сустрэчы чалавека з прыляцеўшым буслам звязаны разнастайныя рытуальныя акты, скіраваныя на забеспячэнне ў наступным годзе здароўя, ураджаю, дабрабыту. Калі бачылі першага бусла, маглі прыгаворваць: «На ціхае лета, на буйнае жыта, а нам на здароўе». У Віцебскай губерні каб ногі не балелі – беглі ўслед за буслам, а на Піншчыне – куляліся. У Гомельскай вобласці пры гэтым гаварылі: «Надзелі, Божэ (бусечко), здароўем!» ці прыхіляліся да дуба са словамі: «Бусько-бэрэзіна, коб не балела сэрэдына» [4, с. 653]. У Віленскім павеце завязвалі на хустцы вузел, які давалі развязаць хвораму на ліхаманку [4, с. 654].

У Магілёўскім павеце з прылётам буслоў дзяўчаты сустракалі вясну – пачыналі спяваць вяснянкі на дахах хат. У заходнім беларускім Палессі на Звеставанне да прылёту бусла выпякаюць хлябцы з выявай нагі бусла (галёпы) [4, с. 654–655]. «Діты клыкалы на Блавішчынне. Пыклы йім галёпу, борону, сырпа. Вгору пуднымэ і клычэ, наставыть вгору» [9, с. 370]. «Возьмы борону з тіста, такую галёпу, сырпа, і крычялы: “Бусько, бусько, на тобі борону, дай мыні жыта сторону! Бусько, бусько, на тобі сырпа, дый мыні жыта снопа!” І так о звалы буська вжэ. І вжэ гэта – галёпу, такая бы рука, і клыкалы: “Бусько, бусько, на тобі галёпу, а дай мыні жыта копу!” (гэто копа – шэйсят снопов)» (ФА; Перасудавічы, Бярозаўскі р-н). «Маты робыла хлябцы і часта-

вала малых дзяцей, у выглядзе бараны (хлопчыкам), сярпа, буславых лапак (дзяўчынкам). Носылі іх у кішэні, а як побачаць бусня, крычалі: “Бусён, бусён, на тубі лапкы, а нам здуров’е. Шоб жыто родыло, шоб пшаньця була на всякую долю, шоб было йіі вволю і тому бідному каліке, шо нэ можэ сам зрубывты”» (ФА; Кустын, Брэсцкі р-н). «Семантыка вобраза бусла перадусім выяўляецца з кола вераванняў, звязаных з прылётам гэтай птушкі на Звеставанне (Благавешчанне). Дзеянне з рытуальным печывам, прысвечаным буслу, і суправаджальныя заклічкі дэманструюць судачыненне яго з вышэйшай сакральнай істотай, якая забяспечвае ўраджайнасць на зямлі» [3, с. 56].

Паводле народных уяўленняў, бусел з’яўляецца медыятарам паміж чалавечым і нечалавечым светам і **падацелем не толькі ўраджаю, але і дзяцей**, якія ўспрымаюцца як падарунак чалавеку з боку прыродна-касмічнага свету. Дасення актуалізуюцца ў якасці жартоўных формулы кшталту «дзяцей прыносіць бусел»; так дзецям тлумачылі факт іх з’яўлення на свет.

«[А як у вас тлумачылі дзецям, адкуль яны з’явіліся?] – Ну, бусынь прыніс, у комын кынуў, кажуть, такім замазаным був, помылы ёго – і став чыстынькый» (ФА; Яромічы, Кобрынскі р-н); «Ну, дэтем гаворылы, шо вот я тэбэ нашла ў капусце, а тэбэ нашла ў лісы, а тэбэ аіст прынес, а тэбэ там... Ну, о так о гаворылы – у капусце, у лісы, а то аіст прынес» (ФА; Залессе, Пінскі р-н); «[Казалі], нашлы в капусте чы буська прынес» (ФА; Ляхавічы, Іванаўскі р-н).

Зафіксаваны ўяўленні пра тое, што птушка можа прынесці дзяцей у адказ на адрасаваную ёй просьбу: «Колы добрэ бусла попросыты, то вун можэ дитэй в хату прынысты» (ФА; Радзеж, Маларыцкі р-н). Мінімальныя формулы «бусел прынес» могуць суправаджацца ўдакладненнямі, што птушка выняла/выкінула дзіця з пэўнай умяшчальні («Буська з кубла выкінуў»), пакінула яго ў прыродным локусе (балоце, вадзе) ці ўкінула ў комін, як у прыведзеным вышэй прыкладзе. Акрамя таго, што бусел выступае падацелем дзіцяці, ён прадказвае яго з’яўленне ў чалавечым свеце: калі бусел каля хаты звіў гняздо, чакалі нараджэння ў ёй дзіцяці (ФА; Падгорная, Баранавіцкі р-н); «Ну а як там мулода сем’я жыве, і буська кажны год віводіть там птенцы свое, то і буде сем’я здороба, і буде богато ў іх детей у хате» [5, с. 588]. Мужчынская сімволіка бусла выяўлена ў народным тлумачэнні сну: «Як кабеце ў цяжску сніцца бусел, сын будзе» [12, с. 431]. Уяўленне пра адносіны бусла да дзетанараджэння, а таксама прыкметы пра шлюб і нараджэнне ў сувязі з першым буслам звязаны з фалічнай сімволікай яго дзюбы, якая выяўляецца, у прыватнасці, у паводзінах апранутага буслам у калянднай (а зрэдку і ў вясельнай) абраднасці, калі ён дзяўбе сваёй дзюбай дзяўчат, што мае выразны сексуальны характар [4, с. 661]. У Мядзельскім раёне Мінскай вобласці падчас падзелу кашы на хрэсьбінах у хату прыходзіў «бусел», чалавек у вывернутым кажуху і са звязанымі зверху рукамі, якія нагадвалі дзюбу бусла. Ён віншаваў с новароджаным, прыносіў ляльку, якая прадстаўляла другое дзіця, і казаў бацькам: «А калі добра будзеце прасіць, то я буду іх [дзяцей] насіць, і насіць, і насіць» [4, с. 660].

У шэрагу кантэкстаў бусел-медыятар, «вешчаўнік» звязаны з ідэямі навізны, змены стану, з пераходным статусам, лімінальнасцю – не толькі з нараджэннем, але і смерцю чалавека: «У мяне ўнучка Наташа ўбірала ў поле картошку з сынам Колям, а яны [буслы] прыляцелі. Адзін – на адным стаўбе, другі – на другім. А яна гаворыць: “Бабушка, гэта нехарашо, што ён прыляцеў сюды”. На табе, сколькі прайшло – дзед умер. Да, гэта, гавораць, вешчаўнікі» [6, ч. 2, с. 326]; «Бусел есці сядзе во на хаце, на комін, знай, што ўжо хто-та ўмрэ. [А бусла можна забіваць?] – Нікагда, нікагда. Бусел – ён сьвяты. Дажэ бусылянят яго не трогаюць нікагда» [2, с. 765].

Паводле народных тлумачэнняў сноў, бусел вяшчуе розныя змены, зрухі, страту ці прыбытак, гасцей: «*бусла (буцяна) бачыць – вялікая страта*» [12, с. 431]; «*бацяна (бусла) лятучага бачыць – пераездка, на гняздзе – спадзявайся гасцей; да бацяновага клопату прыслухоўвацца – важныя выпадкі між родных*» [12, с. 431].

Сакральны статус і медыятыўная функцыянальнасць бусла выяўляюцца і ў іншых кантэкстах: «Разуменне бусла як апекуна і распарадчыка ўраджаем і дабрабытам, як істоты, што “прыносіць” дзяцей, сцвярджае натуральнасць яго знаходжання сярод гурту калядоўшчыкаў. Светапогляднай глыбіннай семантыкай вобраза бусла з’явілася судачыненне з продкамі, замагільным светам, што на больш познім этапе дазволіла бачыць у гэтай птушцы ўвасабленне самога Бога» [56]. Адзначым, што ў шэрагу запісаў бусел згадваецца ў адным кантэкце з Богам, але не лічыцца птушкай святой, «боскай» у сэнсе знаходжання пад апекай і ўладай Бога. Можна сцвярджацца незалежнасць бусла ад Бога і забарона крыўдзіць гэтую «паганую» птушку з-за боязі помсты: «*[А бусла можна забіваць?] – Не! Кажуць, ён ад Бога незавісімы, гэты бусел. І бусел тожа паганы, можа хату запаліць, еслі яго абідзіш*» [2, с. 765].

Адмыслова трактуецца і прыпісаная буслу «атрутнасць» (з-за яе птушка шануецца як «свяшчэнная»): «*Я Вам скажу, чого вын, [бусел], свяшчэнны. Мы ўсі боімос гадюкі. А вын своїм усім ядом гадюку побэждае – бусэл. І вот вын называвса нэ такі. Вын вэльмы ядовіты. Вын кусаты ныкого нэ кусае, алэ ежэлы ўкусыть, то нэ будэ нікакого срэдства*» [5, с. 587].

У дачыненні да буславай маці можа выразна выяўляцца дваістае стаўленне (з перавагай адмоўнага): яна і моліцца Богу, але і маркіруецца дэманічнай (і/ці медыяльнай) прыкметай храматы (ламае нагу, ідзе па трэцюю), аказваецца ў пекле: «*Бусел, бусел, кля-кля, твая маці ў пекле, // Малілася Богу, да зламала ногу. // Пайшла па другую, зламала другую. // Пайшла па трэцю, зламала і трэцю*» (ФА; Пачапава, Баранавіцкі р-н). У сувязі з медыятыўнасцю бусла, далучанасцю яго да «чужога» свету, невыпадковымі падаюцца звязаныя з гэтай птушкай матывы кола, а таксама размяшчэнне буславых дзяцей за лесам, як у заклічцы: «*Бусел, бусел, калясом. // Твае дзеці за лесам. // Ці ўсе ці ня ўсе, палавіна ў аўсе. // Палавіна ў жыце, нада іх пабіці*» [2, с. 796]. Звяртае на сябе ўвагу і на першы погляд нехарактэрны для «тэксту бусла» матыў лакалізацыі буслянят у жыце і заклік іх «пабіці» (між тым, як указвалася вышэй, сувязь бусла з жытам выяўленая ў пэўных кантэкстах). Найчасцей лакатыўна бусел звязаны з балотам, вадой, як у прыведзеных вышэй легендах, а таксама ў выслоўях тыпу «*ходзіць як бусел ля вады*», «*ходзіць як бусел па балоце*» [14, с. 411]. У аповедах пра знакі канца свету фігуруе дэманалагізаваны вобраз жалезных буслоў з жалезнымі рагамі – ваенных самалётаў, што нясуць смерць: «*Когда солнечное затменьё было, говорили старые люди, то оказия буде, то Бог пошлёт войны, болезни на людей. И будут железные буськи летать з железными рогами и людей будут убивать*» [15, с. 393]. У такіх кантэкстах найчасцей фігуруе вобраз жалезых варон (самалётаў).

У шэрагу песенных і іншых тэкстаў прыпадабненне чалавека да бусла скіраванае на высмейванне першага, як у вясельных сатырычных песнях («*Ды казалі, наш малады // Вельмі харош. // Ажно ў яго доўгі нос, // Па яблычку вочкі, // Буслаў нос. // Ды насытце яму канпель, // Няхай клюе, як верабей. // Няхай скача, як белка, // Няхай плача, як дзеўка*» (ФА; Нежыхаў, Брагінскі р-н)) і дразнілках («*У чырвоных ботах // Ходзіць на балотах // Бусел даўганосы, // Жабы сабе носіць*» (ФА; Аброва, Івацэвіцкі р-н)). Варыянты гэтага тэксту могуць функцыянаваць як забаўлянькі. Працістаянне бусла (які ходзіць па балоце і паводзіць сябе як «некультурны прыганяты») і жабы выяўлена

і ў іншых тэкстах дзіцячага фальклору, прыкладам: «Ходыць бусён по болоті, // Гоньць жабу до работы. // Жаба кажэ: “Ны пыду!” // Бусён кажэ: “Завыду!” // Бусён кажэ: “В морду дам!» // Жаба кажэ: “В суд подам!” (ФА; Прыбаравы, Брэсцкі р-н). У парэміях вызначаюцца такія стэрэатыпныя рысы бусла, як доўгія ногі і шыя: «цыбаты як бусел» [14, с. 416]; «шыя доўга як у бусла» [14, с. 416, 423].

Зняважлівае стаўленне да бусла-піюкі выяўлена ў шырока вядомых дзіцячых песеньках пра пір у вераб'я, дзе «шчыгел важна паходжае, // Цяплю ў танец просіць, // Галка піва налівае, // А удод разносіць. // За здароўе вераб'я // Пілі, елі аж да дня, // А бацяня упіўся // Ды пад стол зваліўся» [16, с. 253–254]. Між тым у іншых дзіцячых песнях бусел можа быць заняты прыстойнай працай: «Арол меле, арол меле, // Бацяня насыпае, // А крумкачык, добры хлопчык, // Муку абірае» [16, с. 260–261]; «Бацяня меле, бацяня меле, // А крук насыпае» [16, с. 261–262]; «Крук меле, крук меле, // Бацяня насыпае» [16, с. 263–264]. Бусел можа займаць пачэснае месца на куце і сярод іншых арніталагічных персанажаў вылучацца адукаванасцю: «Сядзіць бусел на куце, // У тры лісты піша, // А журавель на прыпечку // Дзяціначку калыша. // А перапяліца // Ха-ту падмятае, // Сарокі прыданкі // Скачуць паверх лаўкі, // Сядзіць сава на куце, // Скоса паглядае. // – Не журыся, снегурок, // Будзеш панаваці. // Ты будзеш свіней пасці, // А я заганыці» [16, с. 268–269].

Заклучэнне

Бусел у беларускай традыцыйнай духоўнай культуры звязаны з цэлым комплексам міфалагічных уяўленняў, эксплікаваных ці імпліцытна прадстаўленых у вербальных тэкстах розных жанраў (ад заклічак і клішаваных фальклорных параўнанняў да песень і народна-біблейскіх легендаў), у рытуальнай практыцы (дамінанта вясновай абраднасці – дараабменныя адносіны чалавека і бусла), у паўсядзённым сужыцці чалавека з бусламі. На фоне агульнай пазітыўнай трактоўкі бусла, які нібыта паходзіць ад чалавека, суаднесенасці птушкі з Боскім пачаткам, нябеснымі стыхіямі, плоднасцю, дзетанараджэннем, дабрабытам, бяспекай, здароўем, вызначаецца і негатыўная семантыка гэтага арніталагічнага вобраза. Бусел (буславы дзеці, маці) можа атрыбутавацца на кшталт дэманічнай істоты (сувязь з хтанічным пачаткам, жалезам, знаходжанне ў печле, за лесам, на балоце, вадзе, храмата, курэнне тытуню, п'янства, помслівасць, забруджванне вадаёмаў і хлявоў гадамі, збіранне выпушчанай «сатаны» (гадаў) і харчаванне імі). У абодвух варыянтах трактоўкі бусла як чыстай, святой і як помслівай, «паганай», незалежнай ад Бога птушкі забароны яго забойства выяўляюцца ў катэгарычнай форме. Асаблівыя адносіны ўсталёўваюцца для бусла і жыта: з аднаго боку, птушка трактуецца як яго падацель, з іншага – за знаходжанне ў жыце, яго паяданне бусел жорстка караецца. Фальклорныя тэксты шырока адлюстроўваюць яшчэ некалькі параметраў успрымання бусла: яго афарбоўку, падабенства лап з чалавечымі канечнасцямі, медыятыўнасць, звычайку сяліцца поруч з «братамі»-людзьмі, – што на міфалагічным роўні матывуецца паходжаннем птушкі ад чалавека. Псіхічная персаніфікацыя бусла таксама звязана з уяўленнямі пра яго паходжанне ад чалавека, у гэтай птушцы працягваюць бацьць чалавека. Магчыма, дамінантай гэтых уяўленняў у «тэксце бусла» можна вытлумачыць амаль поўную адсутнасць карэляцый яго вобраза з іншымі чыннікамі арніталагічнага кода – для вобраза бусла не характэрна ўтварэнне сталых апазіцыйных ці эквівалентных пар з іншымі арнітаваобразамі. Рэлевантнымі з'яўляюцца эстэтычныя параметры, прыпісаныя буслу. У шэрагу тэкстаў малых жанраў, сатырычных песень прыпадабенне чалавека і бусла мае на мэце высмейванне першага, а сам бусел можа выяўляцца ў зняважлівым рэчышчы.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Швед, І. Гідралагічны код беларускага фальклору / І. Швед // *Białorutenistyka Białostocka*. – Białystok, 2014. – Т. 2. – S. 245–268.
2. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. / А. М. Боганева [і інш.]. – Мінск : Выш. шк., 2013. – Т. 6 : Гомельскае Палессе і Падняпроўе : у 2 кн. – Кн. 2. – 1231 с.
3. Валодзіна, Т. Бусел / Т. Валодзіна, Л. Салавей // *Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўнік / навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько*. – Мінск : Беларусь, 2011. – С. 56–57.
4. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – М. : Индрик, 1997. – 912 с.
5. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. / А. М. Боганева [і інш.]. – Мінск : Выш. шк., 2009. – Т. 4 : Брэсцкае Палессе : у 2 кн. – Кн. 2. – 863 с.
6. Полацкі этнаграфічны зборнік / уклад. А. У. Лобач. – Наваполацк : ПДУ, 2011. – Вып. 2 : Народная проза беларусаў Падзвіння : у 2 ч.
7. Традыцыйная культура беларусаў : у 6 т. / А. М. Боганева [і інш.]. – Мінск : Выш. шк., 2006. – Т. 3 : Гродзенскае Панямонне : у 2 кн. – Кн. 2. – 736 с.
8. Сержпутоўскі, А. К. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў / А. К. Сержпутоўскі. – Мінск : Універсітэцкае, 1998. – 301 с.
9. Климчук, Ф. Д. Духовная культура полесского села Симоновичи / Ф. Д. Климчук // *Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья : сб. науч. ст. / РАН, Ин-т славяноведения и балканистики ; редкол.: Н. И. Толстой (отв. ред.) [и др.]*. – М., 1995. – С. 335–382.
10. Жыцця адвечны лад. Беларускія народныя прыкметы і павер'і : у 3 кн. / уклад. У. Васілевіча. – Мінск : Маст. літ., 1996–1999. – Кн. 2. – 1998. – 607 с.
11. Сержпутоўскі, А. К. Казкі і апавяданні беларусаў-палешукоў / А. К. Сержпутоўскі. – Мінск : Універсітэцкае, 1999. – 191 с.
12. Зямная дарога ў вырай: Беларускія народныя прыкметы і павер'і : у 3 кн. / уклад. У. Васілевіча. – Мінск : Маст. літ., 1996–1999. – Кн. 3. – 1999. – 654 с.
13. Зямля стаіць пасярод свету... Беларускія народныя прыкметы і павер'і : у 3 кн. / уклад. У. Васілевіча. – Мінск : Маст. літ., 1996–1999. – Кн. 1. – 1996. – 591 с.
14. Выслоўі / склад. М. Я. Грынблат. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979. – 520 с.
15. «Народная Библия»: восточнославянские этиологические легенды / сост. О. В. Белова. – М. : Индрик, 2004. – 576 с.
16. Дзіцячы фальклор / склад. Г. А. Барташэвіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – 736 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 07.10.2016

Shved I.A. The Image of the Stork as an Element of the Ornithological Code of the Belarusian Traditional Spiritual Culture

Thy article presents some results of the research work «Zoological code of Belarusian traditional spiritual culture (the records of the XIX – early. XXI century)», which is held on State program of research «Economics and human development of the Belarusian society» (state registration number 20160897 of 13.04.2016). The author conducted a historical-genetic and functional-semantic research of the image of a stork. It was established that on the background of the overall positive interpretation stork, which is derived from human relatedness of the birds with the divine, heavenly elements, fertility, wealth, safety and health, there is also a negative semantics of this arnithological image of the Belarusian traditional spiritual culture

УДК 398.3

Bożena Józefów-Czerwińska

dr, kierownik Zakładu Antropologii

Akademii Humanistycznej imienia Aleksandra Gieysztor (Pułtusk, Polska)

**RYTUALNE WYKLUCZENIE – DAWNE WZORCE BANICJI
I PRAKTYKI MAGICZNEJ ZNANE W FOLKLORZE**

Źródła pisane informują nas, że już w starożytności istniały wzorce banicji, wykluczające z grona swoich tych, co popełnili największe wykroczenia. Wówczas ich domy były rytualnie palone, a ich mienie sąsiedzi rozgrabiali. Takie jednostki skazane były na banicję. Zdaniem niektórych badaczy, podobne wzorce wykluczenia występowały wśród Słowian, a nie jest wykluczone, że zachowały one swój ślad znacznie dłużej. Wraz ze zmianą stosunków społecznych w czasach feudalnych rośnie także znaczenie praktyk magicznych, w próbach dochodzenia przez kmieci swoich praw i sprawiedliwości w relacji z możnymi. Niektóre z tych praktyk, choć do niedawna używane, w zdecydowanie innych też celach, zachowały swój ślad do współczesności, co jest przedmiotem rozważań poruszonych w tym artykule.

Wstęp

Najstarsi mieszkańcy strefy nadbużańskiej dążą do jak najbliższych relacji z Bogiem w nadziei na boską protekcję, ale i na życie w bożym błogosławieństwie. Dzieci, wnuczeta uczone są przez swoich dziadków, aby żyli tak, by nikt przez nich nie płakał, bo za «wylane łzy człowieka, kiedyś będą musieli zapłacić». Zemstę rozmówcy asocjują z ciężkim grzechem, który obciąża człowieka, a już zwłaszcza, jeśli stosowane są w tym celu praktyki magiczne. Powszechnie też sądzono, że wymierzenie kary należy do Boga i nie powinno być udziałem człowieka. Za największe wykroczenia zapłacić mógł nie tylko winny, ale i członek jego rodziny. Dotąd trwa w społeczności pamięć, że np. za świętokradztwo, za krzywoprzysięstwo przodka zapłacą kolejne generacje. Tak tłumaczono niepełnosprawność dzieci, które rodziły się chore w następnych pokoleniach, w rodzinach, w których przodek dopuścił się ciężkiego grzechu, uważając, że dzieci pokutują za czyny przodków, tak oczyszczając ród.

Na białorusko-polskim pograniczu wielokrotnie rejestrowałam w narracjach najstarszych rozmówców następujące stwierdzenia: «*Pan Bóg nie rychliwy, ale sprawiedliwy, to do dziś jest. Jest takie przekonanie bardzo głębokie, że za złe rzeczy wyjdą kiedyś, jak nie teraz to następne pokolenia*»; «*Ze wsi człowiek który jest zrosnięty w tą ziemię nie szuka zemsty, zemstę zostawiamy Stwórcy*»; «*Trzeba przebaczać i grzechu nie brać na siebie*»; «*Prędzej czy później kara winnego dosięgnie: szydło z worka musi wyleźć nie wcześniej niż później*».

Wiele jednak wskazuje na to, że jeśli zbyt długo sprawiedliwość boska nie przychodziła, wówczas z pomocą specjalistów od sacrum, np. znachorów, starano się boski wyrok przyspieszyć. Niekiedy dawniej jednak zwracano się do tzw. czarodziejów i czarodziejek, by winnemu za pomocą magii, karę wymierzyć. Pomiędzy znachorami a czarodziejami w opiniach mieszkańców z południowego Podlasia istniała poważna różnica. Wedle najstarszych, znachorzy byli związani z Bogiem i traktowano ich zazwyczaj jako jednostki mediacyjne, powiązane z dobroczynną dla ludzi mocą sacrum. Ich przeciwieństwem byli tzw. czarodzieje bratający się z odmiennymi, diabelskimi mocami, a przez to uważano ich za wyjątkowo niebezpiecznych dla ludzi.

Na Nadbużu zachodnim wiele z takich praktyk, angażujących znachorów asocjowano z ich zdolnościami, darem umożliwiającym bezpośredni kontakt z Bogiem, Świętymi itp., a przez to mogli oni w imieniu przychodzących skierować do nich prośbę np. o szybsze wymierzenie winnemu sprawiedliwości. W tym świetle słuszność miał Michael Herzfeld, zdaniem którego działania magiczne mogły pełnić ważną funkcję strategii społecznej, pozwalając zachować w społeczności stan harmonii [1, s. 133]. Miały więc one szczególne znaczenie

w społecznościach głęboko religijnych, będących przekonanymi, że życie ludzi i ich powodzenie zależy od relacji istniejących z nadprzyrodzoną sferą i związanymi z nimi jestestwami.

Gdy sięgamy do starszych materiałów źródłowych, niektóre praktyki magiczne, które zachowały swój ślad do współczesności, mogły być związane z dawnymi wzorcami rytualnej banicji, ale i pierwotnie mogły korespondować z próbą dochodzenia sprawiedliwości.

W artykule posiłkuję się głównie wynikami badań etnograficznych, jakie przeprowadziłam na terenie południowego Podlasia w strefie białorusko-polskiego pogranicza w latach 2010–2016. Badania te odbyły się w ramach działalności Zakładu Antropologii Akademii Humanistycznej im. Aleksandra Gieysztor. Sięgam także do XIX-wiecznych opracowań etnograficznych oraz starszych źródeł, by lepiej zobrazować poruszaną w tym artykule tematykę.

Ślady dawnego wzorca rytualnej banicji

Już w starożytności, choćby u plemion germańskich podpalenie było związane z aktem ekskluzji, rytualnego wykluczania winowajców z grona swoich. Badania Karola Modzelewskiego dowodzą, że wzorec banicji był u wielu plemion do siebie podobny, np. majątek poddanego ekskluzji: «Rozgrabiali ci sami ludzie, którzy do tej pory byli współplemieńcami i sąsiadami banity. Po wyroku sądu wiecowego drzwi wszystkich domów były przed nim zamknięte, ale ten społeczny niebyt, stan wykluczenia z ludzkiej wspólnoty, zaczynał się od spalania własnego domu nieszczęśnika. Akt podpalenia był integralną częścią, a właściwie (aktem) inauguracji represji karnej» [2, s. 46].

Również Thietmar dowodził, że jeśli kogoś uznano za wykluczonego represje go dotyczące miały charakter ciągły [3, passus 25], a jak konstatował Modzelewski, po spaleniu domu winnego dokonywano «“nieustającej grabieży” (continua depredatio) dobytku zbrodnia- rza aż do całkowitej utraty mienia. ...Każdy mógł zabrać bezkarnie, co mu się spodobało z dobytku “wroga publicznego”. Jego mienie nie podlegało ochronie... Było to czymś na kształt wróżdy wspólnoty plemiennej, która obracała się przeciwko “czarnej owcy”» [2, s. 46].

Co ważniejsze, ta forma rytualnej ekskluzji była znana nie tylko na rozległych obszarach Barbaricum w okresie wpływów rzymskich [4, passus 12], ale i pojawiała się ona na terenach słowiańszczyzny [5]. Tak było w świetle badań Modzelewskiego u Sasów przed karo- lińskim podbojem (jak i tuż po), a podobne zjawiska rejestrowano też u «pogańskich Lucio- wów, Wagrów i Prusów. Mamy, więc do czynienia z (rytualną praktyką), «charakterystyczną dla ustroju plemion germańskich, słowiańskich i bałtyjskich» [2, s. 46].

Dlaczego jednak o tych praktykach wspominam? Otóż, ten sposób wymierzania kary znany był jeszcze w XIX w., a nawet i w początkach XX w. Najdłużej utrzymał się wedle re- lacji Franciszka Wysloucha wśród społeczności Polesia, gdzie karano pożogą, jeśli groźby wróżd nie skutkowały [6, s. 44]. Z tych powodów sądzę, że warto byśmy bliżej przyjrżeli się tym dawnym aktom rytualnej ekskluzji jednostek ze społeczeństwa, tym bardziej że także tam znano metodę dochodzenia sprawiedliwości, bądź szkodzenia za pomocą *zawitek*, o których dotąd pamiętają jeszcze nadbużańscy respondenci. Informacje o zawitkach mogą się wiązać z rytuałem banicji, wypowiedzeniem tzw. wróżdy, nie wykluczone, że sięgają one swą genezą czasów średniowiecza, a już na pewno są one spotykane w wiekach późniejszych.

Zdaniem niektórych to właśnie zmiany związane z feudalizmem stworzyły «nowe nie- prawne środki dochodzenia sprawiedliwości. Kmieć np. dawał do wyboru: *stawaj w sądzie albo pożoga!* Wypowiedzenie “wróżdy” odbywało się z przyjętym obrządkiem. We wsi zagrożonej spaleniem wywieszano *głowinie, miotłę, dwa miecze i krzyż*, robiono *załom* w zbożu (zawitkę) lub znaki znane pod ogółem mniemaniem pogróżki. Rzecz tak dalece stała się zwy- czajna, że od kmiecia porzucającego osiadłość, dziedzic wymagał sądownie przyrzeczenia, iż nie podrzuci pogróżki i nie będzie mścił się» [7, s. 50]. Już w materiałach źródłowych z XV w. przytoczonych przez Tadeusza Lubimorskiego odkrywamy taki zapis, który miał się znajdo-

wać w dostępnych autorowi aktach: «Tako nam Bog pomoszi etc. Jaco to vemi svatcym czso pan Jaranth zaloval yszbi povessil nan Schevsky Jan glówną dwa mecza i czrziysz y motla tego iest Jan nieuczinił ani otnego ani sztego vedzenim» [7, s. 50]. Obok kary pożogi występuje jednocześnie opis praktyki sporządzania tzw. zawitek [7, s. 51].

Czy zatem geneza robienia zawitek związana była z reakcją na fakt zmniejszania się praw kmieci i stopniowego braku dostępu do sprawiedliwych sądów? Pewne jest jedynie to, że z rozwojem feudalizmu praktyki magiczne mogły zyskać na znaczeniu, stając się narzędziem prowadzącym do wymierzenia sprawiedliwości, niejako sprawę kierując do wyższych, nadprzyrodzonych instancji. Sądzę, że już w czasach późnego średniowiecza mogły one pełnić istotną rolę w dochodzeniu i domaganiu się przede wszystkim przez kmieci respektowania swoich praw. W świetle badań Piotra Guzowskiego w XVI w., zdarzały się jeszcze na terenach Polski podpalenia (tzw. *czzerwony kur*), jak i spotykane były praktyki robienia tzw. zawitek. Wówczas jeszcze w sprawach wspólnoty wyrokował własny sąd, a w sprawach spornych zazwyczaj obywateli się to bez interwencji pana wsi lub jego zarządcy. Inny miał jednak przebieg spraw, jeśli konflikt pojawił się na płaszczyznach relacji międzystanowych. Dodatkowo, jak podkreślił Guzowski, już wówczas niekiedy można odnaleźć dowody «na przedmiotowe traktowanie kmieci przez właścicieli wsi ...nie brakowało (i) takich, którzy (np.) bez skrupułów używali własnych kmieci, jako (zastawu) zabezpieczenie zaciągniętych pożyczek» [8, s. 301–303]. Wedle badań tego autora, nie oznacza to jednak, że sytuacja kmieci nawet jeszcze w pierwszej połowie XVI w. była tragiczna, o czym świadczą dokumenty zakupu ziem, czy dzierżaw. Wskazują również na to, choć nieliczne, zapisy testamentowe (obejmujące prawem dziedziczenia nie tylko synów, ale i córki kmieci).

Wraz naukami głoszonymi w chrześcijańskich Kościołach, z samosądami i zemstą zaczęto konotować działalność diabła, na co wskazują nam m.in. tradycyjne podania, ale i z czasem źródła związane z procesami o czary, w których pojawiały się oskarżenia o robienie m.in. *zawitek* (zwanych też *załomem*, bądź *zakrutem*). W tym kontekście według badań Małgorzaty Pilaszek analizującej głównie litewskie, ale niekiedy i białoruskie procesy o czary w XVI–XVIII w., najczęstszym powodem oskarżeń były kłótnie pomiędzy sąsiadami i posądzenia o czary. Powołując się na badania archiwalne Konstantego Jablonskisa i Rimantasa Jasasa i sporządzonego przez tych badaczy zbioru procesów o czary w okresie lat 1552–1771, badaczka stwierdziła, że «atmosferę nieufności pogłębiały dodatkowo niewinne z pozoru czynności, na przykład, zrywanie kłosów zboża na polu, które kojarzyło się z kręceniem ze słomy węzłów i kukiełek w celu odwrócenia urodzaju (nr 49). Za niebezpieczne uznawano również zbieranie z dróg śladów bydła lub ludzi (nr 50)» [9, s. 8–9].

Wspominane powody oskarżeń dotyczyły m.in. praktyk robienia tzw. zawitek/załomów w zbożu, bądź wiązały się z pozyskaniem ziemi, która miała kontakt z osobą lub zwierzęciem, a mogła ona służyć do rzucania czarów. O świadectwach takich praktyk spotykanych również w XVII w. wspominał także Chrapowicki, jednocześnie opisując, jak z tzw. załomem należało postępować: «Naleziono załom, to jest czary w życie dworskim łabeńskim od Tryczów i w dołek wykopany kłosami żyto wetknięte, i powiązane w kilku miejscach; tego nie tykano, ale ozięto wkoło, a to zostawiono; 11 VIII 1665: Jeździliśmy patrzeć na ten załom żyta w polu i naleźliśmy, że właśnie czarowano, bo węzłami żyto po wiązano na wschód i na zachód; 12 VIII 1665: Ksiądz franciszkanin przyjechał z Grodna, po mszy świętej odprawił egzorcyzm u tego załomu, który zakopawszy, kamieniami zawalono ...i we dworze wszędzie egzorcyzmy czytał» [10, s. 64–65].

Duchowieństwo chrześcijańskie dążyło do zapobiegania samosądom, ale i sprzeciwiało się rodowej zemście, podkreślając, że angażują one siły demoniczne, diabelskie. Jak podsumowała Magdalena Zowczak, «motywy działalności demona można ...podzielić zdarzenia straszne na historie zemsty oraz historie zawiści, choć w obu przypadkach chodzi o zemstę

za doznane krzywdy, jednak cierpią za nie winni lub niewinni. Taka byłaby przypuszczalna podstawa budowy dramatycznych zdarzeń strasznych, które rozpoczynają się od krzywdy i na krzywdzie kończą (skrzywdzenie człowieka: po śmierci skrzywdzonego jego dusza wyrządza krzywdę ludziom; skrzywdzeni umierają, i znów ich dusze pokutują, poszukując odwetu). Niczym historia wendety mogłoby się to ciągnąć w nieskończoność przez proste zwielokrotnienie sekwencji» [11, s. 197].

Wspomniałam jednakże o tych dawnych wzorcach banicji również z tego względu, że ten sposób wymierzania kary, co już zasygnalizowałam, zdaniem Franciszka Wysłoucha, mógł być znanym jeszcze w początkach wieku XX. Tak ów wzorzec banicji opisał ten autor: «Samosądy istniały zawsze i należą do niepisanego prawa kraju. Podpalenie domu jest zwykłą rzeczą, stodoły i stajni – rzadziej. Zabójstwa na tle samosądów prawie nie spotykano. Natura kraju, bezdroża, odległości, prawa zwyczajowe składały się na to, że samosąd miał swoje uzasadnienie. Nie pali się jednak stogów z sianem i stodoł, gra tu rolę – by nie krzywdzić żywioły, które nie ponosi odpowiedzialności za czyny swego właściciela. Jest to moralny zwyczaj» [6, s. 42]. Na marginesie dodam, że żywioły postrzegano w kategoriach życia, a były nim również m.in. ptaki, mysz itp. [12, s. 125, 564].

Tę relację, uzupełnia poniekąd również Antonii Osendowski, choć niewątpliwie jest to postać wysoce kontrowersyjna, to jednak i jego poglądy przytoczę. Opisywał on karę pożogi, jak i praktyki robienia tzw. zawitek, podkreślając jednocześnie, że nawet wówczas, gdy były one stosowane, «odwoływano się do boskiej sprawiedliwości sprowadzając czary na winnego» [13, s. 137–138].

W strefie nadbużańskiej w XIX w. forma zemsty w postaci pożogi już nie istniała, o czym świadczy zapis Oskara Kolberga, opisującego Rusinów z Podlasia w kontekście wychowania dzieci w wartościach: «Wychowanie dzieci zaniedbane. W pierwszych latach instynktem zdając się rządzić (dzieci) przesiągają potem zwyczajami i obyczajami rodziców. Posiadają atoli cnoty: są nabożni, poczciwi, moralni, lubo tego wyrazu nie znają. Nie mszczą się podpalaniem, jak w innych miejscach czując, że nadto wielką zrzadziliby szkodę, co za sprawiedliwością ich przemawia» [14, s. 16].

O zawitkach i sposobach przyspieszania boskich wyroków, ale i rzucaniu czarów w XIX i XX wieku

Dla naszych rozważań ważne jest jednak to, że ślady tych praktyk możemy odnaleźć i w następnych wiekach. Franciszek Wysłouch, kontynuował, że włościanin: «Panicznie boi się, by ktoś nie zaczarował mu pola przez zawiązanie kilku kłosów razem. Tu rodne ziarno jest szczęściem i dumą. Ma to swe źródło w szacunku dla „własnego chleba”. Nie miało to nawet uzasadnienia, że chleb jest podstawą pożywienia. Ostatecznie można kupić chleb – ale to nie to, to nie własne» [6, s. 44]. Chleb uważano za największą świętość dla człowieka, podstawę jego egzystencji. Jednak ten zrobiony ze zboża związanego *zawitką* mógł człowiekowi zaszkodzić. Podobne przekonania występowały po obu stronach Nadbuża, a względem białoruskich włościan (opisywał je Zbigniew Libera), «białorusini wierzyli, że skręca się z bólu ten, kto zjadł chleba z niwy, gdzie był zrobiony załom» [15, s. 87]. Chleb mógł więc zmieniać swoje właściwości, a przez to i transformacji ulegały jego semantyczne konotacje w zależności od danych mocy *sacrum* mających wpływ na zboże. Na początku XIX w. Łukasz Gołębiowski rejestrował je już nie tylko jako praktyki stosowane w dochodzeniu praw, ale i pojawiły się one jako magiczne działania szkodzące wymierzone np. z zawiści względem innych osób: «Żli ludzie robią zawitki, czyli zawiązują czary w splocie kłosów, grzywie lub ogonie bydłęcia, strachem to właściciela przeraża, kłosy takowe obstwi i obeżnie bydłęcia się dotknąć boi, u znachora szuka rady, i znachor tylko zawitki wyrwać może» [16, s. 146]. O zawitkach wspominał również Czesław Pietkiewicz w 1938 r., opisując kulturę duchową spo-

leczości zamieszkującej Polesie Rzeczyckie: «*Zawitka (zàwitka, albo zalôm)*. W *zawitce* jest uwięzione przekleństwo w kilkunastu źdźbłach dojrzewającego zboża, przeważnie żyta, skręconych w powróż i związanych w wezel przy samych kłosach. Czyni to czarownica lub czarownik» [17, s. 219].

Dodatkowo, jeszcze w XIX w. pojawiały się poglądy, że zrobiony *zalom* w zbożu może np. powodować niepłodność. Wówczas jeśli «niepłodność zależna jest od tak zwanego „założenia”, lub „*zalomu*” w zbożu – najlepiej udać się do czarownika, lub też wystrzelić do *zalomu*, mówiąc: „Nie u ciabie strelaju, a u taho, chto łamau” [18, s. 117]. Z kolei Oskar Kolberg opisał je głównie w kontekście działalności czarownic, które, chcąc zaszkodzić ludziom, stosowały ten rodzaj czarów: «Wiążą trzy węzły na zbożu dojrzewającym i stojącym jeszcze na pniu w polu. Wtedy właściciel pola, gdy to dostrzeże, powinien jak najprędzej udać się do ludzi *znajuszczych szczoś do toho*, aby przy stosownych tajemniczych wyrazach zaklęcia rozwiązali *zawitkę* i zniweczyli moc czarów, złe naślane odwrócili na samego sprawcę. Kto zaś nie spostrzeże się dość wcześnie lub lekkomyślnie ośmieli się sam na miejscu rozwiązać *zaczarowaną zawitkę*, tego nieszczęście wielkie nie minie. Koło Białej na Podlasiu robią *zawiazki* w zbożu. Mając złość do kogoś lub zawiść i chcąc mu chorobę lub śmierć sprowadzić, nieprzyjaciel robi w zagonach jego pola *zawiazkę* z kłosów zboża, tj. pokręci ze sobą niby skołtuni pewną ilość kłosów» [14, s. 149]. Na podobne praktyki wskazywał również i Kazimierz Moszyński: «Wiążano ze złorzeczeniem węzły w *zbożu* na chorobę, śmierć, nieurodzaje i wszelkie, dające się pomieścić nieszczęścia» [19, s. 343].

Dla tych rozważań szczególnie interesujące jest to, że wśród ludności południowego Podlasia pamięć o *zawitkach* przetrwała, a opisy etnografów z XIX w. odpowiadają relacjom respondentów, co pozwala je poddawać analizom w kontekście struktur długiego trwania.

Współcześnie jednak *zawitki* są kojarzone tylko z działaniem magicznym szkodzącym powstającym w efekcie zawiści, zazdrości i sąsiedzkich konfliktów: «Coś tam zaplatały i podrzuciły pod chałupę do domów, do gospodarstwa, tak żeby nie można było znaleźć. Ja to widziałem raz: to tam były włosy takie zaplątane, żeby im się nie szczęściło. U nas to miało miejsce: jak już mieszkanie było gotowe, to były otwory wentylacyjne, to tam był wsadzony taki *zwitek*, żeby nam się nie szczęściło. Wiadomo było kto – sąsiadka». Spalić było najlepiej. By usunąć *zawitki*, unieszkodliwić je, posługiwano się ogniem, jak i innymi konsekrowanymi akcesoriami. Uważano również w XX w.: przede wszystkim aby *zawitki* nie dotknąć.

Zawiazanie *zawitki* jest związane z wierzeniami o możliwości ich wpływu na życie człowieka. To skrzyżowanie jego losu, ale i odwrócenie jego naturalnego biegu i porządku, naznaczające nieszczęściem, np. właściciela pola, domostwa, ale i jego rodzinę.

Wspominałam już, że gdy sprawiedliwość boska zbyt długo nie nadchodziła, starano się ją również na inne sposoby przyspieszyć, co zarejestrował również Oskar Kolberg. Wspominał on, że w celu wymierzenia boskiej kary «sprawia mszę na intencje złego powodzenia dla nienawistnej mu osoby, a razem pości, suszy na tę intencję. Czasem krzyżem leży na cerkiewnej podłodze podczas nabożeństwa» [14, s. 149–150]. Te odległe praktyki z czasem zastąpiono innymi, znanymi przodkom współczesnych mieszkańców Nadbuża. O nich jednak nie chce już nikt pamiętać, tłumacząc: «*To były straszne zaklęcia. Nigdy w życiu nie prosi się o złe rzeczy, ale jak się sprawdza, to nie działa pan Bóg, ale to diabeł się już wkradł, człowiek, za to zapłaci*».

Podsumowanie

Jeśli ślady wzorców rytualnej banicji znane z Polesia mają związek z przeszłością, wówczas niewątpliwie są one kulturowym fenomenem. Dodatkowo, w takich społecznościach, w których pomiędzy członkami wspólnoty istniały silne więzi, jak można przypuszczać, akt wykluczenia winnego nie ograniczał się tylko i wyłącznie do relacji i praktyk zwaś-

nionych stron, ale w szczególności dawniej angażował całą wspólnotę (zamieszkującą np. daną wieś). Akt rytualnego podpalenia domostwa wykluczonej jednostki może wskazywać również na sakralne oddzielenie, oczyszczenie przez ogień miejsca skażonego grzesznikiem. Może być również świadectwem rozwiązania więzi nie tylko ze swoją dotychczasową wspólnotą, ale i związaną z nimi sferą sacrum, ochraniającą ludzi. Możemy przypuszczać, że zanim zapadał taki wyrok, konieczne było uzyskanie sakralnych znaków, tak by np. żywioły nie mściły się za wyrządzenie niewinnemu krzywdy. Nie karano też żywiołów, związanych z wykluczoną jednostką, uznając że one pomimo więzi z takim człowiekiem, nie ponoszą za jego czyny winy. Jeśli akt ten był związany z obrzędowym i sakralnym wykluczeniem, można też sądzić, że już sam kontakt z takim człowiekiem poddanym ekskluzji mógł na innych sprowadzać nieszczęście. Zanim też dochodziło do pożogi, stosowano wprawdzie tzw. pogróżki, ostrzegając przed możliwym wymierzeniem kary. Być może dawano w ten sposób jeszcze czas winnemu, by naprawił wyrządzone innym krzywdy.

Szczególnie interesujące są również praktyki magiczne związane z zawitkami. Akt wiązania i rozwiązywania, zamykania i otwierania jest związany z porządkiem mitycznym i kosmogonicznym, co podkreślił Piotr Kowalski, odnosząc go do «charakterystyki świata śmiertelników i bogów» [20, s. 129]. Zaplatanie i rozpuszczanie, wiązanie i zawiązywanie niesie znamiona działań mających moc zmiany porządków świata, mając też wpływ na stan człowieka, moc rozdzielania etapów jego życia. Jeśli węzeł się rozwiązuje w znaczeniowości ładunku semantycznego nie krępuje (nie blokuje), nie łączy, nie zamyka i nie związuje. Jego zawiązanie sprowadza się zaś do przeciwieństw wykorzystanych m.in. w praktykach rytualnych. Wtedy węzeł blokuje, krępuje, ale i łączy, wiąże.

Na Nadbużu, gdy korzystano z usług znachorów, ci prosili Boga o wymierzenie winnemu boskiej sprawiedliwości. Informowali jednocześnie przychodzących, że kara niekoniecznie dotknie osoby wskazanej przez nich, a jeśli ma ona dotknąć niewinnego, wówczas niejako odbijając się dotknie tego, kto czar chciał rzucić. Kryterium sprawiedliwości było dawniej niezwykle ważne. Można odnieść wrażenie, że z czasem działania magiczne, które wcześniej miały zabezpieczyć włością przed uciskiem, stały się drogą do zaszkodzenia innym w wyniku zazdrości czy zaistniałych pomiędzy ludźmi konfliktów. Podkreślano jednakże wielokrotnie, że za szkodenie innym czarami winny nie ujdzie boskiej kary.

Na koniec tych rozważań podkreślę, że do pewnego stopnia z zawitkami tym razem wymierzonymi w chorobę wiążą się nadbużańskie praktyki Babek. Z włókien poświęconego lnu formują one kulki, które spalają nad chorym miejscem (tzw. spalanie róży) czy nad głową człowieka, by w ten sposób wraz z lnianą zawitką, spalić chorobę [19, s. 370]. Z zawitką wiąże się również tzw. *choroba kołtunowa*, która dawniej związana była z próbą wyprowadzenia choroby z ciała, niekiedy łączonej ze złym duchem, który zagnieździł się w człowieku. Sądzono, że będzie on mniej szkodliwy, jeśli zostanie przeniesiony np. na włosy. W tym celu robiono z włosów na głowie gniazdo-kołtun, co omówiłam już w innym artykule wraz z innymi praktykami magiczno-leczniczymi [21, s. 337–351].

LISTA WYKORZYSTANYCH ŹRÓDEŁ

1. Herzfeld, M. Antropologia. Praktykowanie teorii w kulturze i społeczeństwie / M. Herzfeld. – Kraków : Wydaw. Uniw. Jagiellońskiego, 2004. – 500 s.
2. Modzelewski, K. Barbarzyńska Europa / K. Modzelewski. – Warszawa : Iskry, 2004. – 518 s.
3. Thietmari Merseburgensis episcopi Chronicon / R. Holtzmann // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum rerum germanicarum, Nova series. – Hannover, 1935. – T. 9. – 446 s.

4. Cornelius Tacyt. *Germania* / Cornelius Tacyt ; tłum. T. Płóciennik, wstęp i koment. J. Kolendo // *Fontes historiae antiquae*. – Poznań : Wydaw. Uniw. A. Mickiewicza. – 2008. – T. 23. – 206 s.
5. Ciszewski, S. *Wróżda i pojednanie* / S. Ciszewski. – Lwów, 1900. – 104 s.
6. Wysłouch, F. *Na ścieżkach Polesia*. – Łomianki : LTW, 1976. – 160 s.
7. Lubomirski, J. T. *Rolnicza ludność w Polsce w XV i w XVI w.* / J. T. Lubomirski, K. Wójcicki // *Biblioteka Warszawska*. – Warszawa, 1861. – T. 3. – S. 100–222.
8. Guzowski, P. *Mikrohistorie chłopów polskich XV i XVI wieku* / P. Guzowski, K. Łopatecki, W. Walczak // *Nad społeczeństwem staropolskim. Kultura – Instytucje – Gospodarka w XVI–XVIII stuleciu*. – Białystok, 2007. – S. 297–304.
9. Pilaszek, M. *Litewskie procesy czarownic w XVI–XVIII w.* / M. Pilaszek, W. Kriegseisen // *Odrodzenie i reformacja*. – Kraków : Wydaw. Nauk. Semper, 2002. – S. 7–35.
10. Chrapowicki, J. A. *Diariusz* / J. A. Chrapowicki ; oprac. A. Rachuba i T. Wasilewski. – Warszawa : Inst. Wydaw. PAX, 1988. – Część druga : lata 1665–1669. – 325 s.
11. Zowczak, M. *Interpretacje przeszłości w legendach. Przyczynek do historii lokalnej w świadomości mieszkańców wsi* / M. Zowczak, W. Dynowski // *Etnografia Polska*. – Warszawa, 1982. – T. 26. – Z. 2. – S. 182–200.
12. Długosz-Kurbaczowa, K. *Słownik etymologiczny języka polskiego* / K. Długosz-Kurbaczowa. – Warszawa : Wydaw. PWN, 2005. – 884 s.
13. Ossendowski, A. *Polesie Ferdynanda Antoniego Ossendowskiego* / A. Ossendowski. – Łomianki : Wydaw. LTW, 2015. – 206 s.
14. Kolberg, O. *Chełmskie. Obraz etnograficzny* / O. Kolberg. – Kraków : Wydaw. Akad. Umiejętności, 1890. – 371 s.
15. Libera, Z. *Medycyna Ludowa: chłopski rozsądek czy gmina fantazja?* / Z. Libera. – Wrocław : Wydaw. Uniw. Wrocławskiego, 1995. – 295 s.
16. Gołębiowski, L. *Lud Polski, jego zwyczaje, zabobony* / L. Gołębiowski. – Warszawa : Wydaw. Artystyczne i Filmowe, 1830. – 325 s.
17. Pietkiewicz, Cz. *Kultura duchowa Polesia Rzeczyckiego. Materiały etnograficzne* / Cz. Pietkiewicz. – Warszawa : Wydaw. TOW, 1938. – 169 s.
18. Wareńko, F. *Przyczynek do lecznictwa* / F. Wareńko, J. Krzyżanowski // *Materjaly Antropologiczno-Archeologiczne i Etnograficzne*. – Kraków, 1896. – T. 1. – S. 99–228.
19. Moszyński, K. *Kultura duchowa* / K. Moszyński // *Kultura ludowa Słowian*. – Warszawa ; Kraków : Wydaw. Pol. Akad. Umiejętności, 1934. – T. 2. – 725 s.
20. «Dusza w węźle pokutuje». *O węzłach i ich rozwiązywaniu* / M. Baruń, S. Gajda, J. Neuberg // *Duktem czasów. Księga pamiątkowa ku czci prof. Mariana Kaczmarka*. – Opole, 1996. – S. 125–132.
21. Józefów-Czerwińska, B. *Sposoby percepcji chorób i epidemii w relacjach mieszkańców Nadbuża* / B. Józefów-Czerwińska, K. Polek, Ł. T. Sroka // *Epidemie w dziejach Europy. Konsekwencje społeczne, gospodarcze i kulturowe*. – Kraków, 2016. – S. 337–351.

Руканіс паступіў у рэдакцыю 01.10.2016

Jozefow-Czerwinska B. Culture Patterns of Sinner Exclusion – and Magical Practices in Folklore

Written sources inform us that in ancient times, were similar patterns of social exclusion, those who have broken customary law, which they were guilty of violation of social balance. According to the rules of this ritual, their houses were ritually burned and their belongings were taken by neighbors. These people were banished from their village. Some researchers argue, that there were similar patterns of exclusion among the Slavs, and it is not inconceivable that remains of this ritual exclusion were preserved much longer. Along with the changing social relations in the feudal system, increase the importance of magical practices. Supposedly, according to this way, the peasant's request for justice. Some of these practices, we could recognize as long term structures, which survived until contemporary time, but often in different functions.

УДК 808.26-541.2

В.И. Сенкевич

д-р филол. наук, проф.,

проф. каф. *общеобразовательных дисциплин и методик их преподавания*
*Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина***ПОПРАНИЕ ЧЕСТИ И ОСКОРБЛЕНИЕ ДОСТОИНСТВА
В ЯЗЫКЕ И РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

С лингвистической точки зрения рассматриваются правовые категории честь и достоинство. Доказывается неправомерность отождествления оскорбления личности с бесчестием. Концепт чести трактуется в контексте имманентной локализации человеческого индивида в пределах собственного эмпирического опыта. Релевантными понятиями бесчестия выступают смыслы, стоящие за акциями, называемыми поправием и поруганием. В широком смысле этическая нечестивость объединяется фундаментальным концептом, называемым хамством. Поруганную и поправленную честь человек переживает как личную обиду. В статье не только рассматриваются негативные моменты, касающиеся чести, но и описываются известные в русской культуре приемы чествования. В качестве ритуального приема чествования исследуется величание, порождающее особый тип речи – велеречие. Доказывается связь моральной категории достоинство с институтом имени собственного, манифестирующего идею свободы и воплощающего моральные динамические стереотипы. Институт имянаречения трактуется как способ сублимации индивидов над их физической реальностью. Исследуется пошлость, оскорбляющая личность. Приводятся образцы оскорбления личного, профессионального и национального достоинства.

Оскорбление и бесчестие

Информацией к размышлению стало знакомство со статьями Уголовного кодекса Республики Беларусь и Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, посвященными оскорблению.

Статья 189. Оскорбление

1. Умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме (оскорбление), совершенное в течение года после наложения мер административного взыскания за оскорбление или клевету, наказывается общественными работами, или штрафом, или исправительными работами на срок до одного года, или ограничением свободы на срок до двух лет. 2. Оскорбление, нанесенное в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, – наказывается штрафом, или исправительными работами на срок до двух лет, или арестом на срок до трех месяцев, или ограничением свободы на срок до трех лет [1].

Статья 9.3. Оскорбление

Оскорбление, то есть умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме, – влечет наложение штрафа в размере от четырех до двадцати базовых величин [2].

С лингвистической точки зрения тексты приведенных статей нельзя назвать грамотными¹. Законодатель отождествляет оскорбление с унижением чести и достоинства личности. Однако оскорбление не то, что бесчестие. Трактовать оскорбление как «умышленное унижение чести и достоинства личности» неправомерно. Лингвисты заметят здесь смешение концептуализации и категоризации, семантики и прагматики; социоло-

¹Необходимо отдавать себе отчет, что правка статей Уголовного кодекса – дело Законодателя. Однако у кого, как не у лингвистов, должен быть в этом деле совещательный голос. При всем том, что юридическая лингвистика в нашем государстве находится пока еще в зачаточном состоянии.

ги отметят несводимость человеческого к людскому; экономисты возразят против смешения классической модели роста и институциональной парадигмы развития.

Этические аспекты институционализации. Защита чести

Имманентный уровень фактического бытия – человеческая жизнь. Концепт чести присущ человеку (*честный человек*) и проявлен в разных субкультурах². Жить честно, работать честно и т.п. – в этом состоит главная интенция христианской этики. По сути, любой человек есть «невольник чести»³. Человек волей-неволей живет до тех пор, пока не «выйдет в люди», т.е. не станет личностью и не обретет гражданское достоинство.

Честью называется вербальный концепт. Ср.: *Досадно мне, коль слово честь забыто...* (Высоцкий). Концептуальная сущность чести проявляется в т.н. прописных истинах: «*надо быть честным*»; «*обманывать нехорошо*». Подобные истины обладают бытовым статусом и реализуются на уровне этического факта («де-факто»). Честь проста как истина, потому в составе уголовного преступления она не фигурирует. Однако честь не пустое слово⁴. Слово чести есть дело, за которое несут ответственность не по закону, но по совести. Честное слово принадлежит личному опыту человека. Постигаемая в опыте реальность называется переживанием. Феномен переживания не имеет отношения к чувственной физической рефлексии. Внутренней феноменальной сущностью переживания отличаются от внешних явлений. Переживаемая в опыте этическая реальность не существует как отраженная – явленная и видимая. Любая рефлексия лишает ее бытия, подменяет проективным образом. Неотраженный свет в религиозном опыте воспринимается как свет Божественный. В нем Жизнь, Путь и Истина.

Защита чести – одна из главных интенций христианской этики. Честь как величайший Божий дар человеку в буквальном и фигуральном смысле может быть поруганной. Слово *рѣгъ* известно в церковнославянском языке со значением «осмеяние», «насмешка»: *повѣжденъ быхъ мѣжи сими сватыними и быхъ въ сѣмъ въ рѣгъ* (Супр. 78, 29); *рѣгъ творити* – насмеяться, высмеивать: *печали рѣгъ творѣхъ* (Супр. 397, 28); *упити до рѣга* – напоить до потери сознания: *лице кто друга своего оупитъ до рѣга да постите сѣ оба ж дьнен* (Евх. 104а 25) [3, с. 588]. Смысловыми эквивалентами *рѣга* в современном русском языке выступают слова *глумление*, *издевательство*, *позор*.

В широком смысле всякого рода нечестивость объединяется этическим концептом, называемым *хамством*. Хамство принадлежит реальности факта, констатируется как факт. Так, в повести А.П. Чехова «Учитель словесности» один из персонажей – старик Шелестов – периодически констатирует факты проявления хамства со стороны окружающих его людей: *Это хамство! – говорил он [старик Шелестов]. – Хамство и больше ничего. Да-с, хамство-с! – Это хамство! – доносилось с другого конца стола. – Я так и губернатору сказал: это, ваше превосходительство, хамство! – Это хамство! – говорил он. Так я ему прямо и скажу: это хамство, милостивый государь!* Хамом принято называть «грубого, наглого человека» (Ожегов); *хам* – лакей, холоп, неуч» (Даль). Слово *хам* происходит от собственного имени, ставшего нарицательным. По библейской легенде, Хам – один из сыновей Ноя. Увидев однажды отца голым, он высмеял

²Так, в уголовной субкультуре честного вора называют *фраером*.

³М.Ю. Лермонтов называет поэта «невольником чести»: *Погиб поэт! – невольник чести – // Пал, оклеветанный молвой (Смерть поэта)*. Перифраза здесь не случайна. Поэт – «глашатай истин вековых».

⁴Слово к делу не пришьешь (посл.)

его. *Хамское* слово – антипод слова честного. Грубое слово задевает то, что в человеке свято; неволит и насилует его: *задеть* (*затронуть* и т.п.) *за живое* – взволновать, произвести сильное впечатление [4].

Святое не допускает насилия; его нельзя трогать⁵. С ним человек вступает в контакт. Сущность этических феноменов «касательная»: *прикосновение к вечности, прикосновение к памяти, прикосновение к истине* и т.п. *Касание* – понятие, приобретающее философский статус в рамках философии постмодернизма (Мерло-Понти, философия Другого). Касание описывает способ, которым наше тело вписывается в мир, не разрушая ни его, ни себя. Касание предусматривает известное ощущение, приобретаемое человеком благодаря целостному опыту жизни и деятельности в пространстве [6, с. 327]. Феноменологическому опыту человек обязан врожденной способности к неосознаваемому касанию. Честь есть то, что касается человека. В этической реальности неприкасаемое обладает крайне негативным статусом⁶. Неприкасаемое оскверняет того, кто к нему прикасается.

Помимо слова *поруганіе* к чести применяется также слово *попраніе*. Оно принадлежит к т.н. книжному велеречию: *попирать*: «1. ‘топтать кого-, что-л., наступать на кого-, что-л. (обычно с презрением)’, 2. (перен.) ‘пренебрегая, грубо нарушать, унижать’; *попраніе* (книжн.) ‘полное пренебрежение к чему-л., нарушение чего-л.’: [Андрей]: *Той свадьбы не бывать-с!* [Гаврила Пантелеевич]: *Как так? Воле родительской противиться, закон попить!* (А. Островский); *Я не могу простить, когда попирают мои права, потому что я не раб, не невольник!* (Вересаев); *Капризная «Мазурка»* [Прокофьева] – *шалость балованного юноши, бравирующего своим бесстрашием в поправнии заветов общепринятого музыкального вкуса* (Асафьев) [4]. В староцерковнославянском языке: *Ѣко попираахъ другъ друга* [3, с. 479].

Не дадите стаа псѡмъ, ни пометайте висеръ вашихъ пред сви́ями, да не поперѣтъ ихъ ногами своими и вращеся расторгнѣтъ вы (Мф 7:6).

Поруганную (попранную) честь человек переживает как обиду. Статьи «Обида» в Уголовном кодексе нет. В первом русском судебнике Ярослава Мудрого «Русская Правда», датированном 1016 г., такая статья была. Однако она – лишь название правовой нормы.

Речевой практикой выработано множество приемов, бесчестящих человека. Чаще всего применяется прием обзывания; *обозвать* – ‘назвать каким-либо обидным, бранным словом’. [Должников] *обозвал приказчика болваном и затем, развалившись в коляске, покотил в город* (Чехов, «Моя жизнь»); *Сначала он обозвал скверными словами хозяина, потом своих собеседников* (Куприн, «На покое») [4]. Многочисленные слова русского языка обладают бесчестящей коннотацией: *балда, обалдуй, оболтус, олух, остолоп, недоумок, осел, идиот, кретин* и т.п. Этическим феноменом русской речи является слово *дурак* и его дериваты *дурень, дуралей, дурачина*. Поводом для обзывания этим словом, как и во все случаях бесчестия, является этически релевантный

⁵Тронуть не значит прикоснуться. Табу на трогание целиком распространяется на честь. Затронутая честь квалифицируется как поругание, переживается лично.

⁶Неприкасаемые – лица, принадлежащие к кастам, занимающим низшее положение в индуистской социально-кастовой системе. Неприкасаемость связана с занятиями, считающимися в индуизме нечистыми (обработка кожи, уборка мусора и пр.). Индуизм запрещает общение с «неприкасаемыми» лицам из более высоких каст. В индуизме общение с неприкасаемыми считается оскверняющим для лиц, принадлежащих к более высоким кастам. В современной Индии дискриминация «неприкасаемых» запрещена [5].

смысл «не так»: *Что ни делает дурак, // Все он делает не так. // Начинает не сначала, // А кончает, как попало* (С. Маршак).

В русском языке зафиксированы не только негативные моменты попрания чести. Институциональный аспект чествования проявляется в ритуальной акции величания. Названный ритуал имеет давнюю традицию и сохранился в русской культуре до сих пор⁷. Велеречие – особый жанр речи⁸.

Дериваты с **веле-** в церковнославянском языке приносят «восклицательный» смысл. То, что обладает смыслом «**веле**», способно породить удивление. Отмеченный смысл объективно соотносится с величиной: **веле** (**W** **веле**) межд.: *ох, о как W веле медь капьюштин азък дѣттин* (Супр.): **велезълоба**; **велененависть**; **велии** ‘большой, громкий’: **дары велии**; **възъпивъ гласомъ велиемъ** (Зогр.); **велинство**, **великота** ‘необычайно большая величина’; **великолѣпотне** ‘великолепие’; **великъ**, **величавъ**, **величаник**, **величати**, **величик**, **величьствик**, **величьство**, **вельгласнъ**, **вельдарованик**, **вельможа**, **велерѣчевати** ‘кичиться, превозноситься’; **вельмждровати** ‘быть самонадеянным’; **велерѣчивъ** ‘хвастливый’; **вельми** ‘очень весьма’ [3].

Смыслом «веле» (лат. *magnus*) акцентируется момент стоимостного осмысления реальности. В польском языке: *wiele wart* (‘wartościowy’); *wiele wody upłynęło* – ‘minął dłuższy okres czasu’; *nażbyt wiele, aż nażbyt wiele* – ‘zbyt dużo’; *nie tak to wiele* – ‘niewiele’; *tego już za wiele, tego mi za wiele!* – ‘wykszyknienie wyrażające oburzenie z powodu czegoś, co przekracza dopuszczalne granice’; *za wiele na raz* – ‘za dużo jednocześnie, za jednym razem’; *wiele stanowić* – ‘dużo znaczyć itp.’ (Фразеологический словарь польского языка). *Magnus* не связан с внешней силой. Сущность его энергетическая. В нем проявляются этические феномены внутреннего мира человека, его мироощущение.

Смысловыми эквивалентами польского *wiele* выступают лексемы: рус. *очень*, *оченно* (прост.), *весьма* (книжн.); бел. *вельмі*; пол. *bardzo*. Они выражают субъективное впечатление от восприятия чего-либо: *Вава оченно молода, куда ей замуж теперь* (Герцен, «Кто виноват»). Известна интернациональная этическая формула приятия: рус. *Очень приятно!* – бел. *Вельмі прыемна!* – пол. *Bardzo miło!* Произнося подобную формулу, говорящий не только констатирует факт личного признания собеседника, но и тем самым чествует его (интенция: Для меня честь с вами познакомиться; ср. пол. *To dla mnie zaszczyt*). Речевые формулы чествования составляют этический фонд любого языка.

Речевые инъективные формулы, обладающие фундаментальным этическим смыслом «*magnus*», не являются показателями степени. Они выступают субъективными выразителями меры. В них проявляется момент внутренней самореализации референта, уровень его самости. Так, «вельможа вначале означало отвлеченное понятие; под влиянием **вельмжж** получило новое значение *homo potens*» [8, с. 71].

Мир феноменальный и его антипод мир внешний существуют как миры параллельные. Сравнивая антонимические пары *большой – малый* и *крупный – мелкий*, нельзя не заметить их разную (формальную и субстанциальную) направленность. Селективная

⁷Упомянутый ритуал известен у цыган. Его описание находим в произведениях Л.Н. Толстого.

⁸Политическое велеречие – яркая черта советской эпохи. «*Наш курс, как и прежде – это курс мирного созидания, дальнейшего преобразования необъятных просторов страны, преумножения материальных и духовных богатств советского народа. И никому нас с этого пути не свернуть* (продолжительные аплодисменты). *Огромная, прекрасная у нас страна, товарищи. Гигантские мы делаем дела. Советский Союз не запугать никому. Наши силы и возможности огромны*» (В конце речи – бурные продолжительные аплодисменты. Присутствующие в зале стоя скандируют: «*Ленинской партии – слава*» [7].

пригодность материальной субстанции проявляется в ее качествах, как-то: «зернистость», «плодность», «зрелость», «рослость», «ядренность», «шерстность» и т.п.: *мелкоплодный, мелкозернистый, мелкошерстный, мелкокристаллический, крупносеменной, крупноплодный* и т.п.

Качество *крупность* замечаем в слове *крупна*: «крупень, крупна, крупно; крупный, собств.; из ядреныхъ зеренъ состоящій; напр.: *крупное зерно, крупный жемчуг, крупная ягода, дождь* и т.п.; затем вообще о величине; напр., *крупная скотина* и проч. <...> – Без сомненія къ *крупна*. <...> значение развилось в сторону *magnus*» [8, с. 396]. Этимон **magh* замечаем в *магнолия* – растение с крупными цветами; в *magnat* – крупный предприниматель; ср.: *magister; Jego Magnificencja* (титул). Есть версия о происхождении *великъ, вели* от вол. «Meillet (Et. 242) допускает общее происхождение съ *воль* (тогда вокализм *e/o*)» [8, с. 109]. Реализацию рассматриваемой деривационной модели замечаем в *буйный*: происходит «отбуй – *быкъ*» [8, с. 109]; ср.: диал. *буен* – бык. Не случайно в заимствованном слове *буйвол* (*bosbudalis*) «в народной этимологии вторая часть ассимилировалась съ *воль*, первая – съ *буй*» [8, с. 89].

Прилагательные *мелкий* и *крупный* в буквальном смысле отмечают «калибр» реалий: *крупный зверь, мелкая птица, крупная и мелкая картошка, крупный рогатый скот* и т.п. В фигуральном смысле с их помощью создаются дескриптивные презентации фигуры человека: *крупный собственник, крупный талант, крупный ученый* и т.п.; ср.: *звезда первой величины*. То, что воспринимается великим, составляет контрастирующую на фоне фигуру мышления; ср.: *большой начальник*, но: *великий поэт, великий писатель, великий художник, великий музыкант; величие Шекспира и Гете* и т.п. В величии замечается этический момент необычности – превосходства обычной меры: *Великие люди. Великая победа. Великое сражение. Великая радость. Великодушие. Великая буква языка русского в русском языке сменилась «большой буквой»; ср.: Человек с большой буквы*. Очевидно, светская «большая буква» не уместна в деле величания.

В народно-поэтическом творчестве *буйный* – удалой: *Лишь один из них, из опричников, // Удалой боец, буйный молодец, // В золотом ковше не мочил усов* (Лермонтов, «Песня про купца Калашникова»). *Буйная головушка* – о человеке удалом, бесшабашном [3]. *И склонили буйную главу; и птицу в буйстве одолеть желая; яко соколъ на вѣтрехъ ширяся, хотя птицу въ буйствѣ одолѣти* («Слово о полку Игореве»).

Номинация *Великий* присуждалась царям, князьям: *Великий княже Всеволоде!; И тогда великий Святослав изронил своё золотое слово*. Элемент *буй* в «Слове о полку Игореве» применяется в качестве своего рода княжеского титула: *...за раны Игоревы, буюго Святъславича! А ты, буй Романе, и Мстиславе! Вы князья буй Рюрик и Давид! Вы князья Мстислав и буй Роман! Молвит буйтур Всеволод*. Идею буйства воплощает также тур: *Славный тур Всеволод!* («Слово о полку Игореве»).

В разных языках известны разные приемы величания. Обычным в славянских языках является величание этикетными номинациями, играющими роль титула: *Ваша Честь, Ваше Величество, Ваше Благородие* и т.п. Момент чествования-величания в русском языке проявлен в номинации по отчеству: *Звать Макаром, а величать Семеновичем* (Л. Толстой). *Ярославна* («Слово о полку Игореве») – отчество дочери досточтимого князя Ярослава. В тюрк. *атаман*: *ата-* – «отец», *-ман* – увеличительный формант. Примечательно то, что величие связывается с патронимическими смыслами. Так, в номинации *Великая Отечественная война* величие войны в том, что она именно *отечественная*. Сама номинация *Отечество* обладает позитивной велеречивой коннотацией.

Индикация чести находит номинативное выражение. Однако окказиональная дескриптивная номинация еще не имя, т.к. не является достоянием узуса. Окказиональное воспринимается как необычное; оно ориентированно на опытные образцы и принадлежит речевому этосу. Существуют образцы мужества, образцы героизма, образцы служения Отечеству, образцы милосердия и т.п.

Личность как событие. Личное достоинство

Событийным статусом обладает «состоявшееся-как»: *состоялся как ученый, состоялся как писатель; как отец он не состоялся; диссертация состоялась* и т.п. Состоявшееся есть всегда «в-себе-состоявшееся», т.е. обладает внутренним субстанциональным тождеством. Человек способен состояться как личность, и в этом смысле личность есть событие. Ср.: *Его можно не любить, но отрицать его вклад в историю кощунственно. Назвать Шакила просто человеком скучно. Он – событие* [9].

Пребывающей в себе личности необходима гарантия безопасности. Опасность отождествляется с оскорблением личного достоинства – достояния личности. В отличие от чести достоинство – категория кодифицированная (лат. *codex* – собрание законов, *facio* – делаю). Гарантией личной безопасности становится институт имени собственного. У человека есть записанное в Конституции право на имя, через которое он вписывается в существующие социальные структуры и попадает под правовую юрисдикцию. Собственное имя выступает в качестве номинативной фиксации человека как субъекта права. Благодаря имени, человек воспринимает не просто как живое существо («тварь дрожащая»), но в качестве того, кто «право имеет». «Только человек в творении субъектен. Свет, космос не субъектны» [10, с. 78]. Имянаречение – способ сублимации (лат. *sublimo* – поднимаю, возношу) человеческих индивидов, возвышающий их над физической реальностью и внушающий мысль о собственном достоинстве и превосходстве⁹. С точки зрения теории речевых актов именование – речевой акт, аналогичный таким речевым актам, как клятва, декларация, благодарность и т.п. Сущность их перформативная. До тех пор, пока формула речи не прозвучала, они не являются осуществленными.

Собственное имя занимает центральное место в структуре правового сознания личности. Правовая деятельность субъекта невозможна без юридического присвоения имени¹⁰. Потому имя выступает не только лингвистической, но и юридической категорией. Имя как юридическая категория представлено в энциклопедических словарях юридических терминов. Юридически устанавливается формула собственного имени. Так, в Республике Беларусь она включает фамилию, имя и отчество [13, с. 241].

Собственное имя – своего рода паспорт лица, его социальный пароль, свидетельствующий о принадлежности к той или иной социальной категории. В самом звуковом облике собственного имени воплощена информация о социальном статусе лица и отношении к нему в социуме: кого-то зовут по фамилии, кого-то по имени, а кто-то иденти-

⁹О роли собственного имени в уголовной субкультуре пишет И. Волосевич: «И уже особенное лъстивое почтение высказывают друзья к тому, кого зовут не по прозвищу, а по имени. Такое бывает только с паханами, атаманами и заводилами» [11].

¹⁰Вопросами языка и права занимается юридическая (правовая) лингвистика. Термин *Rechtlinguistik* («правовая лингвистика») впервые употребил в 1976 г. Адальберт Подлех. Правовой лингвистикой он называл «совокупность всех методов и результатов исследования, имеющим отношение к вопросам связи языка и правовых норм» [12, с. 108].

фіцуецца прозьвішчам. Імя – сведельства пола, ўзроста, нацыянальнасьці, сацыяльнага рэйтынгу асобы.

У суб'екта ёсьць права быць, і гэта права маніфэстуецца іменем сабсьвенным. Права на імя – фундамэнтальная сацыяльна-філясофская праблема. Імя – сведельства сацыяльнай аддэльнасьці, юрыдычнай самастойнасьці. Собсьвеннае імя возводзіць чалавечэскага індывіда ў ранг самоцэннага аўтаномнага сацыяльнага адзінкі. Імя «ставіць чалавек на ўлік» ў грамадстве, выводзіць яго з сацыяльнага небыцьця і незнаёманасьці. Собсьвеннае імя іграе для суб'екта ролю, аналягічную «метке» ў тварным сьвеце аб'ектаў (зарубка, нумар, клічка і т.п.). П. Флорэнскі рабсмаўрваў сабсьвенныя імяна ў якасьце праяўленьня аднаго з вышніх тыпаў іерархіі жыцьця. У яго канцэпцыі імя як інаварыянт суб'ектыўнасьці пратывапаставляецца лісьцу як інаварыянту аб'ектыўнасьці. «Імя ёсьць форма ўнутрэняй арганізацыі. Ёй саотвэствуюць лісьцу як форма арганізацыі внасьняй. Інасье гаворыць, інаварыянту суб'ектыўнасьці пратывапаставляецца інаварыянт аб'ектыўнасьці. ...Імя інаварыянт лісьцнасьці, а лісьцу – вэсьчэсьвенны» [14, с. 85]. «Я трансцэдэнтна, спрытано не толькі ад другах, но і ад сёбя самога ў сабсьвеннай сьваёй глыбінь. Яўляецца жэ яно ілі прэзэнтуюць сёбя як Ты і як ОН. Как Ты яно прэзэнтуюць сёбе лісьцу, а як ОН – вэсьчу. Чэрез імя Я праяўляе сёбя как Ты, а патаму асьознае сёбя: чэрез лісьцу Я становіцца Он, і патаму асьнавае» [14, с. 88].

Бэз сабсьвеннага імя чалавек толькі індывід (аб'ект), ізьвэстны ў сацыюме пад тэма ілі іным дэскрыптывам¹¹. Такаў статус імелі пэрвобытныя дэскрыптыўныя названьня членаў родавога каллектыва. У дрэвнэма азбуковніку напісана: «Пэрвых родаў і імяна чалавэца ...да некаторага врэмяна даяху дэтам сьваім імяна, якажэ атаць і маць атрочаті ізьволят: ілі ад вэра і эсьтэства, ілі ад вэсьці, ілі ад прытчы. Такажэ і славэна прэжэ іх крэсьна і давалі імяна дэтам сьваім сьіць: *Богдан, Божен, Пэрвой, Втораў, Любим* і іна такава. Добра жэ сьць і та» [16, с. 409–410].

Права на імя яўляецца лісьцным правам каждаго граждачына, раэалізуючыма ў разных жыцьцэных сытуацыях, напрыма, пры рождэньні рэбэнка, ўстанавленьні атацьства, пры усыновленьні-удочэрэньні і т.п. Дэнамінацыя (пэрэма імяна) раэрацьца і рагламэнтуюцьца прававыма арганамі.

Інстытут імяна сабсьвеннага как рэзультаць прававога закрэплэньня і ўдасьтвэрэньня духоваго «Я» іграе гавнэную ролю ў працьсе становленьня тождэственнай самаў сёбе лісьцнасьці ў ёй сацыяльных кантактах. «До імяна чалавек не ёсьць эсьчэ чалавек, ні для сёбя, ні для другах, не ёсьць суб'ект лісьцнасьці асьнаўленьня, значыць не ёсьць член грамадства, а толькі возмажнэсьць чалавэка, абэсьцаньне такога, зародыш» [17, с. 62]. Сьмысьл сьцэсьтвэваньня сабсьвеннага імяна заклёчаецца ў інастытуцыяналізацыі ідэнтчынасьці лісьцнасьці, с каьторай пад вляньняма фізьчыськых і сацыяльных фактараў праісьходзяць пэрэмаьны, но каьторая, тэма не мэнае, саьхраняе сабсьвенную ўнутрэньную цэлысьтнэсьць, асьтаваься сама саьбой.

¹¹Нэраьдэко панаьня «індывід» («індывідуум») і «лісьцнэсьць атаждэствляюцьца. Аднако, індывід – рэшытэльно не то, что лісьцнэсьць. «Нікакых асьнаўленьняў нэць для таго, чтоьбы пэрэводіць «індывід» как лісьцнэсьць. Эьто самы інасьцяшы аьб'ект і бэлае нічэго, толькі вэзьты с аьдрэделэняй сьтараьны [15, с. 108]. Лісьцнэсьць – вэсьгда суб'ект, хоьта панаьня «суб'ект» шырэ панаьня «лісьцнэсьць» (как панаьня «аьб'ект» шырэ панаьня «індывід»). «Індывідам жэ яўляецца не толькі чалавек, но і вот эьта гора, і эьтот алмаз. Індывід ёсьць аьдэлыньнае, ў каьторм сьцэсьтвэуеьт аьб'эсьчэе» [15, с. 215]. Эьмпірычэські каьжда яьднэсьць прэдаьстаўляе саьбой аьсобэньны аькзэмаьпляр чалавечэскаго рода і ў эьтом сьмысьле вэьступае как індывід. У мірэ стэлько індывідуальнасьцяў, скоьлько людаў. Аднако не наоборот: не вэськаькі індывід – лісьцнэсьць.

Имя – эмическая единица языка. Эмическая институционализация есть любая, принятая неким коллективом совокупность практик (процедур), открывающая возможность создавать языковые институты – имена. Реализуется формула «X принимается за Y в контексте C». Институционализацией называется акты приписывания референту (X) особого статуса (Y), наделяющего референта полномочиями на выполнение тех или иных статусных ролей. В качестве необходимого условия данный статус требует, чтобы его приписывали. Так, когда мы приписываем статусную роль Y некоторому предмету или человеку X, мы обычно создаем ситуацию, в которой принимаем, что человек S, находящийся в соответствующем отношении к X, таков, что S обладает полномочиями осуществлять A [18, с. 17].

Человек обладает способностью, которой не обладают другие животные, а именно наделять статусной ролью объекты, которые не могут исполнять эти роли только благодаря своим физическим свойствам. Это происходит благодаря тому, что индивид (объект) становится обладателем того или иного статуса, т.е. наделяется статусной ролью. Индивид обретает роль и становится полномочным, только благодаря предписыванию ему известного статуса.

Социальный статус референты обретают не иначе как через акт устанавливающей прескрипции. Одновременно с установлением известного статуса референт наделяется той или иной социальной ролью, детерминирующей его ролевые акты как должные. Имя собственное связано с выражением личного достоинства («себестоимости») субъектов как самодостаточных социальных единиц. Осмысление личного достоинства субъекта неизменно проявляется в употреблении его собственного имени. Например, в употреблении его полной и сокращенной формулы. «Імя, – пише Ян Скрыган, – ...заслугоўвае, каб яго шанавалі і лічылі на першым месцы, каб яго вымаўлялі, а не падменьвалі ініцыяламі... Паглядзіце, як аўтарытэтна і ганарова гучаць *Аляксандр Пушкін, Леў Талстой, Янка Купала, Якуб Колас*» [19, с. 231].

Связанные с собственным именем социальные прескрипции – факт, известный всем народам Земли. *Булат* (сорт стали) – имя, употребляемое многими народами Азии. Имя вменяет личности парадигму бытия, воплощает в себе моральный императив. Имя судьбоносно обрекает своего носителя на становление: *Станислав* – стань славным, *Людмила* – стань людям мила, *Владимир* – владей миром; *Петр* – камень, *Василий* – царственный и т.п.¹² Ср. идеологизированные номинативные эксперименты советского времени: *Любимина* (люби истину), *Ревмир* (революция мировая), *Марлен* – Маркс-Ленин); *Кінамеханік тут фігура! Самі пабачыце. А як яго імя, ніколі не здагадаецца: Молат; Праўда, Молат Дзмітрыевіч. Самае індустрыяльнае імя ўляпілі бацькі на ўсё жыццё* (С. Граховский).

Имя собственное манифестирует личную свободу: Я, Васіль Шырکو, *грамадзянін маёй рэспублікі, літаратар і журналіст, буду на выбарах галасаваць толькі за Зянона Пазняка* («Наша доля»). Лишаясь свободы, человек лишается также имени: – *Нумар 564! Да каменданта Карчынскага бягом марш! – Пане каменданце, арыштаваны нумар 564 паслушна стае на росказ!* (В. Яговдик); – *Новенькі? – запыніўся, дыхнуўшы дымам, запытаў у яго вартавыв. – Нумар 207? Не імя, не прозвішча, а нумар? – 207-мы? – груба перапытаў той* (Г. Далидович).

¹²*Барома* (свинья) – так называли папуаску, вмения ей быть плодovitой, живучей, упорной в поиске корешков и клубней; *Ила* (топор) называли мальчика папуаса, вмения ему быть крепким, острым, воинственным подобно топору. *Булат* (сорт стали) – имя, известное во многих народов Азии [20, с. 27–28].

Обретение собственного имени понимается как событие. Библейское выражение **и сотворимъ себѣ имя** трактуется как противный смирению акт превознесение себя над миром: **І рекоша: прїидите, созиждемъ себѣ град и столпъ, егуже верхъ бѣдетъ даже до небесе: и сотворимъ себѣ имя, прежде неже разсѣятися намъ по лицѹ всея земли** (Быт 11:4). **Воздати себѣ имя** – значит узаконить себя как субъекта права – «возвести в закон», стать причастным к обладателю абсолютного бытия – Богу. Благодаря институту имени¹³ индивид пребывает в законе, становится законным.

В имени воплощается речевой пафос: – *Паслухай, ты... – шэпт Хрысці стаў прарывісты. – У майго сына ёсць імя, прозвішча і імя па бацьку. Ён – Хведар Хведаравіч Жытнік. Разумееш? Мой муж, Хведар Жытнік, які загінуў на фронце, наказаў даць гэтаму дзіцяці сваё прозвішча і імя... І я нікому! Разумееш? Нікому! Нават табе не дазволю!* (К. Калина).

Институциональным статусом обладают также агентивные имена. Акты именованья (наречения) есть не что иное, как коллективное приписывание референтам статусных ролей: *И детей они // В их младые дни // Нарекли невестой с женихом* (Гёте; пер. А.К. Толстого); *[Самозванец]: А кого // Наследником наречь намерен он?* (Пушкин). Сам акт наречения является актом перформативным. Произношение есть осуществление социального акта, обладающего юридической и моральной перспективой. Нет иного способа наречь, как только произнести *«Нарекаю...»*. Вместе с актом наречения референт обретает те или иные полномочия. Предписания должного исполнения субъектом роли «вгоняют» индивида в установленный поведенческий образец. Социум смотрит на носителя нарицательного имени через призму его имени, т.е. в связи с теми или иными эспектациями – социальными ожиданиями, регламентирующими тип поведения. Коллективные эспектации предусматривают известный социальный эталон (стандарт), в сопоставлении с которым устанавливается нарицательная стоимость агентов. Допускаются два момента подобного измерения: совпадение с принятым эталоном и несовпадение с ним; ср.: *Ну які ты жаніх! – аж закіпеў бацька. – Які ты жаніх!* (Мележ); *От это – кавалер! – пахвалілі ў палаце* (Калина).

Нарицательное имя – выданное социальное удостоверение субъекта, наделенного теми или иными полномочиями. Легитимность подобного удостоверения непрерывно верифицируется социальной средой: *Ты ж лейтэнант! Чаму ляжыш? Камандуйце напластунску наперад!* (Быков). *Мы во бабы і то... А ты ж франтавік* (Борисевич). *На тое яны і мужчыны!* (Гигевич). Обладатель статусной роли вынужден доказывать и оправдывать собственную нарицательную стоимость – достоинство, ориентироваться на социальный динамический стереотип: *Я салдат. І не дзеля таго я апрануў ваенную форму, каб толькі пра тое і думаць, як у царкву вырвацца. Салдат, веруючы ён ці атэіст, заўсёды павінен быць гатовы ўзяць у рукі зброю, абараніць сваю зямлю ад ворага* (Зданюк).

Экономическим термином *достоинство* отмечается не только нарицательная стоимость ценных бумаг (*облигацыя достоинством в 50 рублей*), но и «удельный вес» субъектов права: *За победы у Гжатска, Царева Займища, Духовицины он [Платов] был возведён в графское достоинство* (Никулин). Пол. *godność* не только 'świadomość własnej wartości, szacunek dla samego siebie; дума', но титул: *Nie było między nimi ani jednego, który by jakąś godnością zaszczycony nie był lub przynajmniej tytułu nie używał*

¹³В строгом смысле именем бывает только имя собственное.

(Ю.И. Крашевский); *Wyniesiony na godność wojewody lubelskiego, pomnożył znacznie swe majętności* (Śliw. A Sob.). Достоинство как нарицательная стоимость субъекта не может не учитываться в общении с ним: *Pan Kokosiński posunął się krok naprzód, chrząknął i tak rozpoczął: – Jaśnie wielmożna panno podkomorzanko... – Łowczanko – poprawił Kmicic. – Jaśnie wielmożna panno łowczanko, a nam wielce miłościwa dobrodziejko! – powtórzył zmieszany pan Jaromir – wybacz waćpana, leżeliśmy się w godności pomylił...* (Г. Сенкевич).

В польском языке термин *godność* употребляется в вопросе о фамилии: *Pańska godność? A jak Pana (pańska) godność? Pańska godność, jeśli wolno wiedzieć?*

Способность имени удостоверить нарицательную стоимость референта эксплуатируется в т.н. «говорящих» фамилиях: *Из громкоговорителя раздается, перекрывая шум сутолоки, требовательное распоряжение: «Предприниматели Нищенко и Копейка, зайдите в администрацию рынка!».* Ничего себе, какие говорящие фамилии. Нарочно не придумаешь. ...При Грибоедове, помнится, в моде были молодые перспективные чиновники Молчалины. А как теперь насчет, например, заматерелых Мздоимчиковых? Впрочем, сия порода не переводится ни при каких властях, у нее корни глубоко исторические. Клан от периода к периоду то сильнее, то слабее. Сейчас, как уверяет народная молва, он в фаворе у судьбы: от пристрастий служилых персон ко взяткам плачут и Богатенькие, и Лимузинские, и Крутовичи. Ведь даже Аллу Борисовну Пугачеву с некоторых пор обожатели любят уже просто как мадам Брошкину [21].

Оскорбление личности квалифицируется как совершенное преступление. Однако совершить не значит «сделать»; совершение есть умышленное предприятие, повлекшее за собой перемену состояния. Совершенство как моральная категория связано с достоинством свободной личности. В совершенстве воплощена идея абсолютного. Совершенство понимается как свобода от недостатков. Эта категория не предусматривает отношения «выше – ниже», но оперирует абсолютными представлениями «верх» и «низ». Говорится о «верхе» совершенства.

Оскорбительным для личного достоинства является прозвище. В современных субкультурах феномен прозвища бытует «заочно» – произносятся за глаза. Будучи неофициальным идентификатором человека, прозвище выступает в качестве номинативно воплощенное «замечание» человеку. То в человеке, что не совпадает с этической регламентацией, принятыми обычаями, способно стать мотивом для возникновения прозвища. Чаще всего замечается необычность поведения или индивидуальные физические недостатки: *Весь уезд дразнит доктора Щуром за его вечно прищуренные глаза; дразнил и я. Увидев, что я проснулся, Вознесенский подошел ко мне, сел на край кровати и тотчас же потянул к своим прищуренным глазам коробку со спичками* (Чехов).

Оскорбляется мужское достоинство. Нет ничего оскорбительнее для мужчины, как назвать его бабой: *Умысля тотъ Андрей подаль на меня... будось я, холоп твой, безчестиль и лаял и называль будто я жонкою... Князь литовский Иван, а прозвище ему баба* [22, с. 115]; *Даша все молчала и слушала. – Стой подожди еще. Он баба – но ведь тебе же лучше. Жалкая, впрочем, баба; его совсем не стоило бы любить женщине* (Достоевский).

Оскорбленным бывает не только личное, но и профессиональное достоинство. Для доктора таким оскорблением станет номинация *коновал*, для преподавателя – *препод*, для учительницы – *училка* и т.п.

Для личности оскорбительна пошлость: *Нет ничего страшнее, оскорбительнее, тоскливее пошлости. Бежать отсюда, бежать сегодня же, иначе я сойду с ума!* (Чехов, «Учитель словесности»).

Сочетание *пошлость жизни* относится к числу устойчивых и воспроизводимых сочетаний русского языка. Основанием жизненной пошлости является однообразная повторяемость. Человек изо дня в день движется как бы по заколдованному кругу: *Он [Янин] соображал, что все это будет продолжаться и повторяться в разных видах без конца и что в сорок и пятьдесят лет будут такие же заботы и мысли, как и в тридцать один, одним словом, из этой твердой скорлупы ему не выйти уже до самой сме-рти* (А.П. Чехов, «Расстройство компенсации»).

В контексте оскорбительной для личности пошлости становится понятным оскорбительная направленность динамических актов речи по типу «*Пошел ты...*», «*Иди ты...*». Оскорбительный момент присутствует даже в, казалось бы, не грубом, шутивном, выражении «*Иди ты в баню*». Баня ассоциируется с губительным для бытия личностью равенством («*В бане все равны*»).

Ощущение пошлости – протест личности («Я») против губительной и чуждой для личности формы «быть как все»: *Я ненавижу пошлость жизни, Мне чуждо быть таким как все* (Из Интернета). Хосе Ортега-и-Гассет в «Восстании масс» противопоставляет жизнь благородную и жизнь пошлую, или энергию и косность [23, с. 309–310]. Благородная напряженная жизнь противопоставляется жизни, которая замыкается сама в себе, осужденная на *perpetuum mobile* – вечное движение на одном месте, – пока какая-нибудь внешняя сила не выведет ее из этого состояния. «И, конечно же, радикальнее всего делить человечество на два класса: на тех, кто требует от себя многого и сам на себя взваливает тяготы и обязательства, и на тех, кто не требует ничего и для кого жить – это плыть по течению, оставаясь таким, какой ни есть, и не силясь перерасти себя. Масса – это посредственность, всякий и каждый, кто... чувствует и осознает себя таким же, “как все”, и не только не удручен, но и доволен собственной неотличимостью». [23, с. 310]. Пошлой массе противостоит элита – благородные активные люди, для которых жизнь – вечное напряжение, непрерывная аскеза. Они – аскеты.

Итак, в деле защиты чести человека и гарантии безопасности личности первичную роль играют языковые институты, в центре которых стоит категория имени. Проблема поруганной чести и оскорбленного достоинства находится в сфере действенного применения языка. Поругание чести осуществляется вербальными интеракциями, оскорбление достоинства воплощается в речевых трансакциях. Исследование вопросов чести-достоинства связано с фундаментальной для речевой деятельности проблемой этических и пафосных составляющих речи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3, с изм. – Режим доступа: <http://pravo.kulichki.com/vip/uk/00000015.htm>.

2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-3, с изм. – Режим доступа: http://kodeksy-by.com/koap_rb/9.3.htm.

3. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / ред. Э. М. Благова [и др.]. – М. : Рус. яз., 1999. – 842 с.

4. Словарь русского языка : в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981–1984. – Т. 4. – 797 с.

5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tolkslovar.ru/n6717.html>.

6. Монтэгю, А. Касание. Человеческое значение кожи / А. Монтэгю. – М., 1986. – 234 с.
7. Правда. – 1980. – № 54.
8. Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка : в 2 т. / А. Г. Преображенский. – М. : Изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. – Т. 1. – 144 с.
9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://basetop.ru/top-10-luchshih-basketbolistov-v-istorii/>.
10. Отоцкий-Закутин, Л. Философемы и символы (О Софии, «софианстве» и усии человеческой) / Л. Отоцкий-Закутин. – Мюнхен, 1973. – 93 с.
11. Маладосць. – 1991. – № 3.
12. Podlech, Adalbert. Rechtslinguistik / Adalbert Podlech // Rechtswissenschaft und Nachbarwissenschaften. – München : Beck, 1976. – Bd. II. – S. 105–116.
13. Юрыдычны энцыклапедычны слоўнік / рэдкал.: С. В. Кузьмін [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1992. – 328 с.
14. Флоренский, П. Имена / П. Флоренский // Малое собр. соч. – Кострома, 1993. – Вып 1. – 115 с.
15. Булгаков, С. Учение об ипостаси и сущности в восточном и западном богословии / С. Булгаков // Философско-литературные штудии. – Минск, 1992. – Вып. 2 – С. 209–232.
16. Успенский, Л. В. Слово о словах. Ты и твое имя / Л. В. Успенский. – Л. : Лениздат, 1962. – С. 409–410.
17. Лосев, А. Ф. Бытие – имя – космос / А. Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1993. – 958 с.
18. Серл, Дж. Что такое институт? / Дж. Серл // Вопр. экономики. – 2007. – № 8. – С. 17–36.
19. Скрыган, Я. Імя / Я. Скрыган // Некалькі хвілін чужога жыцця : апаваданні, успаміны, роздум. – Минск, 1990. – С. 231–247.
20. Ивашко, В. Р. Как выбирают имена / В. Р. Ивашко. – Минск : Выш. шк., 1980. – 57 с.
21. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sb.by/post/12703/>.
22. Крейтор, А. М. Зіставний аналіз з семантики слова «баба» в українській та російській мовах / А. М. Крейтор // Україн. мовознавство. – 1982. – № 10. – С. 112–120.
23. Ортега-и-Гассет, Х. Эстетика. Философия культуры / Х. Ортега-и-Гассет. – М. : Искусство, 1991. – 588 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 28.06.2016

Senkevich V.I. Violation of Honor and Dignity in the Language and Oral Activity

Ethic and legal categories «honor» and «dignity» are connected with two levels of the «existence» – immanent (energeia), not running beyond the boundaries of its own experience, and transcendent (dynamis), which is understood as a way of a person's sublimation over the empiric reality. The «honor» concept has a verbal status and manifests itself specifically in different sub-cultures. An ethic reality infelt in the experience exists beyond the boundaries of reflection and has an «osculating» status. Negative actions connected with the honor are understood as violation and mockery. Ritual examples of honoring a man are played off against them; among them a glorifying ritual plays a special role in the Slavic cultures. Dishonor in the broad sense of the word is lead up to a fundamental ethic category – rudeness. The dignity and human freedom category is connected with the institute of a proper name. The process of naming is a translative institutional act, as well as the way of designing a social reality. A personal injury is qualified as the event having a legal perspective. Vulgarity is offensive as well. Offence acts are divided into insults of a personal, professional and national dignity.

УДК 81'373.2'82'01'42

С.А. Королевич*канд. филол. наук, доц., доц. каф. общего и русского языкознания
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина***ЭВОЛЮЦИЯ РУССКОГО АНТРОПОНИМИКОНА
В ЗЕРКАЛЕ ЛЕТОПИСНОГО ДИСКУРСА**

Рассматриваются особенности состава, структуры и функционирования собственных именованных лица в древнерусском летописном дискурсе. На основе анализа антропонимикона оригинальных летописных текстов XI–XVII вв. устанавливаются виды антропонимов на разных исторических этапах, их генетические пласты, связанные со сменой антропонимических систем. Выявляются предпосылки зарождения, особенности оформления и распространения русских отчеств и фамилий; рассматриваются начальные стадии появления специфических антропонимических комплексов в летописном дискурсе; анализируются способы обеспечения основных антропонимических функций на разных этапах развития антропонимикона. Определяются исторические факторы, обуславливающие прагматические характеристики именования, описана коннотация некоторых антропонимических формул и форм имен. Обосновывается правомерность использования летописей как источника изучения эволюции русского антропонимикона на начальных этапах его формирования.

Становление и функционирование русского антропонимикона во всем многообразии видов именованных и их комбинаций – необозримая область исследований, так как история складывания сложно структурированной системы именованных человека у восточных славян исчисляется более чем тысячелетием, включает смену состава личных имён на разных исторических этапах; появление новых видов именования; оформление специфических именуемых комплексов (формул); формирование новых антропонимических функций и многое другое. Столь же необозримы источники изучения антропонимов как в современном их состоянии, так и в исторической перспективе.

Материал для антропонимических исследований в диахроническом аспекте обычно составляет деловая письменность различных эпох. И.А. Королёва подчёркивает, что «именно памятники делового письма, созданные на разных территориях русского государства, содержат в силу своей языковой и экстралингвистической специфики богатейший антропонимический материал» [1, с. 10]. Однако при диахроническом изучении русского антропонимикона особого внимания заслуживают, на наш взгляд, и русские летописи. Как памятники с синкретичным содержанием, они тоже включают документальные фрагменты, в том числе и все виды имён человека; при этом летописи нередко выступают единственным свидетельством фиксации тех или иных антропонимов в истории русского языка. Кроме этого, русское летописание охватывает XI–XVII вв. и позволяет исследовать антропонимический материал в разных хронологических рамках. Наконец, ценность летописных текстов как источников материала для изучения эволюции собственных именованных лица обусловлена их «погруженностью в жизнь». Заметим, что имеется в виду не непосредственное участие читателя в ситуации общения, а опосредованное, через автора, благодаря которому летописи имеют явно выраженное социальное содержание, отражают идеологию, культуру, этикет отдаленного времени, а также оценки и эмоции летописца, находящие отклик у адресата. Исследователи подчёркивают, что «именно летописи испытывали существенное влияние реальной действительности, в них заключалась мощная основа развития русской национальной культуры в целом и русского литературного языка в частности» [2, с. 516].

Анализ содержания «Повести временных лет» (XI–XII вв.), летописных повестей о монголо-татарском нашествии, о разорении Рязани Батыем (XIII в.), о Куликовской битве (XIV в.), о набегах на Русь ордынских князей (конец XIV – начало XV вв.), о походе Ивана III на Новгород (конец XV в.), «Псковской летописной повести о Смутном времени» (начало XVII в.) даёт возможность констатировать, что для летописей достаточно отчётливо идентифицируются такие отличительные черты языковой личности их создателей, как отражение языкового сознания эпохи, знаний летописца о мире (когнитивный уровень); социальная позиция составителя летописи, подчинённость определенной идеологии (мотивационный уровень), а также следование литературному этикету и речевым образцам своего времени (вербально-смысловой уровень). Это позволяет квалифицировать тексты летописей как летописный дискурс.

Не отрицая правомерности существования в современной лингвистике разных подходов к определению дискурса и многочисленных трактовок соотношения понятий «дискурс» и «текст», мы принимаем как оптимальный вывод, учитывающий отражение в дискурсе всех структурных уровней языковой личности говорящего/пишущего: «природа дискурса тройственна: одна его сторона обращена к прагматике, к типовым ситуациям общения, другая – к процессам, происходящим в сознании участников общения, и к характеристикам их сознания, третья – к собственно тексту» [3, с. 33]. Именно это триединство, на наш взгляд, дает право говорить и о летописном дискурсе. И хотя существует мнение, что к древним текстам понятие дискурса неприменимо из-за невозможности восстановить связи текста с социальной ситуацией [4, с. 120], полагаем, что это мнение не исключает возможности рассматривать летописный текст как фиксацию динамического процесса языковой деятельности, вписанной в социальный контекст, и позволяет дефинировать текст летописи как «свернутый» дискурс». Иногда исследователи называют представленную в летописном тексте коммуникативную ситуацию повествования – нарратив – «неполноценной» [5, с. 34], поскольку вместо говорящего и слушающего здесь выступают повествователь и читатель, а последний может быть каждый раз новым. Однако летописный текст не только неизменно содержит информацию об условиях и особенностях употребления в речи языкового знака, в том числе наименования лица, на предыдущих этапах развития общества, но обязательно ориентирован автором на адресата своего времени, на уровень его восприятия и понимания, рассчитан на соответствующую оценку событий и лиц. Как имена и факты в летописи отбираются из реальной жизни, так и языковой знак в тексте служит отражению реальности на уровне, доступном автору и читателю.

Реальное состояние именослова Древней Руси на начальном этапе развития запечатлено в «Повести временных лет» (ПВЛ). Для его состава характерна генетическая разнородность, объективно обусловленная сосуществованием в древнерусском языке старшего периода нескольких антропонимических систем. Древнейший генетический пласт включает языческие славянские имена, 1) мотивированные апеллятивами – названиями животных или растений, что было обычным для древних славян, обожествлявших природу (*Лыбедь* ‘лебедь’, *Турь*, *Поръй*), или номинациями предметов (*Кий*); 2) характеризующие внешние признаки человека (*Маль* – деревлянский князь; дети князя *Малькъ*, *Малуша*); его психологические черты (*Лютъ*, *Добрыня*); особенности поведения (*Блудъ*); происхождение человека (*Варяшко* – из варягов, *Ляшко* – из поляков (ляхов); *Торчинъ* – из торков, *Чюдинъ* – из финно-угорского племени *чудь* [6, с. 42]. К названному пласту антропонимов в ПВЛ примыкают более поздние восточнославянские имена, восходящие к морфологическим дериватам от глаголов (*Володарь*

← *володѣти, Нерадець, Радко* ← *радити*), существительных (*Славята* ← *слава, Нежата* ← *нега, Путьята, Путьша* ← *путь*) и прилагательных (*Гордыта* ← *гордый*)).

Однако характерной чертой летописного дискурса в древнерусском языке старшей поры является преимущественное изображение князей. Общерусское летописание (а именно оно представлено в «Повести временных лет») велось в строгом соответствии с требованиями стиля монументального историзма, который, по утверждению Д.С. Лихачева, «сильнейшим образом сказался в литературе XI–XIII вв.» [7, с. 25]. В числе этих требований – историчность, стремление отметить самое значимое. Строго следуя государственной политической идеологии, летописец изображает главными вершителями истории русских князей. Поэтому самый обширный пласт антропонимов в «Повести...» составляют исконно славянские двухосновные княжеские имена, имеющие панславянское распространение: они называют здесь не только восточных славян, но и князей южно- и западнославянских территорий. Наиболее частотные и древние среди них – это имена на *-слав* (17 антропонимов): *Брячиславъ, Володиславъ, Воротиславъ, Всѣславъ, Вышеславъ, Жирославъ* (в структуре патронима *Жирославичъ*) и др. Модели с таким корнем есть и среди женских имен: *Передслава, Сбыслава*. Отмечены также имена с основами *-мир* (*Остромиръ, Творимиръ*); *-волод* (*Всѣволодъ, Рогволодъ*), *-полк* (*Ярополкъ, Святополкъ*). Зафиксировано единичное имя *Ратиборъ*.

Еще один пласт антропонимов в древнейшей летописи – «русские» имена (*Рюрикъ, Ольга, Олегъ, Игорь, Аскольдъ, Диръ, Свѣнелдъ, Асмудъ* и др.), особенно разнообразно представленные в договорах русских с греками: «*Мы от рода рускаго Карлы, Инегелдъ, Фарлоф, Веремуд, Рулавъ, Гуды, Руалдъ...*» (ПВЛ, 46). Такие имена имеют явный иноязычный характер, но их наличие в летописи, излагающей историю складывания Руси, – объективное отражение реальных именовании знатных воинов германско-скандинавского происхождения, которые были частью древнерусского социума. Об этом в своё время писал В.О. Ключевский, указывая на развитие этнонима *русь* как слова, пережившего ряд значений: 1) этнографическое: *русь* – скандинавское племя; 2) социальное: *русь* – сословие военной аристократии, 3) географическое: *Русь* – область и 4) политическое: *Русь* – государственная территория» [8, с. 120–124]. Гипотеза В.О. Ключевского поддерживается современными исследователями [9, с. 151–155].

Пласт канонических имен в «Повести временных лет», в числе которых есть антропонимы греческого (*Александръ, Андрѣй, Василий, Феодоръ* и мн. др.), древнееврейского (*Иоаннъ, Гавриилъ, Давидъ*) и латинского (*Павель, Сергей, Дамьянъ*) происхождения, в древнейших погодных записях летописи используется, как правило, для номинации священнослужителей высшего ранга (*митрополит Георгий, епископ Петръ, игумень Феодосий* и др.), или святых (*церкве святого Василия, святая Софья*), или иностранных правителей («цари греческие» *Роман, Костянтин, Стефан* (ПВЛ, 60)). По отношению к восточным славянам христианские имена до последних десятилетий XI в. почти не отмечены. Единичное греческое имя в восточнославянской огласовке *Олена (Елена)* фиксируется под 955 годом для княгини Ольги (ПВЛ, 74); под 1033 г. упоминается антропоним *Еустафий* (Евстафий) рано умершего сына князя Мстислава, династическое славянское имя которого в летописи отсутствует: *Мстиславичъ Еустафий умре* (ПВЛ, 164). Однако на рубеже XI–XII вв. сфера использования канонических имён расширяется: крещение Руси произошло более ста лет назад, и такие имена уже могли быть приняты любым христианином. В ПВЛ их носителями выступают *и представители княжеских семей (Давыдъ, Василько, Юрьга (Юрий/Георгий))*, и менее знатные лица (*Лазарь, Василь, Дьмитръ, Иванко*). В языке восточных славян идёт активная

Из пласта «русских» антропонимов скандинавского происхождения в антропонимиконе летописей XIII–XVII вв. сохраняются лишь имена *Ингварь/Ингорь*, *Игорь*, восходящие к др.-сканд. *ingwarr* ‘младший’; *Олег*, *Ольга*, *Рюрик*. Имя *Ингварь/Ингорь* фиксируется в летописной «Повести о разорении Рязани Батыем» XIII в. (*Ингорь Святославичь* (Ряз., 184); *Ингварь Ингоревиц* (Ряз., 190)); хотя было известно и ранее. В позднейших из рассматриваемых текстов оно отсутствует, но, по свидетельству историков, использовалось в черниговско-рязанской ветви князей как династическое имя [11, с. 65]. Непродуктивным оказалось и имя легендарного основателя династии русских правителей – *Рюрик*. В ПВЛ, кроме него, так называют *Рюрика Ростиславича*, внука Владимира: под 1092 г. сообщается, что «умре *Рюрикъ*, сынъ *Ростиславль*» (ПВЛ, 226). Имя *Рюрик* не закрепилось в русском именослове, хотя осталось известным благодаря патрониму *Рюриковичи*. Антропоним *Олег* занимал в летописном дискурсе более стабильные позиции: его репрезентантами в текстах XIV в. выступают реальные лица: князь *Олег* (Вож., с. 94); *Олег Иванович*, князь *Рязанский* (Кул., 112).

С XIII в. в центре ономастикона летописных повестей ожидаемо оказываются христианские канонические имена (в изученных текстах этого времени их более 50), уже занявшие стабильные позиции и в общем русском антропонимиконе. Их носителями выступают князья (*Иванъ*, *Александръ*, *Костантинъ*, *Василий*, *Давидъ* и др.), их воеводы (*Еремей*, *Филип*, *Петръ*, *Яким*), воины (*Андрьянъ*, *Александръ*), священнослужители (*Мефодий*, *Митрофан*, *Кирил*, *Перфурий* (*Порфирий*)) и др. Продолжается активная адаптация христианских имён, и об этом говорит не только обилие фонетических вариантов (*Офонасий/Афанасий*; *Федоръ/Феодор* и мн.др.), отмеченное даже в именах святых (св. *Иулиана/Ульяна*, *Еремия/Еремей*; *Семеонъ/Симеон* и др.), но и образование на их основе патронимов (*Костатинович*, *Гаврилович*, *Дмитриевич*, *Юрьевич*, *Романович*), фиксация уменьшительных и областных форм (*Тимоня*, *Юрята*, *Иванко*, *Янь*, *Василко*, *Всеволодко*). Поскольку канонические имена не имеют социальной закреплённости, то уточнение социального статуса имяносителя в летописном тексте обеспечивается контекстом: *убиша <...> храбраго Юряту, о семь велми опечалися князь великий Юрий* (ТЛ, 150); *воевода Юрий Домаръчичь* (ТЛ, 156) и др.

В летописном дискурсе XIV–XVII вв. канонические имена становятся не только преобладающими, но и вполне «своими», привычными. Показательно в этом плане именование на русский манер «фрягов» – итальянцев из Венеции *Антонио Джислярди* и *Джана Батиста де ле Вольпе* [12, с. 635] – *Онтон Фрязин*, *Иван Фрязин Волпъ* (Моск, 400). Начиная с XIV в., как показывает анализ эмпирического материала, христианские имена уже не конкурируют с языческими.

Однако столь интенсивное вытеснение древних языческих антропонимов-апеллятивов и княжеских двухосновных имён христианскими именами следует считать специфической особенностью летописного дискурса. Составители летописей последовательно апеллируют к читателю с точки зрения христианской идеологии и, в соответствии с литературным этикетом своего времени, выносят на первый план христианские имена исторических деятелей. Исследователи же эволюции русского антропонимикона в целом подчеркивают, что языческие имена функционировали дольше, вплоть до XVI в. [6, с. 46], а традиция использования двухосновных антропонимов не прервалась до наших дней. В связи с этим примечателен пример из Московской летописной повести 1471 г. о походе Ивана III на Новгород: в геральдической речи царь называет и каноническое, и династическое имя князя: *от того Рюрика <...> до великого князя Дмитрея Юрьевича Всеволода володимерского* (Моск., 380).

Изменение антропонимикона летописей в процессе становления христианской системы именования не ограничивалось количественными сдвигами в генетической стратификации имён. Летописный дискурс отражает иные преобразования в именослове летописей как «системе, которая изменялась в связи с социальными потребностями общества» [2, с. 515]. Главным требованием социума к имени является способность последнего реализовать необходимые функции. К общим и обязательным (облигаторным) функциям антропонима относятся номинативная, идентификационная и дифференцирующая. В «Повести временных лет» они реализуются преимущественно изолированным именем. Как однословные, даже без идентификаторов социального статуса лица, здесь регулярно выступают двухосновные славянские антропонимы: *Поиде Мстиславъ на Ярослава* (ПВЛ, 162); *У Всеволода родися сынъ* (ПВЛ, 174); *Иде Святославъ на Ростислава* (ПВЛ, 176) и т.п. Эти имена имели в древнерусской культуре жёсткую социальную закреплённость: их репрезентантами были исключительно князья. Появление устойчивой традиции такого имянаречения исследователи относят задолго до прихода канонических имён. М. Морошкин, составитель первого славянского именослова, подчеркивал, что двухосновные имена берут своё начало в эпоху единства славян, а возможно, и раньше, так как антропонимы аналогичной структуры фиксируются у германцев и кельтов: *Valdemar – Володимерь, Radagast – Радогость, Vithomer – Витомирь* и т.п. [13, с. 3–4]. Современный исследователь С.В. Алексеев приводит похожие имена, которые носили князья в славянской Европе VII–VIII вв.: *Радослав, Берислав, Ратомир, Хотимир, Войномир* и т.п. [14].

Древние языческие антропонимы-апеллятивы тоже успешно реализуют обязательные функции номинации, идентификации и дифференциации их носителей, но всякий раз сопровождаются указанием на род занятий именуемых лиц (*Володимерь посла къ Блуду, воеводъ Ярополчю* (ПВЛ, 90); *Ярополка вземше отроци на конь <...> Радъко, Вьнкина* (ПВЛ, 218); на их отношении к князю, объясняющее факт упоминания лица в летописи: *послаша к Давыду мужи своѣ, Святополкъ Путяту, Володимерь Орогостя и Ратибора, Давыдъ и Олегъ Торчина* (ПВЛ, 266) и т.п. Аналогично функционируют имена варягов-«русов»: *кормилецъ его [Святослава] Асмуд, воевода Свѣнелдъ* (ПВЛ, 68); *Иворъ, соль Игоревъ* (ПВЛ, 60); кроме того, они участвуют в идентификации называемых лиц по исконной этнической принадлежности.

Однако уже в XII в. система личных имён любой этимологии становится недостаточной для дифференциации имяносителей. Как отмечается выше, для двухосновных княжеских имён была характерна преемственность: они обычно переходили от деда к внукам, что приводило к появлению тёзок среди последних. Появилась специфическая черта княжеского антропонимикона этого времени – повторяемость двухосновных имен «по горизонтали» и «по вертикали». Так, в повестях XIII в. имя *Владимир* называет крестителя Руси, его внука – сына Ярослава Мудрого и правнука, Владимира Мономаха; имя *Мстиславъ* носит сын Владимира, а также сын, два правнука и праправнук Владимира Мономаха, сын Юрия Долгорукого. Историки указывают, что такая повторяемость возникла в реальной жизни Древней Руси еще в первой половине XII в., когда образовалось около полутора десятков древнерусских княжеств, которые «по мере разветвления княжеского рода дробились на еще более мелкие» [15, с. 103]. Христианские имена характеризовались повторяемостью точно так же, потому что имянаречение изначально было связано с церковным календарем. Наконец, в разные периоды истории были известны люди и с одинаковыми языческими именами. Указанные факторы, очевидно, стали одной из причин, стимулировавших развитие и оформление многокомпо-

нентных формул имени, причём обуславливали необходимость использования дополнительных видов антропонимов прежде всего в летописном дискурсе, так как именно в нём возникала необходимость дифференциации тезок в самом широком масштабе.

Складывание антропонимических формул в древнерусском языке начиналось с появления патронимов. В летописях они могут оканчиваться на *-ич*, *-евич*, *-ович*, (*Дмитрей Юрьевич*, *Александр Попович*, *Иванъ Всеволодичъ*) и на *-ов*, *-ев*, *-ин* (*Кузма Грузов*, *Яковъ Федоровъ*, *Михаил Скопин*). Мотивация патронимов тоже различалась, они образовывались от имён прозвищного характера или прозвищ (*Дмитрей Монастыревъ* (Вож., 94); *Матвей Селезнев* (Моск., 390); *Тимофѣй Шаров* (Смут., 150)); от других личных имён (*Василко Ростиславичъ* (ПВЛ, 248); *Глѣбъ Борисович* (ТЛ, 168); *Никита Ларивонов* (Моск., 377); *Кузма Григорьевъ* (Моск., 390) и др.

В древнейших из анализируемых текстов фиксируются схожие с современными отчествами патронимы с суффиксами *-евич*, *-ович*, *-ич*, мотивированные преимущественно личными именами второй группы. Уже с XI в. они начинают употребляться по отношению к тезкам, имеющим одинаковые имена, мирские (*Мстиславъ Мстиславичъ* (ТЛ, 152), *Мстиславъ Святославичъ* (ТЛ, 154) и *Мъстиславъ Романовичъ* (ТЛ, 152)) и церковные (*Давыдъ Святославичъ* (ПВЛ, 238) и *Давыдъ Игоревичъ* (ПВЛ, 248); *Василко Гаврилович* (ТЛ, 156) и *Василко Константинович* (ТЛ, 166); *Дмитрей Иванович* и *Дмитрей Костянтинович* (Пьян, 88)). Необходимость дифференциации носителей одинаковых антропонимов обуславливает использование «отчеств» даже при редких языческих именах, сравним: *Володимерь же посади Добрыню <...> в Новѣгородѣ* (ПВЛ, 94); *Мстиславъ <...> послаша Добрыню Рагуиловича перед собою* (ПВЛ, с. 246).

Тем не менее, несмотря на формальное совпадение таких патронимов с отчеством, эту форму именования, выполняющую в летописном дискурсе функцию идентификации и дифференциации носителей одинаковых имён, считать отчеством ещё нельзя. Слово-полисемант *отчество* известно с XI в., но, согласно лексикографическим источникам, появление в его семантической структуре лексико-семантического варианта 'отчество' датируется лишь первой половиной XVII в. [16, с. 238–239]. Наш эмпирический материал подтверждает, что становление отчеств продолжается до XVII в., поскольку патроним на *-евич*, *-ович*, *-ич* 1) может не обозначать родственные связи, а лишь называть сторонников того или иного князя: *приспѣша великие князи Олгердовичи поклонитися и послужити: князь Андрей Полоцкий <...>, братъ его – князь Дмитрий Брянский* (КБ, 116); 2) используется по отношению к нескольким лицам одновременно: *Совокупившеся Ярославличи: Изяславъ, Святъславъ и Всеволодъ* (ПВЛ, 194); *князь великий Юрий <...> поиде къ Ярославлю, <...> а съ нимъ сыновци его Константиновичи Василко, Всеволодъ и Вѣлодимерь* (ТЛ, 164); 3) выступает как в постпозиции, так и в препозиции к личному имени: *Иванъ Всеволодичъ; Всеволодичъ Василий*; 4) функционирует на дистанции от имени: *Мъстиславъ князь великий Романовичъ* (ТЛ, 156); у князя *Василья у Юрьевича* (СЛС, 412); 5) может использоваться как изолированное наименование: *Въздвигше дьяволь котору въ братьи сей Ярославличихъ* (ПВЛ, 194); *братиа же его, Ослядюковичъ и вси людие <...> слезы излияша* (ТЛ, 164); 6) может обозначать родственные связи по деду («дедичество»): *Володимерь Рурикович Ростиславлича* (ТЛ, 152), *Данило Романович Мстиславича* (ТЛ, 154) и др.

Патронимы с суффиксами *-ов*, *-ев*, *-ин* мотивировались как прозвищными именами (*Левъ Морозовъ* (Кул., 124), *Иванъ Старковъ* (СЛС, 418)), так и каноническими (*Григорий Протасьев* (СЛС, 412), *Афонасей Андронниковъ* (Смут., 156), *Иван Микитин* (Моск., 388)). Они идентифицировали лица с большей точностью, дифференциро-

вали тѣзок: *Кузьма Грузов* (Моск., 390) и *Кузма Григорьевъ* (Моск., 390); *Никита Ларивонов* (Моск., 377) и *Никита Беклемишев* (Моск., 398), при этом одновременно указывая на отца именуемого лица: *Микула Васильевъ, сын тысяцкого* (Кул., 124), князь *Михаил, Олельков сын* (Моск., 380), *Кирил Иванов сын Макарьин* (Моск., 380). Известно, что последующее развитие таких антропонимических формул могло идти в разных направлениях, и материал летописей это подтверждает. Формы на *-евич, -ович, -ич*, образованные от личных имён, трансформировались, прежде всего, в современные отчества: князь *Феодор Юрьевич Шуйский*, *Семен Иванович Морозов*, *болярин Петр Никитич Шереметев*, князь *Михаил Васильевич Скопин*. Однако иногда из них образуются русские фамилии на *-ович, -евич*, обычно восходящие к «дедичествам», и летописный дискурс тоже содержит потенциальные формулы такого именования: *Михайла Иванов Акинфович* (сын *Ивана Акинфовича*) (Кул., 124); *Тимофей Васильевич Акатьевич* (сын *Василия Акатьевича*) (Кул., 124).

Если патронимы были производны от неканонических имён-прозваний, то на их основе впоследствии возникали фамилии независимо от особенностей структуры: *Александръ Попович*, *Левъ Морозовъ*, *Дмитрей Монастырев*, *Матвей Селезнев*, *Михаил Скопин* и др. Исследователи считают, что такие именования стали фамилиями, так как позволяли отличать именуемого не только в составе семьи или в составе родственников, но и в обществе в целом [10, с. 75]. Если же патронимы, в том числе «дедичества», образовывались от канонических имён (*Назар Данилов Кусакова* (Кул., 118), *Никита Ларивонов* (Моск., 377), *Кузма Григорьевъ* (Моск., 390), *Кирил Иванов сын Макарьин* (Моск., 380), *Никита Константинов сын Бровцын* (СЛС, 434), *Григорий Васильевич сын Глѣбов* (СЛС, 420), то их развитие могло иметь два пути. Во-первых, патронимы могли превращаться в отчества специфической формы (при этом иногда сочетались со словом *сын*). Формы отчеств на *-ов, -ев* («полуотчества») были широко распространены в истории русского антропонимикона в качестве официальных вплоть до XIX в. [6, с. 154]. Во-вторых, патронимы-«дедичества» тоже становились фамилиями: *Кирилл Иванович Макарьин*, *Григорий Васильевич Глебов*.

В.К. Чичагов отмечал, что в XV–XVII вв. «в государственной официальной письменности была тенденция именовать людей более полно: не двухчленными наименованиями, а трехчленными» [10, с. 65]. Стандартная современная формула именования у русских тоже трёхчленная, кроме имени и отчества, она включает еще и фамилию. Именование с фамилией было официально узаконено для дворян в XVII в., при Петре I, однако в летописном дискурсе зачатки русских фамилий отмечаются на всём протяжении его функционирования. Не исключено, что фамилии появились именно для идентификации и дифференциации лиц, описываемых в летописях. Кроме названных выше сочетаний имён с патронимами, отметим другие формулы именования в летописях, на наш взгляд, сыгравшие важную роль в становлении русских фамилий.

Как прототипы будущих фамилий на *-ский*, складывающихся именно в летописном дискурсе, правомерно рассматривать именования по «уделу» – городу, в котором княжит именуемое лицо. Такие именования распространяются для дифференциации князей-тѣзок в период удельной Руси: в летописных повестях XIII в. фиксируются антропонимы *Мстиславъ Черниговский*, *Мстиславъ Киевский*, *Мстислав Торопичский*; *Юрий Несвѣжский*, *Юрий Рязанский* и др.; в XIV в. – *Дмитрей Суждальский* (Пьян., 88), *Дмитрей Брянский* (Кул., 116); *Олег Рязанский* (Кул., 112); в XV в. – *Дмитрей Заозерский* (СЛС, 418) и др. Если летописец объединяет сразу несколько способов идентификации князя, то в тексте возникают трехкомпонентные формулы,

схожие с современными трехчленными структурами русского антропонимикона: *Давид Ингоревич Муромской*, *Глѣб Ингоревич Коломенской* (Ряз., 196), *Михайло Всеволодичь Черниговский* (ТЛ, 172), *Иван Михайлович Тверской* (СЛС, 410); *Василей Васильевичь Суздальский* (СЛС, 436) и т.п. Будущие фамилии можно видеть и в антропонимических комплексах, состоящих из личного имени и дигнитонима: *Мьстиславъ Удатный*, *Олег Красный*. Дифференциации носителей одинаковых имён служили также прозвища: *Мьстиславъ Немый* (ТЛ, 156), князь *Василей Горбатой* (Моск., 380), *посол Борис Слѣпецъ* (Моск., 380), *Владимер Долгорукой* (Смут., 154). Включение в такой комплекс патронима-отчества вело к возникновению в летописном дискурсе стандартной трехкомпонентной антропонимической формулы: князь *Александръ Ярославич Невский* (Смут., 152); князь *Феодор Давидович Пестрый* (СЛС, 412), князь *Василий Юрьевич Косой* (СЛС, 412). Отмечены и другие антропонимические формулы, каждая из которых может быть предметом отдельного исследования: *Мстиславъ Романович Ростиславича Киевский*, *Василей Иванович Жук Лыков*, *Борис Тютшев Слѣпецъ*, *Ондрѣй Троянов Порѣцкий Бѣлорусецъ*, *Борисов человек Слѣпцов Мигунъ* и др.

Всестороннего анализа в летописном дискурсе заслуживает и прагматика антропонимов, так как материал летописей представляет интересные свидетельства отражения в именовании человека его социального и возрастного статуса, его отношения к месту жительства, характерных черт его внешности и даже оценку его как личности. Однако, поскольку в содержании летописей представлена социальная и политическая история общества, имя прежде всего отражает социальный статус лица. Наблюдения над использованием имён в летописном дискурсе свидетельствуют, что складывание трехкомпонентной формулы именованья, характерной для русской культуры, произошло под значительным влиянием летописания, так как в его текстах не только отражалась, но и закреплялась объективно существующая в Древней Руси социально-этикетная традиция именованья лица с указанием на его родственные связи, восходящая к культуре родового общества [6, с. 153]. Идентификация лица исконно могла быть многоступенчатой, с включением целой цепи имён-патронимов (отчества, «дедичества», указаний на прадеда и прапрадеда): *Мьстиславъ Романовичъ Киевський, внук Ростиславль Мьстиславича, сына Владимерова Манамахова* (ТЛ, 156).

Очевидно, именно с этой традицией именованья в древнерусском языке уже на рубеже XI–XII вв. закрепился славянизм *именитый* в значении ‘почтенный, ‘уважаемый, ‘знатный’ [17, с. 227]. В его структуре примечательно наличие суффикса *-ит-* с этимологическим значением ‘обладающий в большой степени чем-либо’. Следовательно, *именитый* – это имеющий возможность назвать как можно больше имён славных предков, подчеркнуть свою родовитость. В контексте летописей именованье с упоминанием как минимум отца не случайно: оно неизменно выражает социально и культурно обусловленные коннотативные смысловые компоненты ‘почтение’, ‘уважение’. Этим объясняется обязательное использование двухкомпонентных имён по отношению не только к князьям, но и к воеводам, боярам, другим знатым людям. Об устойчивости и непрерывности такой традиции именованья свидетельствует объединение в двухкомпонентные формулы генетически разнородных имен (славянских и скандинавских, славянских и канонических, канонических и тюркских) в летописях XIII в.: *Мьстиславъ Романович*, *Володимеръ Рурикович*, *Изяславъ Иньгваревич*, *Александръ Ярославичъ*, *Юрий Кончаковичъ*, *Семен Олюевичъ*. Примечательно, что по «отчеству» в тексте Тверской летописи (XIII в.) именуется и воевода: *Петр Ослядюкович*, *Еремѣй Глѣбович*, *Жирославъ Михайловичъ*. Аналогичен антропонимический материал повестей о Кули-

ковской битве и о других событиях XIV в., где двухкомпонентную формулу последовательно репрезентируют имена князей: князь *Дмитрей Иванович* (Пьян., 90), князь *Дмитрей Костянтинович* (Пьян., 88), князь *Василей Дмитриевич* (Пьян., 90), *Феодорь Романович* (Кул., 124) и др. Однако предавший князя Мстислава воевода *Плоскиня* в тексте Тверской летописи лишён отчества. В повести о Куликовской битве выступивший на стороне Мамая рязанский князь *Олег Иванович* (Кул., 112) назван по отчеству в соответствии с литературным этикетом только в зачине повести, но в последующем тексте знаком его бесчестья и всеобщего осуждения является отсутствие патронима при имени *Олег*, вместо которого автор «награждает» отступника экспрессивными негативно оценочными эпитетами (*душегубивый* (Кул., 114), *лукавый*, *кровопивец христьянский*, *новый Иуда-предатель* (Кул., 116) и т.д.).

В позднейших летописных текстах социально-оценочные смыслы появляются в патронимах, из которых формируются отчества. В именовании князей используются только формы на *-ович/-евич*, подчёркивающие уважительное отношение к носителю имени: князь *великий Дмитрий Иванович* (Пьян., 88); князь *Иван Михайлович Тверской* (СЛС, 410); *велики князь Иван Васильевич* (Моск., 376). «Укороченные» формы на *-ов*, *-ев* появляются в летописях с XIV в. и, выступая по отношению к лицам с более низким социальным статусом (воеводам, посадникам, богатым землевладельцам, чиновникам), актуализируют коннотативные смыслы ‘умеренная почтительность’, ‘формальное выражение почтения’: *Назар Данилов* (Вож., 94), *Яков Федоровъ* (Моск., 390), *диак, начальникъ именем Афонасей Андронниковъ* (Смут., 156). Выразительно выступает прагматическое содержание отчеств и «полуотчеств» в антропонимиконе Московской и Новгородской повестей о походе Ивана Грозного на Новгород: новгородский летописец использует почтительное именование посадников Новгорода: *Дмитрий Исакович*, *Киприан Сергиевич* (Новг., 406), а московский называет их в соответствии с социальным статусом подчинения по отношению к московскому царю, заявившему свои права на Новгород: *Дмитрий Исаков* (Моск., 390), *Киприан Арзубьев* (Моск., 394).

Примечательно в летописном дискурсе и употребление личных имён с коннотацией уничижительности, которые тоже выражают социальную оценку. Такие антропонимы могут именоваться как лиц с незначительным общественным положением (*дьяк Якушка Шачебальцов* (Моск., 382)), так и лиц, не заслуживающих принадлежащего им высокого статуса: преступников, изменников и т.п., – и фиксируются в исследуемых текстах начиная с XV в.: *Повелѣ князь велики имать <...> Володку Давидова* (СЛС, 430); *послаша по воровского воеводу, по Федку Плезеева* (Смут., 148); *Ложной царь и вор Матюшка* (Смут., 152) *некто Ивашко Заруцкой* (Смут., 160). Возможно, не без влияния летописных текстов в конце XVII в. в русском словаре закрепляется лексема *именишко* (*имянишко*) для обозначения уничижительного имени [17, с. 228].

Наконец, как показывают наблюдения, прагматические смыслы выражаются в летописном дискурсе не только путём сокращения формулы именованного за счёт замещения отчества «полуотчеством», или устранения отчества, или использования «именишка». По-особому значимо в летописи и отсутствие всякого именованного: *наимоваху злых тѣх смердовъ, убищъ, шилников и прочих безименитых мужиков, иже скотем подобни суть...* (Моск., 380). Как следует из контекста, тот, кто не заслуживает имени, не имеет права называться человеком. Показательно, что слово *безименитый* вошло в словарь русского языка XI–XVII вв. именно из летописного текста [18, с. 129].

В летописном дискурсе возможно исследование и других прагматических особенностей антропонима, однако иногда они выражены недостаточно отчётливо. Для ха-

рактистики возрастного статуса лица антропонимы мало информативны потому, что уже при рождении князя могли именоваться полным именем, даже с использованием патронима. Вместе с тем есть и факты, заслуживающие внимания.

В тексте ПВЛ неоднократно фиксируется антропоним *Святоша*, идентифицирующий луцкого князя: *Святополкъ же прибѣже <...>, и с нимъ <...> Святоша, сынъ Давыдовъ Святославича* (ПВЛ, 262). Этот князь отличался особой святостью и даже принял монашеский постриг. Однако исследователи традиций именования русских князей считают, что *Святоша* – это гипокористическая форма двухосновного имени *Святославъ*. Юного князя называли *Святошей* с детства, чтобы отличить от деда Святослава Ярославича [11, с. 441–442]. Позже в антропониме *Святоша* произошла контаминация уменьшительной формы имени и прозвания набожного князя. Возможно, как детские закрепились в именовании князей и другие гипокористические имена: *Василько, Всеволодко*.

Обобщая наблюдения над развитием состава, структуры, назначения и прагматического содержания антропонимов, которые функционируют в текстах древнерусских повестей, репрезентирующих свёрнутый летописный дискурс XI–XVII вв., можно сделать общий вывод о несомненной ценности летописей как источника изучения эволюции русского антропонимикона, поскольку в нём находят отражение как объективные характеристики, присущие эволюции русского антропонимикона в языке в целом, так и специфические черты, показательные для функционирования именовании лица именно в названном типе дискурса и существенно обусловленные культурными, идеологическими, социальными и другими экстралингвистическими факторами.

Объективно отражая генетическую разнородность древнерусского антропонимикона, летописный дискурс, в соответствии с методом монументального историзма, в первую очередь репрезентирует имена лиц, стоящих на верху социальной лестницы. Иллюстрируя количественные сдвиги, реально происходившие в антропонимиконе Древней Руси в связи со сменой языческой и канонической антропонимических систем, летописный дискурс, вследствие идеологических установок адресанта, выявляет более высокие темпы становления канонических имён. Облигаторные функции имени в летописном дискурсе: номинативная, идентифицирующая и дифференцирующая – идентичны общезыковым антропонимическим функциям, но свойственная летописям высокая концентрация имён, повторяемость династических и христианских антропонимов обуславливает в летописном дискурсе интенсивный поиск способов их дифференциации и появление новых видов именования лица, антропонимических комплексов, в существенной мере подготавливающих формирование стандартной трёхчленной антропонимической формулы, свойственной русской культуре. Наконец, именно в летописном дискурсе, сохранившем исконно русские традиции имянаречения лица, восходящие к родовому строю, оформлялись, закреплялись и фиксировались прагматические характеристики русского именования (величание по отчеству, уничижительное именование лица), утверждалась мысль о необходимости ценить доброе имя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Королёва, И. А. Становление русской антропонимической системы : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / И. А. Королёва. – М., 2000. – 387 с.

2. Ерофеева, И. В. Лингвокультурная парадигма летописного текста как отражение категорий средневекового мировоззрения / И. В. Ерофеева // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (2). – С. 515–518.
3. Хурматуллин, А. К. Понятие дискурса в современной лингвистике / А. К. Хурматуллин / Уч. зап. Казан. гос. ун-та. Гуманитар. науки. – 2009. – Т. 151, кн. 6. – С. 31–37.
4. Селезнева, Л. В. Исследования дискурса в современной лингвистике: опыт, направления, проблемы / Л. В. Селезнева // Вестн. Сев.-Вост. федер. ун-та им. М. К. Аммосова. – 2011. – Т. 8, № 4. – С. 119–124.
5. Ворожбитова, А. А. Теория текста: антропоцентрическое направление : учеб. пособие / А. А. Ворожбитова. – 3-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2014. – 367 с.
6. Лихачев, Д. С. Человек в литературе Древней Руси / Д. С. Лихачев. – М. : Наука, 1970. – 180 с.
7. Сулова, А. В. О русских именах / А. В. Сулова, А. В. Суперанская. – 2-е изд., испр. и доп. – Л. : Лениздат, 1991. – 220 с.
8. Ключевский, В. О. История России. Специальные курсы / В. О. Ключевский. – М. : АСТ ; СПб. : Астрель, 2003. – 480 с.
9. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Академ. Проект, 2004. – 992 с.
10. Чичагов, В. К. Из истории русских имен, отчеств, фамилий (вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.) / В. К. Чичагов. – М. : Учпедгиз, 1959. – 128 с.
11. Литвина, А. Ф. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму топонимики / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. – М. : Индрик, 2006. – 904 с.
12. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века / сост. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. – М. : Худож. лит., 1982. – С. 585–688.
13. Морошкин, М. Я. Славянский именовослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке / М. Я. Морошкин. – СПб., 1867. – 214 с.
14. Алексеев, С. В. Славянская Европа V–VIII веков [Электронный ресурс] / С. В. Алексеев. – М. : Вече, 2009. – Режим доступа: http://oldeurasia.ru/library/Sergey-Alekseev_Slavyanskaya-Evropa-V-VIII-vekov/. – Дата доступа: 27.09.2016.
15. Пчелов, Е. В. Рюриковичи. История династии / Е. В. Пчелов. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001 – 479 с.
16. Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М., 1987. – Вып. 13 : Опась – Отработыватися. – 318 с.
17. Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М., 1979. – Вып. 6 : З–И. – 360 с.
18. Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М., 1975. – Вып. 1 : А–Б. – 372 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Вож. – Повесть о битве на реке Воже // Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV века / сост. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. – М. : Худож. лит., 1981. – С. 92–95.

Кул. – Летописная повесть о Куликовской битве // Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV века / сост. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. – М. : Худож. лит., 1981. – С. 112–131.

Моск. – Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века / сост. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. – М. : Худож. лит., 1982. – С. 376–403.

Новг. – Новгородская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века / сост. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. – М. : Худож. лит., 1982. – С. 404–409.

ПВЛ – Повесть временных лет / Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века / сост. Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев. – М. : Худож. лит., 1978. – С. 23–278.

Пьян. – Повесть о побоище на реке Пьяне // Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV века / сост. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. – М. : Худож. лит., 1981. – С. 88–91.

Ряз. – Повесть о разорении Рязани Батыем // Летописные повести о татаро-монгольском нашествии // Памятники литературы Древней Руси: XIII век / сост. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. – М. : Худож. лит., 1981. – С. 184–199.

ТЛ – Из Тверской летописи / Летописные повести о татаро-монгольском нашествии // Памятники литературы Древней Руси: XIII век / сост. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. – М. : Худож. лит., 1981. – С. 148–175.

СЛС – Северный летописный свод // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века / сост. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. – М. : Худож. лит., 1982. – С. 410–443.

Смут. – Псковская летописная повесть о Смутном времени // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII века / сост. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. – М. : Худож. лит., 1987. – С. 146–161.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 25.10.2016

Korolevich S.A. The Evolution of Russian Anthroponymy in the Mirror of Chronicle Discourse

The article discusses the features of the composition, structure and functioning of personal names in Old Russian chronicle discourse. Based on the analysis of the anthroponymy of the original chronicle texts of the XI–XVII century it specifies the types of the anthroponyms at different historical stages, their genetic layers caused by the change of the anthroponymic systems. The preconditions of genesis, the peculiarities of design and distribution of the Russian patronymic and surnames are identified; the initial stages of the emergence of specific anthroponymic complexes in chronicle discourse are considered. The specific character and ways of the provision of basic anthroponymic functions at different stages of anthroponymy development are analyzed. Historical factors that contribute to pragmatic characteristics of naming are determined, the connotation of some anthroponymic formulas and forms are described. The validity of using the chronicles as a source of study of the evolution of Russian anthroponymy at the initial stages of its formation is proved.

УДК 821.161.3

Л.М. Садко

канд. філол. навук, доц. каф. тэорыі і історыі русскай літаратуры
Брэстскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ЯЗЫКА В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕСЯ РЯЗАНОВА

Исследуется творчество А. Рязанова как синкретическое явление, объединяющее в себе различные способы донесения поэтической информации. Внутренняя форма слова, в каждомдневном языке привычно и надёжно спрятанная, в текстах А. Рязанова выходит на первый план посредством различных приёмов мотивировки внутреннего содержания внешними признаками, налаживая крепкое единство означаемого и означающего. Зачастую происходит это благодаря арсеналу акустической и визуальной поэзии, усиления ассоциативности и одновременно обращения к речевой функциональности слова, его конкретному узусу. Эти черты нашли проявление в создании авторских жанров – пунктиров, вершаказов, зномов. Тексты А. Рязанова, несомненно, тяготеют к передаче и универсальной информации, и черт национальной самобытности, к переоткрытию сокровищ родной культуры и языка.

Введение

Несмотря на идеологическую регламентацию белорусского литературного процесса, в 60–70-е гг. XX в. европейский и мировой авангард всё же оказывает влияние на отечественное искусство слова: формируется тенденция интеллектуализации литературы, предпринимаются попытки противопоставления самого акта художественного творчества унифицированности советского общества. Можно говорить, что поэтические поиски эпохи «шестидесятничества», затем приход в литературу «филологического» поколения основываются на стремлении к отчуждению и от советской идеологии, и от мира серой обыденности. С появлением в белорусской литературе поэтических текстов А. Рязанова стало возможным говорить о чертах типологического сходства его творчества с некоторыми проявлениями европейского авангардизма. Уже в первых книгах поэта: «Адраджэнне» (1970), «Назаўжды» (1974), «Каардынаты быцця» (1976) – появляются тексты с особой техникой письма, экспериментальной поэтикой, которая найдет широкое распространение в более поздних произведениях белорусского поэта. В ранних стихах А. Рязанова заявило о себе стремление к интонационному разнообразию, полифонизму, богатству звуковой палитры, нашли воплощение новаторские попытки разрушить традиционную организацию стиха.

Цель статьи – раскрыть лингвокреативный потенциал поэзии А. Рязанова: от создания особой эвфонии, преобразования формальной организации текста к деавтоматизации поэтического слова. Исследование основывается на культурно-исторических принципах, методах формальной школы, а также методике структурного анализа.

Лингвоцентрическая природа творчества А. Рязанова

Проблематизация языка, продемонстрированная в поэзии А. Рязанова, – попытка превратить литературный текст в реальную, зримую и чувственную вещь, доступную человеческому восприятию и на эмпирическом уровне – через особую метрику, оригинальную акустическую организацию, систему ассонансов и консонансов, визуальную структуру стиха.

Показательно в этой связи отношение автора к звуковой организации текста, о которой А. Кислицына пишет: «Значение придаётся не просто слову, которое само по себе создаёт образ, но и корню, отдельным звукам, которые его составляют» [1, с. 98].

В текстах, как называет их сам автор, вершаказов А. Рязанова властвует тенденция к донесению слова буквально на уровне сенсорного восприятия, вплоть до идиосинкразии. К подобным произведениям следует именно прислушиваться, поскольку эфоническая организация высказывания, звуковая инструментовка принципиально важны в произведениях А. Рязанова. Вот как это происходит в вершаказе «Горад» [2, с. 369]:

Горад горды і высакародны: ён стаіць на
высокім месцы – на ўзгорку, на грудзе, і,
адгароджваючыся ад навакольнага асяродка
вежамі і сцяною, не адлучаецца ад яго, а
вылучаецца з яго – як яго цэнтр, сярэдзіна,
сарцавіна.

С помощью аллитерации и ассонанса «энергичными», «напряжёнными» звуко-сочетаниями «горд», «гор», «гру», «гарод», «род» А. Рязанов добивается эффекта прямой, акустической передачи идеи, провоцирует возникновение чувственного, мотивированного образа определённого величия города, его особого положения, некоторой исключительности.

С другой стороны, этот же текст, предельно насыщенный звукообразами, преподносится читателю/слушателю и на умозрительном уровне. Произведение доставляет удовольствие от работы и на уровне семантики, прагматики, метафорики, также при этом открывая возможности философского постижения проблемы. Заявленный выше фрагмент вершаказа может быть рассмотрен как размышление над одним из самых фундаментальных вопросов о дихотомии мира и человека. Топосы, обозначенные в тексте, амбивалентны («ўзгорак», «груда», «вежа», «сцяна», «цэнтр», «сярэдзіна», «сарцавіна»), могут служить одновременно маркерами как исключения, так и включения пространства. Таким образом, тексты подобного типа основываются на тенденции и к интеллектуализации, философичности, и к мотивированности высказывания.

«Рязановские» жанры

Аналитический подход к арт-презентации в текстах А. Рязанова проявляется в создании стихотворений с особой жанровой природой. Такие формы стихов дарят словам своеобразную автономность, освобождают их от навязанных «извне» законов, возвращая функциональность. Рязановские жанры пунктиров, вершаказов, версетов, квантем, зномов – результат долгой аналитической работы со средствами языка и речи, попытка абсолютизировать слово, сделать его единственной реальностью. Можно говорить о своеобразном влиянии сциентизма, веры в рациональное основание искусства. В этой связи необходимо вспомнить заявления авангардистов о «сделанности» их поэзии, способах деклинирующего, арифметического письма. Слово, как в рязановском тексте «Голас» [2, с. 366], – уравнение, носитель кода белорусской истории, народного быта и культуры, общечеловеческих ценностей:

Гукаю і чую свой голас.

Ён займае і гул ракі, і водгул грамады, і цішу далёкага лесу.

І пакуль ён гучыць і, усюды прыняты і заахвачаны ўсюды, мае адвагу і моц гучаць, у гэтай краіне ён не чужы і не свой, а – сама, заснаваная мной, краіна.

Вершаказы

Наиболее близкими к авангардистской эстетике и поэтике в творчестве А. Рязанова являются вершаказы. По точному замечанию литературоведа В. Конона, «рязановские вершаказы представляются не только “слиянием” поэзии и прозы, но также синтезом более высокого порядка – единением искусства, мифологии, философии и, наконец, аналитической науки» [3, с. 251]. Вершаказы основываются на языковой игре, пристальном «разглядывании» лексико-звуковых особенностей слова, поиске созвучных ему языковых единиц, объяснении внутренней семантики. От долгого употребления слова становятся привычными, а в поэтическом контексте вершаказа смыслы пробуждаются вновь, рождая неожиданные ассоциации. Необходимо говорить об оригинальной интонационной окраске вершаказов, которые демонстрируют особую, сказовую ритмико-стилистическую организацию, напоминают саги о потаенном смысле вещей и слов:

З усіх дрэў дуб самы дужы, самы
векавечны, самы даўні і самы буду-
чы – ён увасабляе сабою трыяду ча-
су: даўніну, цяперашчыну і будучыню і
сваім існаваннем сцвярджае: быў, ёсць,
буду [2, с. 370].

Говоря об интеллектуально-философской насыщенности этого произведения, надо подчеркнуть, что образ дуба, одного из самых почитаемых у славян деревьев, перекликается с образом генеалогического древа, прадрева истории, воплощённого в триединстве времён. Кроме того, текст содержит в себе большое количество единиц, созвучных слову «дуб» – это и самостоятельные слова, и омонимично звучащие отрезки слов: «дуб», «дужы», «даўні», «будучы», «будучыня», «будуецца», «падобны», «дубль», «буда». Многократный повтор одних и тех же звуковых компонентов особым образом действует на слух и душу читателя, заставляя его воспринимать произведение и на смысловом, и на ассоциативном уровне. Даже намеренное использование А. Рязановым внутрифразовых фрагментов-палиндромов в этом вершаказе содействует постижению идеи времени, способном разворачиваться в мышлении человека одновременно и в сторону будущего, и в сторону прошлого. Чтение сочетания слов «дуб», «будучыня» привычным линейным способом подталкивает к восприятию движения времени «вперёд» и «вверх» от корней к кроне. А вот поэтическая призма звукосмысла, работа именно на уровне фоносемантики заставляет проникнуться идеей «палиндромного» течения времени «вспять», «вглубь», прикасаясь к архаическим праистокам слов и понятий. Причём размышления в данном направлении задаёт сам поэт, называя дуб через оксюморон – «самы даўні і самы будучы».

Подобный метод создания произведения перекликается с доктриной аналитической философии Л. Витгенштейна, идеей чистой зрительности философа-формалиста К. Фидлера. Метод последнего «учит нас, что, несмотря на всю экспансию научного познания, наше миропонимание было бы неполным, если бы действительность не открывалась глазу в качестве “зримости”» [4, с. 43]. Тексты А. Рязанова – философские максимы, которые воспевают разумную чувственность, синтез зрительного, слухового и интеллектуального восприятия мира во всей его бесконечности. «Вершаказы могли бы послужить хорошим сценарием для сонатной музыки и документально-художественных фильмов о природе нашего края и народной культуре», – высказывает сходные мысли В. Конон [3, с. 252].

Изобразительный потенциал рязановских вершаказов, пластичность образов соответствуют авангардистским установкам с их требованием вернуть слову «предметность», совпадение предмета и обозначающего его понятия. Стихотворение «Верас» насыщено конкретными существительными, точно и весьма определённо обозначающими предмет речи:

У верасні, калі дацвітаюць апошнія
кветкі, на лясных пагорках, выжары-
нах, расцяробах, усцілаючы дол каля-
ровым ворсам, красуе верас.

Сярод астатніх распазнаных раслін
верас нібы версэт сярод вершаў: у параў-
нанні з дрэвамі ён – трава, у параў-
нанні з травой – дрэва, і ў параўнанні
з іхнімі «веравызнаннямі» яго «веравы-
знанне» – ерась [2, с. 407].

Слово, от которого идут своеобразные «круги» созвучий, как правило, вынесено в заголовок. В приведённом вершаказе им становится слово «верас». Чтобы наполнить его фактурностью, предметностью, поэтической ёмкостью, А. Рязанову достаточно немногочисленных средств. В частности, данный текст основывается на ассоциативных возможностях слова, поэтических уподоблениях и богатстве омонимических созвучий родного языка, где семантическое поле охватывает сообразно звучащие слова «верас», «верасень», «ворс», «расліны», «версет», «вершы», «веравызнанні», «ерась», пробуждая ряд поэтических и аналитических ассоциаций, становясь, по точному замечанию белорусского литературоведа Е.А. Леоновой, одновременно «объектом описания-осмысления» [5, с. 34].

А. Рязанова притягивает не идея заумного, онемевшего выражения, что близко в большей степени футуризму, а сама фактура речевых связей этого слова, его интонационная поливалентность. Рассматривая слово сквозь призму фоносемантики, графемы, идеограммы, авангардисты стремятся не уйти из речи, а, наоборот, вернуться в речь, пристально рассмотрев на микроуровне её самые фундаментальные элементы, её первооснову.

Пунктиры

Одной из разновидностей классических миниатюр в творчестве А. Рязанова становится жанр пунктиров, тяготеющий к сближению с живописными эскизами. Это максимально конденсированные, композиционно простые стихотворения, стремящиеся к афористичности. Эстетика минимализма, проявляющая себя в стихах-пунктирах, диктует особую стилистику: текст превращается в набросок, экспликацию «первичных структур», атомарных фрагментов мироздания:

Здасца, што ўсё ўжо было:
позірк, пяшчотны і чулы,
сонца ў лісці і крыло,
што ў вышыні мільганула [2, с. 68].

По поводу пунктиров А. Рязанова известный белорусский исследователь В. Колесник отмечал: «Тут поднимается шлагбаум познавательной недоступности явления, поэт демонстрирует читателю, что он всё же художник, которому дано выражать общие

идеи в конкретных образах, открытых чувственному восприятию» [6, с. 31]. В пунктирах А. Рязанова сформировался новый тип речи, лишённый пространных патетических рассуждений, разительно отличающийся от привычных стандартов «поэтического». Звук и смысл, голос и молчание, традиция и эксперимент взаимодействуют в произведениях-пунктирах поэта. Идея родства, человеческой близости, наполненности солнцем и открытости совершенно не нова для лирики. Однако взамен пространному и такому очевидному описанию чувств лирических героев предлагается восхитительная тишина и недоговоренность, чреватая смыслом.

Тексты подобного «пунктирного» характера обладают подчёркнутой плюральной организацией. Любой фрагмент поэтического высказывания А. Рязанова может быть соотнесен с бесчисленным количеством явлений реальности, рождая при этом различные ассоциативные цепочки. Подобная пунктирность сообщает тексту подвижность интерпретаций, нацеливает на метафорическое, чувственное восприятие.

Философский позитивизм, обращение к словам, обслуживающим повседневность, в стихах А. Рязанова тесно сопрягается с мистицизмом, сферой ассоциаций, потаенных духовных смыслов:

Піць малако...
Не ведаць млосці,
не вандраваць па гарадах,
быць маладым у маладосці
і памяркоўным у гадах.
Піць малако [2, с. 73].

Квинтэссенция человеческой мудрости заявлена поэтом в этом пунктире в простых, обиходных выражениях: что может быть проще и естественно, чем глоток молока, бодрость молодых лет и сдержанность зрелости. А вот внутреннее напряжение текста как раз и связано с тем, что выполнить эти несложные рекомендации – титаническая задача. Таким образом намечается своеобразный конфликт, перенесённый в сферу ассоциаций читателя, между простотой формы и глубиной содержания текста. Фраза «піць малако», параболически обрамляющая стихотворение, повторённая несколько раз, – один из способов «заземлить» высказывание, добавить ему конкретности.

Параболические возможности пунктиров, которые демонстрирует А. Рязанов, – органичное сочетание образности вещного мира и глубоких, опосредованных размышлений над сферой этического знания. Кроме того, стихи-пунктиры демонстрируют тонкую наблюдательность и лаконичность. Визуальная мотивированность в стихах этого жанра поразительна:

Першыя кроплі дажджу:
на плітах
азбука кропак [2, с. 107].

При этом зрительный образ становится первотолчком не для выявления причинно-следственных отношений, а для метафорического осмысления мира и человека в нём. На основе аналогии капли дождя сравниваются с азбукой точек, скорее с точечной азбукой Брайля, что создаёт ауру ассоциаций тишины, одиночества, настроения созерцательности, погружённости в себя. Метафоризация поэтических пунктиров А. Рязанова не преследует прагматической функции украшения, риторической изошённости. Специфика высказывания, простота и аскетизм структуры, вещественность и верифицированность слов скорее вступают в конфликт с глубинной метафоричностью текста, разветвлённой системой ассоциаций, которые он вызывает:

Каля зяленага дрэва
скульптура з дрэва:
маўклівая спрэчка
пра дасканаласць [2, с. 112].

Говоря о пунктирах А. Рязанова, нельзя не упомянуть о поисках одного из течений логического позитивизма – физикализма. Наиболее разработанный опыт физикализма представил в своих трудах философ и логик Р. Карнап. Он утверждает, что идеалом должен стать унифицированный язык, близкий точному языку физики. «Вещный» язык Р. Карнапа – это язык, состоящий из слов, обозначающих непосредственно наблюдаемые свойства вещей, чувственно данный опыт. Стихи-пунктиры в этом смысле могут служить образцом подобного протокольного, регистрационного письма: «Бульба цвіце. // У рамонкаў // круглыя вочы» [2, с. 112].

Необходимо отметить, что молчание как эквивалент речи – один из самых распространённых приёмов создания высказывания в современной поэзии. Эстетику пустоты, молчания, кристаллизации речи А. Рязанов в своих пунктирах поднял на высочайший уровень. Принципиальная краткость, минимализированность знаков в текстах А. Рязанова позволяют утверждать, что отдельное слово в его строке становится вспышкой истины, фокусом, в котором собирается глубинный смысл текста. Вершаказы и пунктиры поэта, по замечанию В. Конона, получились «на границе стихотворения, прозаической миниатюры и философского афоризма путем постепенного усиления ассоциативности и символичности, с одной стороны, и редукции поэтической напевности, с другой» [3, с. 5].

Заклучение

Произведения А. Рязанова тяготеют к деструкции шаблонных, канонических представлений о поэтическом языке. Проблематизация языка, лингвоцентрический характер поэзии А. Рязанова проявляется в повышенном внимании автора к возможностям художественного слова. Размышления о мире, времени, пространстве, человеке и всём сущем А. Рязанов пропускает через рефлексию родного языка, его ментального смысловыразительного потенциала. Рязановские тексты тяготеют к точности и аскетичности языкового выражения, к созданию своего рода *formula universalis*, порождённой методами формальной логики. Именно особая эвфоника, визуальное и акустическое начало произведений поэта задают координаты понимания произведения, ведут за пределы обыденного восприятия. Вершаказы, пунктиры, квантемы, зномы – формально-типологические находки поэта – представляют белорусский язык как особую реальность, космос культурно-философской самобытности нации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кісліцына, Г. М. Алесь Разанаў: праблема мастацкай свядомасці / Г. М. Кісліцына. – Мінск : Беларус. навука, 1997. – 143 с.
2. Разанаў, А. Танец з вужакамі : выбранае / А. Разанаў. – Мінск : Маст. літ., 1999. – 462 с.
3. Конон, В. Ступени лестницы / В. Конон // Нёман. – 1997. – № 11. – С. 240–252.
4. Арсланов, В. Г. История западного искусствознания XX века : учеб. пособие для вузов / В. Г. Арсланов. – М. : Акад. проект, 2003. – 768 с.

5. Лявонава, Е. А. «Гук – “электрон” верша»: Гукатворчасць Алеся Разанава і еўрапейская літаратурная традыцыя / Е. А. Лявонава // Роднае слова. – 1998. – № 4. – С. 29–36.

6. Калеснік, У. А. Страла і мэта / У. А. Калеснік // Беларусь. – 1991. – № 10. – С. 25–33.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 11.10.2016

Sadko L.M. The Problematization of the Language in the Works of Ales Ryazanov

The article deals with the analyzing of the works of A. Ryazanov as a syncretic phenomenon which contains different methods of the delivering of poetical information. The inner shape of the word which is usually firmly hidden in the everyday language comes to the fore in A. Ryazanov's texts through different ways of motivation of the inner content by external features; thereby it makes a strong unity of what is signified and what is signifying. Most often it is being achieved by the means of the arsenal of acoustic and visual poetry, by intensification of the associativeness and at the same time by appealing to the vocal functionality of the word, its specific usus. Those features led to the creation of the author genres – punktir, vershakaz, znom. A. Ryazanov's texts are undoubtedly gravitating towards transmitting of the universal information as well as featuring of the national originality and re-exploring the jewels of own culture and language.

УДК 808.26 – 541.2

С.Ф. Бут-Гусаім

канд. філал. навук, дац., дац. каф. беларускага мовазнаўства і дыялекталогіі
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

**ГАВАРКІЯ ПРОЗВІШЧЫ Ў КАНТЭКСТЕ ГІСТАРЫЧНАЙ ПРОЗЫ
СУЧАСНЫХ БЕРАСЦЕЙСКІХ ПІСЬМЕННІКАЎ**

Разглядаюцца ўжытыя ў гістарычнай прозе сучасных берасцейскіх аўтараў прозвішчы персанажаў. Ахарактарызавана паходжанне антрапанімаў. Выдзелены і апісаны тыпы прозвішчаў паводле ступені семантычнай актыўнасці. Асабліва ўвага надавалася асэнсаванню ролі кантэксту ў раскрыцці сэнсавых і эмацыйна-экспрэсіўных магчымасцяў паэтонімаў. Акрэслены функцыі прозвішчаў герояў у мастацкіх творах. Вызначаны асноўныя заканамернасці выбару і ўжывання прозвішчаў-паэтонімаў у гістарычнай прозе.

Уводзіны

Насычаная драматычнымі падзеямі айчынная гісторыя XX ст. стала прадметам мастацкага асэнсавання ў гістарычнай прозе берасцейскіх пісьменнікаў Міколы Сянкевіча, Анатоля Крэйдзіча, Леаніда Філатава, Клаўдзіі Каліны, Уладзіміра Дамашэвіча, Васіля Жуковіча, Уладзіміра Гніламёдава. У цэнтры мастацкага свету, створанага ў рамах, аповесцяў і апавяданняў берасцейскіх аўтараў, – поўныя драматызму і напружання падзеі Першай і Другой сусветных войнаў, а таксама цяжкія дзесяцігоддзі пасляваеннага абнаўлення краіны, гады савецкага застою. Ствараючы карціны мінулага нашай зямлі, пісьменнікі ўмела выкарыстоўваюць прагматычны зарад і вобразна-выяўленчыя магчымасці такой часткі антрапанімікону, як прозвішчы.

У сучаснай лінгвістычнай навуцы адным з актуальных напрамкаў з'яўляецца лінгвакультуралогія, асноўная мэта якой – вывучэнне ўзаемасувязі мовы і культуры. Мова – сродак стварэння, развіцця і захавання нацыянальнай культуры. Асаблівае месца ў межах лінгвакультуралагічнай праблематыкі займае даследаванне антрапанімічнай сістэмы пэўнай мовы ва ўзаемасувязі ўласных імён і культуры. Такая тэндэнцыя звязана з антрапацэнтрычнай парадыгмай сучаснай лінгвістыкі, якая прадугледжвае аналіз моўных адзінак з мэтай пазнання іх носьбітаў. Імёны з'яўляюцца найбольш культураноснымі знакамі. Антрапанімічная сістэма пэўнай мовы – фундаментальны матэрыял для пазнання нацыянальнай культуры, для разумення псіхалогіі і характараў людзей, якія адносяцца да пэўнай нацыянальнасці ці рэгіёна.

Мэта прадстаўленага даследавання – комплекснае апісанне ўжытых у гістарычнай прозе сучасных берасцейскіх аўтараў прозвішчаў-паэтонімаў, якія з'яўляюцца неад'емным элементам ідэйна-тэматычнага зместу мастацкага тэксту. Для дасягнення прадстаўленай мэты былі вырашаны наступныя задачы: вылучаны прозвішчы, выкарыстаныя ў гістарычнай прозе; устаноўлены спосабы ўтварэння паэтонімаў, якія валодаюць рознай ступенню семантычнай актыўнасці; ахарактарызавана роля структурных кампанентаў (кораня і афіксаў) літаратурных антрапанімаў і ўплыў кантэксту на фарміраванне плана зместу і стылістычнай афарбоўкі паэтонімаў; вызначаны функцыі прозвішчаў у мастацкіх творах пісьменнікаў; выяўлены асноўныя заканамернасці ў выбары і выкарыстанні прозвішчаў-паэтонімаў у гістарычнай прозе. Мэта і спецыфіка матэрыялу прадвызначылі выбар аналітычна-апісальнага метаду ў якасці асноўнага з выкарыстаннем элементаў параўнальна-супастаўляльнага метаду. Матэрыялам для даследавання

ня паслужылі творы Л. Філатава, А. Крэйдзіча, М. Сянкевіча, У. Гніламёдава, К. Каліны, У. Дамашэвіча, А. Наварыча, В. Жуковіча.

Класіфікацыя прозвішчаў, ужытых у кантэксте гістарычнай прозы сучасных берасцейскіх пісьменнікаў

Прозвішча – гэта афіцыйна засведчанае ў дакументах родавае імя чалавека, якое перадаецца яму ў спадчыну ад бацькоў.

Адзначым істотную розніцу зместу і функцый прозвішчаў у жыцці і ў мастацкай літаратуры. У сучасным грамадстве праяўляецца тэндэнцыя да забыцця, «сцірання» ўнутранай формы прозвішча, якое выконвае найперш функцыю ідэнтыфікацыі асобы як члена соцыуму. Што да мастацкай літаратуры, то, ствараючы найменні персанажаў, пісьменнік імкнецца «ўваскрэсіць» унутраную форму оніма, падкрэсліць яго сувязь з паняццем, якое легла ў аснову прозвішча. Гэтыя тыпы онімаў у літаратуры не столькі ідэнтыфікуюць, колькі характарызуюць, ацэньваюць, выражаюць эмоцыі і пачуцці аўтара і герояў. У прозвішчах адлюстроўваецца бачанне пісьменнікам сваіх персанажаў, іх характару, дзеянняў, учынкаў.

Найбольш ярка і прасталінейна функцыя мастацка-вобразнай характарыстыкі персанажа выконваецца **прамагаваркімі прозвішчамі**. Маючы празрыстую ўнутраную форму, прозвішчы гэтага тыпу характарызуюць персанажаў непасрэдна, прасталінейна, з'яўляючыся свайго роду этыкеткамі, ярлыкамі, якія прадвызначаюць характар успрымання і ацэнкі чытачом літаратурнага героя. Э.Б. Магазанік параўноўвае такія онімы з шыльдамі, якія «загадзя ўказваюць чытачу на тое, з кім ён мае справу» [1, с. 30].

Прамагаваркія прозвішчы ўтрымліваюць інфармацыю пра маральныя якасці персанажаў. Напрыклад, прозвішча **Хараішун** асацыятыўна звязваецца са значэннем прыметніка **хароішы** «які вызначаецца станоўчымі маральнымі, душэўнымі якасцямі» [2, с. 719]. Найменне персанажа навелы Г. Марчука «Апека» цалкам адпавядае характару гераіні, даючы станоўчую ацэнку незласлівай, дабрадушнай, ціхай, непрыкметнай жанчыне. «Соня нікому не скардзілася на сваю долю, на Бога, не зайздросціла ніколі ўдачлівым суседзям, іх заможнасці. Адна такая на ўсё сяло была Соня, што не імкнулася любымі сродкамі стаць багатай, не гналася за капейкай» [3, с. 266]. Лёс Соні **Хараішун** – прыклад жыцця бязгрэшнага чалавека, праведніка, на якім, як вядома, трымаецца свет.

Прозвішча **Нядбайла**, якое належыць герою аповесці Г. Марчука «Паляшук», выклікае асацыяцыі са словам **нядбайны** – «які абыякава, нядобрасумленна адносіцца да сваіх абавязкаў, спраў, лянiвы» [2, с. 395]. Кантэкст спрыяе сэнсавому напаўненню гаваркога антрапоніма, які мае асуджальнае значэнне. Старшыня калгаса **Нядбайла** запусціў гаспадарку, не клапаціцца пра аднавяскоўцаў. У прыватнасці, ён спыняе будаўніцтва на сяле ясляў, якія дапамаглі б маладым бацькам і ўтрымалі б моладзь на сяле. Прозвішча персанажа дапамагае адцяніць ідэю твора. Пісьменнік паказвае: так многа ў нашай дзяржаве абыякавых, незацікаўленых, непрафесійных кіраўнікоў. «**Нядбайлу** калгас сваім не стаў. Не-е. Хоча ўзнагароду атрымаць ды падацца вышэй. Колькі іх, такіх старшiнь, за гэтыя трыццаць гадоў памянлася, бадай, не палічыць – пальцаў не хопіць» [4, с. 323].

У прозвішчы Таццяна **Чудайкіна** (яго мае персанаж рамана У. Гніламёдава «Расія») выражаюцца звесткі пра характар смешнага, безгаспадарлівага, легкадумнага дзівака: «**Жыў Таццянка бедна, у яго гаспадарцы не было ні плуга, ні каня. Сваё прозвішча апраўдваў у поўнай меры. Меў, напрыклад, звычай хадзіць у Борскім па базары са сваёй**

лыжскай – каштаваць смятану, тварог. Купляць не купляе, толькі прыцэньваецца. Гандляркі ведалі Таццянку – праганялі» [5, с. 176–177]. Менавіта такія безгаспадарлівыя, лянівныя беднякі, як Таццянка, атрымлівалі пры Саветах уладу. Чудайкін становіцца на чале камуны «Таварыш Троцкі». Праславіўся «абразованы» старшыня тым, што, прачытаўшы брашурку «Як прымусіць курыцу знесці ў год дзвесце яек», давёў калектыўную гаспадарку да краху. Заканчваецца «бліскачая» кар’ера Чудайкіна пасадай пасатуха – «старшыні» калгаснага статка.

Сэнс прозвішча героя рамана У. Гніламёдава «Вяртанне» *Гадаў* асацыятыўна звязваецца са значэннямі слова *гад* ‘агідны чалавек, гадзіна’ [2, с. 139]. Прозвішча-паэтонім характарызуе беспрынцыпнага жандара, які служыў любой уладзе (царскай Расіі, дэфензіве), высочваючы і бязлітасна распраўляючыся з ворагамі гэтай улады: «*Гадаў па-ранейшаму практыкаваў на “сыскному дзелу” і цаніўся ў галіне палітычнага вышуку як выдатны спецыяліст з аграмадным, яшчэ царскім стажам і вопытам. Яго кваліфікаванымі паслугамі паспелі пакарыстацца Дзянікін і Урангель, балканскія краіны, Германія, і цяпер чарга дайшла да Польшчы, дзе ў ім мелі таксама немалую, па ўсім відаць, патрэбу*» [6, с. 414]. Напэўна, невыпадковай дэтאלлю знешнасці беспрынцыпнага і амаральнага чалавека з’яўляецца «каінава пячатка» – чырвоная пляма на твары. «*Слепа, неадчэпна і ва вушы закаханы*» ў падпольшчыцу Марыю Лісак, *Гадаў*, калі жанчына не адказала на яго пачуцці, выдае гераіню ўладам, ведаючы, што жанчыну чакае суд і смерць.

Гаваркое прозвішча можа быць замалёўкай знешнасці чалавека. Так, сэнс прозвішча героя рамана У. Гніламёдава «Расія» *Вярзілін* асацыятыўна звязваецца са значэннем рускага назоўніка *верзила* – ‘высокі чалавек’. Унутраная форма прозвішча актуалізуецца ў аўтарскіх апісаннях знешнасці багатыра: «*Тут жа стаяў той самы мажнны мацак з чорнай кучаравай барадой, які некалі хваліўся, што Запалонне ўсю Расею пракорміць. Звалі яго Спірыдон Вярзілін*» [5, с. 135]; «*З палка злез вядомы ўжо Лявону шыракаплечы здаравенны дзяцюк – ну, проста велікан*» [5, с. 141].

Прозвішча аднаго з персанажаў рамана Георгія Марчука «Сава Дым і яго палюбоўніцы» – *Свістун*. Онім гэты матывуецца пераносным значэннем адпаведнага аплятыва ‘чалавек, які шмат гаворыць, але мала робіць; балбатун’ [2, с. 591]. Лектар ЦК КПБ Марат *Свістун* толькі тым і займаецца, што «*нясе нейкую бязглуздыцу, называючы прозвішчы то аднаго вядомага партыйнага кіраўніка, то другога, увесь час абяцаючы, што пытанні будуць вырашаны станоўча*» [7, с. 284].

Ускоснагаваркія прозвішчы не надзелены такім прамым, яўным, відавочным характарыстычным зарадам, як прамагаваркія. Дэфінітыўная сутнасць гэтых паэтонімаў раскрываецца ў кантэксте, які стварае разгорнутае ўяўленне пра носьбітаў онімаў гэтага тыпу. Значымасць ускоснагаваркіх прозвішчаў спасцігаецца праз глыбокае асэнсаванне мастацкіх характараў, створаных пісьменнікам. Э.Б. Магазанік адзначаў: «Такія імёны – не шылда, якая загадзя тлумачыць чытачу тое, з кім ён мае справу, а акампанемент, які гучыць толькі для чулага вуха. Спасцігнуўшы падтэкст такога прозвішча, расшыфраваўшы тайныя знакі аўтарскай характарыстыкі героя, мы ўзбагацім сваё ўспрыманне мастацкага твора» [1, с. 30].

Прыкладам ускоснагаваркога оніма з’яўляецца прозвішча галоўнага героя рамана Г. Марчука «Кветкі правінцыі» *Доля*. У аснове паэтоніма – назва аднаго з найстарарэчэйшых уяўленняў-персаніфікацый, што міфалагічным спосабам тлумачыць прадвызначанасць чалавечага лёсу. Жыццё Адася Долі цяжкае, поўнае розных выпрабаванняў, перашкод, на шляху хлопца больш страт, слёз, нягод, чым радасці, смеху. Часам

Адасю здавалася, што чалавек нічога не можа змяніць у сваім жыцці: «*Мо сапраўды я няўдачнік. Бывае такое... Воўк расказваў, не пад той зоркай народзіўся і ўвесь час гібееш, пакуль душа твая знойдзе новы прытулак, калі міне багата часу*» [3, с. 57]. Але спакваля, прайшоўшы шлях расчаравання і пакут, герой упэўніваецца, што, хоць чалавечая доля сапраўды прадвызначана, кожны можа напоўніць сваё жыццё глыбокім сэнсам і праз гэта адчуць сябе шчаслівым. Прызначэнне кожнага з нас – любіць чалавека, які побач, і гэтая любоў перамагае смерць. «*Кожны чалавек мусіць цярдліва змагацца за жыццё, усведамляць адказнасць за яго, за дзяцей, за род свой. Жыццё бясконцае, няхай ішчасціць жывым, і няхай яны поўняць сваёй непаўторнасцю новыя кнігі. Трэба знайсці ў сабе сілы і смеласць насіць у сабе мінулае, і яно дапаможа не баяцца смерці. Ave vita!*» [3, с. 258].

Прозвішча галоўных персанажаў раманаў Г. Марчука «Крык на хутары» і «Прызнанне ў забойстве» нясе важную сэнсавую нагрузку. Паэтонім *Лятун* можна назваць прадказальнікам лёсу герояў. Кожны з *Летуноў* нагадвае перакаці-поле – расліну, што лётае, блукае па свеце ў пошуках свайго месца пад сонцам. Змітро *Лятун*, каб набыць сваю зямлю, праходзіць праз шматлікія жыццёвыя выпрабаванні: блукае з сям’ёй па галоднай Расіі, працуе падзёншчыкам у многіх гаспадароў, страчвае на дарогах жыцця жонку і сына. Лёс перакаці-поля не абмінае і дзяцей Летуна. Ігнат пакідае бацькаў дом, уступіўшы на шлях барацьбы за Бацькаўшчыну і перажыўшы на гэтым шляху страшныя выпрабаванні ў сумна вядомым лагеры ў Бярозах. Мікіта ў пошуках сэнсу жыцця блукае па свеце і, пражыўшы ў Аргенціне і Канадзе, вяртаецца на Палессе ў якасці праваслаўнага святара. Шукаючы жаночае шчасце, не раз пакідае родны дом Вуляна. Праходзячы доўгімі крывавамі дарогамі вайны, падыходзіць да сталення Юзік. У вобразе *Летуноў* выражаны пошукі беларусамі свайго лёсу, долі, Бацькаўшчыны. Змітро Лятун гаворыць: «*Ды за мой век пяць радзім змянілася*» [4, с. 56]. Абаронца правоў прыгнечаных суайчыннікаў Ігнат Лятун разважае: «*Зямелька мая родная, колькі пакут і гора параскідана па кутках тваіх? Ці навучацца нарэшце людзі жыць так, каб крыві і поту на табе было менш? Хто ім паможа навучыцца? Зямелька мая родная*» [4, с. 176]. Немалаважную ролю ў раскрыцці ідэі пошукаў беларусамі шчасця на роднай зямлі адыгрывае характарыстычнае прозвішча галоўных герояў.

Гаваркім з’яўляецца прозвішча галоўнага героя рамана Г. Марчука «Без ангелаў» Сяргея *Бяды*. Яно можа ўспрымацца як жорсткае наканаванне чалавеку гараваць, пакутаваць. Чытач назірае за фарміраваннем светапогляду і маральных якасцяў героя твора – сына савецкай эпохі. Спярга Сяргей адзначае: «*З юнацтва я ічыра і аддана верыў нашым кіраўнікам, друкаванае слова выклікала павагу, поўны давер. Перадавіца “Правды” замяніла мне Біблію. Я прымаў усё на веру, не задумваючыся*» [8, с. 116]. Пісьменнік з надзвычайнай дакладнасцю фіксуе разлад, расчараванне ў жыцці «*правільнага, ідэйнага савецкага чалавека*». Страціўшы ідэалы, герой не змог знайсці свайго месца ў жыцці, забытаўся ў ніцях часу. «*Нешта ў маёй душы пасля ўсіх непрыемнасцяў надламалася... Я быў падобны на пясок, які размываюць на беразе хвалі*» [8, с. 132]. Сімвалічным з’яўляецца сон Сяргея: «*Мне аднойчы так і прыснілася, што нясу крыж, але не драўляны, а чыгунны, цяжкі, цяжкі*» [8, с. 132]. Аўтар падкрэслівае, што галоўная бяда яго героя – жыццё бездухоўнае, без спагады да людзей, без веры. «*Што зробіць голы чалавек, калі ён сам будзе без любові, без Бога. Без сумлення*» [8, с. 132]. *Бяда* не змог знайсці сябе ні ў кар’еры, ні ў грамадскім жыцці, ні ў сям’і. Не прынес ён радасці, любові, шчасця блізкім людзям – жонцы, дзецям. Характарыстычнае прозвішча

Бяда – свайго роду прадказанне трагічнага лёсу не толькі аднаго чалавека, але і цэлага пакалення, духоўна аголенага, атручанага ідэалогіяй, скалечанага нянавісцю і злосцю.

Інфармацыю як пра знешні выгляд, так і пра характар персанажа нясе прозвішча **Грыва**, якое належыць герою навелы Г. Марчука «Трагікі і комікі». Першая асацыяцыя, звязаная з гэтым прозвішчам, узнікае, калі чытач знаёміцца з партрэтам персанажа. «Дзівіліся, адкуль у гэтага хударлявага, сярэдняга росту мужчыны (*а з гадамі рыжыя капа валасоў на галаве не пасівела і не паменшала*) такі заваражальны барытон» [3, с. 332]. Па меры развіцця сюжэта прозвішча нараджае яшчэ адну асацыяцыю. Як вядома, **грыва** – адзін са знешніх і самых яркіх атрыбутаў цара звяроў ільва. Як леў, змагаецца знакаміты артыст **Грыва** за свае погляды на мастацтва. Акцёр не баіцца прэчыць помслівому інтрыгану-рэжысёру. Ведучы мужнюю барацьбу за сваю мастацкую пазіцыю, герой памаірае на сцэне.

Сэнс прозвішча герань аповесці М. Сянкевіча «Груша» **Звягічаў** асацыятыўна звязваецца са значэннямі назойніка **звяга** «назойлівае прыставанне з просьбамі, напамінамі, патрабаваннямі» [2, с. 237] і прыметніка **звяглівы** «які дакучае назойлівымі просьбамі, напамінаваннямі, патрабаваннямі» [2, с. 237]. Прозвішча персанажаў твора адпавядае характару герань, даючы адмоўную ацэнку зайздослівым, нядобразычлівым жанчынам, якія прысвяцілі жыццё марнай барацьбе за пакой-прыбіральню ў камунальнай кватэры і за прыгажуню-грушу, што расла на «агульнай» тэрыторыі суседзяў – Казюкоў і Звягічаў. Намаганні жанчын былі скіраваныя на тое, каб нашкодзіць суседзям: «Зацята, яшчэ мацней, сварыліся б, пэўна, маці і дачка **Звягічы** між сабою, калі б у іх не было таго агульнага, што збліжала абедзвюх, – варожасці да суседзяў... З чаго ўсё пачалося, дакладна ўжо не помніў нікто. Цётка Іраіда, сама не ведаючы чаму, пачала паціху-патроху падсыпаць у суседчыну каструльку – пліты стаялі побач – лыжку солі ці грам пургенчыку, замест добрага яйка магла падсунуць у шуфлядку суседкі такое, што ні ў чым не павінная Паліна Фёдараўна атрымлівала ад гаспадара добры наганяй за слепату. А яшчэ можна намазаць тым жа бяскрыўным вазелінам каструльку знізу. Вось табе і яшчэ адна хвіліна радасці, хоць і самой не надта прыемна дыхаць палёным» [9, с. 19–20]. Характарыстычае прозвішча дае адмоўную ацэнку дробязным, помслівым, назойлівым жанчынам, упартым у дасягненні сваёй мэты – адваіваць ад суседзяў «лішнюю» маёмасць і зрабіць ім як мага болей непрыемнасцяў, парадаваўшыся суседскаму гору.

Персанаж апавядання А. Крэйдзіча «Перон для беспрытульных» мае прозвішча **Карчэўскі**, асацыятыўна звязанае з пераносным значэннем дзеяслова **карчаваць** «выкараняць, вынішчаць без астатку» [2, с. 327]. Лейтэнант міліцыі, выконваючы прафесійныя абавязкі, ловіць «тарбешнікаў» – дробных гандляроў-чаўнакоў, якія наносзяць шкоду сацыялістычнай гаспадарцы: «Ніяк нельга вярнуцца без улову. Іначай адразу сядай і пішы рапарт аб звальненні ды зубы на паліцу кладзі» [10, с. 127]. Выконваючы волю начальства, **Карчэўскі** з часам **выкарчоўвае, знішчае** ў сабе чалавечыя пачуцці – спачуванне, шкадаванне, павагу да сяброў. Баючыся даносу калегі, **Карчэўскі** так і не змог адпусціць «злачынцу» – былую аднакласніцу, сваё першае каханне: «эмоцыі, чые б яны ні былі, мала хвалявалі **Карчэўскага**. Ён толькі шкадаваў, што адпусціў учора аднакласніка» [10, с. 129]. Як бачым, прозвішча адпавядае сутнасці персанажа, які, выслужваючыся перад начальствам, забіў, «выкарчаваў» сваю чалавечую сутнасць.

Прозвішча герояў аповесці У. Дамашэвіча «Кожны чацвёрты» **Казак** характарызуе такія якасці людзей, як адвага, мужнасць, уменне знайсці выйсце з самых складаных і небяспечных абставінаў. Метафарычна слова **казак** выкарыстоўваецца як найменне

безразважна смелага, дзёрзкага чалавека, рызыканта. Апелятыўная семантыка прозвішча адпавядае характару кожнага члена сям'і: «Ці ўзяць **Казакоў**: усе да адной душы ў партызанах!» [11, с. 159]. Унутраная форма паэтоніма раскрываецца шляхам апісання жыцця, характару, учынкаў персанажаў. Бацька быў матросам у Петраградзе, падчас ягонай службы было нямаля выпадкаў, «калі ўсю справу вырашала яго адвага, вырашалі секунды. У баі ёсць нейкая няўлоўная хвіліна, калі шалі вагі гатовы пераважыць у любы бок, варта кінуць на адну з іх хоць крупінку» [11, с. 116]. Адважнай дзяўчынай з'яўляецца і Юля **Казак**, якая здолела вырвацца з занятай акупантамі вёскі, дабрацца да партызанаў і стаць байцом атрада разведчыкаў: «А цяпер у атрадзе будзе служыць Юля **Казак**. Думаю, што яна апраўдае сваё прозвішча... Ужо, мне здаецца, апраўдала...» [11, с. 103]. Разведчыкам-рызыкантам быў і Лёнька **Казак**, які загінуў праз сваю па-юнацку безразважную смеласць.

Адзін са шляхоў узнікнення **ўскоснагаваркіх прозвішчаў** – метафарызацыя. Пісьменнікі утвараюць антрапонімы лексіка-семантычным або марфалагічным (суфіксальным) спосабам ад апелятываў, метафарычных значэнні якіх з'яўляюцца ацэнчай характарыстыкай пэўных якасцяў асобы. Сутнасць такіх метафар – у свядомым зруху ў таксаноміі аб'ектаў. «Метафара накладвае вобраз, сфарміраваны адносна аднаго класа аб'ектаў, да прадстаўнікоў другога класа: вобраз ваўка – да чалавека, вобраз будынка – да грамадства» [12, с. 153]. Метафары «жывёла (птушка) → чалавек» маюць ацэнчае значэнне. Хоць самі назвы жывёл і птушак ацэнкі не ўтрымліваюць, але адпаведныя прыметы жывых істот, калі яны прыпісваюцца асобе, набываюць ацэнчаны сэнс.

У аснове прозвішча **Ракіна**, якое мае герайна рамана Г. Марчука «Без ангелаў», ляжыць назва жывёлы, што ў народнай свядомасці замацавалася як сімвал злосці. Заўважым, што на старонках твора ніводнага разу не згадваецца імя герайні. І гэта з'яўляецца паказчыкам адмоўнай ацэнкі **Ракінай** як аўтарам, так і персанажамі. Бязлітасная, бесчалавечная доктар **Ракіна** ў адносінах да пакут хворых людзей. «**Ракіна**, як гаспадыня сваёй лаўкі, строга наказвала: «Калоць камфару толькі таму, хто памірае. Сядзячыя, ляжачыя няхай церпяць» [8, с. 12]. Помслівая герайна і ў адносінах да калег: дзеля таго, каб заваяваць мужчыну, спадцішка дабіваецца пераводу маладзенькай саперніцы ў суседні лагер.

Насычана семантычнымі нюансамі прозвішча **Бабёр**, якое належыць герою рамана Г. Марчука «Кветкі правінцыі». У беларускай міфалогіі **бабёр** – жывёла, якая сімвалізуе багацце, дабрабыт [13, с. 35]. Вобраз працавітага, дбайнага гаспадара асацыятыўна звязваецца з вобразам звярка, асноўны інстынкт якога – будаваць, назапашваць. «Прырода надзяліла **Бабра** шырокім розумам, хуткай кемлівасцю і ўменнем прадбачыць заўтрашні дзень... Ён быў на рэдкасць дбайны гаспадар. Усё збіраў на падворку: пасудзіну, матузкі, старую папругу, драцяныя кручкі ці вобад ад ровара» [8, с. 85]. Прозвішча дае персанажу адабральную характарыстыку.

Сэнсавая нагрузка асобных **прозвішчаў-паэтонімаў** бывае звязана са старажытнымі міфалагічнымі ўяўленнямі пра Сусвет і чалавека. Так, прозвішча адной з галоўных герайн аповесці А. Наварыча «Памалюся Перуну, пакланюся Вялесу...» Лены **Заранок** асацыюецца і з паняццем **Зары-Зараніцы** – старажытнай персаніфікацыяй зары, памочніцы Бога, Сонца, блізкай людзям, учынай да іх просьбаў [13, с. 182], і з прыроднай з'явай – **зарой**, якая на працягу стагоддзяў здзіўляе, захопляе, пабуджае фантазію, прымушае думаць пра высокае, боскае, нябеснае [13, с. 182], і з **Зарніцай** – адной з народных назваў Венеры, зоркі-апякункі закаханых [13, с. 183]. Такія асацыяцыі напаўняюць прозвішча **Заранок** станоўчай экспрэсіяй: «*«Няўжо гэта Лена?» – не паверыў вачам*

Павел. Але яна і змянілася! Расцвіла, як тая Мележава Ганна. Ну не мог ён летась па-любіць дзеўчынку з мазолістымі, як у вярблюда, каленкамі ад вечнага сядзення ў градках. Усяго год прайшоў, і на табе. Што робіцца з дзеўчынкамі-падлеткамі? Яны становяцца фанабэрнымі, нязноснымі ганарліўкамі. Яны круцяць хлопцамі, як хочучь. Куды падзеліся рыскі-кывулякі з падбароддзя? Цяпер, калі Ленка смяялася, яны ўсё ж з'яўляліся, але прыдавалі твару своеасаблівую пікантнасць. Нават вушы дзіўным чынам выпрасталіся. Ды і валасы ў Лены цяпер былі зачасаны па-іншаму. На Паўла глянула ўпэўненая ў сабе жанчына, у якой ёсць свой мужчына. Яна глянула, а Павел Камар нібы ўвесь абмярцвеў – прачытаў у яе вачах, што яна ведае ў свае сямнаццаць пра жыццё больш, чым ён у свае дваццаць тры» [14, с. 158]. Лена – дзеўчына, выхаваная ў сялянскай сям'і. Яна жыве па спрадвечных, нормах маралі: паважае старэйшых, не дазваляе закаханаму ў яе хлопцу абзываць настаўніка мянушкай, страшэнна абураецца, калі даведваецца, што браты Камары пайшлі на падман школьнага гісторыка і вяскоўцаў. Лена прымушае хлопцаў змяніць легкадумнае, безадказнае стаўленне да жыцця і людзей.

Прыкладам ускоснагаваркога оніма з'яўляецца прозвішча галоўнай гераіні аповесці К. Каліны «Бурштынавыя пацеркі». У аснове прозвішча Марыі **Зямелькі** – назва «ўсеагульнай крыніцы жыцця, маці ўсяго жывога, у тым ліку і чалавека. Уяўленні аб **зямлі** цесна звязаныя з паняццем роду, радзімы, краіны» [13, с. 200]. З глыбокай старажытнасці ў свядомасці нашых продкаў «зямля з'яўлялася крытэрыем чалавечай маральнасці» [13, с. 201]. Марыя **Зямелька**, што паходзіць з роду **земляробаў**, прытрымліваецца ў жыцці спрадвечных народных маральных законаў і нормаў. Дзеўчына рупліва працуе, імкнучыся стаць музыкантам, удзельнічае ў самадзейных канцэртах для жыхароў разбуранага пасляваеннага горада і параненых вайскоўцаў. Нягледзячы на слабае здароўе, вольны час Марыя прысвячае адказнай працы – догляду «цяжкіх» хворых у шпіталі: «Кажуць, што на вайне чалавек да ўсяго прывыкае: да посвісту куль, да разрываў снарадаў, да крыві, нават да смерці. Не ведаю, можа, і так... Я не магла прывыкнуць да калецтва ў шпіталі. У мяне начамі балела сэрца, і я прачыналася, піла лякарства, якое зварыла мне бабка Пракса. Яна ведала маё сэрца, ёй нават не трэба было гаварыць, што ў мяне ные. Старая сказала, каб я не так часта прыходзіла дзяжурыць, а то захварэю. Але я не магла ўжо не хадзіць у шпіталь, гэта было маім абавязкам, нават большым, чым абавязак, – патрэбай» [15, с. 148]. Менавіта **Зямелька** словам і справай падтрымлівае сяброўку Надзею ў яе цяжкім і адказным рашэнні – стаць спадарожніцай жыцця сляпога хлопца.

Пісьменнікі, уводзячы ў моўную тканіну гістарычных твораў прозвішчы продкаў, родных і блізкіх людзей, часам разважаюць пра паходжанне антрапонімаў і суадносяць сэнсавую нагрузку оніма з характарыстыкай носьбіта прозвішча. Прыгадваючы прозвішча сваіх продкаў, пісьменнік-філолаг Уладзімір Калеснік разважае пра яго паходжанне: «Маці мая мела прозвішча **Балабановіч**. Яно было настолькі распаўсюджана ў вёсцы, што я ў дзіцячым узросце успрыняў яго як прэстыжнае і пазней доўга, ледзь не да апошніх курсаў педінстытута, не ўлоўліваў у гэтым прозвішчы татаршчыны ў квадраце: **бала-бан, бала-бан...** У беларускай мове **балабонь**, што азначае павярхоўнага безадказнага гаваруна. Можа таму, што носьбіты гэтага прозвішча былі ў вёсцы людзьмі паважанымі, статэчнымі гаспадарамі, мне і ў галаву не магло прыйсці, што лінгвістычная этымалогія прозвішча маёй маці выглядае так непрыглядна» [16, с. 114].

Пісьменнік А. Філатаў расказвае пра паходжанне прозвішча продкаў сябра па трэнерскай і літаратурнай працы Васіля Барболіна: «Да слёз кранае чытача даволі прыстойны праявічны ўступ, своеасаблівая аўтабіяграфія з нізкім-нізкім паклонам ба-

булі Просі «з заможных сялян», дзеду Сяргею «без багацця, без панства», як казалі ў роднай дзедавай вёсцы Бязвусічы пад Прапойскам. Дзеду нават прозвішча землякі да-лі – **Бяспанскі**» [17, с. 98].

Назіральныя людзі, творцы, спасцігаючы сутнасць чалавечай прыроды, нярэдка заўважаюць сугучча паміж сэнсавай нагруккай прозвішча і сутнасцю ягонага носьбіта. Так, А. Філатаў трапна заўважае: «Дзіва, як часам пасуе чалавеку яго прозвішча: вайсковы старшыня – **Халяўка**, судззя – **Судноўскі**, кухар – **Яечня**, інспектар рыбааховы – **Верхаводка**, пчаляр – **Гніламёдаў**, дырыжор – **Скрыпка**» [17, с. 20].

У аповесці В. Жуковіча «Як адна вясна...» выкарыстаны прыём трансфармацыі прозвішчаў рэальных асоб. Так, у прозвішчы добрага, спагадлівага, але строгага куратара Андрэя Андрэвіча **Каленіка**, які стаў для студэнтаў сапраўдным Настаўнікам не толькі літаратуры, але і Жыцця, угадваецца прозвішча Уладзіміра Андрэвіча **Калеснікі**. Як апісанне знешнасці, так і згадкі пра заняткі выкладчыка падказваюць, што прататыпам персанажа аповесці з'яўляецца вядомы берасцейскі літаратуразнаўца і педагог: «Глыбокія залысіны, хударлявы твар, засяроджаны позірк рабілі яго чымсьці падобным да саракагадовага Якуба Коласа. Прыгожую – палоскамі – кашулю ён насіў па-юнацку наростхрыст, выкладваючы буйны шырокі каўнер на пінжак. Гаварыў куратар ціхім голасам – напэўна, таму, што дужа ўнікнёна слухаў і глядзеў. Яго карыя вочы, здавалася, бачылі цябе наскрозь» [18, с. 226–227]. Таленавіты выкладчык шчодро дзяліўся са студэнтамі глыбокімі ведамі і прывіваў ім любоў да літаратуры. Прозвішча выкладчыцы рускага фальклору, прынцыповага партыйца Яніны Францаўны **Бяляўскай** утворана шляхам падбору асновы з антанімічным значэннем да прозвішча прататыпа персанажа твора – выкладчыка Брэсцкага дзяржаўнага педагогічнага інстытута Ядвігі Антонаўны **Чарняўскай**.

Побач з прыёмам адпаведнасці семантыкі прозвішча сутнасці створанага мастацкага вобраза пісьменнікі выкарыстоўваюць прыём кантрасту, калі сэнс оніма супрацьлеглы характару героя. Так, **сокал** у беларускай традыцыйнай культуры сімвалізуе мужчынскі пачатак, мужнасць [13, с. 476]. Зусім не смелым, а бязвольным, бесхарактарным чалавекам з'яўляецца герой рамана Г. Марчука «Сава Дым і яго палюбоўніцы» Міхась **Сокал**. Марчукоўскі персанаж жыве за кошт жонкі, якая нязменна дапамагае герою вырашаць створаныя ім жа самім праблемы. Іранічны эфект ва ўжыванні антрапоніма ствараецца за кошт аманімічнага каламбура. Аўтар абыгрывае семантыку вербальна не выражанага этымона прозвішча **Сокал**, які падказваецца ўжытым у складзе параўнальнага звароту назоўнікам **курыца** і выкарыстаным у кантэксте твора найменнем радзімы **Сокала**, якое таксама з'яўляецца онімам «птушынага» паходжання: «Міхась **Сокал** вось ужо дзесяць гадоў на трактарным заводзе ў Мінску і расхвальваў гэтае сталічнае жыццё, як **курыца** сваё седала» [7, с. 175]; «А што Міхась **Сокал**? Ён далей свайёй **Чыжоўкі** і не выбіраецца. Тут сапраўднае жыццё» [7, с. 213].

Адзін з герояў рамана Г. Марчука «Без ангелаў» названы **Самсонам Гарошкам**. **Самсон** – імя мужаага біблейскага героя, які валодаў надзвычайнай сілай. **Гарошак** (Пакацігарошак) – найменне смелага асілка, персанажа славянскіх казак. Сутнасць марчукоўскага героя супрацьлеглая семантыцы такіх сімвалічных імені і прозвішча. Аўтар падкрэслівае, што **Самсон Гарошка** палахлівы, мітуслівы. Ён пастаянна ўзгадняе свае ўчынкi з ацэнкамі і меркаваннямі начальства, імкнецца абаперціся на больш моцных па характары людзей. Між іншым, менавіта такі чалавек здолеў не толькі ўтрымацца на пасадзе старшыні сельсавета, але і атрымаць павышэнне па службе. Аўтар найменнем свайго героя падказвае чытачу: вось «багатыры», «героі» нашага часу. Яны не ма-

юць цвёрдых перакананняў, падпарадкоўваюцца ўладзе, прыстасоўваюцца да абставін. Толькі такія людзі маглі вытрываць жыццёвыя выпрабаванні і ўзвысіцца ў таталітарнай дзяржаве.

На старонках твораў пісьменнікаў знаходзім прыклады *схаванагаваркіх* прозвішчаў, дыялектныя асновы якіх змяшчаюць у сабе ўказанне на пэўныя якасці персанажа. Да ліку *схаванагаваркіх онімаў* адносіцца прозвішча гераіні рамана Г. Марчука «Вочы і сон» Аляксандры *Батура*. Антрапонім гэты судносіцца з дыялектнай лексмай, якая мае значэнне *‘ўпарты, непаслухмяны’* [19, с. 43]. Семантыка прозвішча цалкам адпавядае характару гераіні – жанчыны з цвёрдымі перакананнямі, здольнай абараніць сваю жыццёвую пазіцыю і выстаць у цяжкіх абставінах. Пані *Батура*, нашчадак знатнага шляхецкага роду, пасля прыходу савецкай улады ў Заходнюю Беларусь застаецца на радзіме, хоць муж яе выязджае за мяжу. У гады Вялікай Айчыннай вайны *Батура*, рызкуючы жыццём, дапамагае партызанам. Безабаронная жанчына знаходзіць сілы супрацьстаяць узброеным мужчынам Старадарожцу і Ліхадзею.

Трапнай характарыстыкай савецкага чыноўніка, героя рамана Г. Марчука «Без ангелаў», з’яўляюцца гаваркое імя і прозвішча старшыні сельсавета *Віцуся Лабунькі*. Імя *Віцусь* паходзіць з лацінскай мовы і азначае *‘той, хто перамагае’* [20, с. 88], а прозвішча *Лабунька* суадносіцца з рэгіянальным словам *лабуніца* *‘падладжвацца ліслівасцю, дагаджаць’*, зафіксаваным у слоўніку У. Даля [21, с. 72]. Былы ўплывовы начальнік, які правініўся нечым у вобласці і быў зняты з высокага паста, *Лабунька* ў вёсцы робіць усё, каб *дагадзіць* кіраўніцтву, *падладзіцца* пад палітычныя ўмовы. Старшыня гаварыў толькі па-руску, абклеіў усе сцены кабінета мноствам самых розных інструкцый, умоў спаборніцтваў. Нават школьны бал становіцца ідэалагічна афарбаваным: дзеці на свяце апранаюцца ў касцюмы *«Праграма КПСС»*, *«Генеральная асамблея ААН»* і інш. У гэтай барацьбе за душы дарослых і дзяцей *Лабунька* часам становіцца *перраможцам*. Некаторыя вяскоўцы (Мікола Тупіца, школьнік Грыня Бяда), забыўшыся на чалавечыя і Божыя законы, здымаюць крыжы з вясковай царквы.

Інфармацыю як пра знешнасць, так і ўнутраную сутнасць персанажа перадае гаваркое прозвішча настаўніка польскай школы, героя рамана «Вяртанне» – *Гвозд*. У апісанні знешнасці героя аўтар падкрэслівае *«постаць сутулую і прыгорбленую»*, *«твар худы і маршчыністы»*, *«сухую і жылістую шыю»* [6, с.174], *«вочы сухія і пагаслыя, шчокі запалыя»* [6, с. 354]. Адна з гераінь рамана, Фёкла, заўважае: *«Здаецца ж свой, рускі. Гвоздзь. Мала што ў палякаў служыць, павінен быў бы паспачуваць, а ён...»* [6, с. 354]. Сэнсавая нагрузка прозвішча пераклікаецца з зафіксаванай у слоўніку У. Даля лексмай *гвоздзіць, гвазжываць, гвоздануць* *‘бить, колотить кого или что, бить по голове’* [21, с. 26]. *Гвозд* жорсткі і бязлітасны да беларускіх вучняў, якіх біў і за брудныя ад працы рукі, і за рускія словы. Прозвішча здаўна было паказчыкам нацыянальнай прыналежнасці, таму пісьменнік часам выкарыстоўвае такі прыём, як *набілізацыя* – «акulturванне» ўласных імёнаў з мэтай стварэння сарказму, іроніі, камізму» [23, с. 80]. У рамана «Вяртанне» сродкам характарыстыкі настаўніка-прыстасаванца, які стаў «палякам», змяніў перакананні, каб зрабіць кар’еру і зарабіць больш грошай, становіцца свядомае змяненне формы прозвішча: *«Да вайны ён працаваў тут жа, у адной з вёсак, у рускай школе. І прозвішча ў яго было Гвоздзев. Цяпер канчаток стаў лішнім і адпаў. І калі Галёнкаў Мікіта аднойчы з ім павітаўся “Здравствуйте!”, зняўшы з галавы шапку, – Гвозд накінуўся на яго: чаму гаворыш па-расійску, а не па-польску! Яшчэ больш сярдзітым станавіўся, калі ў класе чуў ад вучняў мясцовае слова, тады юшыўся, ханпаўся за лінейку і біў “вінаватага” на руках»* [6, с. 174]. *Набілізацыя* ў творы У. Гніла-

мёдава з'яўляецца адным са спосабаў саркастычна-з'едлівай ацэнкі чалавека, які прыстасаваўся да новых палітычных абставінаў, змяніў свае перакананні і «адкарэктаваў» такія важныя складнікі чалавечай асобы, як прозвішча.

Як вядома, антрапанімічная прастора мастацкага твора з'яўляецца адбіткам анамастыкону пэўнай мовы. У творах берасцейскіх пісьменнікаў можна выдзеліць тыя ж разрады прозвішчаў паводле паходжання, якія вылучаюцца ў антрапаніміконе сучаснай беларускай мовы. Па-першае, гэта прозвішчы, утвораныя ад каляндарных уласных асабовых імён. Па-другое, гэта прозвішчы, што ўзніклі ад былых імён-мянушак апелятыўнага паходжання. Прозвішчы першай групы ўтвараюцца галоўным чынам суфіксальнымі спосабам. Яны ўзніклі шляхам далучэння да розных форм асабовых імён спецыяльных прозвішчаўтаральных суфіксаў: -овіч, -віч (*Семяновіч, Глябовіч, Лаўрыковіч, Тамашэвіч*); -оў, -аў, -еў (*Пянкратаў, Ільенкаў, Пракоф'еў, Міхеева, Іваноў*); -ін (*Мішэнін*); -ёнак (*Паўлёнак*); -енка (*Сіманенка, Дарафеенка*); -ук (*Лазарук*); -ік, -чык (*Філіпчык, Савічык, Саўчык*).

Прозвішчы другой групы ўтварыліся ад апелятываў як лексіка-семантычным спосабам (*Каўрыга, Грыва, Бягун*), так і з дапамогай розных суфіксаў (*Губарэвіч, Літвіновіч, Вішнявецкі, Жураўлёва*). У аснове гэтых прозвішчаў ляжаць былыя мянушкі апелятыўнага паходжання, што называюць асобу па розных прыкметах: па сацыяльным становішчы, роду заняткаў, нацыянальнасці (*Ткач, Казакевіч, Ваданос, Літвінава, Чумак, Царык, Ганчарук, Есауленка, Канавалаў, Кавальчук, Вайцяшонак, Бабіч* ('дзіця, якое нарадзілася ў бабкі-навітухі ці ў старой жанчыны') [22, с. 29]), *Кароль, Баярынаў, Мельнічук, Ляшук, Літвінюк, Швед*); па фізічных, разумовых, маральных якасцях (*Тупіца, Багатырэвіч, Харашун, Лобач, Ліхадзей, Бягун, Галавач, Балаболка, Губарэвіч, Нядбайла, Трухан, Лысюк, Карзухіна* (ад *Карзуха* 'бурклівая старая, сварлівы чалавек' [22, с. 102], *Шаўчук, Пахолак* ('сялянскі хлопец, батрак, работнік, слуга, цяльпук, гультай') [22, с. 318]); *Нерабееў, Бузук* (кірг., узб. 'сапсаваны, разбэшчаны, баламут') [22, с. 65]), *Вярзілін, Няцоў, Ламака* ('цяльпук, гультай') [22, с. 243]). Адзначым таксама прозвішчы, утвораныя ад мянушак – назваў птушак, жывёл, насякомых і іх частак, з'яў прыроды (*Бабёр, Карп, Сарока, Лось, Карась, Шчука, Ракіна, Дрозд, Сокал, Зямелька, Ваўчэцкі, Крыловіч, Граковіч, Мурашка, Зязюля, Ракіна, Карась, Раковіч, Караед, Зуб, Галёнка, Каленік, Гезава* (гез польск 'авадзень') [22, с. 107]), *Цыбуля, Голуб, Гарох, Рэпін, Крыніцкі, Гусак, Камар, Цыбульскі, Шчука, Сычоў, Сарокін*) і ад назваў прадметаў побыту, адзення, абутку, страў (*Каўрыга, Шыла, Рагожска, Кісялёў, Кіцель, Цялегіна, Галушка, Стаўбун* ('гліняная банка') [22, с. 390], *Кужаль, Латушка* ('невялікая гліняная місачка з загнутымі ўнутр краямі', 'місачка гліняная ці з дрэва') [22, с. 247], *Шпунт, Кляновік, Блінаў, Пробкін, Сапажкоў, Крандзялёў*). Асобна вылучым групу прозвішчаў тапанімічнага паходжання, утвораных суфіксальнымі спосабам: *Мяшчэрскі, Туравец, Асколка* (продкі героя – выхадцы са Старога Аскола). Як бачым, у гістарычнай прозе пісьменнікаў-берасцейцаў прозвішчы-паэтонімы выражаюць мастацкую і грамадзянскую пазіцыю пісьменнікаў, іх адносіны да герояў, да пэўнага тыпу асобы, да жыццёвага факта, падзеі, з'явы.

Функцыі прозвішчаў у кантэксце гістарычнай прозы берасцейскіх пісьменнікаў

Мастацкія творы з'яўляюцца свайго роду адбіткам жыцця. Таму, як і ў жыцці, антрапонімы ў мастацкім тэксце выконваюць *ідэнтыфікуючую* функцыю, вылучаючы асобу як члена сацыуму. Найперш гэтую ролю адыгрываюць імёны і прозвішчы рэаль-

ных гістарычных асоб, якіх дастаткова многа ў творах берасцейскіх аўтараў. Сродкам адлюстравання гістарычнага каларыту ў прозе сучасных пісьменнікаў з'яўляюцца прозвішчы палітыкаў (*Тэльмана, Брандлера, Пілсудскага, Леніна, Луначарскага, Маркса, Тарашкевіча, Варашылава, Ластоўскага, Дзяржынскага, Рака-Міхайлоўскага*), ваеначальнікаў (*Фрунзэ, Махно, Тухачэўскага, Блюхера, Сікорскага, Урангеля, Калчака, Балаховіча*). Рэальныя постаці мінуўшчыны – гэта гістарычны «кантэкст» мастацкага палатна, жывое асяроддзе, найбольш выразны і праўдзівы фон дзеяння.

Галоўная функцыя паэтонімаў, якія з'яўляюцца найважнейшым сродкам стварэння мастацкага вобраза, – *паэтыкаанамастычная (мастацкая)*. У складзе гэтай функцыі, на думку І.М. Петрачкавай, вылучаюцца *характарыстычны, ідэйны (ідэалагічны), стылістычны, сацыяльны* кампаненты [24, с. 6–7].

Выконваючы *характарыстычную* функцыю, прозвішчы даюць чытачу інфармацыю пра знешнасць аб'екта характарыстыкі (*Грыва, Багатырэвіч, Малечка*), пра маральныя якасці героя (*Ліхадзей, Нядбайла, Злобін, Горыч, Ракіна, Казак*), пра асаблівасці маўлення індывіда (*Балаболка*).

Ідэалагічны складнік мастацкай функцыі заключаецца ў тым, што праз імёны персанажаў аўтар адцяняе ідэалагічны падтэкст, цесна звязаны з агульнай ідэяй твора. Так, у раманах «Вочы і сон», «Без ангелаў», «Год дэманаў» праз пасрэдніцтва прамагаваркіх прозвішчаў, якія называюць прадстаўнікоў улады (*Ліхадзей, Старадарожца, Нядбайла, Свістун, Злобін*), Г. Марчук паказвае, што кіруюць дзяржавай амаральныя, бязлітасныя, абыякавыя да чалавечых праблем людзі. Прозвішча *Бяда*, якое мае галоўны герой рамана «Без ангелаў», – адзін са сродкаў, што дапамагае перадаць трагедыю пакалення духоўна скалечаных, атручаных ідэалогіяй людзей-рабоў.

Стылістычны кампанент мастацкай функцыі паэтонімаў заключаецца ў тым, што характарыстычныя онімы не толькі называюць персанажаў, але і даюць ім станоўчую (*Харашун, Уладыкін*) або адмоўную (*Булька, Свістун, Тушканчыкаў, Нядбайла, Ліхадзей*) ацэнку. Акрамя таго, паэтонімы перадаюць дастаткова шырокі спектр эмоцый. Гэта захапленне (*Уладыкін*), жартаўлівасць (*Тушканчыкаў, Сокал, Гарошка*), пагарда (*Гадаў*) і інш.

Сацыяльная функцыя антрапонімаў у творах пісьменнікаў – гэта ўказанне праз пасрэдніцтва імён на месца персанажаў у сацыяльнай іерархіі. Так, у айчынным літаратуры склалася традыцыя ўжывання прозвішчаў на *-скі/-цкі* як паказчыкаў прыналежнасці носьбітаў такіх найменняў да вышэйшага саслоўя. Гэтую традыцыю працягваюць і сучасныя пісьменнікі. Так, у раманах Г. Марчука «Крык на хутары» ўзнаўляюцца падзеі, што адбываюцца ў Заходняй Беларусі напярэдадні вайны. Амаль усе прадстаўнікі шляхецкага саслоўя ў творы маюць прозвішчы на *-скі/-цкі*: *Вішнявецкі, Шыдлоўскі, Граноўскі, Яворскі, Маціеўскі, Шэпціцкі, Дэмбіцкі, Мяціцкі, Красіцкі*.

Размежаванне *характарыстычнай, ідэалагічнай, сацыяльнай, стылістычнай* функцый з'яўляецца ўмоўным, бо прозвішчы персанажаў найчасцей выконваюць некалькі розных функцый адначасова.

Заклучэнне

Навізна праведзенай працы заключаецца ў тым, што ў сферу праблемнага поля анамастычных даследаванняў уведзены новы, не разгледжаны да гэтага матэрыял. У працы прадстаўлены комплексны міждысцыплінарны падыход да вывучэння прозвішчаў-паэтонімаў, які заключаецца ў разглядзе моўных фактаў на фоне культурна-гістарычнай інфармацыі.

Гістарычная проза – гэта арыгінальнае мастацтва слова з пэўнымі адметнасцямі арганізацыі моўнага матэрыялу, сярод якіх асаблівасці ўжывання паэтонімаў з’яўляюцца прыкметным складнікам пісьменніцкага майстэрства.

Гістарычная проза берасцейскіх аўтараў вызначаецца стылістычна матываваным ужываннем такіх антрапанімічных адзінак, як прозвішчы. Найважнейшымі рысамі антрапанімікону твораў гістарычнай тэматыкі з’яўляецца адпаведнасць выбраных для ідэнтыфікацыі і характарыстыкі персанажаў прозвішчаў часу і этнакультурнаму рэгіёну, у якім разгортваюцца падзеі, шырокае выкарыстанне прозвішчаў рэальных гістарычных асоб, якія фарміруюць фон дзеяння, а таксама адпаведнасць сэнсавай нагрукі і формы прозвішчаў-паэтонімаў словаўтваральным тыпам і мадэлям антрапонімаў XX ст.

У кантэксце гістарычнай прозы пераважаюць ускоснагаваркія прозвішчы-паэтонімы. «Затушаваная» ўнутраная форма такіх антрапонімаў раскрываецца, дзякуючы такім сродкам, як характарыстыка ўнутранага свету, апісанне ўчынкаў герояў у сюжэтным дзеянні. Эмацыяна-ацэначная вобразнасць прозвішчаў літаратурных герояў абумоўлена наяўнасцю прынятых у грамадстве этычных і эстэтычных нормаў.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Магазаник, Э. Б. Ономапэтика, или «говорящие имена» в литературе / Э. Б. Магазаник. – Ташкент : Фан, 1978. – 148 с.
2. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : Больш за 65 тыс. слоў / І. М. Бунчук [і інш.] ; пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – Мінск : Беларус. Энцыкл, 1996. – 784 с.
3. Марчук, Г. Кветкі правінцыі : раман, навелы, афарызмы / Г. Марчук. – Мінск : Маст. літ., 2004. – 416 с.
4. Марчук, Г. Крык на хутары. Кветкі правінцыі / Г. Марчук. – Мінск : Юнацтва, 1998. – 494 с.
5. Гніламёдаў, У. В. Расія : раман / У. В. Гніламёдаў. – Мінск : Маст. літ., 2006. – 672 с.
6. Гніламёдаў, У. В. Вяртанне : раман / У. В. Гніламёдаў. – Мінск : Маст. літ., 2008. – 429 с.
7. Марчук, Г. Вочы і сон. Сава Дым і яго палюбоўніцы / Г. Марчук. – Мінск : Маст. літ., 1990. – 381 с.
8. Марчук, Г. Без ангелаў : раман, апавяданні / Г. Марчук. – Мінск : Маст. літ., 1993. – 256 с.
9. Сянкевіч, М. Хутар Паянтрыі : апавесць, апавяданні, абразкі / М. Сянкевіч. – Брэст : Лаўроў, 2002. – 207 с.
10. Крэйдзіч, А. Параненыя мары : п’еса, апавяданні, мініяцюры / А. Крэйдзіч. – Брэст : Брэсц. друкарня, 2002. – 223 с.
11. Дамашэвіч, У. Кожны чацвёрты : апавесць / У. Дамашэвіч. – Мінск : Маст. літ., 1991. – 145 с.
12. Апресян, Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря / Ю. Д. Апресян // Прагматика и проблемы интенциональности : сб. науч. тр. / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 1988. – С. 7–45.
13. Беларуская міфалогія : энцыкл. слоўнік / С. Санько [і інш.] ; склад. І. Клімковіч. – 2-выд., дап. – Мінск : Беларусь, 2006. – 599 с.

14. Наварыч, А. «Памалюся Перуну, пакланюся Вялесу...» / А. Наварыч // Адзінкі васьмікласнік жадае пазнаёміцца : аповесці / уклад. М. Н. Мінзер. – 2-е выд. – Мінск : Літаратура і Мастацтва, 2011. – С. 88–174.
15. Каліна, К. Крылаты конь : аповесці, апавяданні / К. Каліна. – Мінск : Маст. літ., 1989. – 145 с.
16. Калеснік, У. Доўг памяці / У. Калеснік. – Брэст : Брэсц. друкарня, 2005. – 548 с.
17. Філатаў, А. Г. Страла жыцця : мініяцюры, апавяданні, народны гумар, аповесці, вершы / А. Г. Філатаў. – Брэст : Брэсц. друкарня, 2007. – 248 с.
18. Жуковіч, В. Як адна вясна... : аповесць / В. Жуковіч. – Мінск : Маст. літ., 1980. – 272 с.
19. Сцяшковіч, Т. Ф. Слоўнік Гродзенскай вобласці / Т. Ф. Сцяшковіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – 671 с.
20. Барыс, С. Як у нас клічуць? Беларуска імяны / С. Барыс. – Мінск : Медысон, 2010. – 124 с.
21. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1978–1980. – Т. 2. – 1979. – 779 с.
22. Бірыла, М. В. Беларуская антрапанімія : Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі / М. В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1969. – 508 с.
23. Шур, В. Онiмы ў творах Якуба Коласа : паказчыкі і актуалізатары дадатковых адценняў значэння / В. Шур // Роднае слова. – 2006. – № 6. – С. 23–26.
24. Петрачкова, И. М. Значимость имени собственного в художественном тексте (на материале современной русской прозы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10. 02. 02 / И. М. Петрачкова ; Беларус. гос. ун-т. – Минск, 2003. – 21 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 19.10.2016

But-Gusaim S.F. Talking Surnames in the Context of Historical Prose by Contemporary Brest Writers

The article views the surnames of characters used in the historical prose by contemporary Brest authors. The origin of anthroponyms is given attention to. The author singles out and describes the types of poetonyms (poetic names) according to the degree of their semantic activity. Special attention is given to the role of context in showing semantic and emotional-expressive opportunities of poetonyms (poetic names). The article describes the functions of surnames of the characters in the works of literature. The main rules of the choice and usage of poetonyms (poetic words) in historical prose are defined.

В СЛУЖЕНИИ ДОЛГУ, НАУКЕ, ОБРАЗОВАНИЮ
(к 75-летию профессора И.И. Котляра)

Одно из самых великих наших достояний – это радость научного творчества, общение с выдающимися людьми. Именно такие чувства удалось испытать на семинаре-презентации научных, просветительских, образовательных трудов, посвящённом творчеству профессора кафедры политологии и социологии Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина Ивана Ивановича Котляра, известного учёного и признанного педагога, организованного в честь его семидесятипятилетнего юбилея.

И.И. Котляр родился 15 июня 1941 года. В 1964 г. он окончил историко-географический факультет Могилевского пединститута, получив специальность «Учитель истории и географии». Долгое время Иван Иванович плодотворно работал на государственной службе, а с 1986 г. работает в Брестском государственном университете имени А.С. Пушкина.

Спектр научных интересов Ивана Ивановича очень широк: это проблемы прав человека, их философско-методологические основания, концептуальное закрепление и приложение к общественно-политической жизни в нашей стране. Это также проблемы развития социальных и политических процессов в нашей стране и в России, решая которые, профессор Котляр подробно и глубоко анализирует их сущность и проявления, предлагает конкретные практические решения существующих проблем, разрабатывает модели социально-политического устройства в наших странах.

Очень достойно представил себя наш юбиляр на ниве учебно-педагогической деятельности. Достаточно назвать здесь четыре издания учебника «Права человека». Учебное пособие «Права человека», изданное в 2002 г., получило высокую оценку многих специалистов в области прав человека как в нашей стране, так и за рубежом: в России, Польше, Украине. Кроме этих трудов автор выпустил много учебно-методической литературы для всех интересующихся данной проблематикой.

Список научных и учебно-методических работ И.И. Котляра впечатляет: в нём более 180 наименований.

Следует отметить широкую организаторскую работу Ивана Ивановича в области научной и педагогической деятельности. Организация образовательного Центра по правам человека, постоянно действующего Межвузовского научно-методического семинара по правам человека, множества научных конференций – несомненная, неоспоримая его заслуга. И.И. Котляр также внес значительный вклад в реализацию плана действий ООН Десятилетия образования в области прав человека (1995–2004 гг.).

Тепло и внимательно Иван Иванович относится к своим студентам, которым он щедро передаёт свои богатые знания. Множество учебных и научных работ в студенческой среде, проводящихся под руководством педагога, организация научных студенческих конференций с неременной публикацией их результатов, интересные, творческие, развивающие личность студентов лекции и семинарские занятия – вот тот неполный список видов педагогической деятельности нашего выдающегося земляка.

Пока не все идеи профессора Котляра приняты и реализованы. Как следствие, в системе высшего образования до сих пор нет ни лабораторий по изучению прав человека, ни кафедры прав человека. Приходится преодолевать немало препятствий, однако ему всегда помогало осознание того, что, как писал Вольтер, «не бывает великих дел без великих препятствий». Любимое изречение Ивана Ивановича – «Лучше зажечь одну свечу, чем всю жизнь проклинать тьму». В области научных исследований, образования, просвещения он зажег не один светильник.

Научная, педагогическая, организаторская деятельность профессора И.И. Котляра получила международное и республиканское признание. Он награжден Почетным дипломом чести Международного биографического центра в Кембридже (Англия), биографические данные об учёном и педагоге опубликованы в изданиях международного биографического центра «200 выдающихся мыслителей XXI века», «Выдающиеся учёные XXI века», других энциклопедиях и словарях, его биографические данные также опубликованы в «Белорусской энциклопедии». За многолетнюю результативную научно-исследовательскую деятельность, достигнутые результаты в подготовке высококвалифицированных специалистов он награжден Почётной грамотой Министерства образования Республики Беларусь.

Профессору И.И. Котляру исполнилось 75 лет. Его коллеги и ученики уверены: этот уникальный человек не будет останавливаться на достигнутом. Подвижник, новатор, труженик, он по-прежнему одержим новыми идеями, проектами, планами, которые ждут своего практического воплощения. Пожелаем же ему крепкого здоровья, дальнейших творческих успехов, великих свершений на ниве научной и образовательной деятельности.

*А.Л. Куши
канд. филос. наук, доц., сотрудник Института философии
Национальной академии наук Беларуси*

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мове ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша, у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармата А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадкавы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Узораў афармлення бібліяграфічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертацыі і аўтарэфераце, зацверджаных загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 08.09.2016 № 206. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад, [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК (выраўноўванне па левым краі);
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў) (выдзяляюцца паўтлустым шрыфтам і курсівам; выраўноўванне па цэнтры);
- звесткі пра аўтара (навуковая ступень, званне, пасада);
- назва артыкула (друкуецца вялікімі літарамі без пераносаў; выраўноўванне па цэнтры);
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
- звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы артыкула ўнізе;
- асноўны тэкст, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАКа да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з пастаўленымі мэтай і задачамі; Асноўная частка, тэкст якой структуруецца падзагалоўкамі (назва раздзела «Асноўная частка» не друкуецца); Заключэнне, у якім сцісла сфармуляваны асноўныя вынікі даследавання, указана іх навізна);
- спіс выкарыстанай літаратуры;
- рэзюмэ на англійскай мове (курсіў; да 10 радкоў, кегль – 10 pt.): назва артыкула, прозвішча і ініцыялы аўтара/аўтараў, тэзісны пераказ зместу артыкула; у выпадку калі аўтар падае матэрыял на англійскай мове, рэзюмэ – на рускай ці беларускай.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на беларускай мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнаасцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, паштовы і электронны адрасы для перапіскі і кантактныя тэлефоны);
- выписка з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе/вучыцца аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Рукапісы, афармленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Карэктары *С.Ф. Бут-Гусаім, Л.М. Калілец*
Камп'ютарнае макетаванне *С.М. Мініч, Г.Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 30.12.2016. Фармат 60×84/8. Папера афсетная.
Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 27,20. Ул.-выд. арк. 22,18.

Тыраж 100 экз. Заказ № 536.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі № 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.